

Рассоха И. Н.

Финикийская философия и Библия

*** * ***

Открытие финикийцами Америки

Харьков - 2009

ББК 87.2

ISBN 978-966-695-130-7

Рассоха И. Н. Финикийская философия и Библия. Открытие финикийцами Америки. - Харьков: ХНАМГ, 2009. – 388 с.

В этой книге миру впервые открывается неизвестная страница духовной истории человечества - финикийская философия. Она стала основанием всей мудрости Запада - как философии и науки древней Греции, так и учения Ветхого Завета. В работе «Открытие финикийцами Америки» автор приводит доказательства открытия финикийцами Америки и их духовного влияния на индейцев Мексики. Для всех, кто интересуется философией и стремится самостоятельно мыслить.

Рецензенты:

Л. В. Стародубцева – профессор Харьковской Национальной академии культуры, доктор философских наук

И. З. Цехмистро – профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, доктор философских наук

Г. В. Билык – профессор Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина, доктор философских наук

© Рассоха И. Н.

Содержание

Финикийская философия

1. Введение

- 1.1. Что значат слова «финикийская философия»....с. 6
- 1.2. Общая аргументация и источники.....с. 17
- 1.3. Состояние проблемы.....с. 24
- 1.4. Методология и структура работы.....с. 31

2. Финикия - первое в истории современное общество

- 2.1. "Раннекапиталистические" общества.....с. 43
- 2.2. Древние Афины как современное общество.....с. 46
- 2.3. Современные черты общества Финикии.....с. 55
- 2.4. Финикийская культура.....с. 63
- 2.5. Об открытии финикийцами Америки.....с. 73

3. Библия как творение финикийцев

- 3.1. Этническое единство евреев и финикийцев.....с. 83
- 3.2. Финикийские корни движения библейских пророков.....с. 89
- 3.3. Книги Экклезиаста и Притчей как политическая агитация.....с. 97
- 3.4. Книга Экклезиаста как философский текст.....с. 109
- 3.5. Книга Иова и «сыны Кореевы».....с. 119

4. Ранняя греческая философия как перевод с финикийского

- 4.1. Влияние финикийцев на культуру архаической Греции.....с. 133
- 4.2. Ферекид и Пифагор - ученики финикийцев.....с. 141

4.3. Финикийские корни греческой философии и науки в целом.....с. 148

4.4. Астрономия, «Великий Год» и «божественные светила».....с. 155

5. Финикийская философия

5.1. Финикийская философия как исторический феномен.....с. 165

5.2. Санхунйатон - гениальный финикийский мыслитель.....с. 171

5.3. Буквенно-числовой атомизм и вера в переселение душ.....с. 180

5.4. Учение стоиков и финикийская философская теология.....с. 194

5.5. О духовном влиянии финикийцев на индейцев Мексики.....с. 203

5.6. О происхождении образа Сатаны.....с. 211

6. Судьба и значение финикийской культуры

6.1. Куда делась финикийская цивилизация.....с. 226

6.2. Финикийцы и христианство.....с. 235

6.3. «Египет – родина мудрости».....с. 242

6.4. В целом о корнях финикийской философии и теологии.....с. 258

6.5. **Заключение:** Финикия - родина мудрости Запада.....с. 271

Литература.....с. 276

Аннотация.....с. 290

Открытие финикийцами Америки

1. Античные источники об открытии финикийцами Америки.....	с. 294
2. Археологические и ботанические данные о связях финикийцев с Америкой.....	с. 318
3. Легенда о Кецалькоатле как исторический источник.....	с. 334
4. Что знали античные ученые об индейцах?.....	с. 348
5. Выводы.....	с. 362
Литература.....	с. 365
Аннотация.....	с. 370
Вместо послесловия.....	с. 372

Summary

Phoenician philosophy.....	с. 379
The discovery of America by the Phoenicians.....	с. 382
Contents.....	с. 384

Финикийская философия и Библия

1. Введение

1.1. Что значат слова «финикийская философия»

Название данной работы нуждается в подробном разъяснении. Во-первых, это касается слова «финикийская». Далее речь пойдет, безусловно, о территории Древнего Ливана (Финикии), о ее городах и живших в них мыслителях. Финикийцы – это также жители многочисленных финикийских колоний. Среди них огромную роль в мировой истории сыграл Карфаген – самый грозный соперник Рима. Но помимо этого речь пойдет и о древних *евреях*, которые говорили с финикийцами (ханаанеями) на одном языке и имели с ними общую литературу. Различие между древними евреями и финикийцами было примерно как между греками-дорийцами и греками-ахейцами. Т. е. финикийская философия – это еще и древнееврейская философия. Вообще же Ханаан – это еще и современные Сирия и Иордания. Соответственно, более точным было бы название «*философия Древней Передней Азии*». Тем более, что наряду с финикийцами и евреями здесь упоминаются также Египет и Вавилон, отчасти повлиявшие на формирование финикийской философии.

Оправданием для этого названия все же служит то, что можно с уверенностью постулировать зарождение философии именно в городах собственно Финикии – Сидоне и Берите (и, возможно, также в Тире и Библе). Т. е. это название имеет тот же смысл, что и характеристика ранней греческой философии как «ионийской» - по имени таких городов греческой Ионии, как Милет, Эфес и Самос. Показательно, что на Востоке всех греков в древности называли «яванами» – ионийцами. Так же,

как Иония была родиной Фалеса, Анаксимандра, Гераклита и Пифагора, Финикия была родиной Моха и Санхунйатона (а отчасти и тех же Фалеса и Пифагора).

В еще более подробном разъяснении нуждается и употребление здесь термина «философия». **Что есть философия** – сам по себе вопрос весьма философский. Так, в новейшем украинском философском словаре этому определению посвящена целая страница довольно многословного текста. Краткий конспект: «По своему основному содержанию философия выполняет роль мировоззрения. (...) Но философия отличается от других форм мировоззрения, в частности от мифологии и религии, которые опираются на верования и фантастические представления о мире и людском бытии, от бытового мировоззрения, отличающегося традициями и непосредственным жизненным опытом, от художественных форм мировоззрения, основанных на чувственно-образном изображении действительности. (...) Философия строит свою картину мира и места в нем человека на основе теоретического осмысления общественно-исторического опыта, достижений культуры и результатов научного познания, используя рационально-понятийные формы построения мировоззренческих систем и логические методы их обоснования» [108, с. 670].

Если попробовать понятно сформулировать суть этого определения, то останется такая идея: **философия – это рационально построенное и логически обоснованное мировоззрение**. Правда, тут же возникает масса вопросов. Во-первых, существует ли объективный **критерий** логичности и рациональности? Например, у психиатров есть понятие «систематизированный бред». Во-вторых, если мифология опирается на «фантастические представления о мире и людском бытии», то где критерий этой фантастичности? Кому-то

представляется фантастикой вера в непорочное зачатие Иисуса Христа, кому-то – вера в построение рыночного общества равных возможностей, а кому-то – вера в то, что «Ленин жил, Ленин жив, Ленин будет жить!». Другие же (и даже профессиональные философы) считают некоторые из подобных положений существенной частью своего мировоззрения. И при этом каждый из них искренне полагает, что «строит свою картину мира и места в нем человека на основе теоретического осмысления общественно-исторического опыта, достижений культуры и результатов научного познания».

Поэтому достаточно распространено определение философии как *любого человеческого мировоззрения*, если его можно как-то связно изложить и при этом оно интересно для других людей. Подобное представление распространено и среди некоторых профессиональных философов, особенно историков философии. Исчерпывающе выразил эту точку зрения М. Леон-Портилья, автор посвященной древним ацтекам книги «Философия нагуа»: «Мы находимся на таком этапе, когда “философия” рассматривается как ряд положений, которые чем непонятнее, тем лучше. Эта самая человеческая наука, хотя она и получила неправильное название, представляет собой лишь попытку объяснить и понять основные проблемы существования. Любой человек с необходимостью философствует, но не обязательно в тех же формах, что Платон и Аристотель, Будда и Вивекананда. Каждой культуре свойственна своя, особая и непередаваемая форма видеть мир, видеть то, что стоит над миром, и самое себя. Было бы интересно рассмотреть то, что думали об этом люди, жившие на этой земле в предыдущие века. Их систематизированные мысли, эмоции, представления и интимные видения и будут их философией» [53, с. 8].

Поскольку таким образом можно систематизировать мысли и интимные видения любых представителей любых народов, то тогда вполне имеют право на существование «философия бушменов», «философия австралийских аборигенов», «философия прапорщиков конвойной службы», «философия бомжей со свалки № 7» и т. п. И действительно, книг вроде «Философия народов банту» или «Философские взгляды писателя N» издано множество. По-своему они, конечно, полезны. Но при этом как-то теряется тот смысл, который мы интуитивно вкладываем в само понятие «предмет философии».

Поэтому часто различают «философию в широком смысле» и **«собственно философию»**. Такой точки зрения придерживается К. Ясперс: «Философия в более узком смысле. Хотя историю человека можно назвать историей философского человека, наше внимание все-таки направлено на тех немногих, которые зовутся философами. Это те, кто сделали жизнь в мысли своей профессией и предают свое мышление гласности в своих произведениях. Это – великие знающие» [109, с. 188]. – До чего же все-таки приятно пообщаться с такими умными, красивыми и, главное, скромными людьми, как Карл Ясперс! Я и сам такой... Да и определение **«философы - те, кто сделали жизнь в мысли своей профессией»** сразу отсекает всех бушменов, бомжей, беллетристов и пр.

Но и это определение, на наш взгляд, нуждается в уточнении. Профессия – это не просто главное занятие в жизни человека. Можно, например, всю жизнь глядеть в потолок. Профессия – это **всегда** то занятие, которое делает человека **полезным для других людей**.

Чтобы систематизация мировоззрения могла быть профессией, необходимо действительно «предавать свое мышление гласности». Причем К. Ясперс не совсем прав, когда прибавляет к этому формулировку «в своих произведениях». С

одной стороны, произведения некоторых людей, почитающих себя философами, другим людям и даром не нужны. Значит, это не философия. С другой стороны, некоторые философы (и среди них Сократ!) вообще ничего не написали. Но и Сократ, и абсолютно все прочие философы *учили людей* своему мировоззрению. Причем даже если мы преподаем историю философии, мы все равно учим людей своему мировоззрению, *своему* видению истории философии. Учить же других людей можно как устно, так и через свои произведения. А значит, получаем такое определение профессионального философа: *философ – это человек, у которого основным полезным для других людей занятием является обучение других своему мировоззрению*. При этом К. Ясперс прав в том, что в любом случае после философа должны остаться излагающие его мировоззрение философские *тексты* – неважно, написаны ли они лично им или его учениками.

Как видим, теперь мы получили четкий *количественный критерий* «философичности» любого мировоззрения: насколько другие люди считают его для себя полезным и хотят ему научиться. Человек тем больше философ, чем больше людей обучалось его мировоззрению. Между прочим, это близко к принятому в науковедении критерию индекса цитируемости. Кстати, если посмотреть в Именной указатель любого нормального философского словаря, то по количеству ссылок тоже можно довольно точно определить значимость того или иного мыслителя – по крайней мере, для составителей данного философского словаря.

Такое определение философии как профессии очень полезно и с точки зрения определения того момента, когда из не-философии возникает философия. Поскольку *профессиональная философия сначала возникла в нерасчлененном единстве с наукой вообще*, постольку

критерий «обучение других людей» годится для них обоих: «Одним из условий возникновения математики как автономной науки в пифагорейских кружках было несомненное наличие в них учебного процесса. (...) Школьный характер античной науки (и не только античной. – И. Р.) – ее основная примета и особенность наряду с сакрализацией самой научной деятельности в рамках школы» [110, с. 35, 42]. Итак, профессиональная философия – это всегда **учение**, содержащее личное мировоззрение философа.

По нашему мнению, слово «учение» само предполагает **понятийно-логическую форму мировоззрения** в отличие от образно-эмоциональной, т. е. то, что связано с левым, а не с правым полушарием нашего мозга. «Определить философию – значит правильно указать ее ближайший род и ее видовое отличие. Ближайшим родом философии нам представляется мировоззрение. (...) Мы говорим о двух уровнях духовного освоения мироздания: 1) образно-представленческо-ассоциативно-эмоциональном и 2) понятийно-категориально-рассудочном. (...) Мировоззрение второго уровня нам представляется философским. (...) Системность и рационализированность – таковы те главные видовые отличия, которые и определяют философию» [116, с. 49].

Но в таком случае перед нами снова встает тот же вопрос: как отделить тексты философских учений от текстов мифологических учений и текстов религиозных учений? Те ведь тоже по-своему системны и рационализированы, содержат мировоззрение и направлены на обучение людей. – На этот вопрос разные философы и сегодня дают различные ответы.

Очень убедительно мнение, изложенное А. М. Кривулей: **«Философия есть выраженное в понятиях знание о мире и человеке**. Может возникнуть вопрос: а разве мифологическое и религиозное мировоззрение формируются целиком без участия

разума, неужели в них нет ничего разумного? Да, обычно в мифе и религии тоже есть разумное начало, но они, скорее, создания коллективного разума, результаты которого не всегда осознаются отдельной личностью, не подлежат критической оценке, а принимаются на веру. Кроме того, то разумное, что в них все же есть, подается не в прямой форме, а скрывается за фантастическими образами. (...) Философия связана с *личной* критической мыслью каждого отдельного мыслителя, а это значит, что возникновение философии связано с формированием отдельного субъекта познания» [115, с. 9-10]. – Иными словами, философия «в узком смысле» возникла тогда, когда появились люди, которые взялись обучать других своему *личному* мировоззрению.

Так мы получаем прекрасный дополнительный критерий отличия философии от не-философии: философ учит других своему личному мировоззрению, *самостоятельно выработанному им самим*. Тем самым сразу отсеиваются все безличные записи традиционных мифологических текстов, а также все основатели и пророки религий (например, Мухаммед) и многие мистики: ведь их мировоззрение получено ими *в готовом виде извне*, например, непосредственно от Бога. Подобные люди – не творцы, а всего лишь «ретрансляторы». Это не их личная мудрость, это не продукт их собственного мышления. *Они не берут на себя ответственность за создание* своего учения: оно в них лишь «вложено» или им передано. Именно так следует понимать высказывание Гегеля: «Философия в собственном смысле – мысль, опирающаяся на самое себя» [117, с. 86].

Итак, можно дать следующее определение философии как особой профессиональной сферы культуры: *Философия есть (1) мировоззрение, т. е. общие представления о мире и человеке, (2) выработанное самостоятельно и лично от*

своего имени, (3) изложенное в понятийно-логической форме, (4) с целью обучения ему других людей, и (5) многим людям интересное.

По нашему мнению, данное пятичастное определение философии вполне **достаточно** для четкого выделения философии из других форм мировоззрения. В частности, оно жестко отсекает сколь угодно утонченные жреческие квазифилософские тексты тех же ацтеков, египтян, бамбара, полинезийцев, Веды, Упанишады, – **все** тексты с намеренно скрытым или божественным авторством.

Но при этом необходимо прояснить еще три спорных момента. Во-первых, необходимо возразить тем, кто проводит жесткую грань между философией и религией. Если человек в понятийно-логической форме и от своего имени излагает выработанное им самостоятельно **религиозное** мировоззрение, то такой текст тоже есть **философия**. Вообще среди известных философов атеисты были редкостью. Так что в этом смысле следует считать философией и, скажем, «Розу мира» Д. Андреева и даже писания Карлоса Кастанеды – насколько они подаются как осмысление им самим своего уникального онтологического опыта. Кастанеда четко заявлял, что пытается **думать сам**. Значит, он тоже философ – по ведомству нетрадиционной онтологии. Вообще если мистический опыт передается в рациональной понятийной форме, то это уже не мистический опыт: мистика есть интимное и **неизъяснимое** общение с Запредельным. Сложнее с Буддой: в отличие от западных пророков он испытал «озарение» лично и самостоятельно, хотя это «озарение» и пришло к нему извне. В общем, тут как раз пограничная ситуация. Гесиод в философы не попадает: он лишь упорядочил уже существовавшие до него мифы. А вот представителей христианской патристики и схоластики необходимо как раз записать в философы: они

рационально излагают собственное мировоззрение. Вообще-то историки философии стихийно так и поступают. Но для нас здесь важно подчеркнуть один простой факт: *религиозный мыслитель и даже жрец вполне может быть философом.*

Второй момент – попытки отделить философию от мифологии по качественному (смысловому) содержанию текста. Но еще раз повторимся: жесткой грани здесь в принципе не существует. По нашему мнению, наиболее адекватное определение мифа: «Миф – это то, во что серьезно верят (верили) другие люди, но во что не верим мы» [81, с. 10]. Т. е. миф – понятие *относительное*, релятивное. Наша святая правда и очевидная научная истина – для кого-то есть «на самом деле» дурацкий миф. Так, доблестные советские психиатры изобрели даже специальный диагноз «философская интоксикация».

Текст из книги 1967 г. «Психозы и религия»: «Бредовые идеи всегда возникают на болезненной основе и представляют собой извращенное суждение об окружающей действительности. Так, агроном Щ. в возрасте 38 лет стал пропагандировать “новую религию”: все должны поклоняться солнцу, звездам, воздуху и огню. Бог, утверждает он – это природа, в которой мы живем (...) Семья, работа по специальности – все у него отошло на задний план. Щ. отрастил библейскую бороду, начал сочинять книги, проповеди, стал активно искать сочувствующих и единомышленников. Если бы он не попал в психиатрическую больницу, вокруг него могла бы образоваться какая-нибудь сектантская группа (...) Многие основатели религий страдали различными нервными и психическими заболеваниями. Например, основатель ислама Мухаммед страдал эпилепсией с судорожными припадками и сумеречными расстройствами сознания» [122, с. 22, 32]. –

Безусловно, Аллах хранил Мухаммеда (да будет мир ему) – Бог уберег пророка от лап советских психиатров...

Между прочим, некоторые великие философы тоже были, скажем так, не совсем психически здоровы. Общеизвестно, что Фридрих Ницше закончил свои дни в сумасшедшем доме. В Философском энциклопедическом словаре об этом сказано предельно вежливо: «Творческая деятельность Ницше оборвалась в 1889 в связи с душевной болезнью» [113, с. 437]. Но ведь и до этого душевная болезнь серьезно повлияла на его творческую деятельность.

Много фактов приводит в своей книге «Гениальность и помешательство» итальянский психиатр Ч. Ломброзо (1835-1909): «Гоббс, материалист Гоббс, не мог остаться в темной комнате без того, чтобы ему тотчас же не начали представляться привидения. (...) Шопенгауэр не позволял брить себе бороду, но выжигал ее, возненавидел женщин, евреев и философов, в особенности этих последних, а к собакам привязался до того, что по духовному завещанию отказал им часть своего состояния. (...) Великий мыслитель Огюст Конт, основатель позитивной философии, в продолжение десяти лет лечился у Эскироля от психического расстройства и затем по выздоровлению без всякой причины прогнал жену, которая своими нежными попечениями спасла ему жизнь. Перед смертью он объявил себя апостолом и священнослужителем материалистической религии, хотя раньше сам проповедовал уничтожение всякого духовенства» [114, с. 58-60, 83].

Но вот как забавно Ломброзо продолжает свои доказательства безумия Конта: «В сочинениях Конта рядом с поразительно глубокими положениями встречаются чисто безумные мысли, вроде той, например, что настанет время, когда оплодотворение женщины будет совершаться без посредства мужчины» [114, с. 60]. Сейчас такое время уже

настало, искусственное осеменение вообще превратилось в рутинную процедуру. Или еще одно «обличение» Ломброзо: «Ньютон и Паскаль в периоды умопомрачения оставляли свою специальность (физику) и занимались теологией» [114, с. 197]. Так можем ли мы надежно отделить бред от философии? И стоит ли в этом доверять психиатрам и кому бы то ни было? – Ответ очевиден: *если многим людям интересно изучать созданные реальным автором и изложенные в понятиях мировоззренческие тексты, то эти тексты следует считать философией – даже если их содержание представляется лично нам полным бредом.* Например, каббала и некоторые оккультные тексты вроде трудов Агриппы фон Неттесгейма должны считаться философией: если только их авторы додумались до своих взглядов самостоятельно, а не получили их из иных миров.

Третье замечание касается более специального вопроса в истории античной философии – точки зрения о том, что есть еще некая философия «в самом узком смысле». Так, Х. Ортега-и-Гасет заявляет: «Философия как таковая берет начало от Парменида и Гераклита. То, что было непосредственно перед ней – ионическая “физиология”, пифагореизм, орфизм, Гекатей, – это всего лишь прелюдия» [118, с. 243]. Эта же точка зрения высказана и И. Д. Рожанским: «Переходя к Гераклиту, мы поднимаемся ступенькой выше и входим в другой мир – мир философии как таковой». Правда, продолжает он так: «Но как странен и причудлив этот мир у Гераклита! Вместо сколько-нибудь связного изложения своих идей (все равно, в прозе или стихами), Гераклит предлагает нам набор афоризмов, порой более или менее ясных, а порой выраженных в виде зашифрованных метафор» [70, с. 19]. Парменид же вообще излагает свое учение от имени некой богини, которая обращается к нему со словами: «Ныне скажу я, а ты восприми

мое слово, услышав» [70, с. 295]. Т. е. у него не столько личная философия, сколько вообще некое божественное откровение...

Честно говоря, мотивы отделения Парменида и Гераклита от самых ранних греческих философов нам представляются загадочными. Скажем, онтологическая проблематика четко намечена еще Фалесом. А идея «апейрона» (неоформленной материи) у Анаксимандра ничуть не уступает по своему философскому богатству гераклитовскому «все течет». В общем, все это какие-то вкусовые пристрастия разных исследователей (об «объективности» таких оценок – см. выше).

Если и был в истории античной цивилизации переход мышления и культуры на новую ступень, то он заключается в словах Фалеса Милетского (DK 11. А. 19): «Рассказывают, что Фалес поведал о недавно сделанном открытии Мандролиту из Приены. Тот пришел в неопиcуемый восторг от нового и неожиданного познания и велел просить в награду за столь ценный урок такую плату, какую Фалес пожелает. “Довольно мне будет платы, сказал мудрый Фалес, - ежели, вздумав разгласить кому-либо то, чему ты научился от меня, ты не припишешь этого открытия себе, но назовешь первооткрывателем меня и никого другого”» [70, с. 113]. По нашему мнению, ***философия как таковая начинается именно тогда, когда появляются оригинальные авторские мировоззренческие учения.***

Данная работа посвящена доказательству тезиса о том, что философия как таковая возникла именно в городах Финикии и оттуда была позаимствована греками уже как сформированный культурный феномен.

1.2. Общая аргументация и источники

Первый вопрос, который здесь напрашивается: идет ли речь о неких новых, доселе неизвестных текстах? – Нет, речь

пойдет об интерпретации, о *новом прочтении уже давно известных источников*. Общеизвестно, что финикийский язык давно уже мертв. Но зато жив очень близкий к нему иврит. Так что часть древнейших философских текстов дошла до нас в составе *книг Ветхого Завета*. К этому, возможно, следует добавить и некоторые древнейшие мистические тексты, в частности, «Сефер Йецира» – «Книгу творения». Самые философские книги Ветхого Завета – Иов, Экклезиаст, Притчи, отчасти Исаия и Иона – имеют специфически финикийский колорит. Есть серьезные основания предполагать, что некоторые из них и созданы были в Финикии.

Но здесь дело даже вообще не в этом. Даже если бы собственно финикийцы были и вовсе не причем, ранний этап развития *еврейской философии* все равно имел бы место. – Дело в том, что некоторые книги мудрости из Ветхого Завета уже полностью подпадают под приведенное выше пятичастное определение философии: «Это (1) мировоззрение, т. е. общие представления о мире и человеке, (2) выработанное самостоятельно и лично от своего имени, (3) изложенное в понятийно-логической форме, (4) с целью обучения ему других людей, и (5) многим людям интересное».

В начале «Экклезиаста» (1, 13) сказано: «И предал я сердце мое тому, чтобы исследовать и испытать мудростью все, что делается под небом». Это – именно (1) мировоззрение, причем (2) выработанное самостоятельно и лично от своего имени. Правда, вместо конкретного имени здесь дан некий псевдоним или должность. Но ведь в Библии немало и «именной», непосредственно *авторской* мудрости. Так, 30-я глава Притчей начинается словами: «Слова Агура, сына Иакеева. Вдохновенные изречения, которые сказал этот человек Ифиилу, Ифиилу и Укалу». И когда в «Экклезиасте» сказано: «Что было, то и будет; и что делалось, то и делается, и нет ничего нового

под солнцем» (1, 9), то это изложенная в понятийно-логической форме глубокая *онтологическая* концепция, которую автор далее *рационально* обосновывает. Так что условие (3) здесь тоже наличествует. В конце же Экклезиаста сказано: «Кроме того, что Экклезиаст был мудр, он учил еще народ знанию». Так что условие (4) – *обучение* людей как цель – тоже соблюдено. А уж *интересен* людям (5) «Экклезиаст» и по сей день, во всяком случае не менее интересен, чем, скажем, диалоги Платона.

Вопрос: почему «Экклезиаст», «Иов» и другие философские тексты Библии не только не изучаются, но даже и *не упоминаются* в курсах по истории философии?!!

Предположим даже, что мы согласились относить создание всех философских текстов Библии к эпохе эллинизма. Предположим, что на них оказала влияние греческая философия. Но ведь это все равно *оригинальные философские тексты*, созданные на ином языке, в иной культурной традиции, имеющие самостоятельную философскую ценность! Ведь не отказываемся же мы, например, от изучения произведений немца И. Канта на том основании, что на него повлиял англичанин Д. Юм, а от изучения англичанина Г. Спенсера на том основании, что на него повлиял француз О. Конт. Еще интереснее, если верна наша гипотеза о том, что ядро философских текстов Библии действительно *старше* самых ранних греческих философов и связано происхождением с древней Финикией.

Так что тексты Библии выступают в данной работе в качестве обновленного исторического источника потому, что им здесь задают новые вопросы, их анализируют с не совсем тривиальной позиции: (1) их самостоятельного «чисто» философского значения и (2) их происхождения в связи с городами Финикии.

Важнейший источник по истории собственно финикийкой философии – философские тексты на греческом языке. Именно *в переводе на греческий язык* до нас дошло несколько отрывков *финикийских собственно философских текстов*. Греки сохранили для нас самую важную информацию о существовании финикийской философии, в том числе содержательный анализ взглядов двух мыслителей древней Финикии – *Моха* и *Санхунйатона*. Из этого изложения с очевидностью следует, что данные два мыслителя также полностью подпадают под выработанное нами определение философии: до нас дошли их авторские мировоззренческие тексты, в том числе *прямые цитаты*.

На это выдвигается исключительное по своей «глубине» возражение: дескать, как можно делать какие-либо выводы о существовании финикийской философии на основании всего лишь двух известных имен? На это есть сразу два ответа. Первый ответ симметричен вопросу по «глубине»: два – это гораздо больше, чем ни одного. Возможно, авторы данного возражения владеют некой глубинной количественной мудростью. Например, кто-то из них может аргументированно доказать, что говорить о существовании в некоей стране собственной философии можно лишь в том случае, когда там известно не два философа, а три. Или пять. Или сто двадцать восемь. А если их всего лишь сто двадцать семь, то говорить о философии страны Икс нет никаких оснований. Лично мне же кажется, что для создания философской традиции достаточно и *одного* мыслителя. Например, о философии Харькова уже можно было говорить после появления здесь одного Г. С. Сковороды.

Во-вторых, нам известно гораздо больше *имен мыслителей древней Передней Азии*, но без изложения их учений. Например, в Библии (3-я Царств, 4. 30-31) есть такое

поразительное место: «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и Емана, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов». Между прочим, перед этим там стоит рассказ о том, как Соломон получил от Бога «разум, чтобы уметь судить» (3. 11), о знаменитом «соломоновом решении».

В связи с этим повторимся: указанное выше место из Библии поразительно. Здесь поименно перечислены местные (не иноземные!) мудрецы, чья мудрость была сравнима с полученной Соломоном мудростью самого Бога! Это примерно как сказать: «наш великий Правитель получил мудрость от самого Бога и после этого стал мудрее самого Васи Пупкина». Из перечисленных Еман Езрахит и Ефам Езрахит названы в Библии авторами псалмов № 87 и 88, при этом Еман причислен к «сыновьям Кореевым», которым приписано еще несколько псалмов. «И Халкол, и Дарда, сыновья Махола» более нигде в Библии не упоминаются. Так что о мудрости их судить весьма трудно. Но поскольку превосходившему их мудростью Соломону традиция приписывает авторство большинства библейских «книг мудрости», то можно уверенно предположить, что и эти мудрецы обязательно были *авторами мировоззренческих учений*. Это так же очевидно, как и в упомянутом выше случае с некоторыми авторами Притч. Даже православные толкователи Библии сочли нужным отметить: «Вполне допустимо предположение, что в изречениях Агура и Лемуила мы имеем произведение или по крайней мере отзвук интеллектуальной культуры “сынов востока” – арабов, идумеев и др., как и в книге Иова (...) Как и имена Агур, Ифил и Укал должны обозначать известных лиц, быть может, слушателей, учеников Агура» [120, т. 2, с. 496-497].

Между прочим, не исключено, что по аналогии с другими библейскими «сыновьями пророков» под именем «*сыновей Махола*» у нас здесь в Библии упоминаются ученики того же Моха. Л. И. Пономарев, автор научно-популярной книги об истории атомной физики, отметил: «Среди предшественников Демокрита называют также финикиянина Мосха Сидонского (...) О сути учения Мосха ничего достоверного не известно, но если история на протяжении трех тысячелетий сохраняет имя человека, который не был ни царем, ни полководцем, то, похоже, он действительно оставил после себя нечто важное, хотя и утраченное впоследствии» [121, с. 20-21]. Думается, в отношении Моха как раз не все так безнадежно утрачено. Далее будет сделана попытка реконструкции сути учения Моха об атомах. Но здесь обратим внимание на то, что в той же Библии мыслители-мудрецы действительно упоминаются *наравне* с царями и полководцами.

Еще одно критическое замечание из той же серии: «Как можно говорить о философских взглядах мыслителей, если от них уцелело всего лишь несколько цитат? – Безусловно, если бы дошло несколько томов, это было бы гораздо лучше. Но ведь до нас дошло по несколько упоминаний Моха и Санхунйатона, в том числе довольно значительный по объему текст из труда Евсевия Памфила с обширными цитатами из Санхунйатона. В целом об этом мыслителе сохранилось даже больше информации, чем о многих известных древнегреческих философах-досократиках: о тех ведь тоже часто дошло всего лишь по несколько цитат. Кроме того, сохранились три финикийские космогонии: космогонии Моха, Санхунйатона и «по Евдему». Кое-какую дополнительную информацию дает и финикийская эпиграфика. А кроме того, как уже говорилось, значительный корпус философских текстов содержит в себе Библия. Не так и мало!

Помимо прямых свидетельств о философии Древней Передней Азии сохранилось и значительное количество источников *косвенных*. Подобные косвенные источники создают *исторический контекст*, совершенно необходимый для понимания характера древней философии этого региона.

Первая группа таких косвенных источников – любые достоверные источники по истории Финикии и соседних народов: уцелевшие философские тексты можно анализировать *только* с помощью сопоставления их с общим историческим контекстом. Наиболее важный вывод на основе этой группы источников: в Финикии намного ранее Греции сложился «западный» тип социально-политического устройства, известный как *полис*. И это общественное устройство вместе с письменностью греки в готовом виде *заимствовали* из Финикии: им его привезли финикийские колонисты.

Вторая группа косвенных источников основана на предположении о заимствовании греками из Финикии в «готовом виде» и философии. В таком случае допустимо привлекать для реконструкции философских взглядов финикийцев *тексты ранних греческих мыслителей*, в частности ионийцев и пифагорейцев. Это корректно настолько, насколько есть основания говорить о заимствовании соответствующих взглядов из Финикии. Между прочим, мы далее убедимся, что греческие источники однозначно свидетельствуют о непрерывной многовековой *традиции* финикийских философских школ.

Третья группа косвенных источников – тексты *более поздней еврейской традиции*, в частности, книга «Сефер Йецира» и Талмуд. К сожалению, в данной работе тексты более поздней еврейской традиции используются совершенно недостаточно. Здесь кроется огромный резерв: ведь евреи были и остаются прямыми наследниками всей мудрости Ближнего Востока.

Соответственно, в Талмуде, Мидрашах и таргумах, в каббалистической литературе может быть скрыта ценнейшая информация о древней философии Передней Азии. Эта группа источников заслуживает подробного изучения.

Очень важная информация может также храниться в тайных книгах секты алавитов (нусайритов). Но к ним у меня вообще не было доступа.

Наконец, четвертая группа косвенных источников – тексты других народов. Это тексты из Египта и Вавилона, труды средневековых европейских и арабских авторов, герметическая и прочая ранняя оккультная литература и даже священные тексты индейцев Мексики и народа бамбара из Западной Африки. Все это – тоже необходимая часть исторического контекста великой финикийской культуры. Притом и сам этот контекст порой нуждается в предварительной реконструкции, например, в отношении плаваний финикийцев в Америку.

1.3. Состояние проблемы

Финикийская философия – это, пожалуй, самый «невезучий» из всех предметов истории философии. В подавляющем большинстве общих работ и учебников по истории философии о евреях и финикийцах не говорят попросту *ничего*. Причем без каких-либо объяснений. Например, в солидном российском Философском энциклопедическом словаре за 1989 г. о финикийцах не упоминается вообще. О Библии есть небольшая общая статья С. С. Аверинцева. Там сказано, что в числе книг Библии – «размышления о смысле жизни – книги Иова и Экклезиаста» [123, с. 60]. И все. По всей видимости, размышления о смысле жизни в компетенцию философов не входят, и излагать их суть нет никакой надобности.

А. П. Чанышев написал книгу «Начало философии». В ней есть специальная глава «Ближневосточная предфилософия»

[124, с. 164-174]. В ней рассказано о предфилософии Вавилонии, Древнего Египта и Ирана. О финикийцах и евреях – ни слова!

Справедливости ради следует отметить, что в своей более поздней книге «Философия Древнего мира» А. П. Чанышев все же находит место для упоминания, по крайней мере, о финикийцах. Это всего лишь несколько строчек, причем он снова-таки умудряется *ничего* не сказать о содержании их взглядов: «У финикийцев были и космогонические мифы. К сожалению, они дошли только в пересказах (...) Сохранились сведения о финикийском профилософе Санхунйатоне (...) Влияние Финикии на Грецию и на Европу велико (...) Первый философ Греции, а значит, и Европы, Фалес то ли сам происходил из Финикии, то ли его предки были выходцами оттуда (...) Однако философия как новая форма духовности и высший вид мировоззрения возникает не повсеместно, а лишь в Китае, Индии и в Греции. Остальные культуры полосы древней цивилизации останавливаются на уровне профилософии» [125, с. 151-152].

Можно отметить еще два момента. Во-первых, в 1-м томе Философской энциклопедии за 1960 год упоминался Мох: «Несомненно влияние на Демокрита и некоторых философских учений Востока, например, Авесты – в этике, возможно финикийца Моха (о котором не сохранилось подробных сведений) – в учении об атомах» [126, с. 459]. Во-вторых, Санхунйатон упомянут в энциклопедии «Мифы народов мира» [140, с. 458-459]. Но во всех прочих известных мне философских и общих словарях и энциклопедиях на русском и украинском языках отсутствуют не только специальные статьи, но и даже вообще какие-либо упоминания на тему: «Мох», «Санхунйатон», «Финикийская философия», «Древнееврейская философия».

Примерно такое же (если не хуже) положение и в солидных западных энциклопедиях. Так, The World Book Encyclopedia также не содержит *никаких* упоминаний на этот счет. Например, там утверждается: «Атомистическая философия была сформулирована Левкиппом в первой половине 400-х гг. до н. э.» [127, v. 1, p. 877]; «Первые известные философы Запада жили в древнегреческом мире в начале VI в. до н. э.» [127, v. 15, p. 383]. Иначе говоря, и на Западе говорить о финикийско-еврейской философии немодно и несолидно.

Несколько особняком здесь стоит Карл Ясперс и его известная концепция «осевой эпохи истории»: «Впервые появились *философы*. Человек в качестве отдельного индивидуума отважился на то, чтобы искать опору в самом себе. Отшельники и странствующие мыслители Китая, аскеты Индии, философы Греции и пророки Израиля близки по своей сущности, как бы они ни отличались друг от друга по своей вере, содержанию и внутренней структуре своего учения. Человек теперь может внутренне противопоставить себя всему миру» [104, с. 34]. Вроде бы здесь К. Ясперс прямо назвал пророков Израиля философами. Более того, в другом месте он добавляет: «Исторические истоки философского содержания западного философствования находятся не только в греческом, но и в библейском мышлении (...) В самом деле, до сегодняшнего дня изучение Библии было одной из основ едва ли не всей западной философии» [104, с. 438].

Однако чуть далее К. Ясперс делает другое заявление, которое полностью перечеркивает предыдущие: «В Библии отсутствует, за исключением едва различимых начатков, философское самосознание» [104, с. 469]. Итак, библейское мышление послужило одним из истоков «философского содержания западного философствования», но само оно не есть философия. В Библии нет философского самосознания, «за

исключением едва различимых начатков». И хотя К. Ясперс признал, что в Библии все же имеются «едва различимые начатки» философии, он не сделал ни малейшей попытки дать анализ этих «начатков».

Впрочем, все же имеется несколько книг, в которых сделана попытка анализа ряда текстов Ветхого Завета как философских произведений. Пожалуй, на русском языке это прежде всего книги М. И. Рижского [152, 153]. В них он вроде бы подчеркивает философский характер книг Иова и Екклесиаста. Так, по его мнению, Книга Экклесиаста «нами воспринимается как настоящий философский трактат о смысле жизни» [153, с. 181-182]. Замечательным достижением стал выполненный им на высоком научном уровне современный русский перевод Книги Иова с подробнейшим текстологическим комментарием [152, с. 10-146]. (Такое же значение имеет перевод Э. Г. Юнцем Книги Экклесиаста [21]). Однако при этом книги М. И. Рижского проникнуты откровенным атеистическим и антихристианским пафосом. В результате авторы книг Иова и Екклесиаста в его интерпертации выглядят чуть ли не атеистами: например, он усматривает «столь явно выраженные в книге Иова религиозный скептицизм и богоборчество» [152, с. 191]. Это оригинально, но, пожалуй, слишком удивительно и слишком противоречит самому тексту этих книг Святого Писания – в любом переводе.

Стоит также упомянуть книгу М. С. Беленького «О мифологии и философии Библии». Но и эта книга полна неясностей и методологических противоречий. С одной стороны, М. Беленький называет книгу Иова «философской поэмой», автора книги Экклесиаста – *философом* и мыслителем, он также пишет: «Выраженное в афоризмах учение Притчей пронизано, как правило, реализмом и несет

важную философскую и поэтическую информацию» [130, с. 125, 121, 116].

С другой стороны, М. С. Беленький утверждает: «Автор Екклесиаста свои возражения высказывает намеками, нигде не стремится к законченной форме. Его взгляды на жизнь, его понимание морали и смысла человеческого бытия чаще всего переданы в форме загадок. Эти стилистические особенности произведения объясняются тем, что **философия как самостоятельная отрасль знаний в Иудее не существовала** [Здесь и далее в абзаце выделено мною. – И. Р.], однако косвенным образом она проявлялась в художественной литературе, даже в той, которой пользовались богословы, включив ее в канон». И тут же завершает «во здравие» несуществующей иудейской философии: «И все же философская мысль упорно стремилась к самостоятельности, высвобождаясь от оков религиозной догмы, и выражалась в форме **философских поучений**. Наиболее талантливое их **собрание** – книга Екклесиаста» [130, с. 120]. А чуть раньше М. С. Беленький заявлял: «Некоторые произведения Ветхого Завета носят **явно нерелигиозный** характер (...) Многие из Писаний, надо полагать, были созданы вольнодумными людьми, которые хорошо знали культуру своего народа и философию древних греков. Глубокие мыслители, они (...)» [130, с. 110]. Эти путаные замечания можно понять так, что книга Экклесиаста была всего лишь художественным, а не философским произведением. Хотя собрание философских поучений вполне заслуживает названия философского текста. А раз в Иудее существовали **нерелигиозные философские тексты**, то, значит, была и «философия как самостоятельная отрасль знаний».

Еще более спорный момент в книге М. С. Беленького – то, что ее автор настойчиво постулирует **вторичность** еврейской

«мудрости» по отношению к греческой философии. Т. е. все философские тексты Ветхого Завета он считает созданными очень поздно, в эпоху эллинизма: «Исследователи книги Иова приходят к выводу, что она была написана в IV-III вв. до н. э., когда Иудея испытывала особенно сильное влияние со стороны эллинистической культуры и философии» [130, с. 126]. Сходные утверждения имеются и у М. И. Рижского относительно книги Екклесиаста [153, с. 186]. Но эти заявления по сути *бездоказательны*.

Можно отметить еще и такой пример загадочной логики исследователей, например, того же А. Н. Чанышева: «Греки заимствовали из Финикии (...) С именем Кадма древние греки связывали перенесение в Элладу финикийского алфавита, начало древнегреческой письменности, начало науки. Все это дает нам основание рассматривать древнеегипетскую и древневавилонскую науку как предшественницу эллинской философии» [131, с. 150]. – Честно говоря, для меня осталось «непрозрачным», каким образом заимствование чего-либо у финикийцев дает основание говорить о заимствовании чего-то у египтян и в Вавилоне. Думается, если начало науки греки связывали с именем Кадма, то это свидетельствует только о том, что предшественницей греческой философии была именно *финикийская* наука. А то иначе получается, что наука могла быть только в Египте и Вавилоне, и ни в коем случае не в Финикии. Но ведь подобные далекоидущие выводы нужно *хоть как-нибудь* аргументировать, не так ли?

Авторы популярного у нас учебника по истории философии, итальянские философы Дж. Реале и Д. Антисери пошли еще дальше. Они по сути сформулировали модную на сегодня точку зрения западных исследователей: «Начиная с конца прошлого века было предпринято множество попыток доказать производность греческой философии от разных форм восточной

мудрости. Однако сегодня можно сказать, что ни одна из этих попыток не прошла проверки временем. (...) В христианскую эру некоторые греческие философы признавали факт первичности восточной мудрости, однако это ничего не доказывает, ибо классические каноны античной философии в это время ушли в прошлое. Бесспорно, восточные народы, у которых многому научились греки, обладали множеством духовных сокровищ. Древние египтяне использовали свои знания арифметики в практических целях. (...) Однако богатый мир теологических и космогонических мифов был далек от греческого логоса и скорее напоминал собой мифический мир тех же греков до создания ими философии логоса. У нас нет достоверных сведений о наличии переводов и об использовании греками восточных текстов. До эпохи Александра Македонского вряд ли могли проникнуть в Грецию различные учения из Азии. А в эпоху Фалеса, на заре античности, вряд ли были греки, переводившие египетские рукописи.

Даже сам факт предъявления документальных доказательств того, что античные идеи имеют точные antecedенты в восточной мудрости, не может никак повлиять на суть нашей проблемы. В момент рождения философии в Греции возник совершенно новый способ переживания мира и духовного выражения его сути. Новые экспрессивные формы, вобрав в себя результаты других форм освоения мира, преобразовали разум структурным образом: он обрел строго логические очертания» [132, с. 6].

По нашему мнению, данный текст отличают две печальные особенности: дремучее невежество и агрессивное неприятие любых возражений оппонентов – вопреки какой угодно логике.

Игнорирование маститыми профессорами элементарных правил этики и логики дискуссии очевидно следует из их заявления: «Даже сам факт предъявления документальных

доказательств того, что античные идеи имеют точные antecedенты в восточной мудрости, не может никак повлиять на суть нашей проблемы». Спрашивается: если нашими оппонентами *заранее отвергаются любые документальные доказательства*, можно ли в таком случае им вообще что-либо доказать?

Дремучее невежество итальянских философов очевидно следует из следующих их заявлений: «У нас нет достоверных сведений о наличии переводов и об использовании греками восточных текстов. До эпохи Александра Македонского вряд ли могли проникнуть в Грецию различные учения из Азии. А в эпоху Фалеса, на заре античности, вряд ли были греки, переводившие египетские рукописи». Во-первых, мы далее увидим, что сведения «о наличии переводов и об использовании греками восточных текстов» *есть*, и в изрядном количестве. Во-вторых, здесь мы опять сталкиваемся с тем же загадочным сведением «восточной мудрости» к египетским текстам. А как же все-таки быть с финикийцами? Впрочем, профессора не упомянули здесь даже «традиционные» Вавилон с Ираном...

Обратим внимание на такие формулировки из вышеприведенного текста: «у нас *нет достоверных* сведений», «*вряд ли* были», «*вряд ли* могли». Эти словечки наглядно показывают главную беду: *в изучении истории финикийской философии до сих пор не преодолен гиперкритицизм.*

1.4. Методология и структура работы

Для понимания причин сложившейся ситуации следует дать небольшой исторический экскурс.

Еще Г. Ф. В. Гегель знал о финикийских мыслителях. Он даже цитирует Санхунйатона, однако не зачисляет его в «настоящие» философы. При этом он *на тех же основаниях* не зачисляет в философы всех индийских мыслителей, а также

«отцов церкви и схоластов». Причина – религиозный характер их учений. Получается, что Гегель ставит знак равенства между Санхунйатоном и теми же философами древней Индии:

«Нас не касается также и философия, которую мы находим в той или другой религии. Не только в индусской религии, но и у отцов церкви и схоластиков мы находим глубокие спекулятивные мысли о природе Бога. В истории догматики важно и интересно знакомиться с такими мыслями, но в историю философии они не входят (...) Отношение философии к своему предмету принимает форму мыслящего сознания, отношение же религии не таково. Так как эти две сферы столь близко родственны между собой, в истории философии установилась старинная традиция говорить о персидской, индусской и т. д. философиях. (...) В персидской и индусской религиях высказаны очень глубокие, возвышенные спекулятивные мысли. (...) Эти определения гораздо ближе к мысли [чем обычные мифы], они – не только образы. Но и такие мифы не касаются философии; в них первой, перевешивающей является не мысль, а форма мифа. Во всех религиях мы находим это колебание между образом и мыслью, и такая смесь лежит еще вне философии.

Так же обстояло дело у финикийцев в Космогонии Санхунйатона. Эти фрагменты, находящиеся у Евсевия (Праер. Evang., I, 10), взяты из греческого перевода Санхунйатона, сделанного с финикийского языка грамматиком Филоном Библиским. Филон жил при Веспасиане и приписывает Санхунйатону глубокую древность. В этом отрывке мы читаем:

„Началом вещей являются хаос, в котором элементы существовали неразвито и смешанно, и дух воздуха. Последний оплодотворил хаос и породил с ним илистое вещество, тину, содержащую в себе живые силы и семена животных. Благодаря смешению ила с материей хаоса и возникшему

отсюда брожению элементы отделились друг от друга. Огненные части поднялись ввысь и образовали звезды. Благодаря влиянию последних на воздух были порождены облака. Земля сделалась плодородной. Из смешения воды с землею, перешедшего, благодаря илу, в гниение, возникли животные; они были несовершенны и лишены ощущений. Эти животные породили, в свою очередь, других животных, которые были более совершенны и одарены чувствами. Грохотание грома во время грозы пробудило к жизни первых животных, дремавших в своих семенных покровах”» [117, с. 85, 62, 63, 81, 82].

– Пожалуй, основное замечание здесь: где, собственно, Гегель нашел в этом *натурфилософском* тексте религиозные мифологические образы? Р. Тарнас в своей книге «История западного мышления» утверждает: «В начале VI в. до Р. Х. в Милете начался великий сдвиг. Именно здесь Фалес и его последователи Анаксимандр и Анаксимен (...) дополнили прежнее традиционное мифологическое понимание более безличными и концептуальными объяснениями, основанными на наблюдении за природными явлениями» [141, с. 21]. По нашему мнению, как раз текст из Санхунйатона полностью подходит под это определение «более безличные и концептуальные объяснения, основанные на наблюдении за природными явлениями». Гегель также не считал для себя интересными вольнодумные и тоже сугубо рационалистические заявления Санхунйатона о богах и религии, об обществе и его истории. Но Гегель, по крайней мере, *писал* о финикийцах.

Однако затем все изменилось. Даже Б. А. Тураев, чья работа «Остатки финикийской литературы» остается основным русскоязычным источником о Санхунйатоне, отрицал его авторство в отношении того самого литературного текста, которому и посвящена указанная работа! Аргументация Б. А.

Тураева здесь по-своему типична: «Евсевий разделяет веру в его (Санхунйатона. – И. Р.) глубокую древность. Для него, как и для его современников, имена Санхунйатона и Филона по отношению к данному труду неотделимы и не возбуждают сомнений. Мы уже *a priori* (Здесь и далее выделено мной. – И. Р.) не можем представлять себе дело в таком виде. Если бы даже не было сомнений в существовании древнего финикийского исторического произведения, ходившего под именем Санхунйатона, то и в таком случае авторство последнего *было бы для нас более чем сомнительным* уже ввиду общих всему древнему Востоку представлений о литературной собственности. Книги Соломоновы и Псалмы евреев, дидактическая литература египтян, возводившаяся к Птахотну и другим авторитетам древности, являются в данном случае наилучшими иллюстрациями.

Но у нас насчет Санхунйатона возникают вполне законные *сомнения и помимо этих априорных соображений* (Т. е. на первом месте все-таки стоят “априорные соображения” – убеждение, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда». – И. Р.). Прежде всего их возбуждает самая история происхождения труда, как она рассказана Филоном в его предисловии. Египетский бог грамоты Тот, здесь, конечно, человек – изобретатель письменности Таавт, занимался исследованием конечных причин и составил об этом трактат, но жрецы в лице Фабиона исказили последний аллегорическими мифами и скрыли подлинный рассказ. Санхунйатон отыскал последний в тайниках храмов и очистил от мифологических наслоений, потом жрецы снова старались исказить истину; но ее спас от этого Филон, убедившись после пересмотра всего мифологического материала, “не того, что у греков”, в истинности взглядов Санхунйатона, труд которого он и решился перевести.

Здесь все *странно и невероятно*: и Тот, как евгемеристический автор финикийской мифологии, и сам евгемеризм, как исконное направление в мифологии, и сокрытие жрецами неудобной для них истины, и все перипетии ее нового появления на свет, столь напоминающие евгемерову Панхею и другие фикции этого рода. Не менее *невероятно* и то, что рассказывает Порфирий о каком-то жреце Иеговы Йеромбале, служившем для Санхунйатона в тех местах его труда, где приходилось говорить о евреях, а также о посвящении книги царю Берита Абельбалу (Помилуйте, но уж царь-то чем невероятен?! – И. Р.). Точно также данные о родине Санхунйатона страдают разногласием: он то из Берита, то из Тира, то сидонянин («сидонянин» часто значило «финикиец» вообще, а жить человек может сначала в одном, затем в другом городе. – И. Р.). Все это убеждает нас в том, что *Санхунйатон – фикция, придуманная Филоном для большего авторитета его произведения*, но в то же время дает понять, что эта фикция опиралась на имя, пользовавшееся известностью и, *вероятно*, имевшее носителем какого-либо финикийского мудреца древности» [35, с. 3-4].

Получается, что помимо фиктивного Санхунйатона «вероятно» существовал и некий реальный Санхунйатон – древний финикийский мудрец, память о мудрости которого сохранялась на протяжении тысячи лет. Но при этом «невероятно», чтобы эта мудрость имела что-либо общее с текстом Филона из Библии. По сути Б. А. Тураев лишь пересказывал наиболее авторитетное мнение западных исследователей. Мне представляется, что у подобных толкователей возникают большие проблемы с «бритвой Оккама».

Еще печальнее, что это мнение о Филоне в чуть более мягкой форме повторил и И. Ш. Шифман: «Еще в

доэллинистическое время в Финикии предпринимались попытки систематизации мифов и создания своего рода священного писания. Наиболее значительное из таких сочинений традиция связывает с именем Санхонйатона (...) Материалы, автором которых считается Санхонйатон, дошли в изложении грекоязычного писателя кон. 1 – нач. 2 вв. н. э. Филона Библиского (...) У Филона финикийская мифологическая традиция подверглась обработке в духе вульгаризированных идей греческой философии о первоэлементах мироздания и его развитии» [140, с. 458-459].

Неудивительно, что многие авторы вообще не считали нужным упоминать о Санхунйатоне. Так, М. И. Шахнович писал: «У Филона Библиского вся история финикийской культуры изображается как деяния подобных героев. Огромный список их сопровождается указаниями, кто из них научил сооружать шалаши, делать крышу, устраивать заборы, изготавливать серп и копье, строить судно, чертить буквы, употреблять соль и т. д. (...) Филон Библиский считал финикийские буквы космическими элементами» [138, с. 91, 191]. Иначе говоря, Филон был лжецом-мистификатором, выдумавшим какого-то древнего Санхунйатона, которого он якобы перевел.

Это и есть тот самый гиперкритицизм. Впрочем, он касался далеко не только финикийцев. Тот же М. Беленький в упомянутой книге 1977 года заявляет: «Возможно, за несколькими евангельскими персонажами действительно скрываются исторические личности. Ведь кухня богов находится не на небе, а на земле. Однако *евангельский Иисус Христос – только миф*, в основном построенный по мессианским образцам Ветхого завета» [130, с. 108]. А, скажем, О. Нейгебауэр заявлял, что «традиционные рассказы об

открытиях, сделанных Фалесом или Пифагором, следует отбросить как совершенно неисторические» [134, с. 149].

Ю. Б. Циркин резонно недоумевает: «На табличках, содержащих угаритские поэмы, имеются пометки, согласно которым эти поэмы записал писец Илимилку под диктовку верховного жреца Аттинпарлану и сами таблички с текстами подарены царем Никмадду храму бога Балу. Таким образом, в ханаанейско-аморейской культурной среде (еще во втором тысячелетии до н. э. – И. Р.) были люди, которые записывали древние мифологические повествования, и имена этих людей сохранялись для потомков. Но если историчность Илимилку и Аттинпарлану не подвергается сомнению, то почему надо сомневаться в существовании Санхунйатона? Тем более что помимо Филона и Евсевия об этом человеке говорят и другие авторы, причем их добросовестность не подлежит сомнению» [161, с. 28-29].

Суть гиперкритической «методологии» – в *произвольном* отрицании достоверности исторических источников, которые почему-либо не нравятся «исследователю». Аргументирует он это некими «априорными» суждениями, а также словечками «вряд ли», «невероятно», «невозможно представить, что...» и т. п. Причем реальные причины нелюбви к тем или иным источникам у гиперкритиков могут быть тоже самыми произвольными («априорными»), например, некие расистские убеждения, пережитое накануне сексуальное разочарование и т. д. Могучее оружие гиперкритиков – *мода*. Как известно, ученые очень чувствительны к научной моде: ведь от следования ей напрямую зависит успех защиты твоей диссертации. Соответственно, если стало немодным ссылаться на какой-либо источник как «сомнительный», то он может выпасть из научного оборота на многие десятки лет. И тем самым будет *обеднена* и извращена история человечества. Гиперкритицизм –

это мошенничество с Вечностью. Не люблю и не уважаю гиперкритиков.

Незамутненно яркий пример того, как не надо делать – книга «Пифагор и его школа». Ее автор Л. Я. Жмудь заранее убежден в том, что «греки не могли заимствовать философию и науку в готовом виде (как это сделали, например, римляне) по той простой причине, что в VI в. на Востоке не было ни того, ни другого» [137, с. 60]. Но это, так сказать, общее априорное утверждение. Куда круче достается самому Пифагору: «И до и после Пифагора в Египте побывали многие греки. Но в случае с Пифагором этот факт не подтверждается той *частью* ранней традиции, *которой можно доверять* (Здесь и далее выделено мной. – И. Р.). Соседство Ферекида и Пифагора в легендарной традиции *не должно нас смущать*: она сближала персонажей по определенному признаку – наличию „чудесных” историй (...) Несмотря на древность традиции, сближающей Ферекида и Пифагора, она, *скорее всего*, неисторична. В пифагореизме *едва ли* найдутся черты, свидетельствующие о близости его основателя к Ферекиду. Учение метемпсихоза, которое приписывает Ферекиду Суда, - *это поздняя выдумка*, призванная объяснить его сближение с Пифагором (...) Итак, *ничего определенного* об учителях Пифагора *сказать нельзя*» [137, с. 63, 52].

Все гиперкритики мошенничают одинаково: они убеждены, что даже самое кричащее несоответствие исторических источников их завиральным гипотезам «не должно нас смущать». Если источник не соответствует твоим сегодняшним утренним представлениям, то тем хуже для источника. Объяви, что ты ему не доверяешь, что он «вряд ли» истинен, что это – «поздняя выдумка». И все сразу поймут, что ты объективный современный исследователь. Правда, возникает маленький «технический» вопрос: а как быть, если встретились два

джигита-гиперкритика, доверяющие *разным* источникам? – Ответ прост: из них прав тот, кого поддерживает большинство членов соответствующего ученого совета. Впрочем, многие члены совета могут про себя думать, что об истории человечества при таких методах исследования *вообще* «ничего определенного сказать нельзя».

Кажется, пора переходить к собственным конструктивным предложениям. По моему мнению, любое изучение истории должно быть основано на двух взаимодополняющих принципах: презумпции доверия к источникам и наибольшей полноты содержания.

Принцип презумпции доверия к историческим источникам – это обращенный в прошлое принцип доверия к людям. Да, люди часто врут. Есть даже выражение: «врет, как очевидец». Тем не менее, судебные решения повсюду принимают на основании свидетельских показаний. Их сравнивают между собой. При этом *любые свидетельские показания считаются истинными, пока суд не установит обратное на основе прямо противоречащих им других показаний*. Политики врут даже чаще обычных людей. И все же можно, например, в деталях проследить историю преступлений сталинского режима на основе одних только статей в сталинской газете «Правда». Этот же принцип применяется в судах и в отношении документов и данных экспертизы. Правда, суд не принимает доказательства, полученные незаконным путем, с нарушением прав человека. У историков нет таких ограничений. Главное, из-за чего источник не может быть использован – подтвержденные более надежными источниками данные о том, что данный источник является фальшивкой. Любое реальное свидетельство исторического источника лучше, чем нагромождение взятых «с потолка» гипотез.

Понятно, что в историческом исследовании мы даже чаще, чем в суде, сталкиваемся с недостаточностью информации. И здесь аналогии с судом заканчиваются. Суд не может (во всяком случае, не должен) принимать решение на основе недоказанных гипотез. Историк же имеет право высказывать свои гипотезы, свои реконструкции прошлого. Ведь по большому счету мы имеем дело *только* с нашими *субъективными реконструкциями* прошлого. Но тогда возникает вопрос: а чем же в таком случае эта позиция отличается от произвола гиперкритиков? У них ведь тоже – свое субъективное видение... – Во-первых, если бы гиперкритики признавали, что их медитации на тему доверия к разным источникам – не научная истина, а всего лишь субъективные реконструкции, это было бы еще терпимо. Тогда следовало бы открыто заявить, что каждый джигит имеет равное право на свой личный вариант истории, а объективную истину знает лишь Аллах. И по большому счету это так и есть.

Однако без *договоренности* о некоем общем *объективном критерии истины* история как наука и как *сообщество* людей вообще невозможна. А если люди в итоге договариваются, *что* есть истина в суде, то они, вероятно, могут договориться, что считать исторической истиной. Разумеется, так же, как порою пересматривают и дополняют принципы судопроизводства, может пересматриваться и конвенция о критериях исторической истины. Но вряд ли кто-либо будет спорить, что такая конвенция в принципе необходима. И, по нашему мнению, такая конвенция должна быть основана как раз на принципе доверия к источникам.

Второй принцип «конвенции об исторической истине» – принцип, на основе которого мы среди разных *возможных* версий выбираем наиболее *правдоподобную*. Следует

договориться считать самой правдоподобной самую *содержательную* из версий.

Это – *принцип наибольшей полноты содержания*. Он основан на убеждении в том, что экзистенциальной обязанностью каждого человека является *борьба с мировой энтропией* – разрушением, смертью, ложью и невежеством. Смерть плоха именно потому, что разрывает *наши связи* с тем, что нам в этом мире дорого. И это – факт. Какой бы прекрасной ни была загробная жизнь (что как раз не факт), разрыв связей с этим миром есть проявление мировой энтропии *в этом мире*. Наша память как раз и обеспечивает *нашу связь* с этой реальностью. Человек без памяти – вообще не личность. А история – коллективная память человечества.

Чем *больше* мы помним, тем *лучше* для нас, тем больше связей с этим миром мы устанавливаем. Это значит, что *из возможных исторических версий следует выбирать такую, которая непротиворечиво связывает между собой наибольшее количество исторических фактов*. Иначе говоря, среди разных объяснений следует выбирать то, которое непротиворечиво связывает *воедино* наибольшее количество разнообразных сведений из разнообразных исторических источников.

Вся методология данной работы построена на этих двух принципах. По-моему, они определяют простые критерии подхода к историческим источникам и отбора исторических гипотез.

Соответственно, критика может вестись по двум параметрам: во-первых, избранная методология порочна; во-вторых, сам автор в своем исследовании нарушает собственные методологические принципы. Какие-либо иные варианты критики вряд ли могут считаться конструктивными.

Структура работы построена в соответствии с ее целями и методами. Сначала речь пойдет о *взаимосвязанности* всех аспектов материальной и духовной культуры финикийского общества. Потом будет показано *воздействие* финикийской культуры на соседние народы – евреев и греков. И, наконец, на основе собранных исторических фактов и философских текстов финикийская философия будет проанализирована как *взаимосвязанная* система в ее *взаимодействии* со всей мировой культурой.

2. Финикия - первое в истории современное общество

2. 1. «Раннекапиталистические» общества

Автор данной работы придерживается концепции *мира-экономики*, разработанной Фернаном Броделем [См. также: 1; 2; 3; 4; 175; 176; 177]. Мир-экономика - это “экономически самостоятельный кусок планеты, способный в основном быть самодостаточным, которому его внутренние связи и обмены придают определенное органическое единство”. В частности, в средние века такой мир-экономика сформировался в Западной Европе - до Польши и Скандинавии включительно. При этом, как правило, границы мира-экономики совпадают с границами культурными, цивилизационными. “Так, вексель, главное оружие торгового капитализма Запада, обращался почти исключительно в пределах христианского мира еще в XVIII в., не переходя эти пределы в направлении мира ислама, Московской Руси или Дальнего Востока. Не оставаться в кругу своих, в кругу купцов, руководствовавшихся теми же принципами и подчинявшихся той же юрисдикции, означало бы рисковать сверх меры. Тем не менее здесь речь шла не о техническом препятствии, а скорее о культурном неприятии, поскольку за пределами Запада существовали плотные и эффективные кругообороты векселей, к выгоде купцов мусульманских, армянских или индийских. И эти кругообороты в свою очередь останавливались у границ соответствующих культур”. Причем пространство мира-экономики наряду с отсталой периферией “предполагает наличие некоего центра, служащего к выгоде какого-либо города и какого-либо уже господствующего *капитализма*” [5, с. 14, 61-62, 18].

В XVIII веке таким центром мировой торговли стали Лондон и *Англия* в целом. При этом Ф. Бродель наглядно показал, что промышленный переворот был ничем иным, как

следствием превращения Англии в современную по целому ряду параметров страну. Именно в XVIII веке “Англия перестала быть слаборазвитой страной в современном смысле этого слова: она увеличила свое производство, повысила жизненный уровень, свое благосостояние, усовершенствовала орудия своей экономической жизни... На протяжении XVII столетия Старый порядок был подорван, ниспровергнут: нарушалась традиционная структура сельского хозяйства и земельной собственности или же завершалось ее разрушение” [5, с. 606, 605]. Т. е. в Англии **ранее промышленного переворота** сформировались черты социально-политического и экономического устройства (иначе говоря, **образ жизни**), присущие, как правило, уже индустриальным обществам. Таких основных черт можно указать несколько:

1) Решительное преобладание экономических стимулов к труду и, соответственно, свободного труда как вольнонаемных работников в сельском хозяйстве и ремесле, так и свободных крестьян и ремесленников.

2) Исключительно важное значение городов и городской жизни, очень значительный процент городского населения.

3) Принципиальное, сущностное отличие городской экономики страны от обычных городов Старого Порядка. Города Старого порядка были прежде всего **центрами паразитического потребления** земельной ренты, и все ремесло и торговля в них были направлены на обслуживание этого паразитического потребления, т. е. имели сугубо вторичный характер. “Историки арабского города в немалой степени объясняют благополучие городов Халифата тем, что город в нем продолжал оставаться центром эксплуатации деревни, аграрной периферии, тем, что в нем концентрировалась основные массы “рентополучателей”, соответственно обеспечивающих сохранение экономического значения города”

[6, с. 141-142]. В то же время в индустриальную эпоху города - это прежде всего центры производства, т. е. промышленные и торгово-финансовые центры по преимуществу. Но то же относилось и к городам Англии, прежде всего к Лондону в XVIII веке, когда он стал главным торгово-распределительным центром для всего мира.

4) В сельском хозяйстве произошла революция, заключающаяся в переходе к “high farming” - “высокому сельскому хозяйству”. Суть ее заключалась вовсе не во внедрении какой-то новой техники, а прежде всего в передовой, эффективной агротехнике и направленности в основном на производство именно товарной продукции, причем не зерна и прочих “средств против голодной смерти”, а специализированных культур, разведение которых дает наибольший эффект (так, в Англии это было прежде всего кормовые культуры для высокоэффективного животноводства).

5) В обществе более или менее утвердился режим правого государства, с уважением достоинства, свободы и собственности каждого свободного человека, находящегося под защитой законов (в Англии - Habeas Corpus Act и др.).

6) В государственном устройстве присутствуют демократические начала, аппарат власти контролируется обществом (по крайней мере, его привилегированной, зажиточной частью, в том числе горожанами), а также действуют принципы гласного обсуждения и принятия решений, достаточно широкой свободы слова, собраний и союзов, в том числе и для непривилегированных (что вытекает из п. 5).

7) Идеология и в целом духовная жизнь общества имеет уже во многом современный характер, бурно развивается наука, искусство, философия, широко распространяются идеи о равенстве всех людей, главное же - утверждается

рационалистическая ментальность, стремление подвергнуть действительность суду Разума. Иначе говоря, развивается идеология Просвещения (в Англии - Т. Гоббс, И. Ньютон, Д. Локк, Д. Юм, А. Смит и др.).

Но эти же современные черты были еще в XVIII - начале XIX вв. присущи в той или иной степени не только Англии, но и другим передовым странам Европы, в частности, Франции (а также США). Ф. Бродель справедливо указывает: “Индустриализация была эндемична для всего континента Европы. Сколь бы блистательной и решающей ни была ее роль, Англия не одна несла ответственность и была изобретательницей промышленной революции... Не вызывает сомнения, что Европа (по причине еще более, возможно, социальных и экономических структур, чем технического прогресса) одна оказалась в состоянии довести до благополучного завершения машинную революцию, следуя за Англией” [5, с. 573,551].

В еще большей мере современные черты (характерные для Англии XVIII в.) были присущи уже *Нидерландам XVII в.*, с Амстердамом, тогдашней столицей “мира-экономики”. Это, кстати, отразилось и в духовной жизни, где сверкали имена Рембрандта, Гюйгенса, Спинозы, Гуго Гроция, Левенгука и др. А еще раньше все эти черты проявлялись в *городах Северной Италии* - Флоренции, Венеции, Милане, Генуе и ряде других. “В Италии в начале XV в. наметилась образцовая революция - рождение территориальных государств, еще небольших по размеру, но уже современных: какой-то момент на повестке дня стояло даже единство Италии... В действительности именно в Ломбардии (того времени) начиналось то высокое сельское хозяйство, которое позднее познают Нидерланды и еще позднее - Англия, с известными нам последствиями... К XV веку Венеция, принимая во внимание спектр форм ее активности,

качество ее технических приемов, ее раннее развитие (все то, что разъясняла “Энциклопедия” Дидро, существовало в Венеции двумя столетиями раньше), была, вероятно, первым промышленным центром Европы... Флоренция, будучи богата землей, с XIV и XV вв. будет ввозить для себя зерно с Сицилии, а ближайшие холмы покроет виноградниками и оливковыми рощами... С конца XIII в. Флоренция, ремесленная деятельность которой до того времени была посвящена крашению суровых сукон с севера Европы, перешла к шерстяному производству, и ее промышленное развитие было быстрым и эффективным... Уже в XIV в. как раз Флоренция максимально развила промышленность и неоспоримым образом вступила в так называемую мануфактурную стадию (а также испытала первую в мировой истории попытку собственно “пролетарской” революции - восстание чомпи), именно здесь были изобретены чек и холдинг, а также двойная бухгалтерия (важнейший признак развитого капитализма, по М. Веберу)” [5, с. 567, 133, 104, 125]. И именно в Северной Италии, особенно во Флоренции, был зажжен светлый пламень Возрождения, заложившего основы современной европейской культуры.

Итак, общества, по важнейшим типологическим параметрам сходные с современным индустриальным, существовали в Европе еще до промышленного переворота. Это Англия XVIII века (а также США, в какой-то мере Франция и ряд других стран Европы), Нидерланды XVII в., ряд городов-государств Северной Италии XV-XVI вв. (Венеция, Милан, Генуя), а Флоренция - даже в XIV в. н. э.

2. 2. Древние Афины как современное общество

Те же самые черты современного (говоря марксистским языком, раннебуржуазного) общества были присущи и *древним Афинам* (а также другим передовым полисам Древней Греции)

периода их наивысшего рассвета, т. е. V - пер. пол. IV вв. до н. э. В какой-то степени, помимо ряда передовых полисов Греции (начиная с Милета в VI в. до н. э.), черты стадильной флуктуации проявляются ещё в один период античности: в некоторых районах Римской империи её “золотого века”, в эпоху Антонинов, особенно в конце I-го - первой половине II вв. н. э. В частности, *в древних Афинах были налицо все семь приведенных нами для раннекапиталистических обществ Нового времени типологических черт:*

1) Решительное преобладание свободного, в т. ч. наемного труда. По сути, это положение не оспаривается ни одним серьезным исследователем. Так, даже К. Маркс отмечал, что “экономической основой античного общества в наиболее цветущую пору его существования было мелкое крестьянское хозяйство и ремесленное производство свободных” [7, с. 346]. Особенно характерно государственное ограничение применения рабского труда в интересах занятости неимущих граждан: “Иногда чисто искусственными мерами поддерживался свободный труд и устанавливалась норма применения рабского труда. Так, например, в Афинах в V в. при Перикле число рабов, работавших на крупных общественных постройках, было сокращено до четверти общего числа работников” - писал В. С. Сергеев [8, с. 246].

Но тот же Сергеев утверждал: “Наличие свободного труда в античных обществах, однако, не превращало эти общества в капиталистические. Наоборот, свободный труд, где он применялся в античности, предполагал рабство как основную базу” [Там же]. - На это следует возразить цитатой из Ф. Броделя, ссылавшегося, в свою очередь, на того же К. Маркса: “Сущность меркантилизма, - кратко пишет в своей первопроеходческой книге Э. Уильямс [9, р. 30], - есть рабство. Это то, что Маркс выразил другими словами в одной фразе-

вспышке, единственной, может быть, по своей исторической содержательности: “Вообще для скрытого рабства наемных рабочих в Европе нужно было в качестве фундамента рабство без оговорок в Новом Свете”... [7, с. 769] Причем существовало и широко распространенное и долго длившееся “рабство” белых (“слуги”, “законтрактованные”, чей “контракт” практически и означал многолетнее рабство). Белое “рабство” вступило в игру лишь в той мере, в какой не хватало индейского, а рабство негров развилось только из-за нехватки труда индейцев и рабочей силы, доставляемой из Европы. Там, где негр не использовался, например, для возделывания пшеницы к северу от Нью-Йорка, “слуга” (servant) сохранился вплоть до XVIII в” [5, с. 402-403, 406-407].

Приводящим же аргументы о том, что конкуренция с рабским трудом принижала социальный статус и ухудшала материальное положение свободных работников в Древней Греции, следует напомнить про аналогичную “дополняющую” роль внеэкономического принуждения, скажем, в Англии: “Работные дома - особые приюты для бедняков в Англии 17-19 вв., условия жизни в которых мало отличались от тюремных... В ходе промышленного переворота система работных домов была централизована (закон 1834 г.). В работные дома в принудительном порядке помещались все обратившиеся к общественной помощи. Угроза помещения в работные дома заставляла многих бедняков соглашаться на любые условия работы на фабриках, что позволяло предпринимателям снижать зарплату” [10]. В колониях Великобритании рабство было отменено лишь в 1834 г.

«Многочисленные законы о рабах, принимавшиеся в различных городах Италии в X-XV вв., преследовали цель держать рабов в беспрекословном повиновении и оградить права и интересы рабовладельцев от покушений третьих лиц на

эту живую собственность. Города обязывались выдавать друг другу беглых рабов. В течение всего средневековья в Италии велась довольно оживленная торговля невольниками... Следует иметь в виду, что за исключением метрополии Римского государства в период II в. до н.э. - I в. н. э., Балеарских островов в XII-XV вв. (где на каждого испанца приходилось по 10 и более рабов-мужчин, не считая огромного количества женщин), ряда районов Америки в XVI-XIX вв. и некоторых других случаев рабство нигде и никогда не составляло основу общественного производства» [11, с. 24, 28, 37-38].

Пункт 2): “Исключительное значение городов и городской жизни, очень значительный процент городского населения”, - для передовых *полисов* Древней Греции не нуждается в особых доказательствах.

3) V - первая пол. IV вв. до н. э. Афины были крупнейшим торгово-распределительным и торговым центром всего Средиземноморья. “Применяя сравнительно-исторический метод, исследователи приходят к выводу, что по объему торговли античные Афины находились на одном уровне с передовыми торговыми республиками средневековой Италии, превосходя вдвое торговые обороты Генуи... “Трапедзиты”, банкиры Эллады, по размерам и разнообразию проводимых ими операций, главным образом коммерческого кредита, не уступали банкам средневековой Италии” [12, с. 17]. “Афины, - пишет Ксенофонт (О доходах, 111), - с точки зрения морской торговли и судоходства - самый желательный и самый прибыльный город. Прежде всего он имеет превосходные безопасные гавани, где можно останавливаться во время бурь . Затем в большей части других городов каждый раз приходится набирать новую кладь, потому что монета этих городов совершенно бесполезна вне их пределов, в Афинах же не только имеется множество предметов для загрузки корабля, но если

торговец не пожелает нагружать корабль новым товаром вместо своего, то может везти самый чистый товар (деньги), так как где бы он ни продал афинское серебро, он везде получит больше”. “Из эллинов и варваров, - говорится в сочинении конца V в. до н. э. (“Псевдоксенофонта полития”, II, 11), - одни только афиняне могут иметь богатства. Ведь если какой-нибудь город богат кораблестроительным лесом, куда он будет сбывать его, если не убедит господ моря купить его? Если же какой-нибудь город богат железом, медью или льном, куда он будет сбывать все это помимо владык моря, т. е. афинян? По этой же причине мы (афиняне) имеем от одного государства дерево, от другого - железо, от третьего - медь, от четвертого - льняные материалы, от пятого - воск и т. д”. Афинский порт Пирей сделался транзитным пунктом, через который проходило множество всевозможных товаров, направлявшихся с востока на запад и обратно. Объектами вывоза Афин были предметы Афинского производства - металлические изделия, керамика, предметы роскоши, оружие и т. д. [8, с. 248-249]. В классическую эпоху Афины были городом, по своему промышленному развитию стоявшим впереди всех городов Греции [13, с. 127]. Причем большую часть афинской экклесии (народного собрания - высшего органа государственной власти Афин), как видно из “Воспоминаний о Сократе” Ксенофонта, составляли именно ремесленники - кожевенники, горшечники, сапожники и прочие, кто, по словам Аристофана (“Птицы”, 489-492) “по петушиной утренней песне поднимаются все на работу: ткачи, печники, скорняки, мукомолы, гончары, маляры, столяры, мастера по слесарно-кузнечному делу, обуваются наспех, впотьмах и бегут” [8, с. 245].

4) “Главным же предметом ввоза в Афины всегда оставался хлеб, так как небольшая и малоплодородная область Аттики не могла прокормить всего скопившегося там населения. Во

времена Демосфена (т. е. в сер. IV в. до н. э.) в Аттику ввозилось приблизительно 800 тыс. медимнов хлеба (т. е. свыше 40 миллионов литров зерна: питание примерно 200 тыс. человек! - И. Р.), т. е. вдвое больше собственного ежегодного урожая Аттики” [13, с. 122]. Основными же сельскохозяйственными культурами Аттики стали виноград и особенно оливки, причем основная часть оливкового масла отправлялась на экспорт. Налицо - очевидные признаки “высокого сельского хозяйства”, с соответствующим ему типом зажиточного и культурного крестьянина (фермера), любимого положительного героя комедий Аристофана.

5) “Государство защищало не только жизнь и имущество своих граждан, но и свободу их личности. Афинянина нельзя было подвергнуть заключению без судебного приговора, а человек, привлеченный к суду, если не надеялся на оправдание, мог покинуть город до рассмотрения своего дела... Полноправным гражданам политический строй Афин обеспечивал полноту политических прав и свобод. Применение жребия при замещении должностей предполагало, что любой гражданин может быть привлечен к управлению государством. Ежегодно сменяемые должностные лица регулярно отчитывались перед народным собранием и в случае признания отчета неудовлетворительным могли быть отозваны досрочно. Даже высшие должностные лица должны были руководствоваться волей народного собрания... В Афинах любой гражданин мог выступить в народном собрании с критикой должностных лиц, вносить предложения по вопросам внутренней и внешней политики. На сцене афинского театра, особенно во время представления комедий, подвергались критике отдельные аспекты политической и общественной жизни, в карикатурном виде изображались видные государственные деятели... Метеки-эмигранты и их потомки не

имели политических прав, не могли приобретать недвижимость и платили особый подушный налог. Но тем не менее... Афинское государство было заинтересовано в увеличении числа метеков (составляющего примерно треть или четверть свободного населения Афин), и в некоторые периоды принимались специальные меры по их привлечению. Метеков приписывали к афинским демам (“районным Советам”), законы защищали их интересы в большей мере, чем обычных чужеземцев - ксенов. А иногда им за заслуги даровали и гражданство... Проспартански настроенные авторы возмущались в числе прочего распущенностью рабов и метеков в Афинах: “... очень велика в Афинах распущенность рабов и метеков, и нельзя тут побить раба, и он перед тобой не посторонится... И по одежде и по внешнему виду тут народ нисколько не лучше и не отличается от рабов и метеков”, - писал один из них” [14, с. 187-189].

Кстати, и “положение рабов в Афинах стало легче, чем во многих других греческих государствах. Рабы здесь имели право убежища (в храме). За убийство раба его хозяин отвечал как за непредумышленное убийство. Объяснение этого интересного факта следует искать, с одной стороны, в демократической конституции Афин, а с другой стороны - в высоком экономическом уровне Афин” [8, с. 240]. Глубокое впечатление производит тот факт, что афиняне считали выполнение полицейских функций унижительными для свободного человека, и Афинское государство возлагало их на *рабов*, специально закупаемых в Скифии...

Следовательно, пункты 5) (правовое общество) и 6) (демократические начала) были также в полной мере присущи древним Афинам. Что же касается пункта 7) - современных черт в духовной жизни и идеологии, - то здесь следует отметить, что в истории Греции и древнегреческой культуры V

век до н. э. был эпохой бурного, фантастического роста, собственно “греческого чуда”, в результате чего во второй половине V в. до н. э., прежде всего в Афинах “золотого века Перикла” - центре тогдашней древнегреческой цивилизации - складывается весь комплекс классической древнегреческой культуры. Вообще почти все основные достижения древнегреческой цивилизации относятся к V-IV вв. до н. э. - времени наивысшего социально-экономического расцвета Афин.

Исключительно емкую характеристику Афин “золотого века Перикла” как *современного* общества Фукидид в своей “Истории” (2. 37-41) вкладывает в уста самого Перикла в его знаменитой речи: “У нас городом правит не горсть людей, а большинство народа... В частных делах все пользуются одинаковыми правами по закону. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести... В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не высказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни повинuemся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых... Со всего света в наш город стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны... Мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу... Мы

развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвальбы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но большой позор мы видим в том, что человек сам не старается избавиться от нее трудом. Одни и те же люди у нас бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике... Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать важное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против... одним словом, я утверждаю, что город наш - школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях” [15, с. 240-241].

Все “раннекапиталистические” общества были вольными торговыми городами и *господствующими торгово-промышленными центрами* своих миров-экономик. Именно расположение в центре всех торговых путей создавало аномально высокую для технологии той эпохи концентрацию материальных и духовных ресурсов, обуславливало утверждение в таких центрах более современного образа жизни. Утрата же, скажем, городами Италии после великих географических открытий их торгового преобладания привела страну не столько к экономическому упадку (он был не всеобщим), сколько именно к рефеодализации страны, что особенно характерно для Италии XVII в.

2. 3. Современные черты общества Финикии

Была ли Древняя Греция VI-IV вв. до н. э. первым в мировой истории примером общества во многом современного типа, или же подобные исторические ситуации возникали и раньше? - Да, у древних греков были прямые и непосредственные предшественники (и конкуренты) - древние **финикийцы**, первый из народов, захвативших торговую гегемонию на всём Средиземном море, с главным городом Тиром. Знамениты были также финикийские города Библ, Сидон, Берит. Расцвет древней Финикии приходится на первые века I-го тысячелетия до н. э., место действия - территория современного Ливана. ***В древней Финикии уже были налицо все выделенные выше черты «раннекапиталистического» общества.***

В Финикии уже было «высокое сельское хозяйство», чему способствовали и особенности местных природных условий: «Финикия занимала узкую приморскую полосу вдоль северной части восточного побережья Средиземного моря, окаймлённую с востока Ливанскими горами, подступающими местами почти вплотную к берегу. Эта особенность природных условий Финикии отразилась даже в названиях важнейших населённых пунктов. Так, название города Библа (по-финикийски - Гебал) означает «гора», города Тира (по-финикийски - Цур) - «скала». Возможности для пашенного земледелия ввиду недостатка удобных земель были ограничены, но имевшиеся земли всё же могли интенсивно использоваться, так как ветры с моря приносили обильные дожди. Здесь преобладало садоводство, разводили оливковые деревья, финиковые пальмы, виноградную лозу и др. Кроме садоводства важнейшую роль играло рыболовство» [16, с. 384-385]. Причём, если «во II тысячелетии до н.э. Финикия была конгломератом городов-государств, владевших сельскохозяйственной территорией, на

которой жило подавляющее большинство населения» [17, с. 444], то в последующую эпоху уже «собственное сельскохозяйственное производство Финикии играло второстепенную роль» [16, с. 496]. А это значит, что **хлеб в Финикию ввозился**. Следовательно, основой экономики был уже вторичный сектор: торговля и ремёсла.

«Главные города Финикии - Тир, Сидон и Библ богатели за счёт транзитной торговли, перепродавая египетские и вавилонские товары в Грецию, а греческие - на Восток. По-прежнему вывозились в Египет и Двуречье лесоматериалы (знаменитые ливанские кедры, - *И. Р.*), но особое значение приобретает вывоз ремесленных изделий. Тир славился своими красивыми мастерскими, где привозная шерсть окрашивалась пурпурной краской, выжимаемой из моллюсков, добывавшихся и в самой Финикии, и в других местах Средиземного моря. Сидон был главным центром по изготовлению стеклянных изделий. По словам Плиния, само стекло придумали в Финикии и там же, в Сидоне, впервые изобрели стеклянные зеркала [18, с. 144-145]. Высоко ценились на Востоке и в античном мире ювелирные изделия финикийских мастеров: золотые и серебряные чаши, ожерелья, рельефы на пластинках из слоновой кости и др.

...В конце II-I половине I тысячелетия до н. э. финикийцы фактически господствовали в Средиземном море и монополизировали международную торговлю. В их руках находилась вся внешняя торговля Египта» [19, с. 236-237]. На востоке сложившаяся ко VIII в. до н. э. благодаря деятельности финикийских купцов грандиозная по своей протяженности система транзитной торговли простиралась до Луристана (Западного Ирана) - и даже далее, охватывая весь Ближний Восток [20, с. 213]. Финикийцы осуществили широкую колонизацию бассейна Средиземного моря, особенно его

западной части, где они обосновались прочно и надолго, заселив Западную Сицилию, Сардинию, Мальту, Балеарские острова, всё побережье Северной Африки (где позднее возникла Карфагенская держава) от Триполитании (Лептис) до Атлантического побережья Марокко (Ликс), а также основав колонию Кадир (теперь Кадис) на юге Испании. Таким образом, на западе торговая империя финикийцев простиралась до Британских островов и западного побережья Чёрной Африки (где те выменивали золото), на востоке же известны торговые экспедиции финикийцев на восточное побережье Африки, в Южную Аравию и даже в Индию («в страну Офир») [21, с. 150].

Возможно, колонии финикийцев существовали и на морях Индийского океана. Именно так можно истолковать странное известие Страбона (16. 3. 4) о том, что в Персидском заливе есть «острова Тир и Арад, где находятся святилища, похожие на финикийские. По крайней мере жители островов утверждают, что одноименные финикийские острова и города являются их колониями» [22, с. 709]. Принято считать, что архипелаг Дильмун (Бахрейн) в *Персидском заливе* был с конца II тыс. до н. э. колонизирован финикийцами [174, с. 329]. Возможно, финикийцы владели колониями и на *Чёрном море*: например, у Плутарха (Лукулл, XXIII) есть упоминание о том, что городом Синопой до греков владели «сирийцы» [23, с. 133].

Недаром Ф. Бродель в своей уже цитированной книге называет тип дисперсной колониальной «империи торговых постов», созданной венецианцами на Средиземном море, а затем по её образцу португальцами и голландцами на Индийском океане, «империей по-финикийски»: здесь финикийцы действительно были первыми! А в другом месте Ф. Бродель прямо отмечает Финикию как первый пример центра мира-экономики: «С очень давних времен имелись общества, цивилизации, государства и даже империи. Двигаясь

семимильными шагами вспять течения истории, мы сказали бы о древней Финикии, что она была по отношению к обширным империям как бы наброском мира-экономики» [5, с. 16].

Соответственно современному типу экономики и социальная верхушка Финикии приобрела ярко выраженный буржуазный, а не феодальный характер: здесь господствуют уже не землевладельцы или служилая бюрократия, а **капиталисты**: «В городах Финикии, в частности, в Тире мы видим в IX в. до н. э. лишь небольшую прослойку землевладельческой знати. Так, в легенде об Элиссе (Дидоне - основательнице Карфагена) ничего не сказано о связи выселенцев с земельными участками, зато речь идёт об их кораблях. Вполне возможно, что это была знать, разбогатевшая на морской торговле. В пользу высказанных предположений говорит также и то, что ассирийский царь Салманасар III «брал дань с кораблей людей Тира и Сидона», а отнюдь не всегда с царей города, хотя и последние в анналах также упоминаются. Вполне возможно, что отсутствие сильной царской власти характерно для Финикии на протяжении всего IX, да и не только IX в. до н. э.» [24, с. 223]. Пророк Исайя (23.8) писал о Тире: «ваш ликующий город, который раздавал (царские) венцы, которого купцы - князья, торговцы - знаменитости (своей) земли» [25]. Юстин отмечает как важнейшую причину процветания Тира «бережливость и упорное трудолюбие его жителей» [26, № 3/54 (18, 4)], привет ему от Макса Вебера с его «духом капитализма»: «Решающий для проникновения нового духа сдвиг совершался, как правило, людьми, прошедшими суровую жизненную школу, осмотрительными и решительными одновременно, людьми сдержанными, **умеренными и упорными** по своей природе» [27, с. 89].

Хотя рабство в городах Финикии было достаточно развито, основу экономики, как и в древних Афинах, здесь создавал

свободный труд: «В финикийском ремесле труд свободных играл значительную роль, так как при изготовлении стекла, знаменитых пурпурных тканей, чаш из драгоценного металла, мелких изделий из слоновой кости и т.д. мог применяться только инициативный, заинтересованный в результатах своего труда работник... Уже во времена египетского владычества земледелием занимались «хупшу» - «свободные»... Все эти ремесленники и земледельцы, даже работая по найму или арендуя землю, полностью сохраняли личную свободу... Сила народа в финикийских городах-государствах была обусловлена тем, что из его среды рекрутировалась основная масса воинов как в сухопутное войско, так и на корабли. Народ призывался в сухопутное войско - в пехоту и в команды боевых кораблей - по своим селениям и городским кварталам, в то время как знать выступала в качестве колесничих и поставляла командный состав флота» [16, с. 387-388]. Всё как в Афинах! И, как и там (но только в результате реформ Солона, т.е. значительно позже), в городах Финикии, было уничтожено долговое рабство: сведения о рабах-должниках в источниках I тысячелетия до н. э. отсутствуют [19, с. 237]. Кстати, поскольку завоевательных войн финикийцы почти никогда не вели, постольку и роль рабов-военнопленных также была весьма незначительной [Там же].

Характерной чертой финикийских городов была **постоянная социальная напряженность**, выливавшаяся порой в исключительно острые социальные конфликты. Собственно, именно это в первую очередь послужило причиной финикийской колонизации Средиземноморья, может быть, даже в большей степени, чем позднейшей колонизации греческой. Так, Саллюстий (LXXVIII, I) прямо пишет о городе Лептисе, что он был основан выселенцами из Финикии, «бежавшими из-за гражданских раздоров» [24, с. 222]. Также «чрезвычайно

интересно в этой связи сообщение Саллюстия, восходящее, по собственным словам писателя (Bell. Jugurth., XVII, 7) к пунической традиции. Он пишет (XIX, I): “Финикияне, одни ради уменьшения населения на родине, а другие из жажды власти возбуждая плебс и прочих, жадных до новшеств, основали на морском побережье (Африки) Гиппон, Хадрумет, Лептис и другие города”. Из этого сообщения следует, что в колонизации участвовали плебеи и “прочие, жадные до новшеств”. Видимо, в финикийских городах существовало антиолигархическое движение, активных участников которого привлекали к себе основатели колоний. Это движение не было однородным по своему социальному составу. Противопоставление плебей “прочих” показывает, что в нём принимали участие и отдельные представители состоятельных кругов, не имеющие непосредственного доступа к власти» [28, с. 11-12]. Всё это очень напоминает позднейшую социально-политическую обстановку в городах Греции архаического периода, с их борьбой пёстро по своему составу «демоса» («третьего сословия») с аристократией-эвпатридами.

Заканчивалась эта борьба в Греции демократическими переворотами, важнейшей составляющей которых была отмена долгового рабства и освобождение рабов-соотечественников. Но если в Афинах это произошло мирным путём в результате реформы Солона, то в Финикии, в частности, в Тире, события приобрели характер социальной революции. Античное предание о победоносном восстании рабов в Тире сохранил позднеримский историк Юстин: «Тирянам пришлось претерпеть унижительные мучения от своих рабов, ставших слишком многочисленными. Они составили заговор, перебили весь свободный народ и господ и так, став хозяевами города, овладели очагами господ, вторглись в государственные дела, переженились и, хотя сами свободными не были, объявили об

освобождении рабов». Из свободных уцелел якобы только некий Стратон с малолетним сыном, которого рабы «думая, что они спасены каким-то богом, избрали в цари. Когда он умер, власть перешла к его сыну, а затем к его внукам. Слух о преступлении рабов распространился повсюду, это был устрашающий пример для всего мира». Причём Юстин подчёркивает, что жители Тира ещё во времена Александра Македонского представляли из себя потомков тех восставших рабов [26, № 3/54 (18, 4)]. Ряд исследователей относит это событие к IX веку до н.э. [16, с. 497].

Трудно сказать, насколько это предание достоверно, хотя очевидно, что оно всё же имеет под собой какую-то реальную почву. Но бесспорно, что известная и по другим источникам острая политическая борьба за власть в Тире IX в. до н.э. иногда отражала не только соперничество знатных родов, но и конфликт между народными массами и аристократией [30, с. 28-29]. Весьма характерна в этом смысле и легенда об основании Карфагена. После смерти царя Мутто в Тире остаются его сын Пигмалион и дочь Элисса, «но народ передал царскую власть Пигмалиону, ещё очень молодому». Мы видим здесь борьбу «народа» с «сенаторами», т.е., по-видимому, старейшинами города, представителями знати. В данном случае победителем вышел «народ» («демос»), и после убийства мужа Мелиссы, жреца Мелькарта, «который был вторым по почётному положению после царя», они вынудили противников к выселению из Тира.

По всей вероятности, именно в конце IX в. до н.э. влияние народных масс на управление государством усилилось. Ясно, что царская власть в Тире этого времени не была деспотичной, а должна была считаться с мнением как совета старейшин, состоявшего из торговой знати («купцы - князья этой земли»), так и с мнением народного собрания [24, с. 223]. Т. е. можно

говорить об элементах демократии и о зачатках **правового государства**. И всё это в IX в. до н. э., когда в Греции ещё продолжалась «гомеровская» эпоха («темные века»), и городов ещё не было как таковых: «Спору нет: греческие города лишь постепенно и, по-видимому, не ранее VII в. до н. э. стали настоящими урбанистическими центрами» [139, с. 40].

Дж. Реале и Д. Антисери заявляют в своей книге: «Под влиянием греков западная цивилизация обрела направление, в корне отличное от восточного пути (...) Политическую свободу древних греков можно оценить должным образом, если сравнить ее с условиями развития восточных народов. Выбирая религиозные предпочтения, греки были практически свободны. В области политики ситуация была сложнее, но именно они, понимая опасность произвола, создавали первые политические институты демократии. Восточный человек и в религии, и в политике обязан был слепо повиноваться авторитету власти. К VI в. до н. э. Греция из аграрной страны постепенно превратилась в центр ремесленных промыслов и торговли. Первыми центрами стали ионийские колонии, Милет и другие города – цветущие оазисы. (...) Аристократические формы правления неуклонно преобразовывались в республиканские. Потребность в научных открытиях становилась все острее, разум активизировался в наступлении на суеверия [132, с. 5, 11]. – Очевидно, что эти философы **не знают истории**.

«Обозначением города у испанских финикийцев было *ḥm*, что по первоначальному смыслу означает “народ”, а в пунических надписях – “община”. Совпадение обозначения города и живущего в нем народа предполагает, что именно народ считался высшей властью в этом городе, хотя бы формально» [79, с. 46]. **Античный полис как развитая и ставшая форма социального строя впервые сформировался именно в городах Финикии**. Так что «западная цивилизация

обрела направление, в корне отличное от восточного пути» уже под влиянием финикийцев. «Заметим, что античные философы восхищались конституцией Карфагена и приравнивали ее к конституции Лакедемона (Спарты) как одну из самых замечательных законодательных систем своего времени» [133, с. 73].

2. 4. Финикийская культура

Отразился ли этот экономический и социальный взлёт городов Финикии в X - первой половине VIII вв. до н.э. (до ассирийских нашествий) и в сфере культуры? Да, именно в этот период финикийцы вышли в авангард культурного развития всего человечества. Остановимся хотя бы на *пяти* их блестящих достижениях той эпохи:

Во-первых, это знаменитые *корабли финикийцев*, имя которых «галера» вошло во все европейские языки. Они заложили основы всего последующего мирового кораблестроения. «Суда финикийцев уже в X в. до н. э. имели основные элементы конструкции современных судов (киль, шпангоуты, штевни, наружную обшивку); деревянные внутренние крепления сделали ненужными обычные для египетских судов натяжные сооружения из канатов и балок» [31, с. 48]. Отметим, что корабельный таран «тоже можно считать изобретением финикийцев», как и четкое разделение на разные типы военных и торговых кораблей. «В искусстве мореплавания финикийцы были ведущими... Они, по-видимому, были первыми из народов Средиземноморья, кто перешел к плаванию в открытом море... Научившись ориентироваться по Полярной звезде, финикийцы преодолели, таким образом, и трудности, связанные с плаванием ночью» [105, с. 104-106].

Во-вторых, это финикийский *алфавит*, впервые в мире изобретённый именно финикийцами. (Кстати, они уже придумали и обозначение гласных на письме, просто использовали его нерегулярно, факультативно). «От финикийского письма ведут происхождение почти все буквенно-звуковые системы письма. К нему восходят самаритянское, арамейское письмо (а из него - еврейское, набатейское, арабское письмо и другие алфавиты Передней Азии, включая косвенно грузинский и армянский, а также согдийское, уйгурское и монгольское письмо). К ранним вариантам финикийского письма восходят фригийское и греческое письмо (и производные из последнего, включая латиницу, кириллицу и многие другие), а также письмо брахми вместе с происшедшими из него письменностями Индии, Юго-Восточной Азии и Тибета» [17, с. 443-444].

Третьим великим (хотя и очень спорным по последствиям) достижением финикийцев стало создание военных машин. Собственно, *машинами* сначала назывались именно первые созданные в древности осадные и метательные машины. Афиней пишет в своей книге «О машинах»: «Говорят, таран впервые был изобретен карфагенянами при осаде Гадира. Когда они, еще до осады города, пытались захватить одну крепостцу и хотели разрушить до основания ее стены, какие-то молодые люди не имея ничего подходящего, схватили бревно, и ударяя им в стену, разрушили ее без особого затруднения на большом протяжении. Этот случай наблюдал и над ним задумался один тириец, корабельный мастер, по имени Пефрасмен. Позже, во время осады города гадейритов, Пефрасмен поставил мачту, а сбоку от нее повесил поперек другое бревно в наклонном положении, наподобие коромысла висячих весов, и ударял им в стену, приводя бревно в движение с помощью антиспаста. Осажденные не знали, как защищаться от такой незнакомой им

машины, и случилось так, что стены скоро обрушились. После этого карфагенянин Герас соорудил деревянный настил на колесах и повесил над ним таран; он устроил так, что таран раскачивали не с помощью антиспастов, а его толкала толпа людей под защитой двускатной крыши (...) причем назвал все сооружение «черепашьей» из-за его медленного движения [32, с. 415-416]. Это событие (захват Гадиры) датируют серединой или второй половиной VII в. до н. э. [33, с. 42].

Во время похода Александра Македонского в IV в. до н. э. Тир семь месяцев выдерживал осаду македонян - это вообще была едва ли не самая тяжелая для македонян кампания за время всей войны. Александр четко понимал стратегическое значение города: «Если мы сметем Тир, то вся Финикия будет нашей и к нам перейдет финикийский флот, а он у персов самый большой и сильный» [34, с. 94 (II. 17)]. Македоняне во время осады насыпали дамбу, которая соединила остров Тир с материком, и так сумели взять город. При этом другие города Финикии (Сидон, Библ, Арад, Берит, Китий) выступили на стороне Александра и очень серьезно помогли ему флотом (а также, вероятно, и военными машинами), но зато после победы спасли от казни и рабства очень многих тирян. Но здесь следует обратить внимание именно на особую роль *военной техники* (Диодор, XVII, 40-47): «Имея богатый запас катапульта и других осадных машин, тиряне легко настроили и много различных других при помощи машиностроителей и других ремесленников всякого рода. Этими орудиями, столь разнообразными и странными для представления, заполнилась вся осада города особенно в том месте, где дамба приближалась к городу (...) Тиряне, имея корабельных ремесленников и машиностроителей (т. е. «машиностроение» было у них одним из главных ремесел. - И. Р.), устроили у себя искусные защитительные приспособления. Против стрел из катапульта они поставили

колеса с частыми промежутками: вращая их при помощи машины, они частью переломали стрелы, частью притянули их, и у всех отняли силу удара. Принимая камни из машин на мягкие и упругие приспособления, они лишали их силы, сообщенной машиной...» и т. д. [41, с. 134-141].

Интересно, что эти достижения финикийцев очень рано усвоили их соседи, в том числе и евреи. Так, в Библии рассказано о царе Иудеи Озии (Узия; правил в 785-733 гг. до н. э.): «И сделал он в Иерусалиме искусно придуманные машины, чтоб они находились на башнях и на углах для метания стрел и больших камней. И пронеслось имя его далеко; потому что он дивно оградил себя и сделался силен» (2-я Паралипоменон 26:15). Вероятно, именно тогда, примерно в конце IX – начале VIII в. до н. э. такие метательные машины и были «искусно придуманы» финикийцами.

Четвертая вершина, менее известная - **архитектура финикийцев**. «Для городов Финикии, обычно располагавшихся на островах или полуостровах, характерны многоэтажные дома с небольшими окнами вверху и мощные зубчатые стены с башнями (изображение Тира на ассирийских рельефах IX-VIII вв. до н. э.) [36, с. 239]. Страбон говорит о многоэтажных домах Арвада и Тира, причём дома Тира даже выше римских домов [36, с. 240] (А в Риме тогда строили и в 6-7 этажей!). Но ведь **никто** до финикийцев не строил **многоэтажных** жилых домов! Именно здесь впервые в мировой истории сформировался современный урбанистический ландшафт: «О шестиэтажных домах в Карфагене упоминает Аппиан (Lub. 128). В Карфагене была найдена золотая подвеска, изображающая подобный многоэтажный дом с плоской крышей и прямоугольными почти квадратными окнами, лишенный всяких украшений» [79, с. 43]. Возможно, эта традиция финикийского градостроительства сохранилась до наших дней в древнем облике ряда городов

Йемена – страны Саба, родины легендарной царицы Савской, ездившей в гости к царю Соломону [133, с. 75].

Причём эта современная по духу архитектура создавалась с помощью современных же строительных приёмов. В частности, именно финикийцы впервые изобрели **бетон**: «Заслуживает внимания то, что финикийцы, возводя стены, наполняли деревянную форму уже не землёй или глиной, как это делали хетты, а смесью извести и песка, т. е. уже применяли принцип бетона» [36, с. 239]. В «Большой Советской Энциклопедии» о бетоне даётся такая историческая справка: «При возведении массивных сооружений и таких конструкций, как своды, купола, триумфальные арки ещё древние римляне использовали бетон и в качестве вяжущих материалов применяли гипс, глину, известь, асфальт. С падением Римской империи применение бетона прекратилось и возобновилось лишь в XVIII веке в западноевропейских странах» [37, с. 280]. Нет сомнений, что римляне в своё время позаимствовали бетон (через Карфаген) у финикийцев. Встречается в литературе и такое сообщение: «Пунийцам также принадлежит изобретение мощения улиц» [133, с. 136].

В общем, глубоко прав был И. Ш. Шифман, крупнейший специалист по финикийцам среди писавших на русском языке, когда утверждал: «О культуре финикийцев известно мало, однако то немногое, что всё же известно, говорит о влиянии, которое они оказали на весь средиземноморский мир. Объём этого влияния и его интенсивность были, несомненно, гораздо больше, чем это на первый взгляд представляется по имеющимся в нашем распоряжении материалам» [38, с. 196].

Следует обратить внимание на то, что **все** последующие **центры европейско-средиземноморского мира-экономики** сыграли основополагающую роль в развитии культуры человечества. Логично предположить такую же роль **ведущего**

центра мировой культуры и для *Финикии*. В Финикии *должна* была быть великая культура, в т. ч. и философия.

О достижениях финикийцев в духовной сфере известно до обидного мало: собственно финикийских текстов, за исключением нескольких эпитафий и посвячительных надписей, до нас не дошло. Но... рукописи не горят! Кое-что мы все-таки знаем. Так, Иосиф Флавий отмечал: «Есть у тирян с давних времён весьма тщательно сохраняемые летописи, в которых записаны достопамятные дела, происходившие у них и совершённые против других. В этих летописях говорится»... (далее приводится отрывок из тирских хроник о царях Тира)... В доказательство же того, что сказанное о письменных памятниках тирян - не выдумка, приведу свидетелем Дия, который пользуется славой достоверного писателя и основательного знатока финикийской истории» [39, с. 23-25 (1. 17)]. Далее следует небольшая цитата из финикийского историка Дия (о котором более ничего не известно). Дошли до нас имена и других финикийских историков - Менандра и Санхунйатона (с последним мы ещё познакомимся поближе). То есть известно, что: а) были финикийские летописи и б) - были *финикийские историки*, писавшие на основании них свои книги (задолго до Геродота).

Очевидно, что финикийцы внесли большой вклад и в развитие *географии*: «Предполагают, что при перечислении народов в Книге Бытия (X) использована какая-то финикийская карта. Вавилонянам было присуще представление об океане, кругом обтекающем всю землю, которая, по их воззрениям, имела вид идеального круга. То же самое полагали и гомеровские греки, как это видно, например, из описания щита Ахилла (Илиада II, XVIII, 606-607). Почерпнули вавилоняне и греки эти представления от финикийцев, или они возникли спонтанно, как это могло быть у всякого народа, живущего у

берегов моря? Во всяком случае надо отметить, что само слово “*океан*” - негреческое и даже вообще неиндоевропейское. Среди предположений о происхождении этого слова есть и мысль о его финикийском истоке. Диодор (V, 20, 1) связывает наименование внешнего моря “океаном” с путешествиями финикийцев» [79, с. 64]. Во всяком случае, всеми признано, что слова «*Европа*» и «*Азия*» происходят от финикийских слов «эреб» и «асу» – «запад» и «восток». «Относительно происхождения слова “*Африка*” среди ученых существуют разногласия. Заслуживают внимания две гипотезы: одна из них объясняет происхождение слова от финикийского корня ф-р-к, который при определенной огласовке означает “отделившийся”, т. е. указывает на отпадение нового города (имеется в виду Карфаген) от метрополии» [163, с. 435].

«Особый интерес представляет свидетельство средневекового грамматиста Клемента Шотландского, работавшего при дворе Карла Великого (VIII в. н.э.), со ссылкой на позднего латинского грамматика Исидора из Севильи (конец V - начало VI вв.) о существовании у финикийцев тщательно разработанной *грамматической теории*, привлекавшей к себе внимание античных учёных некоторой необычностью своих положений» [40, с. 19].

Страбон пишет (16. 2. 24): «Предание изображает сидонян мастерами во многих изящных искусствах, как об этом ясно говорит и Гомер. Кроме того, они занимались научными исследованиями в области астрономии и арифметики, начав со счетного искусства и ночных плаваний. Ведь каждая из этих отраслей знания необходима купцу и кораблевладельцу. (...) [Геометрия], как думают, перешла к грекам от египтян, а астрономия и арифметика - от финикийян [41, с. 709]. - Обратим внимание, на то, что астрономия у финикийцев возникла в связи с тем, что они первыми среди народов Средиземноморья

отважились плыть вдали от берега, *в открытом море*, т. е. отважились на ночные плавания. Затем Страбон еще раз повторяет широко распространенное в античном мире мнение, что именно *финикийцы были изобретателями арифметики* (17. 1. 3): «Счет и арифметика возникли у финикийцев благодаря их торговле» [41, с. 728].

Все последующие центры мира-экономики славились своим *изобразительным искусством*. Смущает не слишком восторженная оценка изобразительного искусства Финикии российскими специалистами: «Так называемое «сиро-финикийское» искусство отличается наибольшей эклектичностью. Во 2 - начале 1 тысячелетия до н. э. иконография этого искусства являет черты механического соединения египетских и вавилонских художественных приемов и мотивов. Однако уже само воздействие двух традиций, наряду с политической разобщенностью страны, не благоприятствовавшей какой-либо культурной унификации, делает сиро-финикийского художника несколько более свободным от канонов, в частности, позволяет ему при трактовке образа человека отходить и от одного, и от другого канона, изображать человека в более естественных поворотах, в более живом движении. Тем не менее художественному видению сиро-финикийских художников недостает цельности, органичности, хотя здесь были созданы в своем роде замечательные произведения, особенно в области резьбы по слоновой кости и в металлопластике (резьба по металлу). (...) [Здесь существовала] какая-то традиция, аналогичная аккадскому искусству с его стремлением к правильности пропорций человеческой фигуры и поискам портретности» [42].

В целом формулировки об «эклектичности» и «неорганичности» финикийского искусства представляются очевидно надуманными. Характерно, что составители этой

претендующей на полноту работы обо всем искусстве Древнего Востока не удосужились привести ни одного (!) изображения произведений изобразительного искусства из Финикии эпохи ее расцвета. Да и в самом приведенном отрывке авторы признают, что в Финикии художники в изображении были более свободны от канонов, чем где-либо еще на Ближнем Востоке.

В остальном мире изобразительное искусство Финикии оценивают более объективно: «Две формы финикийских и сирийских ремесел *занимают ведущее место среди всех видов древнего искусства Ближнего Востока* (Выделено мною. - И. Р.): резьба по слоновой кости и ее ювелирная отделка, а также роспись обрядовых чаш и других бронзовых предметов. Одни из лучших экземпляров этих видов искусства находятся среди обширной коллекции вещей, импортированных либо награбленных последними царями Ассирии и найденных в их дворцах, в частности, в Нимруде. (Рисунок 19: Лев загрызает эфиопа, пластинка из слоновой кости, украшенная золотом и инкрустацией. Нимруд. Британский музей). В Сирии и Палестине резьба по слоновой кости имеет долгую историю, это отражено в известных коллекциях из Мегиддо, часть которых датирована 14 веком до н. э. Много исследований посвящено изучению их художественных деталей, особенно тех, которые отличались от египетских и представляли собой собственный вклад местного ремесла» [65].

Здесь следует иметь в виду, что других видов произведений финикийского искусства до нас почти и не дошло. Но достаточно лишь взглянуть на одну пластинку из Британского музея «Лев загрызает эфиопа», чтобы понять, что искусство Финикии также представляет собой великую вершину, что ментальность его создателей была куда ближе к нашей, чем ментальность жителей Древнего Египта или Ассирии.

2. 5. Об открытии финикийцами Америки

Для всех «раннебуржуазных» обществ характерен дух новаторства, смелые путешествия, выливавшиеся в великие географические открытия. Достаточно вспомнить плавание голландца Тасмана, англичан Дрейка, Кука или то, что Христофор Колумб, как и Америго Веспуччи, были *итальянцами*. Древние греки тоже прославились этим, например, Пифей из Массилии, обогнувший в V в. до н.э. Британию и плававший до далёкой страны Туле (вероятно, Скандинавии). Но и на этом фоне достижения финикийцев выглядят фантастично: помимо плаваний в Индию («страну Офир») и к Британским островам, они более чем за две тысячи лет до Васко да Гамы *обогнули Африку*, о чём писал Геродот: «Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии. Это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикийян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столбы, пока не достигнут Северного (Средиземного - *И. Р.*) моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикияне вышли из Крас-ного моря и затем поплыли по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место Ливии не попадали, всюду обрабатывали землю, затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикияне обогнули Геракловы Столбы и прибыли в Египет. По их рассказам, - сам-то я этому не верю, пусть верит, кто хочет (и зря: в южном полушарии всё так и есть. - *И. Р.*) - во время плавания солнце оказывалось у них на правой стороне. Так было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию» [44, с. 197 (4: 42, 43)].

Наконец, весьма вероятно, что финикийцы были предшественниками Колумба, совершая плавания и в *Америку*. Вообще, из-за созданного журналистами налета дешевой сенсационности серьезные специалисты предельно сдержанны в этом вопросе. Часто эта сдержанность в свою очередь приобретает характер неоправданного гиперкритицизма. Тем не менее и вполне серьезные ученые признают, что сейчас имеются прямые археологические доказательства относительно *плаваний римлян в Америку и обратно*. Так, В. И. Гуляев приводит в качестве подобных доказательств находки римской статуэтки в древней гробнице в Мексике и клада клада римских монет на морском побережье Венесуэлы, а также изображения на фресках Помпеи и Геркуланума бесспорно американских по происхождению растений, в частности ананаса и анноны: «судя по данным ботаники, в I веке римляне знали американские растения и изображали их на стенах своих жилищ» [45, с. 74-77].

У Диодора Сицилийского в пятой книге его «Исторической библиотеки» есть рассказ о том, что финикийцы из Гадира (Кадиса; отсюда вышел и флот Колумба) были отнесены бурей к «превеликому острову, лежащему на запад от Ливии на расстоянии многих дней морского пути». «Он прежде по отдаленному своему от прочего света положению был неизвестен». На этом «превеликом острове» протекают судоходные реки, есть горы, леса, «бесчисленные сады с плодами, приятными водами разделяемые» (мексиканские ирригационные каналы?). «Деревни там также богато выстроенные, и питейные дома [вероятно, хорошо известные этнографам «мужские дома». - И. Р.] в садах прекрасно расположенные везде встречаются». «Для охоты много там зверей всякого рода, которых изобилие делает пиры веселыми и пребогатыми», - видимо, морякам доводилось участвовать в

подобных пирах в их честь [46, с. 165-167]. Всё это куда более похоже на Новый Свет, чем на Канарские острова - на них засушливый климат. Острова Азорские, Мадейра и Зеленого мыса в древности были *необитаемыми*, а других подходящих островов в Атлантическом океане вообще нет. Значит, здесь могла идти речь *только* об Антильских островах либо о самой материке Америки.

Вообще многие античные писатели высказывали предположение о существовании огромного материка к западу от Атлантического океана. Прежде всего сошлемся на знаменитый диалог *Платона* «Тимей», где речь идет о легендарной Атлантиде. Там говорится (24): «Через море [Атлантический океан] в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров [Атлантида], лежащий перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. (...) С него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов - на весь противоположащий [нашему] материк, который охватывал то море [Атлантический океан], что и впрямь заслуживает такое название (ведь [Средиземное] море по эту сторону упомянутого [Гибралтарского] пролива является всего лишь заливом с узким проходом в него, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком)» [47, с. 429-430]. То есть Атлантида ясно названа *островом*, с которого можно перебраться на другие острова в Атлантическом океане, а с них - еще далее на *“противолежащий”* нашему материк. Потом в результате катастрофы море в районе бывшей Атлантиды стало несудоходным из-за ила, но это еще не значит, что *“противолежащий”* материк стал вообще не доступен.

В любом случае Платон четко заявляет, что через Атлантический океан («море за Геракловыми столпами») в принципе можно переправиться, и что за ним находится «противолежащий материк» - и эта земля «воистину и вполне справедливо может быть названа материком». С точки зрения истории географических знаний древних греков это свидетельство *гораздо важнее*, чем весь последующий рассказ об Атлантиде.

Часто цитируют то место из «Тимея», где Платон говорит, что Атлантида была «больше Ливии и Азии, вместе взятых». Возможно, здесь какая-то ошибка - то ли переписчиков, то ли переводчиков. Дело в том, что в диалоге «Критий» (113) Платон приводит довольно точные размеры Атлантиды: «Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины, примерно вот в каком месте: от моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно в пятидесяти стадиях от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая» [47, с. 507]. Легко подсчитать, что ширина всего острова должна была составлять примерно 200 стадий. Один стадий примерно равен 193 метрам, так что ширина Атлантиды - примерно 40 км, что соответствует описанию Крита.

По смыслу больше подходила бы характеристика “больше Ливии и Азии” по *силе*, а не по размерам. Впрочем, греки часто называли Азией Персидское царство в целом. Ливией же называли Карфагенскую державу (“Достигнув могущества, карфагеняне овладели Ливией и большим пространством моря; они стали вести внешние войны, совершая походы в Сицилию, на Сардинию и на другие острова, которые находятся в этом море, а также в Иберию. Очень часто они стали посылать и колонии, и могущество их в военном отношении стало равно

эллиническому, по богатству же стояло на втором месте после персидского.” [48, с. 262]). Да и речь в этих диалогах идет именно о том, что некогда греки во главе с Афинами победили Атлантиду - врага, могущественного как персы и Карфаген («Ливия и Азия») вместе взятые.

К тому же сведения от египетских жрецов - это сведения как минимум из вторых рук. Возможно, в таком виде у них сохранилась память о Минойской державе Крита и ее гибели от извержения вулкана Санторин. Для нас же главное - то, что Платон твердо верил в существование огромного материка по другую сторону Атлантического океана.

Страбон в своей “Географии” (2. 5. 13) указывает: «“Обитаемым” миром мы называем тот, в котором живем и который знаем; возможно, что в одном и том же умеренном поясе два обитаемых мира и даже больше, особенно поблизости от параллели, проходящей через Афины, которая проведена через Атлантический океан» [22, с. 71]. В другом месте (2. 4. 6) он говорит: «Дать точные сведения о всей земле и обо всем “веретене”, о котором я говорил выше [сегмент северного полушария, лежащий между экватором и кругом, описанным параллельно ему у полюса, по форме представляет веретено], - это дело другой науки; например, поставить вопрос: обитаемо ли “веретено” также и на противоположной четверти? Конечно, если оно и обитаемо, то не такими людьми, как у нас, или мы должны рассматривать его как другой обитаемый мир, что вероятно» [22, с. 119].

А у **Сенеки** в трагедии “Медея” (364-380) есть такое поразительное пророчество: “Смирились теперь моря и любой приемлют закон, и не нужен Арго, что был слажен самой Паллады рукой (...): любая баржа повсюду плывет. Нигде никаких нет больше границ, на новой земле встают города, ничто не оставил на своих местах мир, открытый путям:

индийцев поит студеный Аракс, перс из Рейна и Альбиса пьет. Пролетят века, и наступит срок, когда мира предел разомкнет Океан, широко простор распахнется земной, и Тефия нам явит **Новый Свет**, и не Фула (Туле) тогда будет краем земли” [49, с. 15-16].

В свое время Бразилия была открыта именно португальцами, плывшими вдоль Африки, когда их бурей отнесло к берегам Нового Света. Текст Диодора местами дословно схож с письмами Америго Веспуччи, посвященными именно описанию Бразилии («Настолько сей остров благополучен, что божеским наипаче, а не человеческим кажется быть жилищем»). Указание на богатый животный мир также скорее подходит для материка, чем для Антильских островов. Впрочем, сведения свои Диодор получал в любом случае не из первых рук. Указание Платона на то, что «противолежащий» материк намного больше нашего, может свидетельствовать о том, что финикийцы сумели побывать в разных его местах.

Кстати, именно Бразилия является родиной **ананаса**, который бесспорно засвидетельствован на помпейских фресках. Вообще методологически неверно выделять отдельно географические знания финикийцев, греков и римлян. Все три народа принадлежали к единой **античной** цивилизации. Например, Гадир мирно вошел в состав Римской империи и еще несколько веков оставался в ней финикийским городом, постепенно романизируясь т. е. имела место ситуация **культурного континуитета**. Вообще все города финикийцев вошли в состав Римской империи (и процветали в ней). Так, Страбон пишет о Тире (16. 2. 23): «На свою беду Тир был взят Александром [Македонским] после осады. Тем не менее городу удалось преодолеть свои несчастья отчасти благодаря искусству мореплавания (в нем финикийяне всегда превосходили другие

народы), отчасти же благодаря своим красильным заведениям, изготовляющим лучший в мире пурпур. (...) Независимость Тира признавали не только цари [эллинистические. - И. Р.], но и римляне подтвердили царские постановления об этом, причем городу пришлось понести лишь незначительные издержки» [22, с. 701].

Поэтому правильно говорить не о «римлянах», а о «жителях Римской империи», а в отношении плаваний «римлян» в Новый Свет - скорее всего о тех же *финикийцах*. А через них ананасы вкупе с иными заморскими диковинками попадали на столы римских богачей с их знаменитыми «лукулловыми пирами». Вероятно, какая-нибудь купеческая фамилия из Гадира сотни лет ревниво сберегала монополию на поездки туда, держала в тайне, откуда они привозят экзотические фрукты и другие чудесные вещи. Такая секретность была в порядке вещей: «Жители Массалии, открыв новый путь в Страну олова (Британию) через Галлию, так строго хранили этот секрет, что еще в середине II в. до н. э. Сципиону и Полибию ничего не удалось узнать в Массилии об этих торговых сношениях (Страбон, IV, 2, 1). Сколь тщательно карфагеняне стремились скрыть свои сведения от других, показывает рассказ Страбона о карфагенском мореходе, который сам посадил на мель и разбил свое судно, чтобы только следовавший за ним римский корабль не обнаружил цели его плавания [41, с. 129]. Так что рассказ Диодора Сицилийского и ананасы на помпейских фресках - свидетельство уже достаточно *регулярных* связей с Новым Светом, а вовсе не однократного случайного плавания.

У ацтеков есть легенда о том, что все навыки цивилизованого образа жизни были принесены в Новый Свет одним бородатым и белокожим человеком по имени *Кецалькоатль*. В переводе с языка науа это имя означает

“Пернатый Змей”. Он приплыл к ацтекам на лодке с востока и туда же на восток потом скрылся, обещав когда-нибудь вернуться. Аналогичное предание есть и у майя. Там бородатого человека зовут Кукулькан, что в переводе с майяского тоже означает “Пернатый Змей”. Мифологический образ Кецалькоатля сам по себе - бесспорное доказательство реальности доколумбовых плаваний в Америку [50]. Кортес с горсткой конкистадоров сумел завоевать Мексику именно потому, что там его приняли за *вернувшегося из-за моря Кецалькоатля*. Но самое главное: *образ Пернатого Змея имеет финикийское происхождение*.

Вот что пишет об этом писатель IV в. н. э. Евсевий Кесарийский: «Природу дракона и змеи обоготворил сам Таавт [бог мудрости у финикийцев, близкий египетскому Тоту. - И. Р.], а после него уже финикияне и египтяне. По его учению, это животное более всех прочих пресмыкающихся обладает духом [Сравним: «Змей был хитрее всех зверей полевых» (Быт. 3. 1) - И. Р.]; оно отличается своею огненною природою, а также, благодаря своему духу, непревосходимой быстротою (...) Оно вечно и снова разрешается в себе. (...) Финикияне называют его Добрым Божеством. Подобным образом и египтяне дали ему имя Книф. Они придали ему голову ястреба, вследствие энергии этой птицы. И Эпей, названный ими величайшим толкователем таинств и иерограмматом (его перевел на греческий язык Арей Гераклеополит), иносказательно говорит дословно так об этом: *“первое, самое божественное - Змей, имеющий вид ястреба* [выделено мной. - И. Р.], весьма красивый. Всякий раз, как он открывает глаза, он наполняет все в своей первоизданной стране светом, и наступал мрак, как только он их закрывал» [35, с. 44-45].

При этом культ Кецалькоатля появился у народов Мексики в «среднеархаическое» время - т. е. именно в IX-V века до н. э. -

в эпоху плаваний финикийцев вокруг Африки. К этой эпохе относятся найденные археологами «изображения змееподобного пернатого существа» [51, с. 127].

У ацтеков и их соседей существовали разные варианты мифа о нескольких эрах («Солнцах»), каждая из которых заканчивалась вселенской катастрофой и гибелью человечества. Согласно одному из них, «Третья эра - «Солнце ветров» - связана с появлением на земле человеческих племен - ольмеков и шикаланков. Они истребили уцелевших великанов, основали Чолулу и распространились вплоть до Табаско. В эту эру появилось волшебное существо, называемое одними Кецалькоатлем, а другими - Уэмаком, которое якобы явилось основателем культуры и общественной морали. Народы остались глухи к его поучениям, и Уэмак удалился на восток» [52, с. 53].

В ацтеков сохранился древний миф о том, что когда Кецалькоатль понял, что в этой жизни имеет место грех и стареют лица, он уехал «на Восток, *в Землю черного и красного цвета* - в область знаний» [53, с. 111]. Тут следует обратить внимание, что древние египтяне называли свою страну «Та Кемет» - «*Черная земля*» в отличие от окружающих пустынных местностей, которые именовались «Красной страной» [19, с. 12]. При этом название Ханаан (Финикия) часто переводится как «Страна пурпурной краски», а само название «финикийцы» происходит от греческого «красные» и представляет собой лишь перевод слова «ханаанеи» [54, с. 4]. «Итак, “финикиец” - название чужеземное. Оно встречается уже в крито-микенском греческом языке и родственно среднеегипетскому “фенху” (fnh-w), а в греческом мире, во всяком случае со времен Гомера, оно получило прочные права гражданства. По своему значению оно связано с греческим словом “phoinix” - “темно-красный”. Поэтому обычно вспоминается пользовавшийся большим

спросом в древности финикийский пурпур. Но столь же вероятно, что своим происхождением название “финикиец” обязано темно-красному цвету “terra rossa” (“*красной земли*”)» [105, с. 83].

К тому же Финикия была тесно связана с Египтом культурно и часто зависела от него политически. В описанное Геродотом плавание вокруг Африки финикийцы отправились именно по приказу египетского фараона. А сведения о «противолежащем нашему» материке по ту сторону Атлантического океана Платон получил от египетских жрецов...

Между прочим, сам Колумб вопреки распространенной легенде вовсе не был «до конца жизни убежден, что доплыл до Индии». Так, в одном из своих писем к испанскому королю и королеве он говорит: «А Вы, Ваши высочества, обрели такие земли и их столько, что это иной мир» [55, с. 12]. При этом «Педро Мартир, зафиксировавший историю путешествий Колумба, в 1511 году писал, что великий первооткрыватель был уверен, что он нашел страну Офир, куда корабли царя Соломона приходили за золотом». Сын Колумба Бартоломе тоже подтверждал, что отец верил в это [56, с. 78]. Согласно Библии (3-я Царств, 9: 26-28 10: 11), это были *финикийские* корабли Хирама, царя Тира.

В любом случае по своим блестящим географическим открытиям финикийцы не имели себе равных вплоть до Колумба и Магеллана. Далее мы еще поговорим о возможном духовном влиянии финикийцев на доколумбовы цивилизации Америки, а также на народы Западной Африки.

3. Библия как творение финикийцев

3. 1. Этническое единство евреев и финикийцев

«Нам известно, что существовала обширная финикийская научная и художественная литература, но памятники её, до нас, к сожалению, не дошли», - меланхолически констатирует «Всемирная история» [16, с. 504]. Но всё не так печально. Потому что именно финикийцам человечество в огромной степени обязано тем, что появился и дошел до нас величайший памятник литературы - Библия.

Сразу следует уточнить: автор, разумеется, никоим образом не утверждает, что Библию целиком написали финикийцы, а не евреи. Речь идет о том, что *Библия в том виде, в каком мы ее знаем, не могла быть создана без прямого влияния и участия финикийцев.*

Современный образованный человек что-то слышал об отдалённом этническом родстве между финикийцами и древними иудеями («где-то как между арабами и евреями»), но в остальном для него эти народы, как говорится, «даже не однофамильцы». А между тем в рассматриваемую эпоху (I-я половина I тыс. до н.э.) это был *один народ*. «В древности сиропалестинский регион был населён племенами и народностями, говорившими на северо-западных семитских языках, которые, в свою очередь, делились на две группы - ханаанейско-аморейскую и арамейскую. В первой из них отчетливо выделяются две подгруппы - ханаанейская (финикийский и некоторые другие языки) и аморейская (угаритский, собственно аморейский языки). Еврейский язык занимает между ними промежуточное положение. Несмотря на различия, которые между ними существуют (например: ханаанейские языки «окающие», а аморейские - «акающие»), их носители хорошо понимали друг друга» [38, с. 187]. Носители таких

близкородственных языков, как русский и украинский (и даже носители, скажем, верхненемецких и нижненемецких диалектов немецкого языка) смогут понять друг друга лишь с большим трудом. Т.е. разница между носителями разных аморейско-ханаанских «языков», носители которых «хорошо понимали друг друга», примерно такая же, как разница между говорями южнорусского («акающего») и севернорусского («окающего») диалектов русского языка. Это был *единый язык*.

Более того, евреи первой половины I тыс. до н.э. использовали исключительно финикийское письмо: «Фактом является то, что евреи и финикийцы, насколько это можно проследить в истории, имели один и тот же алфавит. Мы располагаем сейчас камнем Мессы IX столетия и некоторыми печатями VIII и VII столетий. До II столетия письменность оставалась с некоторыми изменениями той же, какой мы знаем ее по еврейским монетам» [136, с. 367]. Собственно еврейское письмо появилось значительно позже: «Древнееврейское и подобные ему виды письма являются не более как местными пошибами финикийского письма I тыс. до н. э. (...) Характерный палестинско-еврейский вариант письма можно проследить начиная с II-I вв. до н. э. Именно из этой письменности постепенно развились формы букв современного еврейского алфавита» [129, с. 267, 313].

Вообще, завоеватели-израильяне и завоёванные ими ханаанеи очень быстро слились в одном народе. «Литературный язык Библии сложился на смешанной диалектической основе, сами же древние евреи называли этот язык не «иврит» (как впоследствии), а «кена'анит», т.е. «ханаанейский» [57, с. 233], - иначе говоря, финикийский.

«Характерно, что сами финикийцы не имели единого самоназвания, обозначая себя «людьми такого-то города»... В семитических источниках особого названия для Финикии и

финикийцев не встречается; названия Кинаххи, Кин'ана, или, по греческому тексту Библии, Ханаан, объясняемое некоторыми исследователями как «страна пурпурной краски», имеет более широкое значение, так как оно включает Палестину и отчасти Сирию. Столь же общие обозначения для всех этих стран употребляли и египтяне» [16, с. 388, 385]. Греческое же название первоначально обозначало только кличку торговцев из Сирии: «фойникес» - «красноватые», «смуглые». Геродот, например, пишет: «Гомер знал о скитаниях Александра (Париса) в Египте. Ведь Сирия граничила с Египтом, а финикийцы, которым принадлежит Сидон, живут в Сирии» [44, с. 114 (1. 116)]. Отец церкви Августин, происходивший из североафриканской колонии финикийцев, писал еще в начале V в. н. э.: «Жители страны на вопрос о происхождении отвечали на пуническом языке: мы ханаанеяне» [105, с. 83].

Точно так же не выделяли тогда из общей массы жителей Ханаана, «сирийцев», и древних иудеев (почему Иосифу Флавию затем и пришлось писать специальную полемическую книгу «О древности иудейского народа»). Тот же Геродот в другом месте отмечает: «Финикийцы и сирийцы, что в Палестине, сами признают, что заимствовали обычай обрезания у египтян» [44, с. 208 (2. 104)]. Т. е. очевидные древние иудеи для него - просто «сирийцы, что в Палестине». Просто Ханаан (Древняя Сирия) был политически раздроблен на несколько государств, и одно из них (наряду с городами собственно Финикии) - древняя Иудея.

Но ведь в точно таком же положении была и древняя Греция - Эллада! Кстати, и диалекты древних греков очень заметно отличались (дорийские, ионийские, эолийские и др.), хотя они хорошо понимали друг друга. Иными словами, разница между Тиром и Иудеей была ничуть не больше, чем между Афинами и Спартой или Беотией. Это был *единый*

этнос, причём естественно предположить, что более развитые города Финикии оказывали доминирующее культурное влияние на сельскохозяйственную Палестину, были «законодателями моды», в том числе и в сфере идеологии.

«Ветхозаветное предание о сотворении мира и человека (Быт. 1:1-31) явно отражает представления, широко распространённые именно в сиро-палестинской регионе. Верховный бог Эл фигурирует в роли творца земли в финикийской, угаритской и арамейской мифологии. Слияние образов Эла (Элохим) и Яхве сделало возможным и даже необходимым включение интересующей нас разработки в ветхозаветное повествование... Обращает на себя внимание и своего рода наукообразность ветхозаветного текста: его стилистика соответствует не столько фольклорному преданию, сколько сухому фактологическому изложению знания, характерному для учёной (в данном случае, конечно, жреческой) среды. Принимая во внимание интенсивное финикийское влияние на весь сиро-палестинский регион, в том числе и на иудейско-израильское общество, можно предположить, что иерусалимское жречество обрело эту конструкцию текста в уже готовом виде от своих финикийских коллег. Косвенно в пользу такого допущения говорит следующее. В одном из псалмов (23:1-2) ветхозаветные представления о Вселенной изложены так: «Господня - земля и что наполняет её, вселенная и всё живущее в ней; ибо Он основал её на морях и на реках утвердил её». Известный греческий философ Фалес Милетский, который был по происхождению финикиянином (ок. 625 - ок. 547 до н. э.), тоже думал, что первоначалом является вода, а Земля находится на воде (Аристотель. *Метафизика*, 1, 3, 983б, 19-23; он же. *О небе*, 2, 13, 294а, 28-31). Общность воззрений ветхозаветного поэта и

греческого философа можно объяснить только тем, что у них был общий источник - финикийский» [38, с. 235].

Здесь следует провести еще одну глубокую аналогию с Грецией. В связи с общностью культуры демократическое движение со временем распространилось из передовых центров в аграрные районы типа той же Беотии и Спарты. Это же можно сказать и о влиянии Финикии на внутривосточное развитие Израиля и Иудеи: «Неудивительно, что «народ земли» находился в состоянии непрерывного брожения. Он неоднократно участвует в дворцовых переворотах. Известно, в частности, что «народ земли» принял активное участие в свержении иудейской царицы Гофолии (Аталии, дочери Ахава и Иезавели) и в воцарении Иоаса, сына царя Охозии (4 Цар. 11:4-21; 2 Пар. 23:1-21). В книге Царей (4 Цар. 14:19-21) рассказывается о свержении царя Амасии сына Иоаса и о том, как «весь народ Иуды» посадил на царский престол его сына Азарию (785-742 гг. до н. э.). Наконец, обстоятельства воцарения царя Иосии сына Аммона (640-609 гг. до н. э.) излагаются следующим образом: «И сговорились рабы Аммона против него, и умертвили царя в его доме. И перебил народ земли всех сговорившихся против царя Аммона, и воцарил народ земли Иосию, его сына вместо него» (4 Цар. 21:23-24). После гибели царя Иосии «народ земли» воцарил его сына Иохазу» (4 Цар. 23:30) [38, с. 27]. Собственно, раскол единого еврейского государства царя Соломона на Израиль и Иудею – тоже широкомасштабное социальное движение, массовое восстание «10 колен Израилевых» против сына Соломона. Весьма вероятно, что оно тоже вспыхнуло под прямым влиянием финикийского примера.

Да, еврейское общество само по себе было еще весьма отсталым. Но и для Греции характерно соседство высокоразвитых городов с почти первобытными областями. Да

и в Новое время в промышленном перевороте в Великобритании участвовали горные кланы Шотландии, и в Нидерландах фризы вообще миновали феодализм.

Начало этническому обособлению евреев от прочих сирийцев было положено указом Артаксеркса I (458-457 гг. до н.э.), даровавшего иерусалимской общине право собственной юрисдикции, после чего пришедший там к власти Эзра, фанатичный и нетерпимый сторонник строжайшей самоизоляции общины, добился принятия решения о расторжении смешанных браков со всеми лицами, не принадлежащими к общине. Этим было положено начало выделению нового этноса, с размежеванием его от прочих сирийцев на конфессиональной основе (примерно так, как голландцы-протестанты разделились с фламандцами-католиками). Начало же внедрения действительного единобожия относится к самому концу VII в. до н.э., когда царь Иудеи Иосия приказал искоренить культы всех богов, кроме Яхве, уничтожить все храмы и святилища (даже святилища Яхве), кроме иерусалимского и умертвить «всех жрецов высот» на территории бывшего северного (Израильского) царства. Но в предшествующие века, т.е. непосредственно после израильского нашествия в Палестину, дело обстояло совершенно иначе. «Яхве ни тогда, ни много позже не считался единственным в мироздании божеством: он был лишь ревнивым богом, заключившим договор со своим племенным союзом о том, что его не будут ставить наравне с другими богами; символом этого обряда считалось обрезание... Но, несмотря на «договор» и символические обряды, ещё столетия спустя кое-где придавали Яхве в жены аморейско-ханаанейскую богиню Анат, а в каждом роду поклонялись фигуркам-идолам то ли божеств, то ли предков - «терафим», в принципе была не исключена возможность молиться и другим богам, и уж подавно не

отрицалась власть иных богов на территории иных племён и народов» [57, с. 235].

3. 2. Финикийские корни движения библейских пророков

Одна из создателей современного государства Израиль, Голда Меир сказала очень хорошо: «Правильнее считать, что не Бог избрал евреев, но евреи были первым народом, избравшим Бога» [58]. Племенной божок Яхве обрёл черты Бога в результате великого духовного движения еврейских пророков. Собственно, благодаря пророкам и появилась сама Библия: «Несомненно, под влиянием пророков в Учение иудаизма включаются этические нормы и законы, а также древние предания, получившие таким образом ореол святости. В Пятикнижии Учение приобретает свой окончательный облик. В целом Пятикнижие (книги Бытие, Исход, Левит, Числа, Второзаконие) как изложение Учения сложилось под интенсивным влиянием пророческого движения; оно предстаёт перед читателем как ответ жречества и государства, которые уже не могли управлять по-старому, на движение народных масс, не желавших по-старому жить, и на проповедь пророков, воплощавшую идеологию этого движения; оно предстаёт как реализация пророческих идеалов в государственно-правовой и идейной сфере. «Находка» Пятикнижия и его превращение в Закон и религиозную догму были радикальным идеологическим переворотом, призванным реализовать социальные идеалы и устремления народных масс» [38, с. 134].

«В отличие от Египта, Двуречья и других стран, где пророчествующие жрецы всегда были связаны с храмами или дворцами, в Палестине VIII-V вв. до н. э. имелись также пророки, независимые от государственных институтов. Вместе с ростом значения пророков изменился и характер их деятельности: из экстатиков и шаманов они превратились в

религиозно-политических проповедников. Существовали сообщества из учеников и последователей известного пророка... В Ветхом Завете упоминаются многочисленные пророки, создавшие обширную литературу, из которой сохранились лишь осколки - несколько десятков цитат из утраченных речений и 15 целых пророческих книг в Ветхом Завете, среди которых первой помещается Книга Исаяи, главы 1-39 которой созданы в VIII в. до н. э. и связаны с реальным лицом - Йеша'йаху, сыном Амоца, и кружком его учеников... К VIII в. до н. э. относимы «основные ядра» книг Амоса, Осии, Михея и, возможно, Авдия... Главный мотив всех ветхозаветных пророческих речений - это страстный призыв в признании Яхве единственным Богом, к полному отказу от поклонения другим богам... Признавая всемогущество Яхве и незначительность сотворённого им человека, предначертанность человеческой судьбы Богом, наиболее решительные ветхозаветные пророки тем не менее подчёркивали способность человека действовать согласно своей воле и разуму и делать выбор между добром и злом» [59, 119-121].

«Ветхозаветный законодатель уже пришел к принципу личной ответственности человека за его деяния. Этот принцип чётко сформулирован во Второзаконии (24:16): «Пусть не будут умерщвляемы отцы за сыновей, и сыновья пусть не будут умерщвляемы за отцов; каждый за его грех умерщвляем пусть будет...». В Книге Договора (Исх. 23:2) он представлен в виде увещания: «Не следуй за большинством на зло, и не решай тяжбы, отступая вслед большинству от правды» [30, с. 121-122]. Эту позицию ветхозаветных пророков мы бы назвали **индивидуализмом**. Не чужд им и определённый **рационализм**. Так, Исаяя (8:9, 20) призывает: «Когда скажут вам: “Обратитесь к вызывателям умерших и к чародеям, к шептунам и чревовещателям”, тогда отвечайте: не должен ли народ

обратиться к своему Богу? Спрашивают ли мёртвых о живых? Обращайтесь к закону и откровению. Если они не говорят, как это слово, то нет в них света» [25]. Настроения, которые мы наблюдаем в пророчестве - исключительная политическая активность, гражданская страсть, пафос утверждения справедливости [38, с. 175]. «В литературе Ближнего Востока мотивы осуждения несправедливого богатства и роскоши, насилия и произвола, угнетения и бесправия были новы... В древневосточной литературе мало столь резких и непримиримых высказываний о царях, как гневные проповеди ветхозаветных пророков против некоторых властителей обоих еврейских царств» [59, с. 121-122]. Достаточно вспомнить того же Исайю (1:23): «Князья твои законопреступники и сообщники воров; все они любят подарки и гоняются за мздою; не защищают сироты и дело вдовы не доходит до них» [25], - чтобы согласиться с тем, что пророкам был отчасти свойственен и некий *анархизм*. Во всяком случае, «в основе ветхозаветных законов лежит представление о правде-справедливости... Она определяет и направляет действия Яхве, но она же должна быть основой и сущностью власти и суда» [38, с. 130-131].

Т.е. Закон Бога выше законов человеческих, как греческие софисты ставили выше человеческих законов законы Природы. Вспомним, что А. Ф. Лосев характеризовал древнегреческих софистов как «индивидуалистов, рационалистов и анархистов» [60, с. 13].

«Значительный интерес представляют общие сведения о финикийской литературе, сохранные известным церковным писателем Евсевием Кесарийским в его книге «Евангелическое предуготовление». Из его рассказа (1, 9-10) видно, что у финикийцев существовало своего рода священное писание - собрание мифов и исторических преданий, приписывавшееся Таавту - богу, изобретшему письменность. Из них было

извлечено некое высшее учение, хранителями которого были жрецы и посвящённые в таинство пророки. В храмах, в частности в Берите, они хранились в специальных помещениях и были записаны тайнописью («письмена аммунеев»), доступной только посвящённым. В этих сочинениях черпал материал популярный в античном мире историк Санхунйатон... Всё изложенное свидетельствует, что структура финикийской священной литературы совпадала с ветхозаветной: записи мифов, исторические повествования, пророческая литература. Особенно важно появление последней: за ней определённо должны стоять выступления пророков с религиозной проповедью, которая откликалась на какую-то нам неизвестную злобу дня» [38, с. 201-202]. Известно, что существовали и пророки других богов, помимо Яхве. Один из таких «языческих» пророков, Валаам, владелец небезызвестной ослицы, упоминается и в Библии. Изучение фрагментов книги пророка Валаама, найденных при археологических раскопках в Телль Дейр Алла, показало, что, в сущности, все пророки работали в рамках одной и той же литературной схемы [38, с. 202-203].

В связи с возникновением алфавитного письма в Финикии и в Палестине довольно широко распространилась грамотность, и писать умели даже простые люди: сохранились их письма с конца VIII в. до н. э. [59, с. 118]. «Как известно, иудейско-израильское общество усвоило финикийский линейный алфавит. Но это значит, что в Иудее и Израиле имела хождение и читалась финикийская литература. Многие особенности ветхозаветного повествовательного стиля - лаконичность, точность, отсутствие внешней орнаментировки и экспрессии - сложились, по всей видимости, под влиянием финикийской прозы, какую она предстаёт перед нами из составленных на финикийском языке надписей исторического содержания...

Тексты сохранившихся финикийских надписей показывают, что идейное развитие иудейско-израильского общества и пророческое движение происходило в тех же рамках и в русле тех же представлений о правде и добродетели, которые складывались и в Финикии. Так, в строительной надписи Йехимилька, царя финикийского города Библа (КА 1.4), датированной серединой X века до н.э., говорится: «Пусть продлит Владыка небесный, и Владычица Библа, и собрание богов Библа дни Йехимилька, и его годы над Библом, ибо праведный царь и добродетельный царь пред лицом святых богов Библа он» [38, с. 200-201].

Как видим, с идеями справедливости и праведности власти («что было новым на Востоке») финикийским правителям приходилось считаться ещё в X в. до н. э., т. е. значительно *раньше* появления собственно еврейских пророков. *Идейные корни пророческого движения, а значит, и самой Библии - в городах Финикии.*

В уже цитированном солидном трёхтомнике «История древнего мира» встречается такое утверждение: «Поскольку средоточием богатства и местом обитания людей могущественных и несправедливых был в основном город, то для ветхозаветных пророков характерна отчётливая антигородская установка. Пророки противопоставляли «городу-блуднице» идеализированный и опоэтизированный родоплеменной уклад» [59, с. 121-122]. Это высказывание вступает в очевидное противоречие с текстом Библии. Достаточно открыть *Книгу Ионы* - пророка, время жизни которого разные исследователи относят то к IX [59, с. 120], то к VIII веку до н. э. [38, с. 44]. Пересказывать этот маленький по объёму, но гениальный шедевр мировой литературы - занятие неблагодарное, но что поделаешь... Сюжет вкратце таков. «Было слово Господне к Ионе: “Встань, иди в Ниневию - город

великий и проповедуй в нём, ибо злодеяния его дошли до меня”». Задание это так Ионе не понравилось, что он предпочёл бежать на край света (в Испанию) на корабле, плывущем в Тартесс. Но после многих приключений и вторичного слова Господнего ему пришлось-таки пойти в Ниневию. «И начал Иона ходить по городу, сколько можно пройти в один день, и проповедовал, говоря: “ещё сорок дней - и Ниневия будет разрушена!” И поверили Ниневитяне Богу» (3:4, 5), - даже царь и вельможи, и «каждый обратился от злого пути своего и от насилия рук своих». - «И увидел Бог дела их, что они обратились от злого пути своего, и пожалел Бог о бедствии, о котором сказал, что наведёт на них, и не навёл. Иона сильно огорчился этим и был раздражен» (3:10, 4:1), и решил ещё посидеть перед стенами города, надеясь, что, может быть, Бог ещё передумает и всё-таки разрушит город. В конце концов Господь обращается к нему с увещанием, которым и заканчивается книга: «Ты сожалеешь о растении, над которым ты не трудился и которого не растил, которое в одну ночь выросло и в одну ночь и пропало: Мне ли не пожалеть Ниневии, города великого, в котором более ста двадцати тысяч человек, не умеющих отличить правой руки от левой, и множество скота?» [25].

Эта философская притча наглядно свидетельствует об отсутствии у пророков «антигородской установки». Любопытен в ней и отчётливый финикийский колорит. Так, значительная часть действия происходит на финикийском корабле (картинка (1:4-6): «И сделалась на море великая буря, и корабль был готов разбиться. И устрешились корабельщики и зывали каждый к своему богу, и стали бросать в море кладь с корабля, чтобы облегчить его от неё... И пришёл к Ионе начальник корабля и сказал ему: “что ты спишь? встань, воззови к Богу твоему; может быть, Бог вспомнит о нас, и мы не погибнем”»).

«Языковые особенности, да и чуждая израильтянам – во всяком случае, в VII–VI вв. до н. э. – морская тематика указывают на финикийское происхождение книги Ионы» [135, с. 130].

Ниневия - столица Ассирийского царства, хищной империи, военные нашествия которой, с их ужасающей жестокостью, опустошали Палестину. Для Ионы это - враг номер один. В его время Ассирия была на вершине могущества, и падение её выглядело столь же фантастичным, как и путешествие Ионы в чреве кита. Но самое интересное: «Мотив приказания царя Ниневии о днях поста и покаяния находит определённые параллели в клинописных документах 8 в. до н.э., содержащих подобные распоряжения ассирийского царя правителям областей» [65, т. 1, с. 555]. А. А. Опарин цитирует многочисленных западных исследователей, склонных прямо считать эти клинописные документы наглядным свидетельством успеха проповеди Ионы в Ассирии [119]. Он приводит также слова Иисуса из Евангелия от Луки: «Когда же народ стал сходитья во множестве, Он начал говорить: род сей лукав, он ищет знамения, и знамение не дастся ему, кроме знамения Ионы пророка; ибо как Иона был знамением для Ниневитян, так будет и Сын Человеческий для рода сего» (Лк. 11:29-30). Как видим, Христос не считал книгу Ионы сборником мифов или аллегорий, написанной уже через несколько веков после смерти пророка.

Пророки обличали город как средоточие паразитизма (т.е. город Старого порядка), но отнюдь не выступали против Города как такового. И это особенно наглядно видно в «самом финикийском» *пророчестве Исаяи* - пророчестве *о Тире* (Исайя. 23): «Рыдайте, корабли Фарсиса (Испании. - *И. Р.*); ибо он разрушен... остров, который наполняли купцы Сидонские (Септуагинта: «финикийские» [38, с. 12]), плавающие по морю,... и был он торжищем народов, ...ваш ликующий город,

...который раздавал венцы..., Господь дал повеление о Ханаане, разрушить крепости его!» Разрушат Тир то ли ассирийцы, то ли халдеи; «и будет в тот день, забудут Тир на семьдесят лет, в мере дней одного царя. По окончании же семидесяти лет с Тиром будет то же, что поют о блуднице: “Возьми цитру, пойдя по городу, забытая блудница! Играй складно, пой много песен, чтобы вспомнили о тебе”».

Но *поразительно* окончание пророчества о Тире (23:17, 18): «И будет, по окончании семидесяти лет, Господь посетит Тир; и он снова начнёт получать прибыль свою, и будет блудодействовать (т.е. торговать - *И. Р.*) со всеми царствами земли по всей вселенной. Но торговля его и прибыль будут посвящены Господу; не будут заперты и уложены в кладовые; ибо к живущим пред лицом Господа будет переходить прибыль от торговли его; чтобы они ели до сытости и имели одежду прочную» [25]. Значит, можно «получать прибыль свою» и быть при этом «пред лицом Господа»!

Но что значит «жить пред лицом Господа»? Устами Исаяи даётся ответ (гл. 1-2): «Омойтесь, очиститесь; удалите злые деяния ваши от очей Моих; перестаньте делать зло; научитесь делать добро; ищите правды; спасайте угнетённого; защищайте сироту; вступайтесь за вдову. Тогда придите, и рассудим, говорит Господь... И опять буду поставлять тебе судей, как прежде, и советников, как вначале (т. е. выборных. - *И. Р.*); тогда будут говорить о тебе: «город правды, столица верная»... И пойдут многие народы и скажут: придите, и взойдём на гору Господню, в дом Бога Иаковлева, и научит Он нас своим путям... и перекуют мечи свои на орала и копыя свои - на серпы; не поднимет народ на народ меча и не будут более учиться воевать» [25]. *Единый мир без войн, соединение свободной торговли и гражданской добродетели* - этот глубоко

современный идеал мог появиться *только* в купеческой Финикии.

3. 3. Книги Экклезиаста и Притчей как политическая агитация

Здесь следует сказать несколько слов и о таком философском тексте Ветхого Завета, как *Книга Экклезиаста*. Очень важно то, что в этой книге Бога именуют не иначе, как Элохим (предельно отвлеченное обозначение божества, принятое у финикийцев: см. выше), избегая обычного в Ветхом Завете термина «Адонай» - «Господь» (как его называли израильтяне) [21, с. 152]. Уже одно это достаточно очевидно свидетельствует о финикийском влиянии.

Само слово «экклезиаст» - калька с ханнанского «кохелет». Это не имя собственное, а наименование председательствующего (или выступающего) на народном собрании как сходке полноправных граждан города. О времени и месте написания Книги Экклезиаста достоверных сведений практически нет, но в ней наличествуют административные термины ахеменидской эпохи. Это значит, что в нынешнем виде она сложилась не ранее V в. до н. э. Книгу часто датируют чуть ли не эпохой эллинизма. Но: «Позволительно предположить, что философские отрывки, явно авторские, принадлежат собственно Экклезиасту, тогда как сопутствующая им расхожая мораль щедро разбавлена позднейшими вставками анонимных редакторов и переписчиков книги. Само наличие вставок несомненно хотя бы потому, что интерполяцией являются вводная часть к книге и ее эпилог. Да и в самом расположении притч, где явно прослеживается мнемоническая система, чувствуется позднейшая редакторская рука» [21, с. 139-140]. По нашему мнению, первоначальное ядро текста представляет собой изложение *действительного выступления* некоего

ведущего с откликом на политическую злобу дня, связанную с какими-то социальными катаклизмами, возможно, и с уже упоминавшейся революцией в Тире. Ниже мы попытались реконструировать этот гипотетический первоначальный текст, скомпоновав ряд отрывков из Книги Экклесиаста:

«Никчемно все, - сказал Ведущий собрание, - напрасно все и бесцельно все. Что пользы человеку в трудах его, которыми трудится он под солнцем? Поколения приходят, и поколения уходят, а земля как была, так и остается прежней. Непознаваема суть вещей. Не выразить ее никакими словами. Не может глаз ее рассмотреть. Не может ухо ее расслышать. Что было в прошлом, то и теперь, и что делалось прежде, то происходит и ныне, и ничего под солнцем нового нет. (1.2-9)... Взглянул я на мудрость и на глупость с безумием, и сказал себе: что может сделать идущий вслед за царем? Не больше того, что уже сделано! (2.12)... Не говори: "отчего это прежние дни были лучше нынешних?" потому что не от мудрости ты спрашиваешь об этом (7:10)... Я видел рабов, разъезжающих верхом, и князей, ходивших пешком, как рабы (10.7)... Лучше быть бедным, но умным юношей, нежели старым, но глупым царем, уже неспособным прислушиваться к советам. Ибо тот и из темницы выйдет в цари, а рожденный царствовать станет нищим. Видел я, как все живое, ликуя, встречает юношу, занявшего место царя. Несметная толпа окружала его, но она же позднее разочаруется в нем. Это тоже бессмысленно, как погоня за ветром (4.13-16)... Горе стране, где у власти отрок (раб, слуга, вообще человек низкого происхождения; др. вариант: ребенок, недоросль) и вельможи которой спозаранку пируют. Блаженна страна, царь которой знатен и князья которой обедают скромно (10.16-17)... Вот мой совет: повинуйся царю, ибо ты давал ему клятву перед Богом. Будь осторожен, уходя от

него, и не участвуй в неблаговидном деле! (8.2)» [21, с. 139-154].

Здесь следует подчеркнуть два момента. Во-первых, очень важно, что Экклезиаст не просто затрагивает политические вопросы, а и у всей его речи в целом можно предположить **политическую цель**. Собственно, на народном собрании «идущий вслед за царем» и не мог ставить никаких иных целей для своего выступления, в данном случае он призывал **повиноваться царю**. «Если ты увидишь в какой области притеснение бедному и нарушение суда и правды, то не удивляйся этому: потому что над высоким наблюдает высший, а над ними еще высший. Превосходство же страны в целом есть царь, заботящийся о стране (5:7-8). Если гнев начальника вспыхнет на тебя, то не оставляй места твоего; потому что кротость покрывает и большие проступки (10:4). Даже и в мыслях твоих не злословь царя, и в спальне твоей не злословь богатого; потому что птица небесная может перенести слово, и крылатая – пересказать речь (210:20)».

В подобной речи естественно звучат ссылки на хорошо известные его слушателям прецеденты, когда царям не повиновались, но все это в итоге оказывалось лишь «погоней за ветром». Но при этом в книге ничего не говорится о таком поучительном примере, как падение Израильского царства в 722 г. до н. э. После же завоевания Иудейского царства в 586 г. до н. э. призыв повиноваться царю вообще утратил актуальность. Логично предположить, что выступление произошло ранее падения Израильского царства, разрушения Сидона и ассирийских завоеваний в целом, т. е. что **ядро Книги Экклезиаста сложилось не позднее VIII в. до н. э.**, в эпоху расцвета Финикии.

В связи с этим следует еще подчеркнуть, что в еврейском оригинале слово «Кохелет» стоит в женском роде [21, с. 151],

как некое абстрактное понятие, а не человек. На эту тему много спорили, однако разгадка, вероятно, содержится в книге Ветхого Завета, непосредственно предшествующей книге Экклезиаста: *Книге Притчей Соломоновых*. И относительно этой книги можно предположить ту же самую *политическую цель*: предотвращение народного восстания (1:20-26): «Премудрость возглашает на улице, на площадях возвышает голос свой, в главных местах собраний проповедует, при входах в городские ворота говорит речь свою: “Доколе, невежды, будете любить невежество? Доколе буйные будут услаждаться буйством? Доколе глупцы будут ненавидеть знание? Обратитесь к моему обличению: вот, я изолью на вас дух мой, возведу вам слова мои. Я звала, и вы не послушались; простирала руку свою, и не было внимающего; и вы отвергли все мои советы, и обличений моих не приняли: за то и я посмеюсь вашей гибели; порадуюсь, когда придет на вас ужас”». Думается, это та самая Премудрость (Соломонова) которая председательствует на народном собрании и в Книге Экклезиаста.

В Книге Притчей речь идет именно о жесточайшем социальном конфликте. Чуть раньше в первой главе говорится: «Сын мой! Если будут склонять тебя грешники, не соглашайся; если будут говорить: “иди с нами, сделаем засаду для убийства, ...наполним дома наши добычею; жребий твой ты будешь бросать вместе с нами, склад один будет у всех нас”: Сын мой! Не ходи в путь с ними» (1:10-15). Собственно, вся Книга Притчей – *только* об этом. Давайте зададимся вопросом: есть ли глубокая мудрость в том, чтобы страстно призывать сына не становиться разбойником с большой дороги? Как же его воспитывал премудрый отец, если теперь ему приходится убеждать сына в том, что плохо быть разбойником? Очевидно, что здесь дело обстояло не так-то просто: видимо, у

«грешников» были свои мощные аргументы. Иначе зачем далее стоят такие увещевания: «Надейся на Господа всем сердцем своим, и не полагайся на разум твой. ...Не будь мудрецом в глазах твоих; бойся Господа, и удаляйся от зла» (3:5,7).

Итак, далеко не всякая мудрость хороша: «Что нечистым серебром обложенный глиняный сосуд, то пламенные уста и сердце злобное. Устами своими притворяется враг, а в сердце своем замышляет коварство... откроется злоба его в народном собрании (26:23-24, 26). Уста праведного знают благоприятное, а уста нечестивых – развращенное (10:32). Люди развратные возмущают город, а мудрые утишают мятеж (29:8). Не хорошо и обвинять правого, бить вельмож (!! – И. Р.) за правду (17:26). Бойся, сын мой, Господа и царя; с мятежниками не общайся, потому что внезапно придет погибель от них (Бога и царя. – И. Р.); и беду от них обоих кто предугадает? (24:21-22)».

– Как видим, вся мудрость Притч имела значение прежде всего *политической пропаганды* по предотвращению социальной революции, подобной победоносному восстанию рабов в Тире: «Начало мудрости – страх Господень (1:7). Долготерпеливый лучше храброго, и владеющий собою лучше завоевателя города (16:32). За смирением следует страх Господень, богатство и слава и жизнь (22:4). Кротостью склоняется к милости вельможа (25:15). Не негодуй на злодеев, и не завидуй нечестивым (24:19). Богатый и бедный встречаются друг с другом; того и другого создал Господь. ...Богатый господствует над бедным, и должник делается рабом заимодавца (22:2, 7). Не прилична рабу пышность, тем паче рабу господство над князьями (19:10). Если с детства воспитывать раба в неге, то впоследствии он захочет стать сыном (29:21)». И наконец, вершина педагогической мудрости: «Не оставляй юношу без наказания; если ты накажешь его розгою, он не умрет: ты накажешь его розгою и спасешь душу

его от преисподней (23:13-14) Раны от побоев – врачевство против зла, и удары, проникающие во внутренности чрева (20:30)».

Впрочем, автор (авторы) Притчей был скорее умеренным реформатором, чем реакционером. В тексте содержится и вполне конструктивная социальная программа, и определенный социальный идеал: «Ненависть возбуждает раздоры, но любовь покрывает все грехи (10:12). Спасай взятых на смерть, и неужели откажешься от обреченных на убиение? (24:11). Как рыкающий лев и голодный медведь, так и нечестивый властелин над бедным народом (28:15). Удали несправедного от царя, и престол его утвердится правдою (25:5). Если царь судит бедных по правде, то престол его навсегда утвердится (29:14). Не будь грабителем бедного, потому что он беден; и не притесняй несчастного у ворот (22:22). Благотворящий бедному дает взаймы Господу; и Он воздаст ему за благодеяние его (19:17). Кто удерживает у себя хлеб (во время голода. – И. Р.), того клянет народ; а на голове продающего – благословление (11:26). Не передвигай межи давней, которую провели отцы твои (22:28). Мерзость перед Господом – неодинаковые гири, и неверные весы – не добро (20:23)».

Однако главный акцент в Притчах сделан скорее на личных усилиях и праведном поведении каждого человека: «Не будь лжесвидетелем на ближнего своего (24:28). Лучше немного с правдою, нежели множество прибутков с неправдою (16:8). Не покидай друга своего и друга отца своего, и в дом брата твоего не ходи в день несчастья твоего; лучше сосед вблизи, нежели брат вдали (27:10). Вино – глумливо, сикера – буйна; и всякий, увлекающийся ими, неразумен. ...Не люби спать, чтобы тебе не обеднеть. ...Предприятия получают твердость через совещание (20:1, 13, 18). Кто хочет иметь друзей, тот и сам должен быть

дружелюбным (18:24). Дом и имение – наследство от родителей, а разумная жена – от Господа (19:14)» и т. д.

Подобные же житейски-педагогические мотивы имеются и в книге Екклезиаста: «Екклезиаст был еще “хакамом”, который “учит людей знанию” и обращается со своим “знанием” не только к тем, кто способен понимать и разделять его самые глубокие мысли, но и к “человеку улицы”, “человеку толпы”, который нуждается главным образом в “практической мудрости”, в советах, как удержаться на плаву в этом житейском море, как не впасть в нищету, не попасть в немилость к власти имущему, как по возможности получить от жизни побольше радости и поменьше горя... Адресуясь к “человеку улицы”, автор Книги Екклезиаста не только обращается к нему на привычном для этого человека языке поговорок и притч, ...но и предлагает ему соответствующий набор советов практической мудрости: он осуждает леность и расточительство, предупреждает об опасности женщин, хвалит трудолюбие, кротость и терпение, покорность начальству и т. п. Он советует видеть в жизни не только горести, но и радости, простые человеческие радости: от хорошей еды и от вина, от любимой женщины, от любимого занятия, неизменно добавляя, что все это “дар Божий”» [153, с. 218-219].

Обращение к “человеку улицы” с призывом быть покорным начальству – это и есть политическая пропаганда в чистом виде. Но при этом в Притчах звучит и очень современный мотив прославления профессионального *мастерства*, причем независимо от того, в чем его проявляют: «Видел ли ты человека проворного в своем деле? Он будет стоять перед царями; он не будет стоять перед простыми» (Прит. 22:29). По сути та же мысль повторяется и у Экклезиаста: «Вот еще что я нашел доброго и приятного: есть и пить и наслаждаться добром

во всех трудах своих, какими кто трудится под солнцем во все дни жизни своей, которые дал ему Бог» (Еккл. 5:17).

Интереснейший момент – наличие в тексте Притчей четкого указания, во-первых, на время создания книги, а во-вторых, на *конкретное авторство*. О времени сказано: «И это притчи Соломона, которые собрали мужи Езекии, царя Иудейского» (25:1). Езекия (Хизкия) правил в 727-698 гг. до н. э., в разгар ассирийского нашествия. Значит, сочинены были эти изречения несколько ранее. В целом Книга Притчей не имеет сквозного сюжета, это именно сборник изречений, часто многократно повторяющихся. Так что ее действительно скомпоновали в сборник разные «мужи». Всплывают в ней и «морские» сравнения, финикийские по духу: «И ты будешь, как сидящий среди моря, и как спящий на верху мачты» (23:34). Но главное: в конце Книги стоят главы 30 и 31, у которых указаны *авторы*. 31 глава («Слова Лемуила царя. Наставление, которое преподала ему мать его») посвящена якобы добродетельной жене: «Она, как купеческие корабли, издалека добывает хлеб свой. ...Она делает покрывала, и продает, и поясы доставляет купцам финикийским» (31:14, 24). Но скорее все-таки это аллегория добродетельного народа (который по-еврейски женского рода).

Однако самое интересное – *30 глава* Притчей, «Слова Агура, сына Иакеева. Вдохновенные изречения, которые сказал этот человек Ифиилу, Ифиилу и Укалу» (30:1). Начинает он с заявления: «Подлинно, я более невежда, нежели кто-либо из людей, и разума человеческого нет у меня. И не научился я мудрости, и познания святых не имею. Кто восходил на небо и нисходил? ...кто поставил все пределы земли? какое имя ему? и какое имя сыну его? знаешь ли?» (30:2-4). – Этим заявлением Агур прямо отрицает пророческий и «богодухновенный» характер своего учения, провозглашает, что его «вдохновенные

изречения» - это его *личная философия*. Т. е. весь его текст, как и в целом текст Притчей, имеет антипророческий пафос: «Не прибавляй к словам Его (Бога), чтоб Он не обличил тебя, и ты не оказался лжецом» (30:6).

С другой стороны, и на свой разум Агур тоже не слишком полагается: «Подлинно, я более невежда, нежели кто-либо из людей, и разума человеческого нет у меня. И не научился я мудрости». В этом Агур подобен Сократу, который «говорил, ...что он знает только то, что он ничего не знает» (Диог. 2:32) [71, с. 103]. Эти мысли *очень близки* к высказанным в Книге Экклезиаста: «Я сказал: “буду я мудрым”; но мудрость далека от меня. Далеко то, что было, и глубоко – глубоко: кто постигнет его?.. Человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем» (Еккл. 7:23-24). К этому близко и знаменитое (Еккл. 1:17-18): «И предал я сердце тому, чтобы познать мудрость и познать безумие и глупость; узнал, что и это – томление духа. Потому что во многой мудрости много печали; и кто умножает познания, умножает скорбь».

Главная причина недоверия к собственной и чужой мудрости у Агура и Экклезиаста тоже совпадает: «Мудрость делает мудрого сильнее десяти властителей, которые в городе. Нет человека праведного на земле, который делал бы добро и не грешил бы; поэтому не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя. Ибо сердце твое знает много случаев, когда и сам ты злословил других» (Еккл. 7:19-22). Притча же Агура завершается словами: «Если ты в заносчивости своей сделал глупость и помыслил злое, то положи руку на уста; потому что, как сбивание молока производит масло, толчек в нос производит кровь, так и возбуждение гнева производит ссору» (Прит. 30:32-33).

В книге Экклезиаста и притче Агура полностью *совпадают* и идеалы социального поведения. Агур: «Двух вещей я прошу у Тебя, не откажи мне, прежде нежели я умру: суету и ложь удали от меня, нищеты и богатства не давай мне, питай меня насущным хлебом, дабы пресытившись я не отверг Тебя и не сказал: “кто Господь?” и чтоб обеднев не стал красть и употреблять имя Бога моего всуе» (Прит. 30:7-9). Экклезиаст: «Не будь слишком строг, и не выставляй себя слишком мудрым: зачем тебе губить себя? Не предавайся греху (как бедные. – И. Р.) и не будь безумен (как богатые. – И. Р.): зачем тебе умирать не в свое время? Хорошо, если ты будешь держаться одного и не отнимать руки от другого; потому что, кто боится Бога, тот избежит всего того» (Еккл. 7:16-18). Некоторые же мысли в обеих книгах непосредственно *дополняют* друг друга. Например: «Не злословь раба пред господином его, чтобы он не проклял тебя, и ты не остался виноватым» (Прит. 30:10). А с другой стороны: «Не на всякое слово, которое говорят, обращай внимание, чтобы не услышать тебе раба твоего, когда он злословит тебя» (Еккл. 7:21).

Притча Агура имеет много общего с Книгой Экклезиаста и по блестящему стилю, и по «животным» метафорам. Но помимо этого Притча являет собой еще и прекрасный образец *целостной* и логичной литературной композиции. Итак, сначала в ней представлен сам Агур (30:1); затем он заявляет свою общую философскую позицию (30:2-6). Потом идет изложение его социально-политического идеала «золотой середины»: «нищеты и богатства не давай мне» (30:7-10). Затем Агур переходит к обличению за нечестие правителей и богачей (30:11-17): «Есть род, который проклинает отца своего (Бога. – И. Р.) и не благословляет матери своей (слово “народ” в еврейском языке – женского рода. – И. Р.) ...Есть род, у которого зубы – мечи, и челюсти – ножи, чтобы пожирать

бедных на земле и нищих между людьми. У ненасытмости две дочери: “давай, давай!” Вот три ненасытимых, и четыре, которые не скажут: “довольно!” Глаз, насмехающийся над отцом и пренебрегающий покорностью к матери, выключают вороны дольные, и сожрут птенцы орлиные!».

Но дальше Агур переходит к обличению и противоположной стороны. Причем наиболее логичное толкование дальнейшего текста связано именно с революцией в Тире. Здесь следует напомнить, что легенда связывает основание Тира с видением на блуждающем скалистом острове чудесного дерева, на вершине которого находился орел, а у подножия – змей [35, с. 53-54; подробнее см. гл. 5.5]. Кроме того, можно напомнить финикийский обычай священной храмовой проституции, в частности, связанный с культом Астарты. А теперь текст: «Три вещи непостижимы для меня, и четырех я не понимаю: Пути орла на небе, пути змея на скале, пути корабля среди моря и пути мужчины к девице. Таков путь и жены прелюбодейной; поела и обтерла рот свой, и говорит: “я ничего худого не сделала”» (Прит. 30: 18-20).

У меня создалось впечатление, что Притча Агура не слишком привлекла внимание исследователей и совершенно неправильно понята толкователями. В самом начале Книги Притчей сказано: «разумный найдет мудрые советы, чтобы уразуметь притчу и замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их» (Прит. 1:5-6). А вот в Толковой Библии смысл 30-й главы Притчей, «замысловатую речь, слова мудрецов и загадки их» разумеют практически буквально. Например, приведенные выше 18-20 стихи толкуют так: «В этом трехстишии главная его мысль – это мысль об омерзительности и бесстыдстве прелюбодеяния» [120, т. 3, с. 499]. Вряд ли эти комментаторы смогли бы прояснить взаимосвязь пути орла в небе с омерзительностью прелюбодеяния.

Под «развратом» и «прелюбодеянием» в Притчах явно имелось в виду высказывание «развратных» идей: «Не соревнуй человеку, поступающему насильственно, и не избирай ни одного из путей его; потому что мерзость пред Господом развратный, а с праведным у Него общение» (Прит. 3:31-32). Итак, «разврат» – это насилие, в данном случае (в Тире) – насильственная смена власти. Дальнейшие слова Агура это наглядно подтверждают. Сразу после пассажа о «жене прелюбодейной» он продолжает: «От трех трясется земля, и четырех она не может носить: раба, когда он делается царем; глупого, когда он досыта ест хлеб; позорную женщину, когда она выходит замуж, и служанку, когда она занимает место госпожи своей» (Прит. 30:21-23). Итак, разврат – это насильственная социальная революция. Напомним еще раз известие Юстина о победоносном восстании рабов в Тире: «Тирянам пришлось претерпеть унижительные мучения от своих рабов, ставших слишком многочисленными. Они составили заговор, перебили весь свободный народ и господ и так, став хозяевами города, овладели очагами господ, вторглись в государственные дела, переженились и, хотя сами свободными не были, объявили об освобождении рабов. ...Слух о преступлении рабов распространился повсюду, это был устрашающий пример для всего мира» [26, № 3/54 (18, 4)].

Далее в тексте идет некий положительный идеал на примере из животных: «Вот четыре малых на земле, но они мудрее мудрых: Муравьи – народ не сильный, но летом заготавливают пищу свою; Горные мыши – народ слабый, но ставят дома свои на скале; У саранчи нет царя, но выступает вся она стройно; Паук лапками цепляется, но бывает в царских чертогах» (30:24-28). Суть этой аналогии – вероятно, сравнение с четырьмя основными занятиями людей: земледелием (муравьи), строительством (горные мыши), ремеслом (паук) и

войною (саранча). Иначе говоря, каждый «малый» должен заниматься своим делом и не лезть в политику. А политикой пусть занимаются великие. На это намекают последующие «животные» аналогии: «Вот трое имеют стройную походку, и четверо стройно выступают: Лев, силач перед зверями, не посторонится ни перед кем; Конь и козел (вероятно, аллегии воина и жреца. – И. Р.), и царь среди народа своего» (30: 29-31). И далее – уже приведенное выше заключительное замечание: «Если ты в заносчивости своей сделал глупость...» и т. д. Все логично.

Вообще по своему блестящему литературному стилю Агур весьма близок к автору книги Экклезиаста. Политические идеи притчи Агура и Книги Экклезиаста тоже совпадают. Идеино-смысловая и стилистическая близость этих произведений, а также их непосредственное (через притчу Лемуила) соседство в каноническом составе Библии позволяет высказать предположение о некой *личной связи Агура с автором Книги Экклезиаста*. Нельзя даже исключить гипотезу о том, что сам Агур и был автором Книги Экклезиаста. Напомним еще раз комментарий из Толковой Библии: «Вполне допустимо предположение, что в изречениях Агура и Лемуила мы имеем произведение или по крайней мере отзвук интеллектуальной культуры “сынов востока” – арабов, идумеев и др., как и в книге Иова (...) Как и имя Агура, Ифил и Укал должны обозначать известных лиц, быть может, слушателей, учеников Агура» [120, т. 2, с. 496-497]. Но куда более правдоподобно, что здесь «мы имеем произведение или по крайней мере отзвук интеллектуальной культуры» финикийцев.

3.4. Книга Экклезиаста как философский текст

Очевидно, что автор Книги Экклезиаста ставил перед собой определенные политические задачи. С ними связаны и

житейско-педагогические мотивы Книги. Но любом случае ее текст вышел далеко за рамки как политической злобы дня, так и прописных житейских истин. Так что Книгу Экклезиаста можно в то же время рассматривать как *собственно философский текст*, и по сей день не утративший своей *философской значимости*. Сохранились возражения еврейских богословов Талмуда против включения книги Экклезиаста в состав Библии (Шаббат, 30 б). О ней прямо говорилось, что она содержит еретические воззрения (Вайикра рабба, 28 а) [38, с. 16]. «В ряде мест в Книге Экклезиаста действительно выступает философ, ученый, причем ума трезвого и отважного, ума ищущего и способного радикально мыслить по самым серьезным проблемам мироздания и человеческого бытия, не боясь конфронтации с веками утвердившейся, освященной религией, традиционной мудростью» [153, с. 218].

Во всяком случае, формулировка: *«Непознаваема суть вещей. Не выразить ее никакими словами. Не может глаз ее рассмотреть. Не может ухо ее расслышать»* (1.2-3) - это именно философия в чистом виде, а никак не богословие, не «расхожая народная мудрость» и не жреческая спекуляция.

Как мы ранее убедились, автор Книги Экклезиаста в своих социально-политических взглядах придерживался принципа *«золотой середины»*. Он одинаково осуждал «крайности». Этой же «серединной» позиции он придерживался и в более общих вопросах. В частности, в книге разбросаны прямо противоположные высказывания: «Сетование лучше смеха; потому что при печали лица сердце делается лучше (7:3). И похвалил я веселие; потому что нет лучшего для человека под солнцем, как есть, пить и веселиться (8:15)» и т. д. В результате возникает ощущение напряженного диалога, в котором каждый читатель может найти для себя мудрость по вкусу. Но если этот

читатель склонен к философии, то он может попытаться понять глубинный смысл этих видимых противоречий.

«В ряде мест автор высказывает совершенно противоположные мнения. То он восхваляет мудрость в духе Притч, заверяя, что “мудрость лучше, чем богатое наследство”, потому что “она дает жизнь владеющим ею” (7:11-12; 8:1-2 и в др. местах), то издевается над мудростью, которая ведь не может принести счастья, ибо “во mnogой мудрости много печали, и умножающий мудрость умножает скорбь” (1:18). То автор как будто превозносит благочестие: “ бойся Бога и храни заповеди его... ибо всякое дело Бог приведет на суд” (12:13-14), “соблюдающий заповедь не знает беды” (8:5), то высмеивает чрезмерную праведность: “Не будь очень праведным и не слишком мудрствуй, зачем тебе разрушать себя” (7:16). В ряде мест автор как будто завидует мертвым: “И почел я мертвых, что уже умерли, счастливее живых, которые еще живут” (4:2); “И возненавидел я жизнь...” (2:17). Но вслед за этим, сам себе противореча, автор восславляет жизнь, заявляя, что “...и псу живому лучше, чем мертвому льву” (9:4). Автор Книги Экклезиаста, по выражению Ренана, как бы жонглирует словами и мыслями и предстает перед читателем то в роли ни во что не верящего пессимиста и скептика, то в роли искренне верующего, ведущего трагическую борьбу со своими сомнениями» [153, с. 194-195].

М. И. Рижский называет подобную противоречивость Книги Экклезиаста ее «странными особенностями». Однако сам же весьма удачно продолжает: «А пока отметим: через все сочинение проходит, многократно повторяясь, одна и та же мысль, которая автору показалась, видимо, настолько важной, что он с нее и начал свое изложение и тем самым как бы озаглавил его: “Суета сует и все суета”. Здесь следует сделать небольшое отступление. Славянским словом “суета” в русском

синодальном переводе передано стоящее в оригинальном еврейском тексте слово “хебел” (hebel), и передано неудачно. ...В ветхозаветных частях Библии в оригинальном тексте это слово в разных контекстах имеет значения: “нечто ничтожное”, “нестоящее”, “пустое”, “бессмысленное”... В нескольких местах Книги Экклезиаста к “хебел” добавлены еще два слова, которые в синодальном переводе переданы “томление духа”: “суета сует и томление духа” (1:14, 2:11, 2:17, 2:26, 4:4, 6:9). Но правильный перевод этих двух слов - “погоня за ветром” или “ловля ветра”. ...Таким образом, выражение “суета сует” будет иметь смысл: “все тщетно, напрасно, бессмысленно; ни в чем нет смысла”, так же как погоня за ветром. Эти слова, которыми автор Книги Экклезиаста начал свое произведение, в сущности, были предварительным ответом на основной вопрос, поставленный в ней: в чем смысл человеческой жизни?» [153, с. 195-196].

Итак, автор Книги Экклезиаста дает четкий философский ответ на вопрос о смысле жизни человека: смысла жизни нет, **в целом наша жизнь – бессмысленна.** «Человек не может постигнуть дел, которые делаются под солнцем. Сколько бы человек ни трудился в исследовании, он все-таки не постигнет этого, и если бы какой мудрец сказал, что он знает, он не может постигнуть» (8:17). Мы не понимаем, зачем живем, а раз так, то смысл нашей жизни для каждого из нас состоит просто в **ощущении радости жизни:** «Иди, ешь с веселием хлеб твой, и пей в радости сердце вино твое, когда Бог благоволит к делам твоим. Да будут во всякое время одежды твои светлы, и да не оскудевает елей на голове твоей. Наслаждайся жизнью с женою, которую любишь, во все дни суетной [бессмысленной] жизни твоей, и которую дал тебе Бог под солнцем на все суетные [бессмысленные] дни твои, потому что это – доля твоя

в жизни и в трудах твоих, которыми ты трудишься под солнцем» (9:7-9).

Следует также отметить, что книги Экклезиаста и, возможно, Иова содержат рационалистическую онтологическую **концепцию вечности мироздания**. Любопытное толкование книги Иова в этом смысле приводит М. С. Беленький: «Слова „орах олам” встречаются в Ветхом завете только один раз: в кн. Иова (XXII, 15). В русском переводе мы читаем: „Неужели ты держишься пути древних [орах олам], по которому шли незаконные?» Вопрос Елифаза Феманитянина обращен к Иову. Вопрошающий напоминает, что сторонники „орах олам” считаются нечестивцами, так как говорили Богу „отойди от нас”, а потому преждевременно были истреблены (...) Примечательно, что теолог и философ Саадия Гаон говорил, что люди, утверждающие, будто все существующее не имеет ни начала, ни конца, т. е. что мир существует вечно, находят основание для подобных воззрений в книге Иова. В этом произведении Саадия выделяет слова „орах олам” и подчеркивает, что они означают не „пути древних”, как их обычно толкуют, а „пути вечности”. Указав на то, что теорию вечности мира в Ветхом завете называют „орах олам”, т. е. системой вечности, а сторонников этой теории – нечестивцами, потому что они допускают безграничное в пространстве и беспредельное во времени существование Вселенной, Саадия приведенные слова из кн. Иова комментирует следующим образом: „неужели и ты (Иов) признаешь правильным взгляд тех сторонников вечности мироздания, которые погибли безвременно” и т. д.» [130, с. 126-128].

Но если в книге Иове видели намек на теорию вечности мира, то в книге Экклезиаста она изложена прямым текстом: «Род проходит, и род приходит, а земля пребывает вовеки. Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему,

где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои. Все реки текут в море, но море не переполняется: к тому месту, откуда реки текут, они возвращаются, чтобы опять течь. ...Что было, то и будет; и что делалось, то и будет делаться, и нет ничего нового под солнцем. Бывает нечто, о чем говорят: «смотри, вот это новое»; но было уже в веках, бывших прежде нас. Нет памяти о прежнем; да и о том, что будет, не останется памяти у тех, которые будут после» (1:4-11).

Иначе говоря, мир в целом неизменен. Когда-то в неведомой нам дали времен наш мир был создан Богом (а может быть, Он создал и время вместе с миром?): «Все соделал Он прекрасно в свое время, и вложил мир [вселенную] в сердце их [сынов человеческих], хотя человек не может постигнуть дел, которые Бог делает, от начала до конца. ...Познал я, что все, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить; и Бог делает так, чтобы благоговели перед лицом Его. Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее [снова]» (3:11, 14-15).

«В космосе все происходит с поразительным постоянством, регулярностью и повторяемостью, в предустановленной последовательности. Но почему столь удручающая монотонность в этом описании круговорота в природе? Все движется по замкнутым кругам, ничто не уходит от старого, ничто не возникает нового? Как справедливо отмечает французский исследователь Книги Екклесиаста Д. Ли (D. Lys), в этом сотворенном Богом мире “есть порядок, но нет прогресса, нет цели и нет смысла в том, что происходит в природе” [156, р. 105]. ...В мире людей автор Книги Екклесиаста описывает то же вечное кружение и повторение, как и в природе, то же движение по замкнутым кругам без цели и без смысла» [153, с. 201-202].

Это значит, что все время в мире Экклезиаста – *циклическое*, строго неизменное повторение одинаковых циклов: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить; время плакать и время смеяться; время сетовать и время плясать; время разбрасывать камни и время собирать камни; время обнимать и время цуклоняться от объятий; время искать и время терять; время сберегать и время бросать; время раздирать и время сшивать; время молчать и время говорить; время любить и время ненавидеть; время войне и время миру» (3:1-8). А значит, нет противоречия в противоречивых заявлениях: все хорошо в свое время и плохо – в чужое.

Иначе говоря, Книга Экклезиаста содержит обоснование своеобразной *диалектики*, правда, в сочетании с жестким «циклически-временным» детерминизмом. Можно даже сказать, что автор Книги Экклезиаста – убежденный *фаталист*: «И обратился я, и видел, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (9:11-12).

А значит, и наши усилия в этой жизни не изменят ничего: «Кто может выпрямить то, что Он сделал кривым?» (7:13). Отсюда и консервативный политический пафос автора Книги Экклезиаста: «Есть и такая суэта на земле: праведников постигает то, чего заслуживали бы дела нечестивых, а с нечестивыми бывает то, чего заслуживали бы дела праведников.

И сказал я: и это – суета!» (8:14). Единственно достойная жизненная позиция, по его мнению, – не пытаться усовершенствовать мир и общество, а расслабиться и получить удовольствие от самого процесса жизни. Впрочем, если время и случай тому благоприятствуют, то можно заняться и обществом; но это будет всего лишь наше личное развлечение: «Потому что мудрого не будут помнить вечно, как и глупого: в грядущие дни все будет забыто, и увы! Мудрый умирает наравне с глупым» (2:16).

И в заключение – о трех загадочных моментах в Книге Экклезиаста. Во-первых, это представление о *единой природе души у человека и животных*: «Сказал я в сердце своем о сынах человеческих, чтоб испытал их Бог, и чтобы они видели, что они сами по себе – животные. Потому что участь сынов человеческих и участь животных – участь одна; как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все – суета! Все идет в одно место; все произошло из праха, и все возвратится в прах. Кто знает: дух сынов человеческих восходит ли вверх, и дух животных сходит ли вниз, в землю?» (3:18-21).

«Вокруг стихов 3:19-21 вот уже почти два тысячелетия идут споры между экзегетами и учеными. Какой смысл вложил Экклезиаст в слово “дух” (евр. “руах”), который “один для всех” – для животных и для человека, так что у человека “нет преимущества перед скотом”? Слово “руах” имеет ряд значений, в том числе “дуновение”, “дыхание”, “ветер”, а также “дух” в спиритуальном смысле: “Дух Божий” (Быт. 1.1). В данном контексте, видимо, имеется в виду нечто невидимое, находящееся в любом живом существе и покидающее тело в случае смерти. У древних евреев существовала вера, что души мертвых попадают в подземное царство мертвых, Шеол, где все в одинаковом состоянии содержатся бесконечное время. Но в

нашем случае автор, очевидно, не имеет в виду Шеол, когда говорит о “руах” не только людей, но и животных. Нигде в Ветхом Завете нет и намека на то, что в Шеоле обретаются души животных. В вопросительном предложении: “Кто знает, дух сынов человеческих восходит ли вверх, а дух животных сходит ли вниз, в землю?” выражение “вверх” – “вниз” следует, очевидно, понимать просто в смысле “неизвестно куда”. Но этому противоречит стих 12:7: “И обратится прах в землю, чем он и был, а дух (“руах”) возвратится к Богу, который дал его”» [153, с. 213-214]. И все-таки, господа богословы, есть ли у животных душа?

Вторая загадка: в таком случае выражение “все есть томление духа” или же “погоня за ветром” может быть истолковано и в том смысле, **что наша жизнь – это именно наша погоня за собственным духом**, который дал нам Бог. И так ли уж она бессмысленна? «Бог сотворил человека правым, а люди пустились во многие помыслы» (7:29). «Праведные и мудрые деяния их – в руке Божией, ...человек ни любви, ни ненависти не знает во всем том, что перед ним» (9:1). Все это как-то загадочно похоже на буддизм.

Наконец, третья загадка: впереди грядет некий **Божий суд**. «Не скоро совершается суд над худыми делами; от этого и не страшится сердце сынов человеческих делать зло» (8:11). «Веселись, юноша, в юности твоей, и да вкушает сердце твое радости во дни юности твоей, и ходи по путям сердца твоего и по видению очей твоих; только знай, что за все это Бог приведет тебя на суд» (11:9). «Ибо всякое дело Бог приведет на суд, и все тайное, хорошо ли оно или худо» (12:14). Из текста Книги Экклезиаста совершенно невозможно понять, что конкретно имеется в виду. Можно, конечно, толковать в ортодоксальном духе, заявляя, что здесь речь идет о грядущем Страшном Суде. Однако слишком многое в Книге этому противоречит. Во-

первых, «все, что делает Бог, пребывает вовек; к тому нечего прибавлять и от того нечего убавить ... Что было, то и теперь есть, и что будет, то уже было; и Бог воззовет прошедшее [снова]» (3:14, 15). Во-вторых: «Живые знают, что умрут, а мертвые ничего не знают, и уже нет им воздаяния, потому что и память о них предана забвению. И любовь их и ненависть их и ревность их уже исчезли, и нет им более части вовеки ни в чем, что делается под солнцем» (9:5-6). А это значит, что судить, собственно, некого и не за что.

Но как же тогда «Бог воззовет прошедшее»? И почему «день смерти лучше дня рождения» (7:1)? Может быть, потому, что «возвратится прах в землю, чем он и был; а дух возвратится к Богу, Который дал его» (12:7)? Значит, Бог будет вершить суд над нашей душой не под этим солнцем, не в этом мире? Но нужно ли вообще судить? «Не долго будут у него в памяти дни жизни его; поэтому Бог и вознаграждает его радостью сердца его» (5:19). Получается, что наша душа останется у Бога – без памяти? Или он снова пошлет ее на землю, под солнце – по новому кругу? «Все труды человека – для рта его, а душа его не насыщается» (6:7). Вечная чередка воплощений нашей голодной души? Снова буддизм?

Но как же тогда понимать смутное пророчество в конце Книги: «И помни Создателя твоего в дни юности твоей, доколе не пришли тяжелые дни и не наступили годы, о которых ты будешь говорить: “нет мне удовольствия в них!” Доколе не померкли солнце и свет и луна и звезды, и не нашли новые тучи вслед за дождем. В тот день, когда задрожат стерегущие дом, и согнутся мужи силы; и перестанут молоты мелющие, потому что их немного осталось; и помрачатся смотрящие в окно; И запираются будут двери на улицу; когда замолкнет звук жернова, и будет вставать по крику петуха и замолкнут дочери пения; И высоты будут им страшны, и на дороге ужасы; и

зацветет миндаль; и отяжелеет кузнечик, и рассыплется каперс. Ибо отходит человек в вечный дом свой, и готовы окружить его по улице плакальщицы; - Доколе не порвалась серебряная цепочка, и не разорвалась золотая повязка, и не разбился кувшин у источника, и не обрушилось колесо над колодезем» (12:1-6). Это вообще о чем? О Страшном суде или о том неизвестном, чем оканчивается жизнь каждого из нас? Может быть, в этих строчках как-то зашифровано имя автора?

В общем, автор Книги Экклезиаста, как Сократ, поставил много вопросов о смысле нашей жизни, но не решил ни одного: «Много таких вещей, которые умножают суету: что же для человек лучше? Ибо кто знает, что хорошо для человека в жизни, во все дни суетной жизни его, которые он проводит как тень? И кто скажет человеку, что будет после него под солнцем?» (6:12). Это «сочинение, которое нами воспринимается как трактат о смысле жизни, хотя оно, это сочинение, дошло до нас в составе канона Библии под названием Книги Экклезиаста и считается одним из Священных писаний двух религий – иудаизма и христианства» [153, с. 181-182].

То, что этот философский текст включен в состав религиозного канона, не отменяет его самостоятельной философской значимости. Ведь и Упанишады, и тексты Конфуция и Лао-цзы - тоже часть религиозного канона. Но их почему-то включают в хрестоматии по истории философии, а книгу Экклезиаста - нет. Вообще, если Книга Экклезиаста - не философия, то что же тогда философия?

3.5. Книга Иова и «сыны Кореевы»

Этот же риторический вопрос в еще большей степени относится и к *Книге Иова*. Причем если Экклезиаста можно сравнить, скажем, с Лао-цзы, то в отношении автора Книги

Иова напрашивается сравнение с самим Платоном. Во всяком случае, эта книга по форме и драматизму *философского диалога*, по актуальности философской проблематики (*о природе зла!*) не уступает лучшим диалогам Платона. Здесь жестко ставится проблема теодицеи (оправдания Бога): если Бог всемогущ, то Он не всеблаг; а если всеблаг, то не всемогущ. И на это дается единственный логически непротиворечивый ответ. Вообще, было бы крайне любопытно послушать хоть какие-то доказательства в пользу того, что Книга Иова - это не настоящая философия.

Суть проблемы, поставленной в Книге Иова - о справедливости Бога. Некий праведник Иов живет вполне счастливо. Вдруг Бог решил поставить над ним эксперимент: сохранит ли он свою веру в Него и в несчастье. По прямой воле Бога Иов лишился всего имущества и детей, а затем неизлечимо заболел. «И взял Иов черепок, чтобы соскребать с себя гной, и сел среди пепла». Его приходят утешить благочестивые друзья - Вилдад, Елифаз и Софар. Они доказывают, что Бог справедлив, но Иов убедительно им возражает. Он заявляет, что ему не в чем каяться перед Богом, что ничем в своей жизни он не заслужил своих несчастий, как и многие другие праведники. В то же время негодяи процветают, и Божья кара их не постигла. Иов требует от Бога справедливого суда и горько жалеет, что вообще родился на свет. Тут в разговор вступает молодой мудрец Елиуй (Элигу). Основная идея его горячей речи в том, что люди вообще не в силах постичь Бога, что требовать чего-либо от Бога - непростительное высокомерие. После этого из вихря к Иову обращается сам Бог. Сначала Он рассказывает о своем величии и ничтожестве человека, издевательски предлагая Иову померяться силами. Тот признает свою неправоту. Но затем Бог заявляет, что вообще-то Иов говорил о Нем более правдиво, чем его благочестивые друзья. Он

соглашается их помиловать лишь по молитве Иова. Иов выздоравливает, снова богатеет и заводит новых детей. Итак, Бог всемогущ, но непознаваем, от него исходит и добро, и зло. И люди могут лишь просить у него милости, а не требовать от него справедливости. Дай Бог каждому из нас не очутиться в положении Иова на пепелище!

«Поэма о Иове – философская дискуссия о Боге. Основная часть Книги Иова, по существу, представляет собой философский спор между поборниками доктрины ортодоксального иудаизма, каким он сформировался в эпоху после плена, с одной стороны, и древними представителями иудейского свободомыслия – с другой. (...) Хотя Бог в поэме заставил Иова замолчать, а апостол Павел, можно сказать, предал анафеме, этот образ остался в памяти и истории человечества и продолжает жить как символ вечного конфликта между свободным человеческим разумом и слепой верой, между мирской мудростью и религиозной догмой. Этот образ сохранился еще и потому, что автор вложил в него глубочайший смысл: извечное стремление человечества к истине, даже если для этого необходимо отказаться от утешительных иллюзий» [152, с. 166, 239].

В отношении Книги Иова существует еще большая путаница: «Книга Иова занимает место между книгами Есфирь и Псалтирью, но в еврейских Библиях она стоит между книгами Притчей и Песнь Песней; в Сирийских же между книгами Второзаконие и Иисуса Навина» [61, с. 349]. При этом «датировка книги Иова неясна (4-5 вв. до н. э.), а структура и становление текста в известном нам объеме представляет много нерешенных проблем; не исключено присутствие в составе книги более раннего материала и более поздних вставок... В талмудической литературе Иов служит предметом разноречивых суждений. По-разному определялось время книги

Иова - от времен Авраама, Иакова или Моисея до времен Эсфири. Высказывалось также мнение, что повествование о нем - притча («машал»). По одной из версий, Иов своими силами познал Яхве, служил ему из любви, своей праведностью превзошел даже Авраама; в талмудическом трактате Сота 35а сообщается, что его смерть оплакивалась всем народом Израиля. По другому мнению (резко противоречащему тексту книги), он был врагом Израиля - языческим пророком, посоветовавшим фараону приказать повитухам убивать всех еврейских мальчиков; этим он будто бы и заслужил свои страдания (трактаты Сангедрин 10ба и Сота 11а)... Земля Уц, названная родиной Иова, тождественна то ли арамейским областям на севере Заиорданья, то ли Хаурану, то ли Эдому; во всяком случае, Иов по крови и географической локализации настолько близок к иудейско-израильской сфере, чтобы входить (вместе с прочими персонажами книги Иова) в круг почитателей единого Бога, настолько и далек от этой сферы, чтобы являть собою тип «человека вообще», образец как бы «естественной» праведности» [62].

«Исследователи считают, что словарь Книги Иова богаче, чем словарь любой другой книги Ветхого Завета. Но именно по этой причине читатель нередко сталкивается в ней со словами, которые встречены в Библии только однажды и, следовательно, значение которых сейчас можно определить только приблизительно, исходя из контекста или через сопоставление со словами других семитских языков – арабского, арамейского, аккадского, ассирийского. Помимо этого, в языке Книги Иова встречается множество заимствованных форм, особенно арамеизмов и арабизмов» [152, с. 27].

«Имя Иова упоминается в Библии еще в нескольких местах (см. Иез. 14:14, 20; Книга Иисуса сына Сирахова 49:19; Тов. 2:12, 15; Посл. Иак. 5:11) В книге Иезекииля Иов наряду с Ноем

и Даниилом упоминается как древний мудрец, прославленный своей праведностью» [152, с. 85].

На протяжении более двух тысячелетий еврейская синагога и христианская церковь рекомендовали и рекомендуют это произведение как в высшей степени поучительное и утверждающее в вере, а герой на века стал эталоном, образцом праведника (см.: Иак. 5:10, 11) для последователей по крайней мере этих двух религий. И в то же едва ли какое-нибудь другое произведение из числа вошедших в Ветхий Завет вызвало столько разногласий и споров между экзегетами и критиками Библии. Споры продолжаются и в наши дни. Уже в V веке христианский епископ Федор Мопсуэтский учил, что Книга Иова – это просто литературное произведение, вроде греческой трагедии, которое сочинил некий автор, обладавший большими знаниями, но и не меньшим тщеславием, не слишком благочестивый и приписавший Иову речи, совершенно неподходящие для человека добродетельного и богобоязненного. Что касается еврейских средневековых комментаторов Библии, то расхождение между ними во взглядах на Книгу Иова, а тем более в оценке самого Иова просто поразительны. “В то время как одни рассматривали Иова как святого, - замечает по этому поводу американский библеист Н. Глетцер, - другие видят в нем скептика, бунтаря против Бога, или дуалиста, или человека, которому не хватало знаний, или последователя Аристотеля, который отрицал божественный промысел, или “козла отпущения”, или прототипа саббатанского мессии и т. д.” [см.: 157, р.167]. Не меньше разногласий по поводу Книги Иова наблюдается у христианских богословов, а также у современных исследователей и критиков Библии [152, с. 146].

«Можно допустить, что автор поэмы об Иове был знаком с философской и религиозной литературой соседних народов –

народов Египта, Вавилонии, еще более близких Финикии и Эдома. Следы этого знакомства можно, по мнению исследователей, обнаружить не только в идеях и диалогической форме поэмы, но и в языке, который включает ряд слов и даже целых выражений ионязычного происхождения... Может быть, иноземными влияниями в какой-то мере объясняется то, что в поэме о Иове очень мало национального колорита, настолько мало, что некоторые исследователи вообще отказываются признать в авторе иудея» [152, с. 172-173]. Во всяком случае, знакомство «с философской литературой Финикии» можно предполагать с уверенностью.

С. С. Аверинцев подчеркивал, что имя Яхве встречается лишь в авторской речи в начале и в конце книги (которая, скорее всего, и была позднейшей вставкой). Сами же действующие лица именуют Бога «Элохим», «Эл», «Эльон», «Шаддай» [63, с. 717]. Уже одно это свидетельствует о финикийских (т. е. ханаанских, а не еврейских) корнях книги, так же, как и указания на то, что Иов не имеет отношения к евреям, а даже мог быть враждебным им языческим пророком.

Вопреки С. Аверинцеву, и в самом тексте книги Иова (т. е. в отредактированном его варианте!) можно найти, по крайней мере, четыре серьезных намека на ее первоначальный языческий характер.

Во-первых, это текст: «(Бог) Умножает народы и истребляет их; рассеивает народы и собирает их. Отнимает ум у глав народа земли, и оставляет их блуждать в пустыне, где нет пути. Ощупью ходят они во тьме, без света; и шатаются, как пьяные» (12.23-25). Если в этом отрывке содержится намек на странствия в пустыне евреев во главе с Моисеем, то его трудно назвать доброжелательным.

Во-вторых, в конце книги в обращении Бога к Иову есть такие малопонятные слова: «Можешь ли ты связать узел Хима и

разрешить узы Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?» (38.31-33). Ранее говорилось: «Он (Бог) один распростирает небеса, и ходит по высотам моря; сотворил Ас, Кесиль и Хима и тайники юга; делает великое, неисследимое и чудное без числа!» (9.8-10). Сюда в Синодальном переводе дается примечание: Ас, Кесиль и Хим - созвездия, соответствующие нынешним названиям: Медведицы, Ориона и Плеяд. С. Аверинцев переводит в соответствии с этим примечанием: «Он создал Медведицу, Кесиль, Семизвездье и дома южных планет (?!! - а где-то есть еще и северные планеты? - И. Р. - Скорее всего речь идет о красивых созвездиях Корабля Арго («Сокровищах Юга»), видных лишь на южном небе [64])... Можешь ли ты связать узел Плеяд, оковы Кесиль разрешить? Выведешь ли зверей Зодиака в срок, поведешь ли Медведицу с ее детьми?» [63, с. 576, 619].

Даже если в первоначальном тексте действительно речь шла о созвездиях, то там очевидно упоминались некие связанные с ними языческие мифы: если у Небесной Медведицы *Ас* были *дети*, то она явно была божеством. Но в более позднем отрывке речь идет об установлении «уставов неба» на земле, что можно связать с астрологией, т. е. скорее с планетами, чем с созвездиями. Иов - семит, но не еврей; а все прочие семитские народы особо почитали планету Венеру - как богиню любви *Астарту*. В другом отрывке Ас выступает в контексте не только с небом, но и с «высотами моря». Богиня моря и в то же время ипостась богини солнца, «мать богов и людей» - семитская богиня *Асират*, супруга верховного бога семитов *Эла* [65, т. 1, с. 113, 115-116]. В любом случае упоминание Ас естественно именно для языческого пророка.

Образы *морских чудовищ*, известных под именами Рахав, Таннин, Левиафан (3:8, 7:12, 9:13, 40-41), вероятно, тоже связаны с древними финикийскими и в целом языческими семитскими мифами, в том числе о Боге-творце, который в начале времен победил морских чудовищ. После победы Бог запер море воротами и засовами, взял его под стражу (Иов. 38:8) [152, с. 92].

В-третьих, это четкое оправдание *астрологии* (38:33): «Знаешь ли ты законы неба, ты ли установил его власть над землей?» – «Имеется в виду, по-видимому, влияние созвездий на происходящее на земле» [152, с. 78, 140].

И, в-четвертых, это прямое указание на существование множества богов (41:17): «Когда он (Левиафан) поднимается, *трепежут боги*, (страхом) сломленные теряются». Причем так оставлено и в современной еврейской (масоретской) Библии [152, с. 82, 144].

Но где доказательства, что Книга Иова написана именно финикийцем, а не, скажем, арамеем или моавитянином? - В тексте этому есть много косвенных доказательств. Особенно характерна в этом отношении речь четвертого собеседника Иова - Элиуя (Элиу, сын Барах-Эля, из рода Буз, из племени Рам). Можно предположить, что под этим именем (или скорее псевдонимом) скрывается сам автор первоначального ядра текста. Во-первых, его объяснение, почему его нужно выслушать, передает духовную атмосферу, скорее близкую к греческим софистам, чем к пророкам Старого порядка: «Дух в человеке и дыхание Вседержителя дает ему разумение. Не многолетние мудры, и не старики разумеют правду (32.8-9)... Слова мои точно не ложь; пред тобою совершенный в познаниях (36.4)».

Во-вторых, в его речи также содержится прямое указание на некую народную революцию: «Можно ли сказать царю: «ты -

нечестивец», и князьям: «вы - беззаконники»? Но Он (Бог) не смотрит и на лица князей и не предпочитает богатого бедному, потому что все они дело рук Его. Внезапно они умирают; среди ночи народ возмутится, и они исчезают; и **сильных изгоняют не силою...** Он сокрушает сильных без исследования, и поставляет других на их места; потому что Он делает известными дела их и низлагает их ночью, и они истребляются. Он поражает их, как беззаконных людей, пред глазами других, за то, что они отвратились от Него и не уразумели всех путей Его, так что дошел до Него вопль бедных, и он услышал стенание угнетенных» (34.18-20, 24-28). Весьма характерно при этом и заявление Иова: « Если я пренебрег правами слуги и служанки моей, когда они имели спор со мною, то что стал бы я делать, если бы Бог восстал (на меня)?.. Не Он ли, Который создал меня во чреве, создал и его (слугу - И. Р.), и равно образовал нас в утробе» (31.13-16) [25]. Подобные идеи глубоко чужды обществу Старого порядка. Они тогда могли родиться лишь в Финикии.

Впрочем, влияние Финикии могло быть и более опосредованным. Выше мы уже убедились, что идеи равенства и справедливости присущи многим пророкам Ветхого Завета начиная с Исаии. Но в тексте Библии они впервые встречаются, когда речь идет о времени Моисея. Причем там они связаны не с Моисеем, а с его противниками: «**Корей**, сын Ицгара, сын Каафов, сын Левиин, и Дафан и Авирон, сыны Елиава, и Авиан, сын Фалефа, сыны Рувимовы, восстали на Моисея, и с ними из сынов Израилевых двести пятьдесят мужей, начальников общества, призываемые на собрания, люди именитые. И собрались против Моисея и Аарона, и сказали им: полно вам; все общество, все святые, и среди их Господь! Почему же вы ставите себя выше народа Господня?» (Числа 16:1-3).

В ответ Моисей предложил устроить испытание: выйти всем с кадилами к скинии с Ковчегом Завета. «И собрал против них [Моисея с Аароном] Корей все общество ко входу к скинии собрания. И явилась слава Господня всему обществу» (Числа 16:19). Т. е. что-то такое явилось евреям, что доказало им правоту Моисея, причем Библия умалчивает, что это было. Потом «разверзла земля уста свои, и поглотила их и дома их, и всех людей Кореевых и все имущество. И сошли они со всем, что принадлежало им, живые в преисподнюю, и покрыла их земля, и погибли они из среды общества. ...И вышел огонь от Господа, и пожрал тех двести пятьдесят мужей, которые принесли [против Моисея] курение» (Числа 16:32-35). А затем после всех чудес пиротехники еще и жезл Аарона расцвел: современные иллюзионисты тоже любят демонстрировать этот фокус.

Как видим, в Книге Чисел (а значит, в Торе) сказано совершенно ясно, что грозное восстание евреев против Моисея возглавил Корей; и за это «разверзла земля уста свои, и поглотила их и дома их, и всех людей Кореевых и все имущество» (Числа 16:32). Но с этим наказанием не все так просто: «Илия накануне мессианского времени разрешит все споры о толковании Библии (талмудический трактат “Менахот” 45а и др.). Затем он сотворит семь чудес (приведет к евреям Моисея и воскрешенное поколение пустыни; извлечет Корея и его приверженцев из шеола [преисподней]...)» [65, т. 2, с. 142]. Получается, что не такими уж они были грешниками?

А вот в другом месте в Библии мы читаем: «И позавидовали в стане Моисею и Аарону, святому Господню. Разверзлась земля, и поглотила Дафана, и покрыла скопище Авирона. И возгорелся огонь в скопище их, пламень попал на нечестивых» (Пс. 105:16-18). И в другом месте: «И что Он [Господь] сделал с Дафаном и Авироном, сынами Елиава, сына

Рувимова, когда земля разверзла уста свои и среди всего Израиля поглотила их, и семейства их, и шатры их, и все имущество их, которое было у них» (Втор. 11:6). Как видим, во Второзаконии и Псалтири главный виновник – Корей – среди наказанных Богом вообще отсутствует. И это не случайно. Дело в том, что изрядная часть псалмов в этой книге написана... **«сынами Кореевыми»** – то ли его прямыми потомками (хотя вроде бы земля поглотила «всех людей Кореевых»), то ли учениками (что еще интереснее). «Сыновьям Кореевым принадлежат псалмы: 41-48, 83, 84, 86-88. Они были потомками Корея и сохранили за собою название по имени этого предка, вероятно в назидание себе. На их обязанности, как левитов, лежало – следить за благочинием поведения молящихся во дворе храма и за содержанием чистоты двора» [120, т. IV, с. 130-131]. Вопрос: а как же тогда с заповедями Бога: «Я Господь, Бог твой, Бог ревнитель, наказывающий детей за вину отцов до третьего и четвертого [поколения], ненавидящих Меня» (Исх. 20:5)? Снова получается, что вина Корея была не так уж велика?

Среди сынов Кореевых двое названы по имени: «Еман и Ефан свое происхождение ведут от известного Корея, возмутившегося при Моисее. Они были левитами и стояли, как и Асаф, во главе певцов Давидовых» [120, т. IV, с. 130]. При этом они названы в Библии величайшими мудрецами после самого Соломона: «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян. Он был мудрее всех людей, мудрее и Ефана Езрахитянина, и **Емана**, и Халкола, и Дарды, сыновей Махола, и имя его было в славе у всех окрестных народов» (3-я Царств, 4. 30-31).

В связи с этим особый интерес представляет 87 псалом – «Учение Емана Езрахита». Это самый печальный и безнадежный вообще среди всех псалмов: «Господи, Боже спасения моего! Днем вопию и ночью пред тобою. ...Ибо душа

моя насытилась бедствиями, и жизнь моя приблизилась к преисподней. Я сравнился с нисходящими в могилу; я стал, как человек без силы. ...Ты удалил от меня знакомых моих, сделал меня отвратительным для них; я заключен, не могу выйти. ...Я несчастен и истаеваю с юности; несу ужасы Твои и изнемогаю». При этом интереснейшая тема – категорическое отрицание возможности посмертного воздаяния: «Между мертвыми брошенный – как убитые, лежащие во гробе, о которых Ты уже не вспоминаешь и которые от руки Твоей отринуты. ...Разве над мертвыми Ты сотворишь чудо? Разве мертвые встанут и будут славить Тебя? Или во гробе будет возвещаема милость Твоя, и истина Твоя – в месте тления? Разве во мраке познают чудеса Твои, и в земле забвения – правду Твою?» (Пс. 87:6, 11-13). Причем это все, что Библия сообщает о Емане Езрахите и его учении.

Но зачем-то же Еман назван в Библии среди самых великих мудрецов! При этом следует обратить внимание на глубокое сходство его псалма с книгой Иова, иногда дословное: «Покинули меня близкие мои, и знакомые мои забыли меня. ...Дыхание мое опротивело жене моей... гнушаются мною все наперсники мои» (Иов 19:14-19). Особенно важно сходство учения о *смерти*, подобного изложенному и в Книге Экклезиаста: «Человек умирает, и распадается; отошел, и где он? Уходят воды из озера, и река иссякает и высыхает: так человек ляжет и не встанет; до скончания неба он не пробудится, и не воспрянет от сна своего. О, если бы Ты в преисподней сокрыл меня, и укрывал меня, пока пройдет гнев Твой, положил мне срок, и потом вспомнил обо мне! Когда умрет человек, то будет ли он опять жить? Во все дни определенного мне времени я ожидал бы, пока придет мне смена» (Иов 14:10-14). – Очевидно, что Иов в это не верит. Так же, как и Еман. Так что среди предположительных авторов

книги Иова стоит упомянуть и Емана Езрахита, из «сынов Кореевых».

Еще один любопытный момент. В Книге Иова практически вся 28 глава посвящена *геологии*: «Так! У серебра есть источная жила, и у золота место, где его плавят. Железо получается из земли; из камня выплавляется медь. Человек полагает предел тьме, и тщательно разыскивает камень во мраке и тени смертной. Вырывают рудокopный колодезь в местах, забытых ногою, спускаются в глубь, висят и зыблются вдали от людей. Земля, на которой вырастает хлеб, внутри изрыта как бы огнем. Камни ее – место сапфира, и в ней песчинки золота. ...В скалах просекает каналы, и все драгоценное видит глаз его. Останавливает течение потоков, и сокровенное выносит на свет» (Иов 28:1-11) и т. д. Сравним: «Коранический рассказ о Каруне восходит к библейской истории Корея... Мусульманское предание добавляет к кораническому рассказу ряд деталей, в основном повторяющих послебиблейские иудейские сюжеты. Мусульмане считали Каруна основателем алхимии; это представление, по-видимому, основывается на содержащемся в Коране утверждении Корея, что все богатства добыты им по его знанию (28:78). В Египте имя Каруна... связывалось с несколькими естественными и искусственными водоемами» [65, т. 1, с. 625]. Итак, сохранилось предание о Корее как великом мудреце-алхимике. Здесь, как и в случае Иова, явно ощущается некая иная, нееврейская традиция.

Наконец, очень характерно, что значительная часть Писаний в Библии приписывается *царю Соломону*. Причем это именно наиболее насыщенные философией (и не только религиозной) книги Библии: Экклезиаст, Притчи, Песнь Песней, и часто Иов. Соломон вошел в историю культуры (и даже в сказки) как образец мудрого правителя. Именно при нем был построен Храм Яхве в Иерусалиме. Правление Соломона -

эпоха наибольшего могущества еврейского государства. И в то же время это эпоха *наибольшего финикийского влияния*. Собственно, и Храм строился с участием финикийцев, и в страну Офир (Индию) ходили корабли скорее не самого Соломона, а финикийского царя Хирама, и т. д. Позднейшая иудейская традиция настойчиво упрекает Соломона в идолопоклонстве, что скорее свидетельствует о широкой веротерпимости в его царстве, характерной именно для торговых центров. Поскольку в то время язык и письменность у финикийцев и евреев были одинаковыми, можно предположить, что из Финикии привезли не только стройматериал для Храма, но и рукописи - «стройматериал» для Библии.

4. Ранняя греческая философия как перевод с финикийского

4.1. Влияние финикийцев на культуру архаической Греции

Вообще, определённое влияние финикийцев на культуру Древней Греции признаётся современными исследователями, хотя большинством из них степень этого влияния по-прежнему недооценивается, а степень самостоятельности культурного развития доклассической Греции - переоценивается. - Большинство, но не всеми. Так, И. П. Вейнберг, один из авторов уже цитировавшегося трёхтомника «История древнего мира», утверждает: «В VI-V вв. до н. э. восточная культура оказывала на эллинскую большее воздействие, чем последняя на восточную... “А финикийцы эти, прибывшие в Элладу... принесли эллинам много наук и искусств и, между прочим, письменность”, - писал Геродот, выразив господствующее в Элладе признание великой роли восточной культуры в образовании эллинской» [66, с. 212].

В. П. Яйленко в своей очень интересной книге «Архаическая Греция и Ближний Восток» выразился так: «Возобновление греками в IX в. контактов с Ближним Востоком, восприятие ими достижений переднеазиатской цивилизации было одним из значительнейших событий истории европейской цивилизации, по сути дела, началом формирования её основ. Для собственно Греции установление культурных и экономических связей с Ближним Востоком было таким же поворотным актом эпохального значения, каким для России было открытие западноевропейской цивилизации Петром Великим... Воздействие ближневосточной цивилизации на пробуждающуюся от первобытной примитивности культуру греков, почти все достижения которой сводились к геометрическому орнаменту да эпическим сказаниям, было

многоплановым: градостроительство и архитектура, скульптура и торевтика, керамическое и ювелирное производство, оружейное дело и кораблестроение, культурная лексика и литература, фольклор и мифология, религия и магия, законодательство, врачевание, бытовые обычаи, ассортимент растений и птиц (куры), начала математики и астрономии - вот неполный перечень сфер воздействия ближневосточной цивилизации на греческую» [20, с. 210-213].

Но «ближневосточная» цивилизация в данном случае должна однозначно читаться «финикийская». Именно финикийцам принадлежит *основная* роль в передаче грекам достижений наиболее передового варианта ближневосточной культуры (своего собственного), послужившего основой для невиданно быстрого культурного прогресса Греции, поскольку финикийцы в IX-VIII вв. до н. э. *непосредственно колонизировали* целый ряд районов собственно Греции, быстро смешиваясь при этом с местным населением и передавая ему тем самым достижения своей культуры.

Характерное в этом смысле предание передаёт, например, Диодор Сицилийский. «Немного спустя (Даная) на Родос прибыл Кадм, сын Агенора, посланный царём на поиски (его дочери) Европы. Во время плавания, попав в сильную бурю, он дал обет в случае спасения воздвигнуть святилище Посейдона, и, спасшись, основал на острове священный участок этого бога, а для присмотра за ним оставил и часть своих финикийян. Эти финикийяне смешались с жителями (общины, города) Ялиса, став их согражданами. От них якобы ведут род жрецы, совершающие священные обряды» (V. 58) [67, с. 336 (Приложение 3)]. В начале I тыс. до н. э. финикийцы, открыв железную руду на острове Тасос, (в северной части Эгейского моря, на подступах к черноморским проливам), начали её разработку, построив там поселение и храм бога Мелькарта.

Объектом финикийской колонизации были и Фивы в Беотии (Средняя Греция) [68, с. 156]. Геродот сообщает, помимо этого, о торговых связях финикийцев с Аргосом, основании ими храма Астарты на острове Кифера, согласно Павсанию (3, 23, 1), это - самый древний храм Афродиты Урании у греков (вообще, финикийская колонизация начиналась, как правило, с основания храмов), заселении финикийцами острова Феры до прибытия туда дорийцев, и т.д. Археологические данные показывают, что имеющиеся в греческой традиции сведения о пребывании финикийцев в Элладе заслуживают доверия [20, с. 134]. В могильниках Греции найдено множество ювелирных украшений IX-VIII вв. до н. э. сиро-финикийского производства. В древнейших греческих святилищах нередко находки металлических и глиняных статуэток восточного происхождения [20, с. 212].

Для VIII в. до н. э. характерно присутствие сиро-финикийских мастеров в ряде греческих центров, благодаря чему и греческие ремесленники получили возможность освоить многие новые (или прочно позабытые с микенского времени) технические приёмы [20, с. 313], а также восточные художественные мотивы (т. н. «ориентализирующий» стиль в древнегреческом искусстве, пришедший на смену «геометрическому»). Вообще, греческое изобразительное искусство и архитектура имеют ближневосточные истоки. Именно у финикийцев греки заимствовали тип статуй из дерева, известняка и мрамора, на основании чего в VII в. до н.э. сформировался архаический стиль греческой скульптуры. То же можно сказать и об архитектуре. Прототипом простейшего греческого портика с колоннами (типа храма в антах) является колонный портик сирийского типа (бит-хилани). Три главных типа греческих капителей (эолийский ордер, ионийский ордер, дорийский ордер) сложились на основе сиро-палестинских и

египетских образцов. Заимствование же типа капители (т.е. типа передачи напряжения с несомой части на колонну и его украшения) означает заимствование в целом архитектурной системы - у финикийцев. У финикийцев же греки позаимствовали многие технические приёмы кораблестроения, а также систему мер и весов. Греки восприняли также типы ближневосточной одежды и ткани, как можно судить по заимствованию ими соответствующей семитской лексики [20, с. 216-217].

Само слово «варвар» - финикийского происхождения, восходящее ещё к аккадскому «барбару» - «чужеземец» (!!). Вообще, греки позаимствовали из семитских языков значительную часть своей культурной лексики, в том числе и такие слова, как «диск», «хламида», «грифон», «Борей» (северный ветер, север), «плинфа» (плоский кирпич, плитка) и т. д. [20, с. 223]. Слова «Европа» и «Азия» происходят от финикийских слов «эреб» и «асу» – «запад» и «восток». Контакты греков-дорийцев Крита с семитами, имевшими писаное право, способствовали выработке критянами в VII в. до н. э. письменного законодательства, из которого черпали правовые идеи законодатели других греческих областей [20, с. 217]. Существенен вклад восточных культов в формирование религиозных представлений греков. В частности, они заимствовали у финикийцев культ Адониса, а также в значительной мере - и культ Диониса (а также Аполлона; у сирийцев - Решефа) [20, с. 224]. Так, Геродот писал (11, 49), что греки познакомились «с египетским служением Дионису через тирийца Кадма и его спутников, прибывших с ним из Финикии в страну, которая теперь называется Беотией» [44, с. 96].

Но главное - греки позаимствовали у финикийцев их *алфавит*, получив важнейший инструмент культуры, без которого Греция не смогла бы стать фундаментом европейской

цивилизации. Ряд современных исследователей [См., например, 69] понимает сообщения Геродота (V, 58) и Фукидида (1, 12, 3) о заимствовании греками письменности у финикийцев, прибывших с Кадмом в Беотию, в том смысле, что алфавит и папирус в Беотии ввели до 776 г. до н. э. финикийцы из Библа, от чего возникло и греческое название материала для письма (папируса) - *bublos* (отсюда и современный корень «библио»). Уже у Гомера упоминаются канаты из Библа, а у Гесиода - библосский сорт вина [20, с. 224].

Писчая навощенная дощечка ближневосточного образца была заимствована греками совместно с алфавитом, а также, возможно, не без влияния Востока в Греции стало развиваться искусство записи на пергамене. И наконец, с восприятием этих арамейско-финикийских традиций с Востока к грекам приходит само понятие «книга» [146. S. 33].

В отношении греческой письменности существует одна историческая загадка. Дело в том, что ведь в Микенской Греции до XII в. до н. э. уже была своя греческая письменность. Она была относительно простой – слоговой, а не иероглифической. На острове Кипр греки закрепились примерно в 1500 г. до н. э., и остров с тех пор стал преимущественно греческим (и по сей день). И на этом острове «разновидность линейного слогового письма в позднем варианте дожила примерно до 200 г. до н. э.» [148, с. 180]. Греки Кипра никогда не прекращали активных контактов с прочими соплеменниками. Вопрос: зачем грекам понадобилось заимствовать чужую финикийскую письменность, когда у них уже была готовая своя?

Часто дают такой ответ: «линейная» письменность исчезла, «так как она не успела развиться до уровня письма, приспособленного к составлению чего бы то ни было, кроме перечней и ведомостей» [148, с. 190]. Но ведь и о финикийском письме можно было сказать что-то подобное: «Создатели

финикийского письма предназначали его для записей ведомостей, в крайнем случае религиозно-ритуальных текстов, содержание которых в самом общем виде было известно заранее, и поэтому при чтении ломать себе голову над сочетаниями не разделенных между собой согласных приходилось минимально. К тому же это, вероятно, сначала был род купеческой тайнописи» [148, с. 268]. При этом «Классическое кипрское письмо засвидетельствовано на Кипре с VIII до конца III в. до н. э. в общей сложности более чем 700 письменными памятниками самого различного характера, зачастую весьма обширными» [67, с. 65]. Так что дело не в несовершенстве «линейной» письменности.

Самое вероятное объяснение этой исторической загадки – то, что *финикийские колонисты составили новую социальную элиту в некоторых греческих полисах*. – Тот же Кадм стал царем в Фивах. Эти финикийцы со временем перешли на греческий язык и приспособили к нему свою письменность. Очевидно, что этому обязательно предшествовал более-менее продолжительный период греко-финикийского двуязычия. «Недаром греческая традиция упорно приписывает именно тирийцу Кадму основание Фив, которые Курций Руф (IV, 4, 20) даже называет колонией Тира наряду с Гадесом и Карфагеном» [160, с. 32].

Итак, письменность грекам принесли финикийские колонисты, поселившиеся в городе Фивы в Беотии. Но тогда *первые произведения древнегреческой литературы не могли быть ничем иным, кроме как переводами с финикийского*, с его развитой литературной, в том числе философской традицией. Именно такой характер имело, на наш взгляд, творчество Гесиода, древнейшего (наряду с Гомером) древнегреческого поэта. Естественно, он был беотийцем (любопытно, что в классическую эпоху Беотия, плодородный, а

потому сугубо крестьянский край, вовсе не блистала талантами, слывя чем-то вроде «древнегреческого Урюпинска», глухого захолустья). «Поэмы Гесиода не только содержат мифологемы восточного происхождения, но и обнаруживают соответствия также литературного и социального планов. Исследователи отмечали прямые текстуальные совпадения между вавилонским эпосом о сотворении мира «Энума Элиш» и соответствующими пассажами «Теогонии» Гесиода. Даже сама идея сведения мифологических и религиозных представлений греков (греков ли? - Не к этой ли эпохе восходит традиция отождествления греческих и финикийских божеств? - И. Р.) в единое целое - поэму «Теогония», безусловно, навеяно систематичными мифологическими циклами Ближнего Востока... Поэма Гесиода «Труды и дни» обнаруживает многочисленные точки соприкосновения с библейской традицией. Существует множество прямых параллелей между её афористикой и библейскими книгами Экклезиаста, премудрости Соломоновой, притч Соломоновых. На её сложение оказала влияние пророческая литература с её тенденциозностью и обличением власть имущих. Так, существуют параллели между проповедями близкого современника Гесиода, пророка Амоса, и его басней о соловье и ястребе» [20, с. 219, 221].

Между прочим, и сам Гомер тоже находился под огромным влиянием восточной (семитской) литературной традиции. «Сравнивая текст “Илиады” с известным аккадским эпосом “Atra-ḥasis”, В. Буркерт приходит к выводу не только о восточном влиянии на многие мифологические (в частности, космогонические) мотивы в поэме (так что некоторые сюжеты в ней «прямо восходят к восточному источнику»), но и о почти буквальном переводе восточного текста» [147, с. 149].

Но особенно интересно в этом смысле творчество *Лина*, который, по нашему мнению, сделал первую попытку переноса

в греческую литературу собственно философской проблематики. Греческая традиция (Павсаний, 9, 29, 9; 2, 19, 8) сохранила сведения о двух Линах - мифическом учителе музыки у Геракла и фиванском философе, жившем гораздо позже [70, с. 70-71], хотя и также ранее Гесиода и Гомера. Впрочем, Геродот пишет по этому поводу, имея в виду, в частности, Лина (11, 53): «Поэты, которые, как говорят, старше этих людей (Гесиода и Гомера), по-моему, родились уже после них» [44, с. 97]. Итак, Лин - также из Беотии, VIII в. до н. э. Диодор Сицилийский писал о нём (III, 67): «Говорят, что Лин первым из эллинов открыл законы ритма и пения, а также впервые применил для эллинской речи особые письмена, принесенные Кадмом из Финикии, установив при этом название и определив начертание для каждого знака. Эти письмена принято называть финикийскими, поскольку эллины заимствовали их у финикийцев... Лин достиг необычайных высот в области поэзии и мелодии, он имел многих учеников» [44, с. 320]. Если это так, то именно Лина следует назвать **первым просветителем Греции**, чья роль подобна роли Кирилла и Мефодия у славян.

Диоген Лаэртский (1, 3) писал, что Лин «сочинил космогонию, (в которой рассказывается о) движении Солнца и Луны и происхождении животных и плодов. Поэма его начинается так: «Было некогда время, когда все вещи были вместе» [47, с. 70-71]. У Псевдо-Апулея (Об орфографии, 44) говорится, что, «по словам Лина и Гесиода, боги искони произошли из хаоса» [47, с. 73]. В другом тексте встречается следующее утверждение: «Поскольку все вещи состоят из четырех элементов (земля, вода, воздух, огонь), и между ними по необходимости имеется три промежутка, то выходит, что и в этом случае седмица преобладает надо всем. Поэтому и Лин-богослов во второй книге богословского сочинения, обращенного к Гименею, говорит: «Четыре начала у всех

вещей... тремя узами держимы» (Псевдо-Ямвлих. Теологумены арифметики, 67, 2) [70, с. 72]. Наибольшую цитату из поэмы Лина «О природе космоса» сохранил Стабей (1, 10, 5): «Так, через распрю управляется все всегда. Из всего - все (вещи), и из всех (вещей) - Все, все (вещи) - одно, каждая - часть Целого, все в одном: Ибо все эти-вот (вещи) возникли из некогда единого Целого, а из всех (вещей) некогда, в определенное время, снова будет одно, вечно сущее одним и многим, причем (это) невозможно увидеть одновременно. Много раз будет (повторятся) одно и то же, и никогда не наступит конец. Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей. Так бессмертная смерть осеняет все окрест. Человек и все тленное умирает, а Бытие будет неуничтожимым и сущим всегда, поскольку оно таковое. Оно будет изменяться (лишь) всевозможными кажущимися обличьями и очертаниями формы, скрываясь от взора всех смертных» [70, с. 71-72]. В этих небольших по объему отрывках сконцентрирована значительная часть тем всей последующей древнегреческой философии! Очевидно, что древнегреческий поэт Лин изложил в своей поэме «О природе космоса» и других произведениях взгляды некоего финикийского философа (или философов) на греческом языке, подобно тому, как значительно позже древнеримский поэт Тит Лукреций Кар в своей поэме «О природе вещей» изложил на латыни взгляды греческого философа Эпикура.

4. 2. Ферекид и Пифагор - ученики финикийцев

Очевидно также и то, что идеи финикийской философии не могли сразу быть восприняты в еще отсталом, феодальном обществе архаической Греции VIII в. до н. э. Действительное усвоение греками высших достижений Передней Азии в духовной сфере (в том числе повторное открытие Лина и др.) смогло начаться только значительно позже, когда в Греции

созрели собственные социально-психологические предпосылки для развития философии - т. е. примерно с VI в. до н. э.

Античные авторы вплоть до Августина Блаженного с довольно последовательным единодушием делят греческую философию на «италийскую» и «ионийскую», выстраивая философов в цепочки «преемств», подобно тому, как это изложено у Диогена Лаэртского (1, 13): **«Философия же имела два начала: одно - от Анаксимандра, другое - от Пифагора; Анаксимандр учился у Фалеса, а наставником Пифагора был Ферекид.** Первая философия называется ионийской, потому что учитель Анаксимандра Фалес был ионийцем, как уроженец Милета; вторая называется италийской, потому что Пифагор занимался ею главным образом в Италии. Ионийская философия завершается Клитомахом, Хрисиппом, Феофрастом, италийская же - Эпикуром» [71, с. 58].

Словарь Суды (DK 7.A.2) так говорит о **Ферекиде**: «Ферекид, сын Бабия, Сиросец (Сира - один из Кикладских островов, близ Демоса)... (Родился около 600 г. до н. э.). Рассказывают, что он был учителем Пифагора, а у него самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он первым опубликовал сочинение в прозе, в то время как другие относят это к Кадму Милетскому» [70, с. 84-85]. Это исключительно характерно: родоначальником греческой прозы являются либо Ферекид Сиросский, который «выучился, приобретя тайные книги финикийцев», либо некий Кадм Милетский, т. е. финикиец из Милета, земляк (и предшественник) Фалеса. Кстати, имеется очень важное свидетельство и относительно классической четверки первоначал (огонь, воздух, вода, земля): «Говорят, что первоначала впервые открыл Кадм, иные же говорят, что он лишь перенес к нам открытия финикийцев. Эти сообщения подтверждаются свидетельствами милетских

летописцев» (DK 12.A31) [72, с. 156]. В любом случае **древнегреческая проза начиналась как перевод с финикийского.**

В целом несколько цитат и свидетельств относительно взглядов Ферекида, которые сбереглись у античных авторов, весьма противоречивы и не образуют целостной системы. То утверждают (Ахилл, Введение к «Феноменам» Арата. 3), что Фалес Милетский и Ферекид Сиросский полагают началом всех вещей воду, которую Ферекид называет также Хаосом, то (Секст Эмпирик, Пирроновы положения, 111, 30) говорят, что «Ферекид Сиросский считал началом всего землю», у еще одного автора - Гермия (DK 7.A.9) - «Ферекид полагает началами Зевса, Хтонию и Кроноса; под Зевсом он понимает эфир, под Хтонией - землю, под Кроносом - время; эфир - это активное начало, земля - пассивное, время - то в чем все происходит» [70, с. 87]. Все это в целом несколько... эклектично. Но это совершенно естественно, если исходить из преимущественно **переводческого** характера деятельности Ферекида, который использовал книги **разных** финикийских авторов. Т. е. по его отрывкам можно получить представления о разных философских концепциях, существовавших **в Финикии.**

Наиболее интересны среди них, по нашему мнению, следующие. Во-первых, это **учение о душе**: «Насколько известно из письменного предания, впервые сказал, что души людей вечны, Ферекид Сиросский» (Цицерон. Тускуланские беседы, 1, 16, 38); «(Ферекид) первым ввел учение о метемпсихозе (переселении душ)» (Суда); «Ферекид первый, как сообщают, преподавал своим слушателям, что душа человека бессмертна и что она - жизнь тела, а также полагал, что один дух в нас - с неба, а другой происходит от земных семян» (Апоний. Толкование на «Песнь песней», V, с. 95) [70, с. 85-86].

Во-вторых, это очевидная *диалектика* как универсальный философский принцип: «Ферекид говорил, что собираясь творить мир, Зевс превратился в Эрота: создав космос из противоположностей, он привел его к согласию и любви и посеял во всем тождественность и единение, пронизывающее универсум» (Прокл. Комментарии к «Тимею» 32 с. - 11, 54, 28) [70, с. 88].

Наконец, в-третьих, «те из древних, кто находился в наибольшем согласии с учением Пифагора и его последователей, а также Ферекида, занимались этой природой - вечным и умопостижимым Одним» (Плотин, V, 1, 9) [Там же], - т. е. вышли на понятие *Мирового Разума* («Нус» у Санхунйатона!), Единого и т. д., иначе говоря, Бога.

Весьма любопытна фигура ученика Ферекида, *Пифагора*, основателя школы пифагорийцев. По всей видимости он был большой шутник (чтобы не сказать - мошенник), фигура, кое в чем напоминающая графа Калиостро и т. п. «Сидя как-то в театре, говорит Аристотель, он встал и, обнажив собственное бедро, показал его сидящим - оно было золотым». - (Апоний. «Чудесные рассказы», б) [70, с. 141], да и вообще *пифагорейство* очень напоминало *масонство* - с его таинствами, чудесами, ритуалом, сложным уставом, посвящениями, увлечением мистикой... и активным влиянием в политике, и идеалами братства и взаимопомощи, и верой в преобразующую силу науки. Что особенно характерно: это сходство между пифагорейцами и масонами сугубо *конвергентно*, здесь нет никакой преемственности, т. к. масонская организация сложилась в Англии XVIII века на основе средневековой ремесленной корпорации каменщиков. Впрочем, можно вспомнить и более ранних розенкрейцеров: «Характерной для розенкрейцера и родственных ему течений XVII века была во всяком случае не столько уже связь с

алхимией и магией, сколько вера в преобразовательную силу знания и стремления служить человечеству посредством науки». К ним были близки такие люди, как Ян Амос Коменский, Фрэнсис Бэкон, а также Роберт Бойль, основатель кружка профессоров Лондона и Оксфорда «невидимой философской коллегии», на основе которой в 1662 году было создано в Англии Королевское общество Естественных наук... [73, с. 13-14]. Занятия науками были одной из обязанностей пифагорейцев. Но у самого Пифагора предшественники, несомненно, были - в сиро-палестинском регионе, о чем уже шла речь выше. Очевидно, что пифагорейское общество было основано на организационном опыте философских школ Финикии - последователей Моха и т. д.

Здесь нет нужды останавливаться на философии Пифагора, сошлемся на мнение И. Ф. Рожанского: «Несмотря на пережитки магического мышления, основная идея Пифагора о том, что в основе всех вещей лежат числа или отношения чисел, оказалась очень плодотворной и была подтверждена всем дальнейшим развитием математического естествознания» [70, с. 16]. Но вопрос: а действительно ли эта основная идея Пифагора принадлежала ему? Гораздо более правдоподобно, что она *позаимствована* им в готовом виде у финикийцев. Сравним: «Судя по всему, больше всех (наук) Пифагор почитал науку о числах, он продвинул ее вперед, выведя ее за пределы употребления в торговле и выражая, моделируя все вещи числами» (Стабей, 1, Проземий, 6, с. 20) [70, с. 467], и «как у финикийцев начало точному знанию чисел было положено благодаря торговому знанию и сделкам, так и у египтян геометрия была изобретена по указанной причине» (Прокл. Комм. к Евклиду, 65) [70, с. 108]. Во втором отрывке сказано о том, что *наука о числах была создана финикийцами*, как, вероятно, и соответствующая философия «все есть число»,

очень созвучная по духу сугубо рыночному образу жизни финикийцев.

Сомнения в степени оригинальности взглядов Пифагора высказывались еще его современниками, в частности, Гераклитом Эфесским, который писал: «Пифагор, Мнесархов сын, занимался собиранием сведений больше всех людей на свете и, понадергав себе эти сочинения, выдал за свою собственную мудрость многознайство и мошенничество» (Диоген Лаэртий, VIII, 6) [70, с. 147], - впрочем, Гераклит был удивительно «добр» ко всем своим коллегам... Порфирий в «Жизни Пифагора» (6) свидетельствует: «Большинство утверждает, что начала так называемых математических наук он усвоил от египтян, халдеев и финикийцев, так как геометрией с давних времен занимались египтяне, числами и вычислениями - финикийцы, а астрономическими теориями - халдеи» [70, с. 143]. Но главное в пифагорейской школе - именно «числа и вычисления», таким образом, она основывается на *финикийской математике*.

Кстати, и над входом в платоновскую Академию (такое же, как и у финикийцев, эзотерическое сообщество и одновременно учебное заведение) было написано «не вычислитель - да не войдет!». К тому же вполне вероятно, что знания по геометрии и особенно астрономии были восприняты пифагорейцами при посредничестве тех же финикийцев. Л. Оппенгейм подчеркивает: «Астрология приобрела репутацию “халдейской” науки, которая распространилась по всей Европе, в то время как эллинистические астрономы использовали достижения месопотамской астрономии и тем самым спасли их от забвения... Хотя роль эллинизма как создателя, преобразователя и носителя идей едва ли можно переоценить, нужно помнить, что другое, “интернациональное” движение предшествовало ему. Это все еще не полностью известная

группа народов, писавших и говоривших по-арамейски, которые населяли приблизительно ту же самую территорию и, должно быть, осуществляли не только международную торговлю, но также и интеллектуальные контакты» [150, с. 247]. Международной торговлей «народов, говоривших по-арамейски» (населения всей Месопотамии и Сирии, а затем и Палестины, и вообще всей Персидской империи) руководили именно финикийцы.

Еще один очень любопытный момент: как уже говорилось выше, Финикия была родиной представлений о правде-справедливости. Так вот, *идея правды-справедливости непосредственно связана с идеей «все есть число»*. Действительно, сама идея равных прав людей родилась из равноправия на рынке, где все так или иначе равно всему, где все качественные различия между товарами сведены к количественным различиям между их ценой. Но что особенно важно - на рынке равны по правам все продавцы и покупатели. У одного из пифагорейцев, Архита из Тарента, в сочинении «О математических науках» есть такой поразительный отрывок (DK 47 В 3): «Изобретение счета положило конец раздору, умножило согласие. С изобретением счета исчезло лихоимство, наступило равенство, ибо благодаря ему мы рассчитываемся в сделках. Благодаря ему бедные получают от состоятельных, а богатые дают нуждающимся, ибо те и другие верят, что благодаря счету получают поровну. Мерило праведных - преграда неправедных, умеющих считать он отвращает от неправды, убедив их в том, что они не смогут остаться незамеченными, когда приступят к счету, а не умеющим препятствует творить неправду, избличая их в неправде при счете» [70, с. 457-458].

Наконец, неясно происхождение самого Пифагора. Согласно Ямвлиху (Жизнь Пифагора, 5-7, 9, 13), отца Пифагора

звали Мнемархом, он был родом с Самоса, но торговал с Сирией. В такой торговой поездке при особо благоприятных пророчествах его жена «разрешилась от бремени в Сидоне, в Финикии». Затем Мнемарх возвратился с семьей «из Сирии на Самос с огромной прибылью и неисчислимым богатством». Соответственно, для продолжения учебы «Пифагор отплыл в Сидон, зная, что этот город – его отечество по рождению» [111, с. 14-15, 18]. Из этого следует, что в семье у Пифагора как минимум знали финикийский язык.

Но в источниках сохранились и прямые указания на то, что ***Пифагор был финикийцем***: «Согласно большинству, Пифагор был варварского происхождения... Согласно Неанфу - сирийцем или уроженцем Тира» (Климент Алекс. Строматы, 1, 62) [70, с. 141 (DK 14.8)]. Порфирий в «Жизни Пифагора» (1) приводит, в частности, такие данные: «Почти все согласно утверждают, что Пифагор был сыном Мнесарха, но разноречиво судят о происхождении самого Мнесарха. Некоторые считают Мнесарха уроженцем Самоса. Но Клеанф (в V книге “Мифических повествований”) говорит, будто Мнесарх был сириец из сирийского Тира и будто он однажды в неурожайный год приплыл на Самос по торговым делам, устроил раздачу хлеба, и за это был удостоен самосского гражданства. Потом, так как Пифагор с детства оказался способен ко всем наукам, Мнесарх отвез его в Тир и привел к халдеям, где Пифагор и овладел всеми их знаниями. Вернувшись оттуда в Ионию, Пифагор сперва учился при Ферекиде Сиросском» [71, с. 416].

4. 3. Финикийские корни греческой философии и науки в целом

Относительно же ***Фалеса*** все древние авторы были уверены в его финикийском происхождении «из рода Фелидов, а Фелиды - финикийцы, благороднейшие из потомков Кадма и

Агенора... Милетское гражданство они получили, когда - изгнанные из Финикии - прибыли (в Милет) вместе с Нейлеем» (DK 11, A1) [70, с. 100]. «Надо признать, что Фалес был основоположником не только греческой философии, но и греческой математики - первой дисциплины, которая в Греции выделилась в самостоятельную область и стала развиваться независимо от синкретической науки о «природе» (...) Философское значение учение Фалеса состояло прежде всего в том, что он впервые в истории человечества поставил вопрос, ставший в дальнейшем основным вопросом всей греческой философии: “Что есть все?”» - пишет И. Д. Рожанский [70, с. 10] - и ошибается: Фалес далеко не был «первым в истории человечества», - до него были *другие финикийцы*, просто он стал писать по-гречески...

Фалесу принадлежит изречение «Познай себя», а в целом его философские взгляды во многом подобны взглядам Ферекида или Пифагора (а также, как было указано выше, имеют параллели с Библией) и тоже могут считаться «переводом с финикийского». «Фалес первым был назван мудрецом и первым сказал, что душа бессмертна» (Суда); «Аристотель и Гиппий говорят, что он наделял душой даже неодушевленное, заключая (это) по магнесийскому камню (магниту) и янтарю» (Диоген Лаэртий, 1); «Фалес и его последователи считают слияние смешением элементов, приводящим к качественному изменению» (Мнения философов) Стобей (1, 17, 1) [70, с. 104, 100, 110 (DK 11A)] - все эти высказывания вместе с пресловутым «начало сущих вещей - вода» могут считаться образцами финикийской философии, дошедшие до нас в переводе (Фалеса) на греческий. В учении о веществе у Фалеса, говоря современным языком, шла речь и о фазовых переходах (испарение и замерзание), и о химических реакциях, но эти его взгляды, по мнению современных

исследователей, также имели финикийские корни. Вообще несомненно, что сами милетцы полагали свое учение о веществе, равно как и арифметику, и мореходную астрономию, даром финикийцев [72, с. 163, 156].

Следует также отметить, что и философия «милетской школы» не могла развиваться вне рамок определенных *социальных институтов*, где ее культивировали. По всей видимости, у таких социальных институтов было много общего с пифагорейцами: они были тайными и эзотерическими, но в то же время стремились к политической власти, как минимум в Милете. У Плутарха в «Греческих вопросах» этому посвящен вопрос № 32: Кого милетяне называли «вечноплавающими»? [74, с. 346-347, 991]: «Когда милетяне изгнали тиранов Фоанта и Дамасенора, власть захватили два сообщества под названиями «Плутис» [Богатство] и «Хирромаха» [от слов “рука” и “сражаюсь”]. Влиятельные люди, войдя в силу, передали государственные дела в ведение этих сообществ, и, чтобы посоветоваться о самом важном, они всходили на корабли и отплывали далеко от берега, а приняв решение, возвращались. Отсюда и их прозвище - “вечноплавающие”». М. М. Кобылина трактует это сообщение так: «После падения тирании Фрасибула в Милете наступило обострение жестокой класовой борьбы между богатыми группами населения и теми, кто жил трудами своих рук (хирромахиями). Богачей называли «вечные мореходы», так как они наживали свое состояние долгими морскими странствованиями. (...) Внутренние междоусобицы в Милете продолжались в течение 590-540 гг., а возможно и дольше» [75, с. 32-33].

Время жизни Фалеса определяется как 625-547 гг. до н.э. [76]. Таким образом, он обязательно был связан с тайными обществами Милета, а возможно, и был основателем какого-либо из них. В источниках зафиксировано и резко негативное

отношение Фалеса к тирании, и его активное участие в практической политике, даже политическое лидерство: «После государственных дел он [Фалес] предался изучению природы. (...) Полагают, что и в государственных делах он принимал мудрейшие решения. Так, когда Крез послал к милетцам [послов] на предмет заключения военного союза, он воспрепятствовал этому, что и спасло город после победы Кира. (...) [На вопрос,] какую невидаль ему довелось увидеть? - [он ответил:] «Тирана, дожившего до старости» (DK 11 A.1: Диоген Лаэртский, I, 23, 25, 36); «Еще до сокрушения [персами] Ионии полезным было предложение, внесенное [на съезде пробулов ионийского Двенадцатиградия в Панионии] Фалесом, мужем милетским, а со стороны своих предков - финикийцем по происхождению; он уговаривал ионийцев держать один булевтерий [= дом заседаний городского совета], и быть тому булевтерию в Теосе, ибо Теос - центр Ионии, а прочим полисам [Двенадцатиградия], оставаясь по-прежнему населенными, [в правовом отношении] рассматриваться так, как если бы они были демами» (DK 11 A.4: Геродот, I, 170) [70, с. 100-105].

«Философское значение учения Фалеса состояло прежде всего в том, что он впервые в истории человечества поставил вопрос, ставший в дальнейшем основным вопросом всей греческой философии: «Что есть все?» - пишет И. Д. Рожанский [70, с. 10]. Но и сам Фалес был из финикийцев, и задолго до него тот же Санхунйатон писал свой труд, «желая знать начало всего, откуда пошло все» (см. далее), и идея воды как первоосновы бытия имеет, как было показано выше, финикийское происхождение.

Греки позаимствовали в готовом виде у финикийцев не только философию в целом как особый род институализированной человеческой деятельности, но и набор конкретных ключевых философских идей и тем. Во-первых, это

онтологическая проблематика: проблема бытия в целом и сущности всех вещей, проблема первоэлементов, диалектика противоположностей.

«Человек и все тленное умирает, а бытие будет неуничтожимым и сущим всегда, поскольку оно таковое. Оно будет изменяться лишь всевозможными кажущимися обличиями и очертаниями формы, скрываясь от взора всех смертных... Все вещи - одно, каждая - часть целого, все в одном... Одно - вечно сущее одним и многим, причем это нельзя увидеть одновременно». Знатоки философии решат, что это - изложение взглядов Парменида. Но это лишь уже приводившаяся выше цитата из поэмы Лина «О природе космоса» [70, с. 70-71], т. е. VIII, а не V в. до н. э.

И. Д. Рожанский в другом месте пишет: «Обратим внимание на тот критический момент начального развития греческой философии, когда Парменид впервые поставил проблему бытия - первую подлинно философскую проблему, сформулированную ясным и недвусмысленным образом: как можно мыслить бытие, если бытие - это то, что *есть*, в отличие от того, что только кажется или является. Без всякого преувеличения можно сказать, что философская онтология (учение о бытии) - а вместе с ней и настоящая философия вообще - началась именно с Парменида (перв. пол. V в. до н. э.)... Но Парменид не только поставил проблему бытия, но и решил ее - решил прямо и бескомпромиссно, не руководствуясь при этом никакими иными соображениями, кроме требований чистого мышления. При этом оказалось, что основное его положение: «бытие есть, а небытия нет» - приводит к выводам, находящимся в резком противоречии с данными нашего опыта. Истинное бытие, согласно заключениям Парменида, едино, нераздельно, неизменно и неподвижно, весь же чувственно воспринимаемый мир, состоящий из множества возникающих,

меняющихся и исчезающих вещей, лежит за его пределами... Мыслители следующего поколения, испытав глубокое влияние Парменида, пытались, пожертвовав требованием нераздельного единства бытия в непосредственном смысле, найти такое решение проблемы бытия, которое снова восстановило бы единство мира, расколовшегося у Парменида на две сферы, не имевшие друг с другом ничего общего. В результате этих попыток возникли три философские и одновременно естественнонаучные концепции (если угодно, три физические модели материального мира), которые сделались классическими парадигмами для многих последующих поколений ученых, занимавшихся философией природы:

1. Концепция четырех элементов Эмпедокла.
2. Атомистика Левкиппа-Демокрита.
3. Физическое учение Анаксагора о «всеобщей смеси»

Концепция Эмпедокла в наибольшей степени соответствовала привычным традиционным взглядам, ибо представления о четырех (или трех, иногда пяти) элементах, в числе которых обязательно фигурируют огонь, вода и земля, восходили к очень глубокой древности. Наоборот, учение Левкиппа, развитое его учеником Демокритом, было для того времени новым и абсолютно оригинальным» [77, с. 7-10].

Сама по себе схема любопытна, хотя очевидно, что ни (1) Эмпедокл не оригинален, как признает и сам автор, ни тем более (2) Левкипп не может считаться оригинальным, поскольку его предшественником был финикиец Мох (см. ниже), ни (3) сам Парменид не был первым, кто поставил проблему бытия, о чем уже было сказано ранее.

Наконец, и для Анаксагора Диоген Лаэртский (I,4) прямо называет в качестве предшественника того же Лина: «Лин учил о происхождении мира, о путях солнца и луны, о рождении животных и растений. Поэма его начинается так: “Было время,

когда все в мире явилось вместе”... Отсюда и взял Анаксагор свое учение, что все в мире возникло совокупно и лишь потом явился Ум и внес в это порядок» [71, с. 56]. Кстати, и у финикийского мыслителя Санхунйатона (см. ниже) уже упоминается Ум (Нус), который «полюбил свои собственные начала», и тем самым вывел «смещение» из состояния первоначального Хаоса, и «таково начало устройства всего» [35, с. 35]. Так что в *главном* эти великие древнегреческие мыслители *не оригинальны*, просто о них сохранилось больше данных...

То же, кстати, относится и к *Гераклиту*, о предполагаемом влиянии на которого зороастризма писали многие ученые. Во всяком случае, некоторые фрагменты Гераклита явно перекликаются с древнеиранскими религиозными текстами и даже индийскими Упанишадами [70, с. 19]. Если же вспомнить цитаты из Лина: «Через распрю управляется все всегда... Все эти-вот вещи возникли из некогда единого Целого, а из всех вещей некогда, в predetermined время, снова будет одно... Много раз будет (повторяться) одно и то же, и никогда не наступает конец... Жизнь сопряжена с мучительными страданиями и сонмом смертельных напастей. Так бессмертная смерть осеняет все окрест» [70, с. 71-72] - то можно предположить у Гераклита и наличие серьезных финикийских мотивов (см. выше).

Из всего сказанного, однако, вовсе не следует, что философы этого поколения (а это было одно поколение) - Гераклит, Парменид, Эмпедокл, Левкипп, Анаксагор и др. - были всего лишь эпигонами финикийцев. Нет, разумеется, это были самостоятельные великие мыслители. Но значение их нам представляется не в том, что они - первооткрыватели, а все-таки больше в том, что именно в их творчестве была окончательно усвоена, *переработана* «по-гречески» и развита

далее совокупность идей и тем предшествовавшей восточной, прежде всего финикийской философии. Уже их ближайшие ученики и последователи продолжили самостоятельный творческий поиск, опираясь уже на собственно греческую философскую традицию.

4. 4. Астрономия, «Великий Год» и «божественные светила»

Наконец, следует упомянуть, что Фалес и Пифагор заложили основы *древнегреческой астрономии*, и по дошедшим до нас свидетельствам об их знаниях в этой области мы можем судить об уровне развития *астрономии у финикийцев*. «Фалес, Пифагор и его последователи полагают, что небесная сфера разделена на пять кругов, которые они именуют поясами: один из них называется арктическим и всегда видимым, другой - летним тропиком, третий - экватором, четвертый - зимним тропиком, пятый - антарктическим и невидимым. Так называемый зодиак наискось накладывается на три средних круга, касаясь всех трех. Всех их под прямым углом - с севера на юг пересекают меридиан» (Мнения философов (Стобей), 11, 12, 1).

«Фалес первым сказал, что Луна освещается Солнцем» (Там же, 11, 27, 5). «Какова сущность звезд, блуждающих и неподвижных? - По мнению Фалеса звезды состоят из земли, но при этом раскалены» (Там же, 11, 13, 1). «По мнению Фалеса Солнце - землистого состава» (Там же, 11, 20, 9). «Фалес первым сказал, что затмение Солнца происходит, когда Луна, по природе своей землеобразная, проходит под ним по отвесной линии, причем видно это, когда наблюдатель находится в позиции зеркального отражения (на одной прямой) по отношению к диску» (Там же, 11, 24, 1). «Случилось так, что когда завязалась битва (между лидийцами и мидиянами), день внезапно стал ночью. Это пресечение дня предсказывал

ионийцам на будущее Фалес Милетский, назначив в качестве срока тот самый год, в котором оно как раз и произошло. А лидийцы и мидяне, как только увидали, что вместо дня сделалась ночь, сразу же прекратили битву и - как те, так и другие - поспешили заключить мир» (Геродот, 1, 74). «(Фалес) первым сказал, что величина (диаметр) Солнца составляет одну семьсот двадцатую часть солнечной орбиты, равно как и величина Луны - одну семьсот двадцатую часть лунной, Кроме того, он первый назвал последний день месяца тридцатым... и разделил (год) на триста шестьдесят пять дней» (Диоген Лаэртский, 1: 24, 27). «Фалес открыл затмение Солнца и то, что его период, относящийся к солнцеворотам, не получается всегда равным» (Теон Смирнский: ДК 11, 17). «Некоторые считают первооткрывателем тождества Вечерней и Утренней звезды Пифагора» (Диоген Лаэртский, IX, 23). «Евдем приписывает открытие правильного порядка расположения планет пифагорейцам как первооткрывателям» (Симпликий, 471, 1) [70, с. 110, 112, 105, 100, 101, 122, 484].

«Много было сделано пифагорейцами и в области астрономии. Согласно древним источникам, впервые идея шарообразности земли была высказана Пифагором и потом в письменном виде сформулирована Парменидом... Другое достижение пифагорейцев в этой области состояло в том, что они первыми в Греции научились распознавать пять планет», - пишет И. Д. Рожанский, и продолжает так: «Не исключено, что сведения о планетах Пифагор получил в Вавилоне, где соответствующие наблюдения проводились задолго до этого. Чем же объяснить, что такие крупные мыслители, как Эмпедокл, Анаксагор и Демокрит, имели о числе и передвижении планет весьма смутные, чтобы не сказать превратные, представления? Следует ли это объяснить тем фактом, что пифагорейцы скрывали от непосвященных свои

знания в этой области? Мы не знаем этого» [70, с. 15]. А, может быть, проще: тем, что Эмпедокл, Анаксагор и Демокрит не знали финикийского языка?

Ведь знания из Вавилонии могли попасть в Средиземноморье прежде всего *через* Финикию. «Почему Малая Медведица называется Финикийской звездой? Дело в том, что Фалес, который тщательно исследовал этот предмет (Малая Медведица - более точный навигационный ориентир, чем Большая) и первый назвал ее Медведицей, был родом финикиец» (Гигин. Астрономия, 11, 2)... «Каллимах знает его (Фалеса) как открывателя Малой Медведицы, о чем говорит в «Ямбах» так: И, как говорили, вымерил звездочки Воза, (ориентируясь) по которым плавают финикийцы» [70, с. 112, 110].

Даже по скудным античным данным можно предполагать, что астрономия финикийцев существенно отличалась от вавилонской. «Фалес первым сказал, что Луна освещается Солнцем» - вероятно, он позаимствовал эту точку зрения от финикийцев. «У вавилонян была другая теория. Их учение, насколько нам позволяет судить фрагмент из Беросса, заключалось в том, что Луна представляет шар с яркой и темной половинами, причем яркая половина всегда обращена в сторону Солнца» [151, с. 169]. У вавилонян астрономические наблюдения прежде всего служили материалом для гаданий, из которых выросла астрология. Финикийцы же пользовались астрономией для *практических нужд* морской навигации – плавания ночью и в открытом море. И эта финикийская традиция так же дошла до современности, как и идеи вавилонской астрологии; в какой-то мере эта вавилонская астрономическая традиция есть в то же время и финикийская.

До нас не дошло собственно финикийских астрономических и математических текстов. Но можно с

уверенностью сказать, что эти тексты *были*. О «числах и вычислениях» у финикийцев еще будет разговор в 5. 3. А о наличии у финикийцев астрономии и астрологии сохранился ряд косвенных свидетельств, в частности, у греческих авторов. Помимо приведенных выше, сошлемся на «Послезаконие» Платона (9: 986-987): «Узнайте, что на всем ребе есть восемь сил, братски родственных между собой. ...Из этих сил три следующие: одна – солнца, другая – луны, третья – неподвижных звезд... остаются еще пять. Четвертый вид перемещения и круговращения, равно как и пятый, по своей скорости чуть что ни равны солнцу, во всяком случае, не медленнее и не быстрее его. Вообще, их постоянно три [вместе], и разум достаточен для руководства ими. Мы признаём такими богами Солнце, Утреннюю звезду и еще третьего [Меркурий. – И. Р.], которого нельзя назвать по имени, так как оно неизвестно; причиной этого является то, что первый, заметивший это, был варваром. Дело в том, что древний обычай воспитал первых людей, обративших на это внимание, под воздействием красоты летнего времени, которым достаточно обладает *Египет и Сирия*; там люди постоянно видят все звезды, так сказать, явно, потому что в этом краю мира никогда не бывает облачности и влажности. *Из тех краев эти сведения распространились повсюду*, в том числе и здесь [в Греции], причем эти знания подкреплены тысячелетним, бесконечным наблюдением. ...Впрочем, они [планеты. – И. Р.] заимствовали свои названия у богов. Так, Утренняя звезда, - она же и Вечерняя, - пожалуй, не без основания носит имя Афродиты, *что вполне в духе сирийского законодателя*. А то светило, которое совешает свой путь вместе с Солнцем, получило, пожалуй, имя Гермеса. Есть еще три светила, которые, скажем мы, перемещаются вправо вместе с луной и солнцем. ...Из них одна отличается от прочих своей медленностью, и некоторые

дают ей имя Крона; следующую за ней в смысле медленности надо назвать именем Зевса; именем Арея – следующую; она одна имеет красноватый оттенок» [171, с. 263-264].

Как видим, Платон (или его ученик Филипп Опунтский) правильно перечислил планеты в смысле скорости их передвижения по небу: звезды Гермеса, Афродиты (следующие вместе с Солнцем), Ареса, Зевса и Крона, т. е. соответственно Меркурий, Венера, Марс, Юпитер и Сатурн. При этом он четко указал, что не только расположение планет, но и сами планеты, в частности, Меркурий, «первым заметил варвар». При этом Платон прямо сослался на «Египет и Сирию, из тех краев эти сведения распространились повсюду, в том числе и здесь», но сами названия планет он привел «в духе сирийского законодателя». Т. е. астрономические знания, согласно Платону, распространились повсюду из Сирии (Ханаана), иными словами, из Финикии.

Кроме того, сведения о явно *ближневосточной* (а не вавилонской) *астрологии* содержатся в Библии. Так, в Книге Иова говорится: «Можешь ли ты связать узел Хима и разрешить узы Кесиль? Можешь ли выводить созвездия в свое время и вести Ас с ее детьми? Знаешь ли ты уставы неба, можешь ли установить господство его на земле?» (38.31-33). М. И. Рижский так переводит этот фрагмент: «Знаешь ли ты законы неба, ты ли установил его власть над землей?» Он комментирует: «Имеется в виду, по-видимому, влияние созвездий на происходящее на земле» [152, с. 78, 140]. Сюда в Синодальном переводе дается примечание: Ас, Кесиль и Хим - созвездия, соответствующие нынешним названиям: Медведицы, Ориона и Плеяд. В Толковой Библии комментаторы пишут: «По мнению одних, под “маззарот” разумеется Венера, Юпитер или Марс, и выражение “выводит в свое время” указывает на их периодические появления. Другие разумеют 12 знаков Зодиака.

Ас – Большая Медведица, дети ее – три звезды, составляющие хвост созвездия. Как соединить звезды Плеяд, так и разъединить две части параллелограмма Ориона выше сил человеческих» [120, т. 2, с. 110].

Итак, человек не в силах ничего изменить на небе. В 103-м псаломе (для которого предполагают египетское влияние через Финикию: см. п. 6.3) сказано: «Он сотворил луну для времен; солнце знает свой запад» (Пс. 103:19). В другом псаломе луна названа самым твердым и вечным: «Вовек будь тверд, как луна, и верный свидетель на небесах» (Пс. 88:38). В Книге Экклезиаста, как мы убедились, обоснована сугубо циклическая концепция времени как вечного возвращения: «Всему свое время, и время всякой вещи под небом: время рождаться и время умирать; время насаждать, и время вырывать посаженное; время убивать и время врачевать; время разрушать и время строить; время плакать и время смеяться; (...) время войне и время миру» (Еккл. 3:1-8). «И обратился я, и видел, что не проворным достается успешный бег, не храбрым – победа, не мудрым – хлеб, и не у разумных – богатство, и не искусным – благорасположение, но время и случай для всех их. Ибо человек не знает своего времени. Как рыбы попадают в пагубную сеть, и как птицы запутываются в силках, так сыны человеческие уловляются в бедственное время, когда оно неожиданно находит на них» (Еккл. 9:11-12).

Бог установил над землей законы неба. Очевидно, что эта идея и послужила теоретическим обоснованием *астрологии*. Если Луна и другие светила созданы Богом «для указания времен», то мы на основании наблюдения небесных светил можем предсказать события на Земле. Все небесные светила «тверды и вечны», они вечно возвращаются «на круги своя». При этом существует несколько *циклов* возвращения светил. Самый короткий – сутки. Затем идет месяц, затем год.

Планетные же циклы занимают десятилетия. Именно от взаимного положения планет зависит, «под какой звездой» родился человек и что сулит ему будущее. Но тогда можно предположить, что существует и самый большой цикл, в течение которого повторяются *все* соотношения между планетами – *Великий Год*.

«Беросс – жрец Бела, который переехал из Вавилона в Ионию и около 280 г. до н. э. основал астрологическую школу на острове Кос. Фрагмент обнаружен у Сенеки (Quaestiones naturales III 29): “Беросс... утверждает, что течение звезд определяет мировой пожар и потоп. Пожар охватывает Землю, когда все звезды, которые теперь блуждают по разным путям, соберутся в Раке... а наводнение грозит, когда то же множество звезд встречается в Козероге. Первое объясняется летним солнцестоянием, последнее – зимним солнцестоянием”» [151, с. 125-126]. Общая продолжительность правлений всех царей составляет, согласно Бероссу, 120 сар, или 432000 лет. Эти 120 сар в свою очередь представляет часть периода в пять раз большего...

Индийские астрономы по крайней мере с 500 г. н. э. и позднее работали с периодом, который превышает точно в два раза период Беросса: 1 Махаюга = 4320000 лет. Делимость этого числа на 60^3 служит ясным указанием на то, что этот мировой период происходит в конечном счете из Вавилона, поскольку индийская система нумерации полностью десятичная... Последняя часть периода, Калиюга, содержит столько же лет, сколько 120 сар Беросса, а именно 432000 лет... До нас дошли многие другие “Великие годы”, например, годы Орфея и Кассандра продолжительностью 120000 и 3600000 лет соответственно...

Упоминание имен Орфея и Гераклита указывает на то, что идея Великого года была известна грекам и до Беросса. В самом

деле, “Великий год”, или “Совершенный год”, упоминается Платоном, Аристотелем и Евдемом. “Совершенный год” Платона есть просто астрономический период, по истечении которого все планеты возвращаются к точке, откуда они начали движение. Аристотель упоминает наводнение зимой “Великого года” и мировой пожар летом. Евдем пишет: «Если верить пифагорейцам, то я в будущем, поскольку все повторяется согласно Числу, опять буду рассказывать вам здесь сказки, держа эту тросточку в своей руке, в то время как вы будете сидеть передо мной, как сейчас сидите; и все остальное будет тем же самым» [Цит. по: 151, с. 127]

Здесь ключевым является выражение *«все повторяется согласно Числу»*: «Пифагор первым назвал Вселенную “космосом” по порядку, который ему присущ» (DK 11.21). «А так как началом этой гармонии они [пифагорейцы] считали число, то, естественно, и началом Неба и Вселенной они тоже полагали число. Так, например, расстояние от Земли до Солнца в два раза больше, чем расстояние до Луны, в три раза больше расстояния до Венеры и в четыре раза больше расстояния до Меркурия; также и для всех остальных [небесных тел] они принимали некоторые арифметические отношения и потому полагали, что движению Неба присуща музыкальная гармония» (Александр Афродисийский. Комментарий к “Метафизике” с 38, 10). «Египтяне считают его [число] изобретением Гермеса, которого они называют Тот. Другие полагают, что понятие числа возникло из наблюдений за круговращениями божественных тел [= светил]» (DK 58. В 2) [70, с. 147, 468-469, 467]. Обратим внимание на особо тесную связь идеи «все повторяется согласно Числу» с «наблюдением за круговращениями божественных светил».

Напомним также о знаменитом разделении Аристотелем Вселенной на *“подлунный”* и *“надлунный”* миры,

господствовавшем затем в науке почти два тысячелетия. Аристотель четко высказывается в двенадцатой книге "Метафизики": "Вообще не имеет смысла судить об истине на том основании, что окружающие нас вещи явно изменяются и никогда не остаются в одном и том же состоянии. Ибо в поисках истины необходимо отправляться от того, что всегда находится в одном и том же состоянии и не подвергается никакому изменению. А таковы небесные тела: они ведь не кажутся то такими, то иными, а всегда одними и теми же и не причастными никакому изменению" [154, с. 282].

По сути Аристотель в "Метафизике" (1074) лишь повторяет религиозно-мистическую точку зрения Пифагора и Платона: "Если все, что движет в пространстве, естественно существует ради того, что движется, и всякое пространственное движение есть движение чего-то движущегося, то всякое пространственное движение происходит не ради него самого или ради другого движения, а ради светил. (...) **Целью всякого движения должно быть одно из движущихся по небу божественных тел. (...) От древних из глубокой старины дошло до потомков предание о том, что эти [светила] суть боги** и что божественное объемлет всю природу. А все остальное [в предании] уже добавлено в виде мифа для внушения толпе, для соблюдения законов и для выгоды, ибо в нем утверждается, что боги человекоподобны и похожи на некоторые другие живые существа, утверждается и другое, вытекающее из сказанного и сходное с ним. Если бы, отделив эти добавления, принять лишь главное - что первые сущности они считали богами, можно было бы признать это божественным изречением" [154, с. 314-315]. – Это именно та точка зрения, которая, согласно Платону, из Сирии «распространилась повсюду».

Ямвлих в «Жизни Пифагора» (58-59) заявляет: «Самый чистый образ жизни у того, кто занимается созерцанием прекрасного, и такой образ жизни называется философским. **Прекрасно зрелище всего небосвода и движущихся по нему звезд, если в этом движении виден порядок.** Конечно, это возможно посредством причастности первичному и умопостигаемому. **А первичным является природа чисел и пропорций, пронизывающая все,** в соответствии с которой все гармонично соединено и подобающим образом украшено. И мудрость поистине есть знание прекрасного, первичного, божественного и чистого, всегда неизменного и действующего так, что все прочее, причастное ему, также может быть названо прекрасным. Философия же есть ревностное стремление к такому созерцанию» [111, с. 47-48].

Далее мы тоже еще вернемся к рассмотрению этой первичной природы чисел и пропорций, из изучения которой и возникла философия: «Диоген Лаэртий, Проземий, 12: Как говорит Гераклид Понтийский в сочинении “О бездыханной”, Пифагор впервые назвал философию (любомудрие) этим именем и себя – философом» [70, с. 147].

5. Финикийская философия

5. 1. Финикийская философия как исторический феномен

Для философии как особого институционализованного вида человеческой деятельности необходимо наличие особых социальных институтов, которые ее культивируют, в особенности наличие системы высшего образования, обеспечивающей преемственность философских учений. - *У финикийцев были не только «тайные книги», но и особые социальные институты, где их культивировали, т.е. система высшего образования, служившая социальной средой для развития философии.* В частности, в Палестине существовали сообщества из учеников и последователей известных пророков, например, «сыны пророков, которые в городе Бет'эле» или «пятьдесят человек из сынов пророков» в Иерихоне и т. д. Становление пророческих сочинений происходило в рамках этих ассоциаций; ученики в устной форме передавали и сохраняли слова учителя, дополняя часто их при этом новыми речениями, сочиненными в их среде, но также приписываемыми учителю, рассказами о его жизни и деятельности и т. п.; значительно позднее эти рассказы записывались. Так возникли библейские книги Исаяи, Иезекииля, Иеремии и др. [66, с. 119-120]. Аналогично в пифагорейской школе существовала традиция приписывать все достижения школы ее основоположнику. При этом очевидно, что существовали (в частности, в Финикии) и сообщества учеников пророков «небиблейских», куда более близкие по характеру к сообществу пифагорейцев, на организационный опыт и традиции которых, собственно, и ориентировался сам Пифагор.

Решающее значение здесь имеет свидетельство Ямвлиха, который в биографии Пифагора говорит о *непосредственном*

влиянии на него финикийцев: «Он приплыл в Сидон и там встретился с пророками, потомками физиолога Моха, и с другими, и с финикийскими иерофантами» [35, с. 82]. Да и в само братство пифагорейцев входили финикийцы, в частности, карфагеняне. Ямвлих приводит имена: «Мильтиад, Антен, Годий, Леокрит - карфагеняне» в своем списке пифагорейцев, причем Мильтиад, как это следует из текста, принадлежал к самой верхушке карфагенского общества [70, с. 465, 497].

Еще раз напомним цитату из Библии (3-я Царств, 4. 30-31): «И была мудрость Соломона выше мудрости (...) и Халкола, и Дарды, *сыновей Махола*, и имя его было в славе у всех окрестных народов». Сравним ее с общепризнанным утверждением: «в Палестине существовали сообщества из учеников и последователей известных пророков». Очевидно, что выражение «сыновья Махола» с очень большой долей вероятности означает то же самое, что и «потомки физиолога Моха». Это значит, что имя Моха было хорошо известно и авторам Библии.

Здесь следует обратить внимание еще и на то, что ближе неизвестные нам «сыновья Махола» Халкол и Дарда признавались авторами Библии в качестве *самостоятельных* великих мудрецов. Очевидно, что они не слепо копировали учение основателя своей философской школы Моха, но и развивали его дальше. Т. е. определение «потомки физиолога Моха» значит примерно то же самое, что и пифагорейцы, эпикурейцы, гегельянцы, гуссерлианцы и т. п. – последователи одной из философских школ.

Если сообщества «потомков физиолога Моха» существовали у финикийцев как минимум с VII-VI вв. до н. э. (когда у них учился Пифагор), то эта традиция *философских школ* не пресеклась и гораздо позднее, в эпоху эллинизма - во II в. до н. э. Об этом находим прямое свидетельство у Диогена

Лаэртского (IV. 67) в рассказе о *Клиতোмах Карфагенском*, которого он называет (I. 19) основателем одной из десяти античных школ в этике - диалектической: «Имя его было *Гаструбал, и у себя в отечестве он занимался философией на родном языке* (Выделено мной. - И. Р.). Только в сорок лет он приехал в Афины и стал слушать Карнеада. Присмотрев и одобряя его прилежание, Карнеад побудил его изучить греческую словесность и сам занимался с ним. Усердие его дошло до того, что он написал свыше 400 книг. И, став преемником Карнеада, он своими сочинениями более всего пролил света на его учение. Во всех трех школах, академической, перипатетической и стоической, он был самым приметным человеком» [71, с. 60, 187]. - Какой еще народ Средиземноморья, кроме финикийцев (и греков), мог во II в. до н. э. заниматься философией на родном языке? Даже римляне не могли!

Финикийцы встречались среди последователей разных философских школ. Так, среди киников был известен финикиец Менипп [71, с. 245 (6. 99)], среди эпикурейцев - «Зенон Сидонский, слушатель Аполлодора, великий борзописец» [71, с. 375 (10. 25)], среди руководителей Академии был уже упоминавшийся Клиতোмах Карфагенский. «Вообще, Финикия была одним из центров эллинистической ученой литературы. Страбон говорит о сидонской философской школе, знакомой с Аристотелем и представлявшейся Боэфом и Диодотом. Свида упоминает о Зеноне и его труде «Сидонская история». В Тире еще раньше процветали стоики - Антипатр, друг Катона младшего, и Аполлоний, описавший жизнь Зенона и составивший библиографию стоицизма. Свида говорит об Аспасии, библском софисте, современнике Адриана, написавшем историю Библа. Библ в конце I в. н. э. был также центром богословской литературы, представителями которой

являются Филон и Ермипп. Современником последнего был Марин Тирский, первый ученый географ, который, изучив восточные и греческие географические труды, составил первые карты, послужившие потом для Птолемея. Из других тирян известны: Павел ритор, за речь которого перед Адрианом город получил титул метрополии, и Максим Философ, один из воспитателей императора Марка Аврелия. Все эти авторы писали на греческом языке; многие из них были природные греки, но влияние на них туземной культуры, а может быть и финикийских литературных источников (например на Филона и Марина) нельзя отрицать. (...) Неоплатонизм, эта своеобразная переработка западной философии в восточном смысле, имел одним из наиболее видных представителей тирского уроженца Малха, по-гречески Порфирия» [78, с. 257-258]. К этому следует прибавить еще уроженцев многочисленных финикийских колоний, начиная с Карфагена. Так, уроженцами древнего Гадира в Испании были крупнейший философ-неопифагореец I века н. э. Модерат, а также писавший по-латыни знаменитый агроном Колумелла [79, с. 216-220], и т. д.

Если подсчитать число античных философов - финикийцев по происхождению, то оно может оказаться больше, чем число философов-римлян. ***Ни один другой народ, кроме самих греков, не дал миру столько античных философов, как финикийцы.*** С греками много веков находились в тесном общении египтяне, фракийцы, скифы, ливийцы, галлы и другие народы. Но греческая философия нашла отклик в сердцах и умах одних только финикийцев (и позднее римлян). Почему римлян - понятно: те выступили наследниками греческой культуры и имели греческих учителей. А финикийцы сами имели близкородственную философскую традицию, сами были учителями греков. Поэтому им легко было перейти, как

Гаструбалу (Клитомаху), от «философии на родном языке» к занятиям греческой философией.

До нас дошли в греческом переводе и отрывки собственно финикийских *философских текстов*: две краткие космогонии, а также отрывки из труда Санхунйатона, уже упоминавшегося выше. Указанные космогонии приводит в своём труде Дамаский: «Сидоняне, по словам Евдема, ставят в начале всего Хрона (Время), Пофа (Страсть) и Омихлу (Облако). От соединения Пофа и Омихлы, как двух начал («Облако» как неоформленнóе Бытиё и «Страсть» как Мировая Воля? - *И. Р.*), произошли Аир (Воздух) и Аура (Дуновение). Аир они объявляют несмешанным с умопостигаемым, Ауру же - живым прообразом умопостигаемого, истекающим из него (Аира). Затем от них двух произошло Яйцо, сообразно, как я думаю, умопостигаемому Разуму.

Если, минуя Евдема, мы станем исследовать мифологию финикийян по Моху, то искони были Эфир и Аир (Воздух), те же два начала. От них рождается Улом (Вечность), умопостигаемый Бог, как я думаю, верх того, что познаётся разумом. От его соединения с самим собою, как он говорит, произошёл Хусор, сперва Отверзитель, затем Яйцо. Уломом, я думаю, они называли умопостигаемый Разум, а Отверзителем Хусором - силу, познаваемую умом, как первую силу, расчленившую нерасчленённую природу» [35, с.219]. Текст довольно туманный, но одно можно сказать с уверенностью: это уже не религия и не миф. Это - *уже философия*.

Кстати, вторая из космогоний - самое длинное из сохранившихся (двух) изложений взглядов Моха. Второе - короче и неизмеримо важнее - у Страбона (XVI р. 757): «Если же верить Посидонию, то и учение об атомах является древним и принадлежит Моху Сидонскому, жившему до Троянской войны» [80, с. 219].

«До Троянской войны» здесь, как и в случае с Лином, скорее всего следует читать просто как «очень давно», древние греки имели очень смутное представление даже о времени жизни Гомера (VIII в. до н. э.). В любом случае безусловно верно, что Мох жил и творил *раньше любого из древнегреческих философов*. Причём сам он был именно *философом*, в чём едины как древние, так и современные исследователи. Так, Диоген Лаэртский писал в своей единственной дошедшей до нас «античной истории философии» (1.1): «Некоторые говорят, что занятие философией началось у варваров... и что у них были философы: финикиянин (М)ох..» [71, с. 55]. А в «Истории Древнего Востока» сказано: «Античные авторы признавали зависимость греческой культуры от восточной, в особенности от финикийской... Согласно античной традиции, сидонянин Мох ещё задолго до греческих философов-материалистов создал учение об атомах» [19, с. 245].

О Мохе упоминает и Секст Эмпирик (IX, 363): «Относительно самых древних стихий образовалось два главных противоречивых толка, а разновидностей - еще больше. Одни говорят, что стихии сущего телесны, другие - что бесплотны. Из тех, кто говорит, что телесны, Ферекид Сиросский называл землю началом и стихией всего, Фалес Милетский - воду (...) Демокрит же и Эпикур - атомы, если только это учение не следует считать более древним и, как сказал стоик Посидоний, происходящим от некоего сидонянина Моха [35, с. 81]. Далее мы более подробно рассмотрим, какой вид имело это учение Моха, и почему о нем были осведомлены именно стоики.

То, что среди всех философов Финикии до нас дошли лишь имена Моха и Санхунйатона, показывает, что именно их духовное наследие продолжало оставаться живым и актуальным во всей последующей истории философии, и особенно

греческой философии. Античные авторы неоднократно их упоминали. Так, Афиней (Athen. Lib. III, cap. 37, p. 126) упоминает их в диалоге Кинолька с уроженцем Тира Ульпианом: «Угостись, Ульпиан, родным хедронсом (видом зелени), о котором не написано ни у кого из древних, клянусь Деметрой, кроме писателей о финикийских делах, твоих Суниэтона и Моха». А Иосиф Флавий в «Иудейских древностях» (I. 3: 6) пишет: «Мои слова [о том, что люди в древности жили по тысяче лет] подтверждают Мохос, Гекатей и кроме того, египтянин Иероним, повествующие о деяниях финикийцев» [83, с. 14]. Т. е. Мох подобно Санхунйатону был также и историком. О Мохе упоминали Секст Эмпирик, Ямвлих, Диоген Лаэртский, Свида и Евсевий.

Недаром Ямвлих совершенно справедливо называет Моха *«фисиологом»* - т. е. философом, изучающим природу. Очевидно, что никто из античных авторов так не называл никого из египетских, халдейских либо иранских жрецов. «Таким образом, можно утверждать, что у финикийян существовала довольно обширная и разнообразная по своим тенденциям философская литература» [40, с.18]. Между прочим, Евсевий Кесарийский сообщает (из Татиана) о писателе Лэте, который перевел на греческий язык труды финикийских философов Феодота, Ипсикрата (имена эллинизированы) и Моха [78, с. 270]. Древнегреческой философии *предшествовала* философия финикийская.

5. 2. Санхунйатон - гениальный финикийский мыслитель

Из всех финикийских философов больше всего сведений (и отрывков текстов) сохранилось о Санхунйатоне (Санхуниатоне). «О евреях рассказывает правду Сангуниатон Биритянин (Бейрутец) вполне соответственно названиям их местностей и именам; он заимствовал свои сведения о них у

жреца Бога Иеговы, Иеромвала. Когда он посвятил свою историю царю Бирита Авельвалу, царь и его советники (т.е. городской совет - *И. Р.*) одобрили его как правдивого историка. Их времена приходятся ещё до Троянской войны и приблизительно совпадают со временем Моисея... Санхунйатон же, который собрал сведения из городских хроник и храмовых надписей и написал по-финикийски правдивую историю древности, жил при Семирамиде», - пишет Порфирий, цитируемый Евсевием [35, с. 3]. Здесь та же путаница с хронологией. Троянская война - это, очевидно, также лишь указание на глубокую древность. Поскольку евреи уже расположились «соответственно именам и местностям», а произошло это окончательно лишь при Давидах (когда был взят Иерусалим), причём все эти перипетии - уже история, которую помнят хорошенько лишь жрецы Иеговы, то датировка их временем ассирийской царицы Шаммурамат - Семирамиды (конец IX - начало VIII вв. до н.э.) выглядит наиболее убедительной. Вторая половина IX - первая половина VIII вв. до н. э. - эпоха наивысшего расцвета Финикии, время её «стадиальной флуктуации».

Можно с уверенностью сказать, что жил Санхунйатон намного раньше Геродота, Гекатея Милетского и вообще кого-либо из древнегреческих историков-логографов. Но это был именно *историк*, о чём можно с уверенностью судить как по сохранившимся фрагментам, так и по приведенной выше характеристике: «который собрал сведения из городских хроник и храмовых надписей и написал по-финикийски правдивую историю древности». Это - совершенно *научный* подход. Т. е. ***Санхунйатон - самый древний из известных нам историков*** в собственном смысле этого слова.

Но в то же время он был и философом. Филон Библский, переводчик его на греческий язык, в предисловии к первой из

девяти книг Санхунйатона говорит (Euseb. Praep. Evang. I, 9, p. 34, d): «Санхунйатон, человек великой учёности и тщательности, желая всячески знать начало всего, от которого произошло всё, (...) принявшись за свой труд и отвергнув прежние мифы и аллегории, исполнил свою задачу» [35, с. 34]. Желание «*знать начало всего, откуда пошло всё*» - это чисто философское желание. Это - задача именно для философа. Причём решал её Санхунйатон, «отвергнув прежние мифы и аллегории», из-за которых «трудно распознавать что-либо действительно происходившее» [Там же]. Это уже - Наука.

Кстати, можно предположить, что идеи Санхунйатона оказали косвенное влияние и на творцов Ветхого Завета. Так, наукообразное начало Книги Бытия (см. выше) очевидно продиктовано тем же желанием «знать начало всего, откуда пошло все». И в исторических книгах Библии неоднократно встречаются ссылки на те хроники и летописи, которые использовались при их написании: Книгу Доблестного, Книгу деяний Соломона, Книгу хроник царей Израильских, Книгу хроник царей Иудейских и др., а также на не дошедшие до нас псалмы и писания пророков. Все эти источники использовались выборочно и тенденциозно, в интересах культа Яхве. [38, с. 140-143, 157-158, 161]. Но сам принцип критического отбора источников был, вероятно, позаимствован именно у Санхунйатона.

Начинается же труд Санхунйатона тоже с космогонии: «Началом всего был Воздух (Аир), мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха, и мутный мрачный Хаос; они были безграничны, и в продолжение многих веков не имели конца. Когда же Нус (по-гречески «нус» - «ум», «разум», «дух») полюбил свои собственные начала, и произошло смешение, это соединение получило название: Желания (λόθος). Таково начало устройства всего. Дух же не знал своего создания. И из

соединения Духа произошел Мот (μωτ), его некоторые считают илом, другие - гнилью водянистого смешения; и из неё произошли все семена создания, и рождение всего. Были некие животные, не обладавшие чувством, от которых произошли одарённые умом животные..» [35, с. 35]; и т. д.

Это - не миф, а очевидная **натурфилософия**, подобная построениям ранних греческих философов - «физиологов». Очень важно здесь обратить внимание на слово Мот (или Мут). Дело в том, что египтяне, на которых ссылается Санхунйатон, словом **Мут** (*мвт*) называли жену бога Атона. В то же время оно означало просто «мать» [145, с. 6, 13]. В данном случае можно без особых натяжек сказать «материя».

П. Гайденок пишет: «Первые греческие философы – Фалес, Анаксимандр, Анаксимен, несколько позднее – пифагорейцы, Гераклит, Эмпедокл и другие – размышляют о происхождении мира, его строении, пытаются постигнуть его начала и причины. ...А греческая мифология была религией природы, и одним из важнейших вопросов в ней был вопрос о происхождении мира. Существенное различие между мифологией и философией состояло, однако, в том, что миф повествовал, кто родил все сущее, а философ спрашивал, из чего оно произошло» [159, с. 12]. Но и Санхунйатон писал об иле либо «гнили водянистого смешения», что «из неё произошли все семена создания, и рождение всего». Как видим, финикийский философ тоже спрашивал, из чего произошло все сущее.

Не будет чрезмерной натяжкой также утверждение, что Санхунйатон впервые наметил **научную концепцию эволюции**. Так, он пишет об эволюции живой природы: в первичном иле сначала зародились «некие животные, не обладавшие чувством, от которых произошли одарённые умом животные (...) Вследствие грохота грома упомянутые уже одаренные умом

животные проснулись, испуганные шумом, и в море и на суше задвигались самцы и самки» [35, с. 35-36].

Далее, после очень невнятного отрывка, заставляющего предположить у Порфирия большие лакуны из исходного текста (так думал и Б. А. Тураев [35, с. 50-51]), следует уже рассказ о первых людях: «Они первые освятили произведения земли, стали считать их богами и поклоняться тому, чем поддерживали жизнь они сами, их потомки и все бывшие до них, стали делать возлияния и приносить жертвы. Таковы были основания их поклонения, подобные их бессилию и малодушию» [35, с. 36]. Один этот отрывок (автора IX в. до н. э.!) ставит Санхунйатона на один уровень с самыми передовыми мыслителями античности. Здесь начало человеческого рода отнюдь не выглядит «золотым веком». Причём причины возникновения религии подаются сугубо *рационалистически*, это возникновение постулируется из «бессилия и малодушия» древних людей. Т. е. Санхунйатон был первым творцом *научной теории возникновения религии* и - шире - рационального толкования мифов.

Далее Санхунйатон излагает «конкретную» историю, опираясь, очевидно, на собранные, систематизированные и также сугубо рационалистически истолкованные им древние мифы: «От ветра Колпия и женщины Ваау, имя которой переводится «Ночь», родились Эон и Протогон, смертные люди, носившие эти имена. Эон нашел, (как получать) с деревьев пищу. Происшедшие от них назывались Ген и Генеа (от греческого корня «рождать» - И. Р.), они поселились в Финикии. Когда была жара, они поднимали руки в небо, к солнцу, так как считали его богом, единственным господином неба, и называли Веелсамин, что по-финикийски значит «Владыка неба», по-гречески это - Зевс... Из рода Эона и Протогона опять произошли смертные дети, имена которых -

Фот (Свет), Пир (Огонь) и Флок (Пламя). Они нашли огонь, пользуясь для этого трением кусков дерева, и обучили людей его употреблению. Они произвели сыновей, выдававшихся громадностью и ростом, их именами названы горы: Касий, Ливан, Антиливан, Врофи. Эти имена они получили от матерей, так как жившие тогда женщины соединялись без стыда с кем приходилось». – Здесь поразительно точное описание порядков эпохи матриархата.

Далее перед нами проходит череда культурных героев, научивших других людей строить шалаши, прикрывать тело одеждой из шкур животных, охотиться, ловить рыбу («Ифест изобрёл удочку, приманку, лёсу и сети и первый из всех людей стал плавать; за это после смерти его стали чтить, как бога»), обрабатывать железо, строить стену из сырцовых кирпичей, запрягать животных в ярмо, устраивать заборы, заниматься скотоводством, употреблять письменность, строить суда, употреблять целебные травы и заговоры [35, с. 36-38]. Набор технических достижений вполне солидный! Вообще крайне любопытно и вполне современно по духу то, что свою универсальную (по крайней мере, во временном отношении) историю Санхунйатон начинает именно с истории технологических достижений. Это естественно для современных исследователей, возможно для эпохи Просвещения (с её «Энциклопедией наук, искусств и ремёсел») и даже Возрождения, но совершенно нехарактерно для древних или средневековых авторов.

Далее Санхунйатон переходит к «политической» истории: «В их же (изобретателей судостроения братьев Кавиров и изобретателя письма Таавта - И. Р.) время рождается некий Элиун, называемый Высочайшим, и женщина по имени Вируфь. И обитали они около Библа. От них рождается Эпигей или Автохтон, которого впоследствии назвали Ураном, так что и

находящаяся над нами стихия получила от него своё имя «небо» («уран»), из-за своей необычайной красоты. Сестра Урана, рождённая от тех же родителей, была названа именем «Гея», и от неё получила из-за своей красоты имя и соимённая ей земля. Отец их, «Высочайший», погибший в схватке с дикими животными, был обоготворён, и дети совершили в его честь возлияния и принесли ему жертвы. Приняв отцовскую власть, Уран вступает в брак со своей сестрой, Геей, и родит от неё четырёх детей: Ила, он же Крон, Ветила, Дагона, т. е. Ситона, и Атланта» [35, с. 38]. Здесь достаточно чётко описана эпоха классового образования (синхронная изобретению письменности и судостроения!) и перехода к патриархату и отцовскому счёту родства («брак брата и сестры»), с его культом предков. Исключительно характерно, что финикийский автор объясняет «соимённость» Урана и Геи земле и небу «их исключительной красотой». Т.е. для него это очевидно не боги, а смертные люди, впоследствии обоготворённые.

И последующее изложение мифов построено у Санхунйатона как связное историческое повествование о действительно происходивших событиях человеческой истории (отражением которой мифы, собственно, и были): «И от других жён (помимо Геи) Уран имел большое потомство. Негодуя на это, Гея стала преследовать Урана своей ревностью и они разошлись. Но Уран, хотя и оставил её, однако всякий раз, как в нём являлось желанье, насильно приходил к Гее и вступал с нею в связь, а затем опять удалялся. Он собирался также убить и сыновей Геи. (Рассказывают), что Гея часто отражала его, благодаря союзникам, которых она собрала вокруг себя. Между тем Крон, войдя в возраст мужа, отражает своего отца Урана. (...) В этом сражении была взята в плен и любимая наложница Урана, в то время беременная. Крон даёт её в жены (брату) Дагону. (...) Тогда же Крон окружает своё жилище стеною и

основывает первый город в Финикии - Библ. После этого, заподозрив своего собственного брата Атланта, Крон бросил его в глубину земли и засыпал. (...) Союзники Ила или Крона были прозваны Элоим (т. е. «*боги*»! - *И. Р.*), так они были Кроновцы, так называемые «находившиеся при Кроне» [35, с. 38-39]... и т. д.

В общем, совершенно прав был Евсевий, говоря о Санхунйатоне, что тот «называет богами не Иже над всеми Бога, и не небесных богов, а смертных мужчин и женщин, и притом не высоких по нравственности, не таких, которые были бы достойны прославления за добродетель или подражания за мудрость, но подверженных всяким недостаткам и порокам. Он свидетельствует также, что таковы те, которые всеми ещё и теперь по городам и странам считаются богами. Доказательство этому ты найдёшь в их сочинениях» [35, с. 3]. В целом же о финикийских космогониях он отзывается (р. 33): «Такова их космогония, прямо влекущая за собой отрицание Божества» [35, с. 33; См. также: 81, с. 123].

Можно предположить, что в Финикии в эпоху Санхунйатона подобное вольнодумство было достаточно широко распространено, в частности, среди правящей верхушки. Так, известна надпись на саркофаге, которую большинство исследователей датирует началом X в. до н. э.: «Это саркофаг, что сделал Этбаал, сын Ахирама, царь Библа, для Ахирама, отца своего, который произвел его на свет. А если какой-нибудь царь из царей, или какой-нибудь правитель из правителей, или военачальник вступит в Библ и откроет этот саркофаг, - сокрушен будет жезл судейской власти его, опрокинут будет трон царства его и мир покинет Библ. А он - изглажена будет надпись его перед лицом (?) всего мира (?)». Проф. И. Н. Винников отметил тот «поразительный факт», что в этой надписи, «в отличие от других финикийских надписей,

проклятие и угроза не подкрепляются именем бога или богов. Наша надпись, таким образом, оказывается первой и пока единственной царской финикийской надписью, носящей так сказать светский характер» [82].

«Ферекид раньше всех описал природу и происхождение богов. Признано, что это сочинение весьма способствует нашей религии в том, чтобы идолопоклонник знал, что те, кого он считает богами, постыдно родились, вели чрезвычайно постыдную жизнь и весьма позорно умерли» - пишет Апоний (DK 7.A5) [70, с. 86]. Не Санхунйатону ли принадлежала одна из тех «тайных книг финикийцев», которой воспользовался Ферекид?

У И. Ш. Шифмана в его уже цитированной здесь книге «Ветхий Завет и его мир» есть такое интересное замечание: «Среди обычаев сиро-палестинского региона особое место занимало принесение в жертву богу (сожжение живьем) сыновей жертвователя, практиковавшееся обычно в критической ситуации... Древние наблюдатели, которым бросался в глаза этот чудовищный обычай, считали его проявлением бесчеловечной свирепости, будто бы присущей финикийцам (Диодор 20, 14; Юстин, 1, 6, 12). Они были не правы. В действительности принесение в жертву сына, в особенности единственного сына, было подвигом благочестия, совершавшимся во имя бога и, как правило, ради блага народа. Иудейские проповедники монотеизма активно выступали против этого обычая (см., например. Иер. 32:35); Пятикнижие (Лев. 20:2-5) прямо его запрещает» [38, с. 197-198].

И правы были, разумеется, еврейские пророки, а не И. Ш. Шифман: изуверство - оно изуверство и есть. Хотя следует вспомнить, как в некоторых даже весьма раннебуржуазных странах Европы всё так же сжигали живьем людей, разумеется, для блага народа и во славу Божию...

Но здесь для нас важно другое: при изложенном выше отношении Санхунйатона к богам нетрудно определить и его отношение к подобным обычаям, причём в его время его рационалистические взгляды получили широкую общественную поддержку и даже были одобрены царём и городским советом Бейрута. «Но бывшие после этого жрецы захотели скрыть его произведение», восстановив доверие к мифам, и им это в целом удалось, - писал с горечью переводчик Санхунйатона на греческий Филон Библиский [35, с. 34]. По существу Санхунйатон как *великий мыслитель древности* не оценен до сих пор.

5. 3. Буквенно-числовой атомизм и вера в переселение душ

Исключительный интерес представляет также заявление Евсевия (45, 53) о том, что Санхунйатон учил о *«финикийских буквах как наивысших божествах и управителях Вселенной»*. Б. Тураев в соответствии со своей гиперкритической методологией, разумеется, искажил этот текст, но в соответствии с его же комментариями правильный перевод все-таки можно восстановить: «Обратите внимание, что он же (Филон) еще рассказывает, переведя из книг Санхунйатона о финикийских буквах относительно пресмыкающихся и пускающих яд животных. (...) Первоначальную тему все заимствовали у Таавта и учили о природе вещей, как было упомянуто выше. *Буквы* в форме змей они освятили в выстроенных ими храмах, и в честь их они справляли праздники, совершали жертвоприношения и оргии, так как считали их величайшими богами и управителями Вселенной. Относительно змей теперь сказано достаточно» [35, с. 44-45].

Б. Тураев здесь в тексте поставил вместо выделенного нами слова «буквы» выражение «первые стихии». Оправдывается он

при этом в стиле гиперкритиков, т. е. совершенно по-детски: «Во всяком случае, как я полагаю, τα πρῶτα στοιχεῖα здесь не буквы, а элементы, стихии. Едва ли Евсевий или даже его оригинал могли сказать, что буквам в форме змей посвящались храмы, как величайшим богам. (...) На самом деле весь отрывок посвящен змеям; о буквах там нет речи» [35, с.76]. – Но в начале отрывка в переводе самого Б. Тураева (!) Евсевий говорит именно о «книгах Санхунйатона о финикийских буквах»; а вот об «элементах, стихиях» как раз речь не идет вообще. Да, в данном отрывке Евсевий ругает язычников за поклонение змеям, но для нас это сейчас не суть важно.

В историческом и культурном контексте Финикии идея «буквы – управители Вселенной» выглядит вполне естественной: «Филон Библиский (т. е. Санхунйатон. – И. Р.) считал финикийские буквы космическими элементами. В Иудее каждой букве алфавита и соответствующему ей числу приписали особый атрибут Бога, называли их волшебницами, с помощью которых Бог создал мир. В Талмуде (Берахот, 55а) говорится, что Бог будто бы сотворил небо и землю посредством сочетаний букв» [138, с. 191].

Исходя из этого контекста, можно попробовать, во-первых, установить связь между онтологическими представлениями Санхунйатона и Моха, а во-вторых, восстановить суть учения Моха об атомах. Ведь античные свидетельства об этом часто ставятся под сомнение именно потому, что вне своего контекста атомизм Моха выглядит совершенно одиноким и загадочным фактом. А между тем эти его взгляды действительно повлияли на все дальнейшее развитие философии. Ведь *учение Моха перенял Пифагор*. Далее мы постараемся доказать это. А у Пифагора (его учеников) учился Демокрит: «Одним из источников атомистического учения была пифагорейская числовая философия, Демокрит восторженно отзывался о

Пифагоре и его учении, которому посвятил специальное сочинение» [158, с. 161]. Согласно свидетельству Порфирия, учителем Демокрита был сын Пифагора Аримнест [159, с. 89]. Диоген Лаэртский писал (IX, 38): «Можно думать, говорит Фрасилл, что он [Демокрит] был приверженцем пифагорейцев, да и о самом Пифагоре он восторженно упоминает в книге, названной его именем. Казалось бы даже, что он все у него перенял и сам его слушал, если бы это не противоречило расчету времени. Во всяком случае Главк Регийский утверждает, что Демокрит слушал кого-то из пифагорейцев, а Главк – современник Демокрита; и Аполлодор Кизикийский тоже говорит, будто он встречался с Филолаем» [71, с. 344].

Итак, финикийско-пифагорейская числовая философия может быть рассмотрена как первоначальный вариант атомизма: «[Пифагорейцы указывают] также на то, что расстояние от А до Ω в алфавите равно расстоянию от самой низкой до самой высокой ноты во флейтах, число которой равно целокупности Вселенной (...) Всю Вселенную они конструируют из чисел, но только не монадических [= абстрактных, арифметических]; напротив, они полагают, что монады обладают [протяженной] величиной, но как образовалась первая единица, обладающая величиной, судя по всему, объяснить не могут (...) Признавать [как пифагорейцы] неделимые величины неверно, и даже если [допустить это], то все-таки единицы [монады] не имеют величины. Как же может величина состоять из неделимых? ...Они же полагают число реальными вещами ...как если бы числа были телесными» (Аристотель. Метафизика, 1092 b 26; 1080 b 16; 1083 b 8) [70, с. 480, 472].

Прежде всего напомним, что у греков все буквы были одновременно и числами, так что совокупность всех букв алфавита («расстояние от А до Ω в алфавите») как число

естественно равна «целокупности Вселенной». Но точно так же в финикийском и возникшем из него еврейском алфавитах **каждая буква соответствовала числу**. Прочитируем еще раз: «В Иудее каждой букве алфавита и соответствующему ей числу приписали особый атрибут Бога, называли их волшебницами, с помощью которых Бог создал мир» [138, с. 191]. В таком случае финикийскую идею «буквы – управители Вселенной» можно с тем же основанием сформулировать как **«числа – управители Вселенной»**.

Это полностью совпадает с представлениями пифагорейцев: «[Пифагор] говорил, что все возникает не из числа, а **согласно** числу, так как в числе – первый порядок, по причастности которому и в счислимых вещах устанавливается нечто первое, второе и т. д.» (Стобей, I, 10, 12). «Считая числа первичными по отношению ко всей природе и всем естественным вещам (так как без числа ничто сущее не может ни быть, ни быть познаваемым, а числа познаваемы и сами по себе), они приняли элементы и начала чисел за начала всех вещей. Элементы же чисел, как сказано, суть чет и нечет, из коих нечет они полагали ограниченным, а чет – безграничным. Начало чисел, по их мнению, единица [монада], поскольку она состоит из чета и нечета: монада одновременно четно-нечетна; он [Пифагор] доказывал это, исходя из того, что она порождает и нечетные и четные числа: прибавленная к четному, она порождает нечетное, а к нечетному – четное. И сколько у них было соответствий между числами и гармоническими сочетаниями, с одной стороны, и процессами и частями Вселенной [= Неба] – с другой, те они принимали сразу же как очевидные и доказывали, что Вселенная составлена из чисел и согласно гармонии (...) Они считали все вещи и все сущие состоящими из чисел и некими числами (...) монады, в свою

очередь, начала чисел» (Александр Афродисийский. Комментарий к “Метафизике” с 38, 10) [70, с. 149-150, 469].

Обратим внимание на этот принципиальный момент: **Вселенная в конечном счете состоит из материальных монад** – единиц, которые имеют материальную величину и протяженность. Очень важно также еще одно положение пифагорейцев – о том, что в мире существует множество **несоизмеримых** между собой монад: «В то время как у всех чисел была общая мера – единица, найти общую меру также и для величин они не смогли. И вот по какой причине: в то время как всякое и любое число при любом делении оставляет некую наименьшую часть, неподверженную [дальнейшему] делению, всякая величина, даже если делить ее до бесконечности, не оставляет части, которая была бы не подвержена делению вследствие минимальности, но и эта часть может быть разделена на бесконечное число частей... Следовательно, не существует некой общей меры для всех величин. Поняв это, пифагорейцы открыли, насколько возможна соизмеримость величин. Все величины, подпадающие под одну меру, они называли “соизмеримыми”» [70, с. 476].

Но это утверждение можно ведь переформулировать и так: «для всякой величины (природной сущности) есть собственная соизмеримая с ней **неделимая** материальная монада, далее которой эта величина не делится». Получается, что пифагорейцы открыли ключевое положение квантовой механики! Иначе говоря, их атомизм был **глубже**, чем последующий атомизм Демокрита и Эпикура, представляющих себе атомы в виде шариков с крючками. Напомним еще раз слова Аристотеля: «Признавать [как пифагорейцы] неделимые величины неверно (...) Как же может величина состоять из **неделимых**? ...Они же полагают число реальными вещами ...как если бы числа были телесными» (Аристотель.

Метафизика, 1083 b 8) [70, с. 472]. Обратим внимание на слово «неделимые». *Атомы* в дословном переводе с греческого и значит «неделимые». Иначе говоря, здесь Аристотель утверждал, что *по мнению пифагорейцев всякая сущность (величина) во Вселенной состоит из неделимых единиц (монад) – атомов*. Сравним: по мнению Демокрита «атомы бесконечны по величине и количеству» [71, с. 346].

Однако открытие несоизмеримости величин античная традиция убежденно приписывает ученикам Пифагора (пифагорейцам), а не самому основателю школы. Это значит, что в первоначальном учении Пифагора основной акцент делался на сами *числа от одного до десяти* как основные элементы Вселенной: «Пифагорейцы также признавали существование пустоты и утверждали, что она проникает в Космос из Бесконечного (αλειρον), как если бы Космос вдыхал пневму и пустоту, которая разграничивает природы сущего (φύσεις), как если бы пустота была разделением и разграничением смежных. Прежде всего это наблюдается в числах, так как пустота разграничивает [их, сообщая] им самобытность (φύσις)» (DK 58. В. 30) [70, с. 482]. – Итак, сама первоначальная Пустота разграничивает природу чисел.

«Как четверица может быть богом? Это ты достоверно узнаешь из приписываемой Пифагору “Священной речи”, где *Бог воспевается как число чисел*. Если все существующее имеет в основе вечные замыслы Бога, то ясно, что число, содержащееся в каждом виде существующего, зависит от его причины, и первое число находится где-то там, и оттуда приходит сюда. Ограниченный численный промежуток – это десяток, потому что кто хочет считать дальше, возвращается опять к одному (...) Так он может до бесконечности идти вперед, повторяя интервал десяти. А возможность десятки – четверица. Прежде совершенства, проявляющегося при

перечислении в десятке, можно видеть предваряющее его совершенство четверицы, ибо при сложении чисел от одного до четырех в сумме получается десять» [162, с. 96-97]. «Пифагор (...) полагал началами числа и числовые пропорции (*συμμετρίαι*), которые он называет “гармониями”, а элементами – сочетания обоих [этих начал], так называемые геометрические. С другой стороны, он полагает началами (элементы самих чисел, “первочисла”. – И. Р.) единицу [монаду] и неопределенную двоицу [диаду]. Из этих начал у него первое соответствует творящей и формальной причине, т. е. Уму-Богу, второе – страдательному и материальному, т. е. видимому Космосу. Природой числа он полагает декаду, так как все эллины и все варвары считают до десяти, а дойдя до десяти, опять заворачивают к единице» (DK 58. В. 15) [70, с. 473].

Аристотель в «Метафизике» (1092 b) критиковал учение Пифагора и в процессе этой критики сформулировал пифагорейский принцип соответствия разных сущностей на основе ***тождества их числовой (и буквенной!) природы***: «Если же все должно быть причастно числу, то многие вещи по необходимости окажутся тождественными, и одно и то же число будет соответствовать вот этой-вот вещи и совсем другой. (...) Так что если бы каким-то вещам оказалось присуще одно и то же число, они были бы тождественны между собой, так как принадлежали бы к одному и тому же числовому виду (эйдосу)» (DK 58. В. 15) [70, с. 473]. Сам Аристотель считал подобное внутреннее тождество самых разных сущностей доказательством абсурдности пифагорейского учения. Но на самом деле эта идея оказалась исключительно богатой и плодотворной: она послужила обоснованием как создания математических моделей любых процессов (шире – любых ***физических расчетов***, т. е. современной науки в целом), так и оккультизма, в особенности герметизма и каббалы. Впрочем, на

протяжении многих последующих веков до эпохи Возрождения включительно эти области знаний (наука и оккультизм) сохраняли нерасчлененное единство.

Но в таком случае можно предположить, и что разные люди на самом деле есть один и тот же человек, например, если «число их имени» совпадает. Т. е. пифагореизм дает совершенно естественное и вряд ли имеющее отношение к древним индусам обоснование идеи *метемпсихоза* – переселения душ. Причем Пифагор в отличие от индусов говорит *только* о переселении души одного мужчины в другого мужчину [DK 14. 8; см. 70, с. 142]: «Он прежде был Эталидом, потом Эвфорбом, потом Гермотимом, потом Пирром. Когда же умер Пирр, он стал Пифагором и до сих пор помнит обо всем». Античные источники сохранили достаточно указаний на то, что эта идея была в готовом виде позаимствована Пифагором у финикийцев через Ферекида: «Рассказывают, что он [Ферекид] был учителем Пифагора, а у самого наставника не было: он сам себя выучил, приобретя тайные книги финикийцев. Некоторые сообщают, что он (...) первым ввел учение о метемпсихозе» (DK 7. A. 2) [70, с. 85].

Очень может быть, что идея далее неделимых монад как основного элемента всех чисел была высказана еще Мохом Сидонским. Но можно с уверенностью сказать, что основными элементами всего сущего у Мохы и Санхунйатона выступали именно буквы финикийского алфавита в целом и особенно арифметические числа от одного до десяти, т. е. что это был *буквенно-числовой атомизм*. Сравним: «Первичным является природа чисел и пропорций, пронизывающая все, в соответствии с которой все гармонично соединено и подобающим образом украшено» (Ямвлих. Жизнь Пифагора, 58-59) [111, с. 47-48].

Здесь укажем на еще одно возможное сближение взглядов Моха и Пифагора. Само имя «Махол» из Библии значит по-еврейски «**кругообразный танец**» (а, скажем, имя его ученика Дарды – «перл мудрости») [97, с. 399, 165]. Обратим еще раз внимание на цитату: «Египтяне считают его [число] изобретением Гермеса, которого они называют Тот. Другие полагают, что понятие числа возникло из наблюдений за круговращениями божественных тел [= светил]» (ДК 58. В 2) [70, с. 147, 468-469, 467]. Здесь возникновение идеи «все повторяется согласно Числу» непосредственно связано с «наблюдением за **круговращениями** божественных светил». Пифагорейцы также придавали круговому движению исключительное значение: «Из фигур он [Пифагор] считал прекраснейшими среди объемных – шар, а среди плоских – круг» (Диог. Лаэрт. 8. 35) [71, с. 316]. И теперь сравним с Книгой Экклезиаста (1:5-6): «Восходит солнце, и заходит солнце, и спешит к месту своему, где оно восходит. Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и **возвращается** ветер на **круги свои**». – Не у Моха ли взята эта идея вечного «круговращения»?

Кроме идеально кругового движения как «вечного возвращения» в этом месте из Экклезиаста явно прослеживается еще и идея **вихря** как движения по спирали: «ветер кружится, кружится на ходу своем». Что-то подобное было и у Пифагора: «Безумная страсть [возлюбленной] Теано связала самосца Пифагора, изобретшего изощренные геометрические спирали и круг, которым окружен эфир» [70, с. 149].

И теперь совершенно естественно предположить, что первоначальное финикийское учение о числах (буквах) как основном элементе Вселенной сохранилось не только в греческом, но и в еврейском варианте. Действительно, до нас дошла загадочная древняя книга «**Сефер Йецира**»: «"Сефер

йецира", или "Книга Творения", основополагающий для еврейской мистической традиции трактат, представляет собой комментарий к 1-й главе книги Бытия. Он дошел до нас в трех основных версиях: краткой, длинной и версии Саадьи Гаона; в наиболее пространной редакции его объем не превышает 2 тыс. слов. В этом небольшом, но чрезвычайно емком сочинении содержится оригинальное учение о творении мира, времени и человека посредством 22 букв еврейского алфавита и 10 мистических чисел-*сфирот*. (...) На протяжении столетий "Сефер йецира" служила важнейшим и наиболее авторитетным источником, излагающим вопросы космогонии, буквенной мистики и магии (в частности, на ее тексте были основаны техники создания искусственного человека - голема). В конце XV в. трактат был переведен на латынь, приобретя широкую известность и популярность среди христианских мистиков и каббалистов эпохи Ренессанса» [165].

«*Сфирот*, сефирот (sephiroth, мн.ч. от ивр. сфира - "сверкающая", ср. греч. сфера): десять божественных эманаций, сфер или оболочек. В своей совокупности они образуют "архетип человека", соотв. Адаму Кадмону, небесному Первочеловеку, прообразу Космоса и земного человека. Эти 10 эманаций объединяются в четыре вселенные или мира (оламим)» [164]. Из этой цитаты следуют два важнейших вывода: во-первых, само слово «*сфера*», введенное Пифагором в греческий язык – финикийского происхождения, причем первоначально имелись в виду именно «сверкающие» небесные сферы. Значит, и теория небесных сфер в целом, скорее всего, тоже имеет финикийское происхождение. Во-вторых, объединение десяти сфер в четыре «мира» – это прямое соответствие пифагорейской идее о «четверице как возможности десятки».

В первой главе «Сефер Йециры» (1-12) четко изложена космогония, построенная на числах и буквах как основных элементах мироздания. Причем Бог здесь среди прочих имен четко назван доеврейскими ханаанскими именами «ИА» и «ИЕВЕ»: «Тридцатью двумя путями - чудными, мудрыми, начертал (или сотворил) ИА, ИЕВЕ, Саваоф, Бог Израиля, Бог живой и Царь вечный, Эль Шаддай, милосердный и прощающий, возвышенный, пребывающий в вечности, - возвышенно и свято имя Его, - и создал мир ... **Десять чисел** (сефиротов) **невещественных** (абстрактных) **Двадцать две буквы – основания**: три матери, семь двойных и двенадцать простых. ...Десять чисел (сефиротов) невестественных: у них есть десять свойств бесконечных; глубина начала, глубина конца, глубина добра и глубина зла, глубина вышины, глубина глубины, глубина востока и глубина запада, глубина севера и глубина юга. ...Десять чисел (сефиротов) невестественных. Их конец внедрен в начале, как пламя соединено с углем, ибо Господь один, и нет Ему второго, а **до единицы какое можешь назвать число?**

...Десять чисел (сефиротов) невестественных [бескачественных]: первое [число] - дух Бога живого, - да будет благословенно и благословляемо имя вечно живого! Голос, дух и слово составляют Дух Святой. Второе - дуновение (эфир) от духа. Он начертал (или создал) и выбил им **двадцать две буквы основания**, ...но **один из них дух**. Третье - вода от эфира. Он начертал (или создал) и выбил из нее хаос ("Тоху и Боху"), влагу и глину; начертал их наподобие гряды, выбил их наподобие стены, окружил их подобием желоба и излил на них снег, и он стал землей, ибо сказано: "...снегу Он говорит: будь земля" (Иов, 37,6). Четвертое - огонь из воды. Он начертал и выбил из него престол славы, серафимов, офанимов, святых животных и ангелов служителей. Из всех трех (то есть эфира,

воды и огня) Он основал обитель Свою, ибо сказано: "Одеваешься светом, как ризою; простираешь небеса, как шатер; устраиваешь над водами горние чертоги Твои; делаешь облака Твоею колесницею; шествуешь на крыльях ветра; Ты творишь ангелами Твоими духов, служителями Твоими - огонь пылающий" (Псалом 103, 2-4)» [167].

«Создание 22 букв еврейского алфавита описано следующим образом: "Он начертал их, высек их, взвесил их, комбинировал и переставлял и сотворил ими душу всякого создания". Все реальные существа в трех космических слоях - в мире, во времени и в человеческом теле - появились в результате взаимодействия 22 букв, или, иными словами, путем "221 врат", т. е. комбинаций букв в группы по две. ...Все вещи в мире содержат в себе эти лингвистические элементы и существуют благодаря сокрытой в них силе.» [165].

Совершенно очевидно, что в «Сефер Йецире» именно двадцать две буквы выступают основными элементами мира, а десять чисел – *«творящими» отношениями* между ними – как и у пифагорейцев. В противоположность этому в «классической» каббале числа (сефирот), наоборот, сущности, а 22 буквы – отношения между ними. Любопытно отношение к этому трактату у самих каббалистов: «[Это] первое из известных каббалистических сочинений. Эта книга излагает каббалистическое учение эзотерическим языком, сжато, кратко. ...Идеи и понятия, о которых говорится в этой книге, столь возвышенны, что каббалисты прошлого практически были не в состоянии постичь их глубокий скрытый смысл. Трудом, в котором тщательно разработано и подробно изложено еврейское эзотерическое учение, является “Зогар”» [168, с. 532, 21]. – Идеи этой книги столь возвышенны, что каббалисты их «практически были не в состоянии постичь»...

Скорее всего, «Сефер Йецира» представляет собой изложение более древнего финикийского учения, переделанное в духе еврейского монотеизма: «Древняя Сефер Йецира записана в форме Мишны на языке, на котором говорили в эпоху Талмуда. ...С точки зрения научной критики, Сефер Йецира была написана не раньше V в. н. э. Еврейская традиция утверждает, что автором был Авраам (согласно традиции, он родился в 19 ст. до н. э.)» [169, с. 216, 213]. Что касается наиболее ранней, или традиционной, версии ее появления, то интересным здесь кажется замечание М. Кравцова, обратившего внимание на то, что, согласно одному стиху из "Сефер йецира", созвездие Дракона находится в середине неба. Именно такое положение оно имело во времена Авраама, тогда как сейчас, в результате девиации земной оси, в центре звездного неба находится Малая Медведица [169, с. 213].

Здесь следует вспомнить, что финикийцы вели активную морскую торговлю с негритянскими народами Западной Африки, в частности, с предками народов манде. Самый крупный и известный из таких народов – *бамбара*. В их тайных союзах культивируются сложные космогонические идеи, явно родственные пифагорейству и каббале, т. е. той же финикийской философии: «По традиционным представлениям бамбара, мир произошел из первоначальной пустоты (гла). Пустота проявила собственный голос, породивший своего двойника. От их соединения появилось влажное вещество зо сумале («холодная ржавчина») [тот же *ил.* – И. Р.], образовавшее твердые и блестящие тела. В дальнейшем в результате взаимодействия все той же пары гла произошел взрыв, который выбросил твердое мощное вещество, оседавшее в состоянии вибрирования. Вибрация породила знаки (символы), которые соединились с еще не оформленными предметами для их обозначения. Затем от гла отделилось

человеческое сознание [скорее Мировой Ум. – И. Р.] и направилось к вещам, чтобы познать их и наделением их именами пробудить в этих вещах осознание самих себя. В процессе этого выявился активный «дух» Йо [сравним с финикийским ИА. – И. Р.] (в мифах Йо выступает либо как звук, либо как автономное сознание [тот же Мировой Ум. – И. Р.], и **двадцать два основных элемента**. Двадцать два витка этих элементов расшевелили Йо и породили звуки, свет, все существа, действия и чувства. От Йо произошли «божества» Фаро и Пемба. Фаро, **«властитель Слова»**, создал семь небес, породил «духа» воздуха Телико и распространил жизнь на земле, **воплотившись в воде**. Пемба, вращаясь семь лет в вихревом движении, придавал форму земле...» [172, с. 373-374]. Как видим, финикийские корни этого учения очевидны. Слишком велико сходство.

Наконец, помимо западной эзотерики (каббалы, нумерологии и т. д.) идеи финикийской буквенной атомистики в их мистическом варианте, а также «западный вариант» идеи переселения душ дошли до нас еще и в религиозной форме. Речь идет о том, что и сегодня **финикийская религия жива** и достаточно широко распространена, причем в своем «коренном» ареале, преимущественно в приморских районах Сирии. Там, в провинции Латакия и сегодня среди верующих преобладает секта нусайритов, которая формально считается мусульманской: **«Нусайриты** (алавиты). Вероучение нусайритов впитало в себя элементы эманационной доктрины исмаилитов, христианского гностицизма и астральных культов. Верят в переселение душ мужчин, почитают христианских апостолов, некоторых святых и мучеников, справляют христианские праздники (Рождество, Пасху и др.), используют вино при обрядах. Наряду с этим почитают Солнце, Луну и звезды. Нусайриты делятся на “посвященных” и

“непосвященных”. “Посвященные” претендуют на знание сокровенного смысла своих “священных” книг, содержание которых они толкуют аллегорически и не раскрывают “непосвященным”, рядовым членам общины» [170, с. 173]. Кажется, какие-то «тайные книги финикийцев» все еще в ходу...

5. 4. Учение стоиков и финикийская философская теология

Финикийцы продолжали оказывать самое непосредственное влияние на развитие древнегреческой философии (и культуры в целом) не только в архаическую эпоху, но и позднее. Ведь и среди последующих поколений философов, писавших по-гречески, значительный процент составляли выходцы из Финикии. Достаточно назвать такого гиганта мысли, как основатель *стоицизма* Зенон из Китиона - финикийского города на острове Кипр. Вопрос о влиянии лично на Зенона и в целом на учение стоиков собственно финикийской философии вообще не изучен, поскольку никогда всерьез и не ставился. Но тут есть о чем задуматься.

Так, одним из учеников Зенона был его земляк Персей. «Персей придерживался тех же мнений, что и Зенон» (SVF 447). Он «утверждал, что богами считали тех, кто изобрел вещи в высшей степени полезные для жизни, причем сами эти нужные и полезные вещи стали получать имена богов» (SVF 448: Цицерон. О природе богов. 1. 38 А) [84, с. 154-155]. Выше уже говорилось о том, что очень похожую мысль высказывал Санхунйатон. «Зенон истолковал Юнону как воздух, Юпитера - как небо, Нептуна - как море, Вулкана - как огонь и объяснив, что все прочие народные (т. е. языческие. - И. Р.) боги - это элементы, сурово обличил расхожее мнение о богах и отверг его как ошибочное» [SVF 164: 84, с. 74].

Евсевий в своем предисловии к изложению взглядов Санхунйатона дает очень похожую общую характеристику взглядов финикийских философов на языческих богов: «Для ясности дальнейшего изложения и понятности последующих событий необходимо предупредить, что наиболее древние из варваров, особенно финикияне и египтяне, от которых заимствовали и прочие люди, считали величайшими богами тех, которые изобрели что-нибудь необходимое для жизни, или как-нибудь облагодетельствовали народы; этим благодетелям, считая их виновниками многих благ, финикияне поклонялись как богам, а после их смерти устроили храмы, освятили по их именам стеллы и жезлы, очень их почитая, и установили весьма большие празднества в их честь. Главным образом они дали имена своих царей мировым стихиям и некоторым из тех, кого они считали богами; из явлений же природы они считали богами только солнце, луну и прочие планеты, а также стихии и прочее, с ними связанное, так что у них одни боги - смертные (люди. - И. Р.), другие же - бессмертные (силы природы. - И. Р.) [35, с. 35].

По мнению И. Ш. Шифмана, сама идея о том, что в результате вселенской катастрофы - пожара возник космос и появились живые существа - «самостоятельный финикийский сюжет, усвоенный стоицизмом» [140, с. 459].

Одним из важнейших достижений финикийской мысли было создание *философской теологии*, т. е. обоснование идеи о невидимом *Боге-Творце как Уме Вселенной*. Выше уже отмечалось, что эта финикийская теология прямо повлияла на творцов Библии. С другой стороны, она оказала влияние и на древнегреческих философов. Что очень важно: материалы из Библии и из текстов ранних греческих философов помогают глубже понять смысл и приведенных выше (в не совсем точном греческом пересказе) финикийских космогоний. По нашему

мнению, они отражают в том или ином виде *главную идею финикийской философии*: о том, что Вселенная возникла из соединения неоформленной материи, представляемой как *вода* («Предначальные воды») и/или воздух, с Богом-Творцом, представляемым как Ум, Слово (Логос), Дух и в то же время Свет.

В связи с этим следует отметить, что эта главная идея содержится и в философии стоиков, что, по нашему мнению, очевидно свидетельствует о ее финикийских корнях. В частности, широко распространенное утверждение о том, что согласно учению стоиков, мир сгорает в огне и снова рождается из огня, нуждается в серьезной корректировке. На самом деле *стоики утверждали, что предначальное состояние Вселенной - это Бог (Порождающий Логос) во влаге*. «Начал во всем сущем они [стоики] признают два: деятельное и страдательное. Страдательное начало есть бескачественная сущность, то есть вещество; а деятельное - разум, в ней содержащийся, то есть Бог. Он вечен, и он - творец всего, что в ней имеется» (Диоген Лаэртский, VII. 134) [71, с. 286]. И далее (136: SVF 102) он продолжает: «Бог, Ум, Судьба и Зевс - одно и то же, и Он называется еще многими именами. Поэтому Он существует сам по себе и *обращает всю наличную сущность через воздух в воду*. И как в порожденном находится семя, так и Бог, будучи сперматическим логосом [порождающим Словом] мира, остается таковым и *во влаге*, благоустраивая для себя вещество и готовя его для грядущего порождения. Затем Он порождает четыре элемента - огонь, воду, воздух и землю. Обо всем этом говорит Зенон в книге "О мироздании"» [84, с. 52]. И далее (SVF 103): «Корнут 17: *Хаос - это влага, образовавшаяся до устройства мира* и называемая так по своей способности изливаться» [84, с. 53].

При этом стоики особо подчеркивали, что они опираются на мнения древних мыслителей, в частности, на Фалеса и на «Теогонию» Гесиода, о финикийских корнях которых уже говорилось выше: «Некоторые авторы отождествляли начала (*principia*) с отдельными элементами. Фалес Милетский, учитель Анаксимена, - с водой... Считается, что это мнение Фалеса берет начало от Гесиода, который сказал: “Первоначально возник Хаос (Бездна), а затем Широкогрудая Гея (Земля)”» [SVF 103: 84, с. 53; 70, с. 35]. «И Зенон говорит, что Хаос у Гесиода - это вода, и что когда она оседает, образуется *ил*, который, отвердевая, превращается в землю. Третьим элементом, по Гесиоду (Теогония, 116-117, 120) был Эрот, который должен представлять собой огонь, - ибо Эрот и есть огненная страсть» [SVF 104: 84, с. 53].

А теперь сравним эти представления стоиков с космогонией Санхунйатона: «Началом всего был Воздух (Аир), мрачный и подобный ветру, или дуновение мрачного воздуха, и мутный мрачный Хаос; они были безграничны, и в продолжение многих веков не имели конца. Когда же Нус (по-гречески «нус» - «ум», «разум», «дух») полюбил свои собственные начала, и произошло смешение, это соединение получило название: Желания (*πόθος*). Таково начало устройства всего. Дух же не знал своего создания. И из соединения Духа произошел Мот (*μωτ*), его некоторые считают *илом* (как видим, ил упоминается и у стоиков, и у Санхунйатона. - И. Р.), другие - гнилью водянистого смешения; и из неё произошли все семена создания, и рождение всего» [35, с. 35]. И здесь, как у стоиков, первым назван воздух, а за ним - Хаос - т. е. все существующее через воздух было обращено в Хаос - воду. Эпитеты «мутный» и «мрачный», по-видимому, означают отсутствие света. Затем Дух (Ум) с помощью любви или желания (того же Эрота) соединился с материей («собственными началами») и породил

Мот - «ил», т. е. Землю, из которой произошли «все семена создания». Сходство налицо!

Отметим, что Санхунйатон, будучи рационалистом и отвергая веру в языческих богов, вовсе не был атеистом. Его правильнее назвать монотеистом, одним из зачинателей философской веры в единого Бога как *Мировой Разум*. И. Ш. Шифман отмечает еще один момент: «Санхунйатон использовал храмовую традицию Берита (по материалам Гиеромбала - жреца в храме Йево) и, в частности, изучил «письмена аммунеев», возможно - священные книги, приписывавшиеся богу мудрости Таавту». А бог *Йево* у финикийцев соответствует Йахве (Яхве) у евреев. «Широко почитался в Финикии. Бог - покровитель Берита, в местном храме хранились записи мифов, в которых Йево был главным действующим лицом (не известны). (...) Образ Йахве рано слился с образом Эла (Илу). С первой половины 1-го тыс. до н. э. культ этого бога в Палестине приобретает монотеистические черты». Илу же (Эл, Элохим), с которым слился образ Йахве - «в западносемитской мифологии верховный бог, демиург и предок» [65, т. 1, с. 458-459, 597, 506-507]. Иными словами, можно предположить, что либо некие жрецы Йахве (с которыми опосредованно был связан Санхунйатон) приспособили для своих нужд его идею о Едином Боге, либо это сделали знакомые с его учением еврейские пророки начиная с Исаии.

Здесь следует обратить внимание еще и на собственное имя Санхунйатона. Оно содержит в себе слово «Атон». Здесь есть прямая аналогия с другими семитскими именами, содержащими имена богов (т. е. заканчивающимися на -Бал (Ваал), -Ил и т. д. Можно достаточно уверенно предположить, что **в имени Санхунйатона содержится связь с богом Атоном** (подробнее этот вопрос рассмотрен в 6.3). Бог Атон был прекрасно известен

в Финикии, поскольку эта страна несколько веков входила в состав великой древнеегипетской державы Нового царства. А в Египте с этим именем связана поразительная попытка религиозной реформы фараона Эхнатона: введение монотеистического культа Солнца. Атон изображался в виде солнечного диска с лучами, на концах которых помещались руки, держащие знак жизни «анх» (как символ того, что жизнь людям, животным и растениям дана Атоном). Атону в этот период присущи полупантеистические черты: он, считалось, присутствует во всей природе, в каждом предмете и живом существе. После смерти Эхнатона почитание Атона как единого бога Египта прекратилось» [65, т. 1, с. 122].

Но города Финикии тогда находились под властью Египта, и память о реформе Эхнатона вполне могла сохраниться до эпохи Санхунйатона. Если имя Санхунйатона действительно связано с египетским Атоном, то тогда оно звучит как целая политическая программа: замена языческой религии поклонением единому Богу-Творцу. Тогда свидетельство о том, что царь и городской совет Берита одобрили его учение, содержит воспоминание о первоначальном успехе его религиозной реформы.

Евсевий цитирует и такие слова Санхунйатона: *«Когда проникся светом воздух* (Курсив мой. - И. Р.), то от воспламенения моря и земли произошли ветры, тучи, величайшие низвержения и излияния небесных вод. Когда *все это выделилось и отделилось от своих мест вследствие солнечного жара*, и все снова встретилось и столкнулось в воздухе одно с другим, произошли гром и молнии» [35, с. 36].

Исключительно важно также замечание о «полупантеистических» чертах Атона: «он, считалось, присутствует во всей природе, в каждом предмете и живом существе». Иными словами, во всем присутствует

животворящий огонь как Душа мира. Сравним: «Стоик Зенон утверждал, что *Бог - это огненный разум мира* (...) Приверженцы Зенона полагают, что Бог пронизывает все вещество и на одном уровне выступает как ум, на другом - как душа, на третьем - как природа, на четвертом - как структурное единство» [SVF 157-158: 84, с. 72]. Т. е. и в этом отношении можно предположить преемственность между стоиками и мыслителями древней Финикии, корни учения которых могут восходить еще к Египту Нового Царства. Это учение действительно очень близко к пантеизму: «Природа - творческий огонь, последовательно продвигающийся к порождению» [SVF 171: 84, с. 74-75].

В *герметическом* трактате «Поймандр» (4-5) также излагается космогония, в деталях сходная с рассмотренной нами стоической, восходящей к финикийцам: «взору моему предстало величайшее зрелище. Все стало Светом, мягким и приятным, пленяющим мой взгляд. Вскоре после этого спустилась тьма, жуткая и мрачная, завивающаяся в спирали, подобно змеям, как мне показалось. Затем эта тьма превратилась в нечто влажной природы, бурлящее невыразимым образом, изрыгающее дым, как от огня, и издающее какой-то звук, скорбный неопиcуемый рев. Потом оттуда раздался нечленораздельный крик, словно голос Света [огня]. Святое Слово спустилось из Света и покрыло Природу, чистый огонь восстал из влажной Природы ввысь, к тонкому миру; он был легкий, проникновенный и в то же время действенный. И воздух благодаря своей легкости последовал за огненным языком; от земли и от воды он восходил к огню, к которому он как будто был подвешен. Земля и вода оставались на месте перемешанными настолько, что через одно не было видно другое, и непрерывно получали воздействие дыханием

Слова, возносившегося над ними на том, что воспринимает ухо» [166].

Здесь мы видим буквально полный набор финикийско-пифагорейских тем: Свет во тьме, его Голос, ставший Светом и разделивший материю, первоначальное состояние материи в виде влажного ила, и даже ее первоначальные форма «завивающаяся в спирали, подобно змеям».

Практически та же самая космогония содержится в уже приведенном отрывке из *Сефер Йециры* – каббалистической Книги Творения (I, 9-12): «Десять чисел (сефиротов) невещественных: первое - дух Бога живого, - да будет благословенно и благословляемо имя вечно живого! Голос, дух и слово составляют Дух Святой. Второе - дуновение (эфир) от духа. Он начертал (или создал) и выбил им двадцать две буквы основания, ...но один из них дух. Третье - вода от эфира. Он начертал (или создал) и выбил из нее хаос ("Тоху и Боху"), влагу и глину; начертал их наподобие гряды, выбил их наподобие стены, окружил их подобием желоба и излил на них снег, и он стал землей ...Четвертое - огонь из воды. Он начертал и выбил из него престол славы, серафимов, офанимов, святых животных и ангелов служителей. Из всех трех (то есть эфира, воды и огня) Он основал обитель Свою» [167]. Как видим, здесь тоже сначала было Слово, которое вызвало дуновение, породившее «двадцать две буквы основания». А затем эти элементы организовали материю, первоначальной формой которой были «влага и глина», т. е. тот же «ил».

Выше уже приводилось мнение И. Ш. Шифмана о том, что финикийские мыслители непосредственно повлияли не только на греческих философов, но и на творцов Библии. Действительно, в начале Книги Бытия (1: 1-9) изложена концепция, в основных моментах сходная, в частности, с учением стоиков:

«В начале сотворил Бог небо и землю. Земля же была безвидна и пуста (т. е. сначала мир не имел формы, представлял собой *пустоту*; сравним: “Пустота налична отдельно и сама по себе, она окружает небесный свод - так считали некоторые древние, а впоследствии сторонники Зенона Китийского” [SVF 94: 84, с. 49]. - И. Р.), и тьма над бездною (= Хаос. - И. Р.); и Дух Божий носился над *водою* (Выделено мною. - И. Р.). И сказал Бог: да будет свет. *И стал свет* (т. е. Свет от Бога наполнил весь мир. - И. Р.). И увидел Бог свет, что он хорош (Санхунйатон сказал бы, что Бог полюбил свои собственные начала. - И. Р.); и отделил Бог свет от тьмы (...) И сказал Бог: да будет твердь посреди воды, и да отделяет она воду от воды (т. е. до этого в мире была *только* вода. - И. Р.) (...) и назвал Бог твердь небом (...). И сказал бог: да соберется вода, которая под небом, в одно место, и да явится суша (из воды. - И. Р.). И стало так» [25].

Вообще *представление о Боге как о Свете, который пронизывает все сущее*, неоднократно встречается в Библии. Это всегда смущало христианских богословов. Так, один из первых апологетов христианства Ориген в своей книге «О началах» (I) начинает все изложение христианской теологии именно с разбора этого щекотливого момента: «Свет Божий - сила Божия, через просвещение от которой человек познает как истину всех вещей, так и самого Бога, который есть Истина». Но в то же время «некоторые будут стараться доказать, что Бог есть тело, даже на основании наших Писаний». Сам Ориген приводит несколько таких мест из Священного Писания, но призывает толковать их символически (т. е. слово «Свет» как синоним слова «Истина») [85, с. 12-14]. Действительно, в Первом послании апостола Иоанна говорится: «Бог есть свет, и нет в нем никакой тьмы» (1: 5). «Новую заповедь пишу вам, что есть истинно в Нем и в вас: потому что тьма проходит и

истинный свет уже светит. Кто говорит, что он во свете, а ненавидит брата своего, тот еще во тьме. А кто любит брата своего, тот пребывает во свете» (2: 8-9). Но такое тождество между Светом и Истиной не смутило бы и стоиков (см. выше).

С другой стороны, во Второзаконии (4: 24; 5: 24) дословно сказано: «Господь, Бог твой, есть огонь поядующий (...) глас Его слышали мы из среды огня; сегодня видели мы, что Бог говорит с человеком, и сей остается жив». И сошествие Святого Духа на апостолов описывается в Деяниях (2: 1-4) тоже в таких словах: «И внезапно сделался шум с неба, как бы от несущегося сильного ветра, и наполнил весь дом, где они находились; и явились им разделяющиеся языки, как бы огненные, и почили по одному на каждом из них. И исполнились все Духа Святого» [25]. В определении Бога как Света либо Огня есть еще один парадоксальный момент: «Несущим свет» именуют и Сатану (см. далее)...

5. 5. О духовном влиянии финикийцев на индейцев Мексики

Основная идея финикийской философии *могла* повлиять и на мировоззрение американских индейцев. Во-первых, гипотеза о регулярных плаваниях финикийцев в Америку представляется вполне убедительной (см. выше: раздел 2.5). Во-вторых, эти контакты могли увенчаться в Мексике религиозной реформой, связанной с именем Пернатого Змея Кецалькоатля.

Здесь следует обратить внимание на одно методологическое противоречие. Выдающийся специалист по доколумбовым цивилизациям Ю. В. Кнорозов пишет: «Эпизодические связи различных племен и народов с американскими индейцами практически не имели последствий. Даже колония викингов в Гренландии не оказала сколько-нибудь заметного влияния на эскимосов, а колонии в Северной Америке исчезли бесследно. Отдельные лица, попавшие в

неведомое племя, в лучшем случае адаптируют его культуру. (...) Таким образом, индейские племена Америки развивались независимо от Старого Света» [86, с. 20-21].

В целом Ю. В. Кнорозов прав. Но не во всем. Такая его позиция вообще влечет за собой полное отрицание роли личности в истории. А ведь выдающиеся личности были в истории человечества всегда. И «оказывали заметное влияние» на ход истории. Причем это были не только великие тираны, но и великие изобретатели, великие пророки, великие философы. И среди них видное место занимали *пришельцы-просветители*, приносившие мудрость из своей страны другим народам. Такими были Пифагор, апостол Павел, основатель чань-буддизма Бодхидхарма, Святой Патрик, Кирилл и Мефодий, Стефан Пермский... При этом сам «перевод» религиозного учения на язык иной культуры неминуемо приводил к определенной трансформации его изначального смысла. По нашему мнению, именно таким был и тот человек, который принес индейцам Мексики «учение Пернатого Змея» и вошел в историю под именем *Кецалькоатль*.

«Кецалькоатль - Змея с перьями кетцаля (птицы с синими и зелеными перьями). Речь идет о культурном комплексе, который представлен: а) небесным богом; б) историческим персонажем (и, по-видимому, не одним - так несколько человек принимали имя, например, Тупак Амару. - И. Р.); в) жреческим саном Теночтитлана. В философских текстах это имя часто употребляется как символ знания нагуа (индейцев Мексики. - И. Р.)... Был божеством, покровительствующим высшей школе жрецов Калмеках, где передавались самые возвышенные элементы культуры нагуа» [53, с. 338].

При всех трансформациях в инокультурной среде основные базовые идеи переносимых на новую почву учений всегда сохранялись. А поскольку они становились объектом

сакрализации, то могли и через много веков дойти до нас (до эпохи конкистадоров) без существенных изменений. Так что если *первый* Кецалькоатль был финикийцем, его учение должно было содержать основную идею финикийской философии. Исторические факты это подтверждают.

«О Кецалькоатле говорится, что он является тем, кто в глубоком раздумье открыл существование *Ометеотла* «за небесами» и «как опору мира» (...) Атрибуты Ометеотла - Ночь-и-Ветер - «невидимый (как ночь) и неоощуаемый (как ветер)» (...) Ометеотль Мойокоайтцин - двойственный Бог, который «сам себя мыслит и изобретает» в метафизическом «месте» дуальности (Омейокане). Это имеет место за пределами небес и времен, так как сам Ометеотль властвует над ними, о чем свидетельствует его название Хиутекутли (Господин времени и огня). В Омейокане, «на тринадцатом небе, о начале которого ничего не известно», как отмечает [рукопись] «История мексиканцев», существовал «Истинный Бог», то есть Бог, основанный и опирающийся на самого себя. Но благодаря своей творящей природе и способности зачать он начал действовать. В результате первого развертывания своего двойственного бытия он породил четырех сыновей и дал действительность Вселенной (...) В качестве символа неосязаемого и господина мудрости и искусства - единственно истинного на земле - Ометеотл воплощается в легендарной фигуре Кецалкоатля» [53, с. 338, 183, 192]. Как видим, Бог-Творец существует за пределами небес и времен, и в то же время Он - творящий «Господин времени и *огня*».

Причем сначала были лишь «Ночь и Ветер». Вспомним, что у Санхунйатона первые люди ведут род «От ветра Колпия и женщины Ваау, имя которой переводится “Ночь”».

А как же вода? - соседи науа тольтеки вместо «двойственного» Бога говорили о верховном Боге и его жене.

Среди порожденных ими четырех богов были Тескатлипока и Кецалькоатль. И прежде чем они доставили с небес богиню земли, уже была вода, которую «неизвестно кто создал» («История Мексики» А. Теве) [87, с. 519].

А в эпосе народа киче (горных майя) «Пополь-Вух» начало Вселенной изложено так: «Светоч, Пополь-Вух, как он именуется, *ясный свет, пришедший с другой стороны моря* (Здесь и далее выделено мной. - И. Р.) (...) Это - рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности (...) существовало только небо. *Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование, была только лишь холодная вода*, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего. В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание. Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, *Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах (...) там они назывались Кукумац* (= Кецалькоатль. - И. Р. - Т. е. у киче сам Кецалькоатль имел «двойственную природу»). По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось *Солнце небес* [Хуракан. - И. Р. - Это не солнце в небе, а скорее некий предначальный свет за пределами мира] - *таково имя Бога* и так Он назывался. *Тогда пришло Его Слово*. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним (...) Тогда распределили они сотворение мира (...) Пусть это свершится! Да будет заполнена пустота!» [88, с. 9-11].

Между прочим, у ацтеков были и некие смутные представления о переселении душ, подобные финикийским. Они считали, что все те, кто умер естественной смертью, шли в Миктлан (место мертвых). И там через четыре года их души гибли и исчезали. Но избранники Тлалока могли через четыре

года вроде бы вернуться на землю в новом теле. «Это неясное обращение к своего рода “нагуасскому метемпсихозу”» [53, с. 222-224].

Ацтеки, тольтеки и киче - лишь наследники более древних цивилизаций ольмеков (на побережье Мексиканского залива) и науа (в районе Мехико) с их столицей - городом Теотиуакан. Образ крылатого или пернатого змея появляется уже у ольмеков [89, с. 231], хотя и не играет у них решающей роли. Их цивилизация существовала уже в VIII в. до н. э. [90, с. 70]. А вот в Теотиуакане на стенных рельефах и фресках расписных залов сюжеты мифа о Кецалькоатле преобладают. Этот город считают скорее городом торговцев и философов, чем воинов [86, с. 107, 110]. Он также возник где-то во второй половине I тыс. до н. э. и сначала находился под влиянием ольмеков. Выше уже упоминалось, что приход Кецалькоатля к индейским народам и возвращение его на восток мифы относят к эпохе ольмеков [52, с. 53], а появление культа Пернатого Змея в долине Мехико археологи датируют «среднеархаической» эпохой - т. е. именно IX-V веками до н. э. - эпохой плаваний финикийцев вокруг Африки. [51, с. 127].

Ю. В. Кнорозов дает свое объяснение возникновению образа Крылатого Змея. «С давних времен облака ассоциировались у предков майя со змеями, в первую очередь с удавом, по игре слов: «к'аш - к'аш» - «обволакивать (как удав) - заволакивать (небо облаками)... Уже во времена ольмеков возникла новая разновидность - крылатый или пернатый змей, т. е. соединение облачного змея с птицей» [89, с. 231]. Эта «игра слов» представляется, мягко говоря, неубедительной. Прочитываем еще раз Евсевия Памфила:

«Финикияне называют его [Змея] Добрым Божеством. Подобным образом и египтяне дали ему имя Книф. Они придали ему голову ястреба, вследствие энергии этой птицы. И

Эпей, названный ими величайшим толкователем таинств и иерограмматом (его перевел на греческий язык Арей Гераклеополит), иносказательно говорит дословно так об этом: *“первое, самое божественное - Змей, имеющий вид ястреба* (выделено мной. - И. Р.), весьма красивый. Всякий раз, как он открывает глаза, он наполняет все в своей первозданной стране светом, и наступал мрак, как только он их закрывал” (...). Впрочем и египтяне изображают мир на основании того же представления. Они чертят замкнутый воздухообразный и огневидный круг (см. выше о Боге в Библии. - И. Р.) с растянутым посередине Змеем в образе ястреба - Добрым Божеством, имеющим силу соединять (...) Первые стихии в форме змей они (финикийцы. - И. Р.) освятили в выстроенных ими храмах, и в честь их они справляли праздники, совершали жертвоприношения и оргии, так как считали их величайшими богами и управителями вселенной» [35, с. 44-45].

Вообще образ птицы у самых разных народов символизирует “верхний” мир, а змеи - “нижний” [91, с. 468-469]. Но их соединение в виде образа Пернатого Змея известно лишь, с одной стороны, у индейцев Мексики, а с другой - у финикийцев с египтянами и еще у греков (см. далее).

Правда, некие изображения Пернатой змеи встречаются еще и у даяков на острове Калимантан, но там она символизирует не единое божество, а именно соединение женского божества-змеи нижнего мира Джаты с небесным богом Махаталой [107].

К тому же следует отметить, что, по крайней мере, у финикийцев и ацтеков известен и «стандартный» образ «Мирового Древа» с птицей наверху и змеей внизу. Речь идет, в частности, о *легендах об основании Тира и Мехико (Теночтитлана)*. К сожалению, автору удалось найти лишь пересказы легенды об основании Мехико из третьих-четвертых

рук. Но все равно сходство обеих легенд настолько глубоко, что они заслуживают изложения в этой работе.

У Нонна (Dionisiaca XL, 428-534) легенда об основании Тира рассказана так: «Здесь некогда жили люди, которых Век (Эон), рожденный из одного с ними начала, одних видел сверстниками вечного мира. Это были - непорочное порождение небрачной почвы, самобытный образ которых тогда родился от невозделанного, незасеянного ила. (...) Однажды они спали у источников во время полуденного жара. Геракл явился им в призрачном человеческом образе и повелел этим “чадам земли” строить корабль и плыть на нем, пока не придут в “присужденное роком место”, где плавают в море две блуждающие неустойчивые скалы, которые природа наименовала Амвросиевыми (по-гречески “амврозия” - “пища богов”. - И. Р.). В них, в центре блуждающей по водам скалы, цветет имеющая свой корень ветвь маслины, современная им и соединенная с ними. На самой вершине ее увидите сидящего орла и искусно сделанную чашу (не к этой ли чаше восходят еще и корни легенды о Святом Граале? - И. Р.). От горящего дерева самозажженный огонь испускает дивные искры, их блеск обходит несгораемую маслину, а извилистый змей обвивает высокое растение, увеличивая удивление для глаз и ушей, так как и [змей не набрасывается на орла], и орел, схватив пресмыкающееся, не растерзывает его, и огонь, носясь по ветвям, не пожирает невредимого растения, но испускает дым среди него, как приятный блеск. Он не уничтожает клубков дракона и не касается перьев птицы. И чаша, вися неподвижно, не падает сверху, соскользнув с вершин, колеблемых ветром. Поймав премудрую птицу, высокопарящего орла, принесите ее в жертву Темногривому (Посейдону), а кровь его - в возлияние блуждающим в море столпам, Дию (Зевсу) и блаженным (богам). И неустойчивая скала перестанет блуждать по водам,

но сама собой привязанная к неподвижным основаниям, примкнет к несвязанной к ней скале. Вы построите город...» [35, с. 53-54].

«Как же был основан Теночтитлан? Однажды, как гласит легенда (это было в XII веке) мексиканцы увидели сидящую на дереве птицу, которая напевала “Тиуи, тиуи”. Толкование пения птицы дал мудрец Уитцитон. Он сообщил вождю Текпатцину, что боги повелевают людям их племени покинуть свои земли. После двухлетних странствий небольшое воинственное племя ацтеков-охотников достигло долины Ануак - “страны у воды”. Так ацтеки оказались в долине у озера Тескоко, где сейчас находится столица страны. Посреди озера они увидели остров и различили на нем орла, сидящего на кактусе напаль (опунции) и пожирающего змею. Великое предзнаменование! Один из верховных богов еще до похода приказал построить город на месте, где ацтеки увидят сидящего на кактусе орла, пожирающего змею» [92, с. 37]. «[После долгих странствий ацтеки] остановились, наконец, у юго-западных берегов главного озера, в 1325 году. Там они увидели на вершине колючего дерева, выходявшего из омываемой волнами трещины скалы, орла необыкновенной величины, с распростертыми крыльями обращенного к восходящему солнцу и державшего в когтях змею. Приняв это за вещий знак, указывавший на место их будущей столицы, они положили ей основание...» [93, с. 6].

При том, что основание обоих городов разделено временем не менее чем в три тысячи лет, обе легенды имеют очевидное типологическое сходство. Некий бог повелевает прародителям народа покинуть свои земли и искать новую родину, пока не увидят дерево на скале и на нем орла со змеей. Там они должны основать великий город. Причем это не просто скала, а остров. Плодоносное дерево («колючее дерево» опунция тоже

съедобна) растет между двумя частями скалы или в трещине скалы. При этом дерево, орел и змея озарены священным Светом (или восходящим солнцем). Это интригующее сходство не имеет очевидных пояснений. Возможно, ацтеки просто «переписали на себя» легенду об основании какого-либо из древнейших городов тольтеков, а на тех, в свою очередь, повлияли финикийцы. Можно предполагать, что в оригинале ацтекская легенда еще ближе по тексту к финикийской. Хотелось бы ознакомиться с этим ацтекским первоисточником.

Во всяком случае, имеются весьма серьезные аргументы в пользу духовного влияния финикийцев на индейцев Мексики. Выше уже были рассмотрены параллели между космогониями финикийцев и населяющего Западную Африку народа бамбара. Упоминалось и о влиянии на индийцев ближневосточной концепции Мирового Года, а также о происхождении индийских систем письменности от финикийского алфавита. Как видим, влияние финикийской культуры было поистине *всемирным*.

5. 6. О происхождении образа Сатаны

Одним из самых сильных интеллектуальных переживаний при написании этой книги было открытие того факта, что сравнение финикийских и греческих мифов с мифами индейцев Мексики с одной стороны и Библией с другой стороны позволяет прояснить один из самых загадочных вопросов истории религии - о происхождении образа *Сатаны*. Дело в том, что, в отличие от однозначно положительного образа Кецалькоатля, финикийский «Змей в обличье ястреба» мог восприниматься и как враг Бога: «Эпей намекнул также, что это существо огненное, в силу того, что о нем говорят, что оно «озарило». А «озарять» - свойство света. У финикийян и Ферекид позаимствовал эту тему и изложил свое учение о боге,

называемом им Офионом и об офионидах» [35, с. 44-45]. «Ферекид (...) рассказывает миф о том, что два войска противостоят друг другу, одним из которых командует Кронос, другим - Офионей, и повествует о вызовах и поединках между ними, и как они заключают договор: которые из них упадут в Оген (Океан? - И. Р.) - тем быть побежденными, а которые выпихнут и победят - тем владеть небом. Этот же смысл, по его словам, имеют и священные сказания о Титанах и Гигантах, объявляющих войну богам, и священные сказания египтян о Тифоне, Горе и Осирисе» [70, с. 88 (ДК 7 В. 4)].

Здесь следует обратить внимание, что наряду с прочим греки позаимствовали у финикийцев и образ «Пернатого Змея», который прочно вошел в древнегреческую мифологию. Но, как увидим далее, у греков он разделился на три ипостаси (может быть, три варианта одного и того же мифа) - под именами Офион, Фанес и Тифон.

Итак, согласно Ферекиду огненный Пернатый Змей **Офион** - сила, равная (!) Крону (Сатурну), предводителю титанов, который владел миром до Зевса. По словам Аполлония Родосского (ДК 1 В. 16), «Орфей пел о том, что земля, небо и море, прежде сплоченные между собой в едином образе, разделились под действием лютой вражды на отдельные существа (...) Он пел о том, что снежным Олимпом сначала владели Офион и Океанида Эвринома, и как он, побежденный силою рук, уступил [царскую] честь Крону, а она - Рее, и оба упали в воды Океана» [70, с. 43]. По книге Нонна (Dionis. 41, 351-362), в Финикии помещается «старец Офион, начертавший красными письменами судьбы мира» [35, с. 75]. А. Ф. Лосев называл Офиона и Эвриному «по всей очевидности змеевидными существами» Позднее Эвринома спасает Гефеста, сброшенного Зевсом с Олимпа [94, с. 464]. Но что еще интереснее: дочерьми ее и Зевса считались хариты (грации) -

«благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни» [65, т. 2, с. 583].

Здесь следует коснуться такой туманной темы, как эзотерическое учение *орфиков*. Большинство античных авторов приписывает авторство поэм (и в целом учения) Орфея афинянину Ономакриту, жившему при Писистратидах, т. е. в VI в. до н. э. Но и здесь не исключено финикийское влияние, как минимум опосредованное, через пифагорейцев: «Эпиген в сочинении “О поэзии, приписываемой Орфею” говорит, что “Нисхождение в Аид” и “Священное сказание” принадлежат Кекропу-пифагорейцу» [70, с. 37]. Весьма вероятно, что у орфиков Офиону тождественен *Фанес*.

Орфическая теогония в изложении Дамаския (“О началах”, 123: DK 1. В 54) такова: «Сначала были вода и ил, который затвердел в землю (...) Предшествующее двум единое начало [теогония] опускает как неизреченное, ибо уже само умолчание о нем указывает на его неизреченную природу. Третье начало, идущее после двух, родилось из них и являет собой *Змея с приросшими головами быка и льва, а посреди - лик Бога. На плечах у него крылья*, имя ему - Нестареющий Хронос [Время], он же Геракл (Очевидно, что «Геракл» здесь - не греческий герой, а финикийский *Мелькарт* - покровитель города Тира. - И. Р.). С ним соединена Ананке [Необходимость] - бестелесная, распростертая по всему космосу и касающаяся его границ. Под этим, я думаю, подразумевается третье субстанциональное начало, только он [орфический поэт] признал его мужеженским, чтобы указать на производящую природу всех вещей» [70, с. 61]. «Под Кроносом разумей время (хронос), под Реей - текучесть (реон) жидкой субстанции, так как движущаяся материя с течением времени породила, словно яйцо, объемлющее все вещи шарообразное небо (...) Внутри шара промышленiem содержащейся в нем Божественной пнеумы

формируется некое мужеженское живое существо, которое Орфей называет Фанесом, так как когда он явился (фанентос), то от него осветилась вся вселенная светом самого яркого элемента - огня, созревающего в жидкости» [70, с. 63 (ДК 1. В 56)] - Как видим, сходство с теогонией майя в «Пополь-Вух» - почти дословное.

Между прочим, и Зевс (как и другие боги Олимпа) согласно орфикам имел *злую змеиную* ипостась: «Перворожденный бог Фанес - ведь это он первым произошел из яйца - имеет тело или облик Змея и был проглочен Зевсом, чтобы Зевс стал неотделим от него (...) Геракл, по их [язычников] словам, бог, и при этом “Змей извивающийся” (...) Зевс преследовал свою мать Рею, запрещавшую вступить с ним в брак, а когда она стала Змеей, то и сам превратился в Змея и, связав ее так называемым Гераклеиским узлом, совокупился с ней - ведь жезл Гермеса символизирует форму совокупления - затем [он] совокупился со своей дочерью Ферсефоной, изнасиловав и ее в форме змея, от которой у него родился сын Дионис». Это пишет Афинагор в своем труде «В защиту христиан» (ДК 1. В 58). Он задает резонный вопрос: «Что святого или хорошего в этой истории, чтобы мы поверили, будто Крон, Зевс, Кора и другие - боги?». А далее он приводит цитату: «Орфей: Новое, жуткое Фанес на свет произвел поколение из священного чрева - ужасного вида Ехидну, коей власы с головы и лицо [девичье] прекрасным было на вид, а прочие части ужасного Змея [облик являли] от шеи» [70, с. 65].

Здесь следует подчеркнуть очевидный факт: и у греков, и у финикийцев представление о змеевидном облике высших богов было все-таки *маргинальным*. Скажем, у Санхунйатона какие-либо намеки на него полностью отсутствуют. Это - очевидный *реликт* куда более древнего круга идей, восходящего еще к эпохе Чатал-Хююка и Триполья с их культом змей. Высшие

боги античной эпохи, как греческие, так и финикийские - либо антропоморфны, либо (у философов, а также в иудейской религии) вообще не имеют видимого облика. И змеевидные боги гораздо чаще выступают именно как противники главных богов, т. е. как **чудовища**. И греческий Геракл, как известно, еще в колыбели задушил двух огромных змей, а затем участвовал в битве богов Олимпа со змееногими гигантами, и финикийский Мелькарт, «согласно поздней античной традиции, борется в Ливии с Тифоном (злым богом моря **Йамму**) и гибнет, но затем воскресает с помощью Июлая, который по представлениям жителей Тира и Карфагена был спутником Мелькарта» [65, т. 2, с. 135]. Такое изображение божества в борьбе со змеем встречается на монетах Тира [35, с. 75].

Так что грозное чудовище, самый страшный враг богов Олимпа (и, кстати, муж змеевидной Ехидны) **Тифон** - тоже Пернатый Змей, удивительно похожий на Фанеса: «Тифон - в греческой мифологии чудовищный сын земли Геи и Тартара (т. е. преисподней, ада, «нижнего мира». - И. Р.). (...) Тифон - дикое хтоническое тератоморфное божество: у него сотня драконьих голов, часть туловища до бедер - человеческая. Ниже бедер **вместо ног у Тифона - извивающиеся кольца змей. Тело покрыто перьями** (Курсив мой. - И. Р.). Он бородат и волосат (и крылат. - И. Р.). **Каждая из глоток** Тифона издает дикие голоса **быков, львов**, псов. Тифон мог бы стать владыкой мира, если бы Зевс не вступил с ним в борьбу: он испепелил Тифона молниями и забросил его в тартар. По другой версии мифа, победа далась Зевсу с огромным трудом: Тифон охватил Зевса кольцами змей, перерезал ему сухожилия, запер его в Корикийской пещере в Киликии, где Зевса стерегла драконица Дельфина. Но Гермес и Эгипан выкрали спрятанные в пещере сухожилия Зевса, вставили их ему, и он, обретя снова силу, стал преследовать Тифона. (...) Зевс навалил на Тифона огромную

гору Этна в Сицилии, откуда Тифон изрыгает пламя. Тифон и Ехидна породили многих чудовищ» (пса Кербера и др.) [95].

Итак, огненный Пернатый Змей может быть связан с преисподней и быть врагом богов. *При этой вражде* прослеживается и связь с водой (с морем - у Тифона-Йамму), и обладание высшей мудростью (знание «судеб мира» у Офиона), и участие в творении Вселенной.

Как видим, у Офиона-Фанеса-Тифона имеется много общих черт с Кецалькоатлем. Но не сохранилось прямых свидетельств их связи с *планетой Венера*. Если только не считать таким свидетельством намек на «светоносность» финикийского Змея: «Эпей намекнул также, что это существо огненное, в силу того, что о нем говорят, что оно “озарило”. А “озарять” - свойство света» [35, с. 44].

В то же время «Еще с теотиуаканских времен Венера связывалась с Кецалькоатлем (...) дело в том, что когда Венера опускалась в волнистые воды океана, ее изображение уподоблялось змее с блестящей чешуей и перьями: отсюда и ее (Венеры. - И. Р.) название Кецалькоатль» [53, 135-136]. Но это значит, что *Кецалькоатля можно отождествить с Люцифером*, имя которого значит «Светоносный».

С. С. Аверинцев пишет: «*Люцифер* (лат. Lucifer, «Утренняя звезда», т. е. планета Венера; слав. Денница), в христианской традиции одно из обозначений *Сатаны* как горделивого и бессильного подражателя тому свету, который составляет мистическую «славу» Божества. Оно восходит к ветхозаветному пророчеству о гибели Вавилона, в котором с исторически актуальными аспектами переплетаются эсхатологические мотивы, и царю Вавилона приданы черты языческого демона планеты Венера: «Как упал ты с неба, Денница, сын зари! Разбился о землю, попиравший народы. А говорил в сердце своем: “Взойду на небо, выше звезд Божьих вознесу престол

мой и сяду на горе в сонме богов, на краю севера; взойду на высоты облачные, буду подобен Всевышнему”. Но ты низвержен в ад, в глубины преисподней» (Исайя, 14, 12-15). Традиционная экзегеза относила эти слова к мятежу и падению Сатаны.

Такое “светлое” обозначение Сатаны не могло не быть парадоксальным (даже с учетом всей одиозности для христианства астральных культов), тем более что этот символ употреблялся в совершенно противоположном смысле. В новозаветных текстах Христос именуется самого: «Я есмь ... звезда светлая и утренняя» (Апок. 22, 16; ср. звезду из ветхозаветного пророчества Валаама, интерпретированную и иудейской, и христианской традицией как мессианский символ). Византийская церковная поэзия уподобляет и деву Марию «звезде, являющей солнце» (Акафист богородице, 6 или 7 в.)» [96, с. 84].

А в «Библейской энциклопедии» об этом сказано еще выразительнее: «В пророчестве Валаама - “восходит звезда от Иакова” (Числа 24: 17) под звездой понимается Мессия - *Христос*, называемый также в Откровении Иоанна “*светлою, утреннею звездой*” (22: 16), так как Он озарил землю светом евангельского дня и вполне открыл людям тайны царствия Божия» [97, с. 272]. Во 2-м послании апостола Петра (1: 19) говорится: «Мы имеем вернейшее пророческое слово; и вы хорошо делаете, что обращаетесь к нему, как к светильнику, сияющему в темном месте, доколе не начнет рассветать день и не взойдет утренняя звезда в сердцах ваших» [25].

Впрочем, если помнить, что Сатана - это изначально один из ангелов, то в Книге Иова (38: 7) есть слова, позволяющие понять парадоксальность имени «Люцифер». Там сказано, что Бог положил краеугольный камень земли, «при общем ликовании утренних звезд, когда все сыны Божии ликовали от

радости». Правда, там же говорится (1: 6): «И был день, когда пришли сыны Божии предстать перед Господом; между ними пришел и сатана», - с чего, собственно, и начались несчастья Иова. Т. е. Сатана может пребывать на небе, «пред лицом Бога» наравне с другими ангелами. И только лишь перед самым грядущим Страшным Судом его свергнут с небес. В Апокалипсисе сказано (12: 7-9, 12): «И произошла на небе война: Михаил и Ангелы его воевали против дракона, и дракон и ангелы его воевали против них, но не устояли, и не нашлось уже для них места на небе. И низвергнут был великий дракон, древний змий, называемый диаволом и сатаною, обольщающий всю вселенную, низвержен на землю, и ангелы его низвержены с ним. (...) Итак веселитесь, небеса и обитающие на них! Горе живущим на земле и на море, потому что к вам сошел диавол в сильной ярости, зная, что немного ему остается времени!» [25].

Итак, Сатана - Утренняя звезда, *древний крылатый Змей*, Светоносный, «князь мира сего», сын Божий, пребывающий на земле и на море, в преисподней и *на небе*... И Змий-искуситель, который был «хитрее всех зверей полевых» - просветитель людей, соблаздивший их в раю попробовать плоды дерева познания добра и зла: «Знает Бог, что в день, в который вы вкусите их, откроются глаза ваши, и вы будете, как боги, знающие добро и зло». Кстати, «отец лжи» в данном случае не обманул: «И сказал Господь Бог: вот, Адам стал как один из Нас, зная добро и зло; и теперь как бы не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни, и не вкусил, и не стал жить вечно. И выслал его Господь Бог из сада Эдемского, чтобы возделывать землю, из которой он взят» (Бытие, 3: 5, 22-23).

И в Библии сам образ змея мог трактоваться амбивалентно. Так, посох Моисея перед фараоном превращается в змея, а во время странствий по пустыне он по воле Бога «сделал медного змея» для защиты от укусов реальных змей. В Евангелии же от

Иоанна сказано (3: 14-15): «И как Моисей вознес змию в пустыне, так должно вознесу быть Сыну Человеческому, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную». И сам Христос говорит апостолам (Мф. 10: 16): «Вот, я посылаю вас, как овец среди волков: итак будьте мудры как змии, и просты, как голуби» [25].

Так что в общем виде образ Сатаны по своему происхождению тождественен другим «пернатым змеям» из Финикии, Греции и Мексики - Офиону, Фанесу, Тифону и Кецалькоатлю. Особенностью образа Сатаны в Библии является его “светоносность”, связь с планетой Венера и ряд других эпитетов, которые применяют и к Христу. Отождествление Сатаны со Змеем также имеет многочисленные аналогии в древних религиях Средиземноморья, где известна змеиная ипостась главного врага высшего бога либо самого этого высшего бога. В особенности это характерно для финикийцев (Офион).

Естественно, и финикийская, и греческая, и библейская мифологические системы в конечном счете имеют много общего практически со всеми другими мифологическими системами культурно развитых народов. И почти во всех них Змей - амбивалентный образ, связанный и с мудростью, и с угрозой [91]. Очень может быть, что такое отношение ко змеям - врожденное, т. е. представляет собой *архетип*. Здесь явной аномалией выглядит как раз восприятие в Мексике Кецалькоатля как самого доброго из богов: остальные их боги действительно были *еще более* жестокими и кровожадными.

Честно говоря, отвратительная религиозная практика майя и особенно ацтеков с их безумием массовых человеческих жертвоприношений более чем какая-либо другая религия мира подходит под определение «*сатанизм*». «Кецалькоатлю, несмотря на его доброту, также приносили человеческие

жертвы. (...) Однако ацтеки поклонялись прежде всего грозному богу войны Уицилопочтли. (...) Этот омерзительный бог, едва появившись на свет, запятнал себя кровью собственной семьи: он отрубил головы своим братьям и единственной сестре. Его мать, отвратительное существо с черепом мертвеца вместо головы и когтями ястреба вместо пальцев, вызывала у всех ужас. Человеческие жертвы ацтеки приносили следующим образом. Четыре жреца, размалеванные в черный цвет, в черных одеждах, хватали юношу за руки и ноги и бросали его на жертвенный камень. Пятый жрец, облаченный в пурпурные одеяния, острым кинжалом из обсидиана распарывал ему грудную клетку и рукой вырывал сердце, которое затем бросал к подножию статуи бога. У ацтеков существовало ритуальное людоедство: сердце поедали жрецы, а туловище, сброшенное со ступеней пирамиды, уносили домой члены аристократических родов и съедали его во время торжественных пиршеств. (...) В религии ацтеков существовал даже особый покровитель человеческих жертвоприношений - божок Хипе. В его честь жрецы сдирали кожу с живых юношей, которую натягивали на себя и носили в течение 20 дней. Даже сам король носил кожу, срезанную со стоп и ладоней. Верхом дикости представляется нам ритуал, связанный с культом бога огня. Жрецы раздевали догола военных пленников и, связав их, бросали в огонь. Не дожидаясь, пока они погибнут, вытаскивали их крючьями из пламени, клали себе на спину и исполняли ритуальный танец вокруг костра. Только после этого жрецы закалывали их на ритуальном камне. Религия ацтеков не щадила даже детей. Во время засухи жрецы убивали мальчиков и девочек, чтобы бог дождя смилостивился. Младенцев, купленных у нищих родителей, наряжали в праздничные одежды, украшали цветами и в колыбелях вносили в храм. Закончив ритуальные обряды, их

убивали ножами. Как только появлялись первые ростки кукурузы, детей умерщвляли по-иному: им отрезали головы, а тела хранили в горных пещерах как реликвии. (...) Точно неизвестно, сколько человеческих жертв приносилось ежегодно в государстве ацтеков. Ученые считают, что 20-30 тысяч» [98, с. 274-278].

Когда испанцы впервые осмотрели большой храм в центре Теночтитлана, все стены его были обрызганы кровью. Один из сподвижников Эрнандо Кортеса впоследствии писал: «Смрад был сильнее, чем на бойне в Кастилии». Спустившись по бесчисленным ступенькам вниз, испанцы обратили внимание на большое здание, стоявшее на холме. Войдя в него, они увидели, что оно до потолка заполнено аккуратно сложенными черепами: то были черепа бесчисленных жертв. Один из солдат принялся их считать и пришел к выводу, что их должно здесь быть по меньшей мере 136 тысяч» [99, с. 312].

Я прихожу в бешенство, когда читаю очередные бездарные писания о якобы «алчности, жестокости и вероломстве» завоевателя Мексики Эрнандо Кортеса. Это был *самый замечательный герой во всей истории человечества*. Любые оскорбления его памяти - это оскорбление не только мексиканской нации, которую он основал, но и всему лучшему в душе каждого жителя Земли. Вся жизнь и позднейшая геройская смерть (уже в Африке) этого благородного человека доказывают, что основным мотивом его подвигов была пылкая вера христианина. Вот заключительные слова его речи к воинам перед началом их беспримерного похода: «Нас немного, но мы сильны своей решимостью, и если она нам не изменит, то не сомневайтесь: Всевышний, который никогда еще не оставлял испанцев в их борьбе с язычниками, защитит вас, даже если вы будете окружены толпами врагов, ибо ваше дело - правое и вы

будете сражаться под знаком креста. Итак, смело вперед, не теряйте бодрости и веры!» [99, с. 304].

Но горстка испанцев не покорила бы ацтеков, если бы за них незримо не сражался белый бог Кецалькоатль: «Сохранились письменные источники, из которых неопровержимо следует, что вера в приход белого бога являлась одной из причин легкого завоевания ацтеков и перуанских инков. Эта вера лишила их воли к борьбе и повергла в уныние военный совет, возглавляемый Монтесумой» [98, с. 254]. Так финикийцы много веков спустя после своего открытия и “закрытия” Америки все же помогли сделать ее частью Запада. Так кровавый, лживо-добрый Кецалькоатль все же выполнил волю Бога.

Сравним: «Сатана противостоит Богу не на равных основаниях, не как божество или антибожество зла, но как падшее творение Бога и мятежный подданный Его державы, который только и может, что обращать против Бога силу, полученную от Него же, и против собственной воли в конечном счете содействовать выполнению Божьего замысла - “творить добро, всему желая зла”, как говорит Мефистофель в “Фаусте” И. В. Гете» [96, с. 412].

Исключительно характерно, что в энциклопедических статьях, посвященных Люциферу/Сатане, С. С. Аверинцев больше говорит о *сущности самого Бога*. Он даже находит в Библии противоречия между Ветхим и Новым Заветами в понимании сущности Бога: «Поскольку иудейский монотеизм в противоположность иранскому дуализму энергично настаивал на принципе “все от Яхве” (“Я образую свет и творю тьму, делаю мир и произвожу бедствия”, Ис. 45, 7), бытие Сатаны представляло для него проблему, в пределах иудаизма едва ли однозначно разрешенную. (...) Напротив, прямая полемика против любых попыток выявить корни зла в самом Боге звучит

в новозаветном тезисе: “Бог есть свет, и нет в Нем никакой тьмы” (Иаков 1, 5)» [96, с. 412]. Но Бог - это прежде всего Абсолютная Возможность, в том числе и возможность-для-нас тьмы и зла. Однако *в нашей действительности* Бог есть Свет. *Сотворить* тьму вовсе не значит *быть* тьмою. Так что на самом деле никакого противоречия тут нет.

Но дело еще и в том, что С. С. Аверинцев приводит неправильную цитату. В послании Иакова вообще нет таких слов. А в Евангелии от Иоанна (Иоан. 1, 1-5) сказано не совсем так: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог. Оно было в начале у Бога. Все через Него начало быть, и без Него ничто не начало быть, что начало быть. В Нем была жизнь, и жизнь была свет человеков; и свет во тьме светит, и тьма не объяла его». Как видим, смысл здесь в том, что Слово Бога - «свет *человеков*», Свет именно для людей.

Но у Иакова есть другие слова: «В искушении никто не говори: “Бог меня искушает”: потому что Бог не искушается злом и Сам не искушает никого, но каждый искушается, увлекаясь и обольщаясь собственной похотью (...) Всякое даяние доброе и всякий дар совершенный нисходят свыше, от Отца светов, у Которого нет изменения и ни тени перемены» (1, 13-17); «Итак покоритесь Богу; противостаньте диаволу, и убежит от вас» (4, 7). - В каждом человеке есть собственная тьма, но мы можем свободно противостоять ей и тем самым противостоять Сатане - внутри нашей собственной души.

Конечно, не всегда это удается. Так можно понять и еще более парадоксальное употребление слова «Сатана» в Новом Завете: «С того времени Иисус начал открывать ученикам Своим, что Ему должно идти в Иерусалим и много пострадать от старейшин и первосвященников и книжников, и быть убиту, и в третий день воскреснуть. И отозвав Его, Петр начал прекословить Ему: будь милостив к Себе, Господи! Да не будет

этого с Тобою! Он же обратившись сказал Петру: отойди от Меня, сатана! ты Мне соблазн, потому что не думаешь о том, что Божие, но что человеческое» (Матф. 16, 21-23). В Библии «называются иногда дьяволом и детым дьявола, так же как и сатаною, и люди, по злым качествам души их (Иоан. 6: 70, 8: 44, I Иоан. 3: 10)» [97, с. 193].

Самое главное слово для каждого из нас - то слово «Нет», которое мы говорим нашему внутреннему Сатане. Об этом прямо сказано, например, в Соборном послании апостола Иакова: «Блажен человек, который переносит искушение, быв испытан, он получит венец жизни, который обещал Господь любящим Его» (1. 12). Но в этом содержится и обоснование **необходимости Сатаны**: потомки созданного из праха Адама поднимаются к Богу только лишь благодаря своему личному выбору. То есть **сама материя учится** сопротивляться силам зла, лжи, тьмы и смерти (сейчас мы бы сказали: мировой энтропии) и тем самым совершенствуется. Ведь когда Адам и Ева в раю съели яблоко, то «открылись глаза у них, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания» (Быт. 3, 7). - Т. е. и в раю Адам и Ева узнали, что **мир не совершенен!** И послал их Бог из детского (райского) сада, чтобы люди шли вперед, и сказал Змею: «И вражду положу между тобою и между женою, и между семенем твоим и между семенем ее; оно будет поражать тебя в голову, а ты будешь жалить его в пятах» (Быт. 3, 15) - это и значит, что люди будут идти все дальше, а Сатане придется догонять их и жалить в пятах - чтобы не забывали совершенствоваться.

Здесь следует вспомнить еще и один момент уже из собственно индоевропейской традиции: греческое (?) слово «**ангел**» толкуют как ἀγγελοι «вестник», перевод еврейского mal'ak [178, с. 76]. Но дело в том, что еще в древнем общеиндоевропейском языке (из которого происходят и греческий, и

славянский, и индийские, и пр.) было слово *ang^{[h]o}i- ‘змея’, а также именной суффикс *-el- [179, с. 867, 218]. Иначе говоря, *Ang^[h]el по-индоевропейски значило *Змеиный*. Назовем это поразительным совпадением.

Монотеистические религии считают Сатану одним из высших ангелов, “восставших” против Бога. Однако в Библии нет прямых упоминаний об этом. Текст 3-ей главы Книги Бытия может быть интерпретирован совершенно иначе: Сатана лишь выполняет волю Бога. Его задача – обеспечить в качестве “спарринг-партнера” воспитание материи (“праха”) так, чтобы ее высшее проявление – люди – в итоге достигли в своем развитии уровня Бога – “стали как один из нас”.

Но *чтобы научить материю сопротивляться Злу, необходимо само Зло* как великий учитель (недаром существует украинская поговорка “Біда навчить!”). Без Зла (и без смерти) мир не может совершенствоваться. Это - не уровень Творца, да и не учить же ему сотворенное бороться с Творцом. Значит, нужен *помощник* - сын Божий, который стал бы Ангелом Зла. Но в нем естественно сохраняется часть божественного Света, да и высшая задача его существования - именно содействовать совершенствованию Природы. Так что Сатана - и помощник Творца, и Светоносный, но ему вовсе не стоит поклоняться или быть за что-то благодарным. *Для нас*, для каждого из людей он - Враг и само Зло. Но если верить в единого любящего нас Бога, то придется верить и в его злого «сына». И корни такого понимания следует искать именно в философии финикийцев, создавших первую в мире научную теологию.

6. Судьба и значение финикийской культуры

6. 1. Куда делась финикийская цивилизация

Почему же, если финикийская культура была столь великой, от нее так мало уцелело? И что случилось с ней потом, почему она не получила дальнейшего развития? На первый вопрос можно ответить вопросом: а много ли уцелело от самой древнегреческой культуры периода ее наивысшего рассвета? И по сей день исследователи выковыривают по крупинкам цитаты философов-досократиков из текстов позднейших авторов, пытаясь с большим или меньшим успехом реконструировать по этим обломкам сущность их концепций. Оригинальных текстов до нас не дошло, хотя их, в отличие от текстов на финикийском языке, было в принципе кому переписывать. И такие попытки реконструкции по обрывкам признаны вполне корректными. Почему бы не попытаться сделать то же и с финикийской культурой?

На второй вопрос: «Почему прекратилось поступательное движение финикийской культуры? - есть пять ответов: один общий и четыре конкретно-исторических. Общий - *«иссякла» стадильная флуктуация*, т. е. исчезли те передовые раннекапиталистические черты, которые сближали Финикию эпохи ее расцвета с современными обществами и были обусловлены ее местом в центре мира-экономики. А социальный регресс привел к регрессу культурному (так всегда бывает).

Конкретно же это выглядело так: Во-первых, с последней трети VIII века до н. э. финикийцы стали жертвой агрессии Ассирии, затем - Египта и Нововавилонского царства, затем персов, попадая каждый раз в политическую зависимость от этих *территориальных* государств. Во-вторых, именно с конца VIII века начинается Великая греческая колонизация, и

собственно Финикия постепенно утратила значение центра мира-экономики. В-третьих, западные финикийцы образовали Карфагенскую державу, которая стала на путь завоеваний и сама превратилась в территориальное (т. е. феодальное, землевладельческое по преимуществу) государство. (Совершенно зря поэтому историки оплакивают поражение Афин в Пелопоннесской войне: при том уровне технологии «победитель дракона» *обречен* был превратится в феодально-имперского дракона сам. Так что ход истории куда более справедлив, чем об этом обычно думают).

Наконец, четвертая (но не по значению!) причина заключается в том, что так же, как греки оказались восприимчивы к финикийской культуре, позднее финикийцы столь же легко стали перенимать достижения столь близкородственной им греческой культуры, уже опережавшей по развитию их собственную. Этот процесс начался уже в V веке до н. э. Так, Геродот писал (II, 104): «Все финикияне, которые общаются с Элладой, уже больше не обрезают своих детей». Или такой факт: «В самом начале IV века, после неурожая 397 года, пунийцы решили ввести у себя культ греческих земледельческих богинь Деметры и Коры и построили им за стенами Бирсы (цитадели Карфагена. - И. Р.) храм по греческому образцу» [30, с. 55].

При этом следует помнить, что даже еще в свою классическую эпоху греки далеко не во всем опережали финикийцев. В Персидской империи города Финикии наряду с Вавилоном продолжали играть роль главного торгового и финансового центра. В этот период особый интерес представляют, во-первых, рост национального самосознания и сплоченности финикийцев, а во-вторых, *единственная* в античной истории попытка создать настоящий представительский орган власти - некое подобие

национального парламента. «Важнейшие финикийские города объединились в федерацию. Центром этого объединения стал Триполи, основанный, по-видимому, как раз в персидское время. Сидон, Арвад и Тир сообща пользовались им как гаванью и местом промыслов и ремесел. [В федерации было учреждено] некое подобие парламента, который собирался ежегодно и куда каждый город федерации посылал по 100 представителей. В 350 г. до н. э., когда Артаксеркс III (358-338) при новой попытке подчинить Египет потерпел тяжелое поражение, «парламент» объявил Финикию независимой. Непосредственно за провозглашением последовал мятеж городского населения против персидских властей. На противодействие со стороны великого царя почти не рассчитывали. Но все же предусмотрительно принимали защитные меры: вербовали наемников, создавали запасы на складах и рубили кедры в царских лесных угодьях для постройки флота. И все-таки спустя несколько лет - не позднее 343 г. до н. э. - восстание было без труда подавлено. События, связанные с этим восстанием, покрыты мрачной тенью подлого предательства». Персы сразу же направили свою армию против Сидона - тогда важнейшего города Финикии. А Царь Сидона Тенн заранее вступил в сговор с Артаксерксом III: направил якобы на заседание федерации в Триполи 100 «народных депутатов» в сопровождении 500 воинов и завел их в засаду. А затем подкупленные с его участием греческие наемники открыли персам ворота Сидона. Его жители отчаянно сопротивлялись в руинах горящего города... Впрочем, сразу же после взятия Сидона великий царь приказал казнить Тенна - персы не уважали предателей. [105, с. 146]. Но опыт создания федеративного парламента на этом прервался.

Правда, К.-Х. Бернхардт почему-то считал его устроенным «по греческому образцу». Но ведь греки (как и римляне!) так

никогда и не открыли принципа *представительской* демократии: и в Афинском морском, и в Беотийском, и даже в позднейших Ахейском и Этолийском союзах правом участия в народном собрании обладали *все* полноправные граждане союза.

«В IV веке, еще до похода Александра Македонского, наблюдается интересная переориентация финикийян, их стремление заручиться союзом с греками. Так, сидонский царь Стратон оказал помощь афинским послам в их поездке ко дворцу персидского царя. Именно об этом Стратоне рассказывают как о друге эллинов, введившем греческий образ жизни и даже сменившем свое финикийское имя на греческое. Любезность не осталась незамеченной: афинские власти приняли почетный декрет в честь Стратона и даже освободили селившихся в Афинах выходцев из Сидона от уплаты поборов, обычно взимаемых с метеков-поселенцев, не имевших гражданских прав... Уже в первой половине IV века до н. э. в Афинах существовала колония сидонян... (Вообще финикийские общины существовали во многих греческих городах, в том числе и позднее, в эллинскую и римскую эпохи)... В эллинскую эпоху финикийяне перенимали греческие имена, составляли на греческом языке важные деловые и административные документы, а также литературные произведения... Греческий образ жизни все глубже и глубже проникал в их быт. Сидоняне, официально признанные эллинами, даже принимали участие в общегреческих Немейских играх» [20, с. 50, 52]. «Мы знаем, что памятники и дворцы Карфагена украшали работы самых известных греческих мастеров» [133, с. 135].

И, как уже сказано, целая плеяда финикийцев обогатила своим творчеством греческую философию. Собственная высокая культура делала их способными восхищаться

достижениями культуры греческой, а это порождало желание к ней присоединиться: «В отношении Зенона [Китийского] совершенно ясно и многими воспето одно - то, что «Апология Сократа» привела его из Финикии в Расписной Портик [Стою в Афинах; от нее и произошло название “стоики”. - И. Р.]» [84, с. 7 (SVF 9)].

Особенно усилилась эллинизация Финикии во II в. до н. э., когда страна непрерывно находилась в составе обширного эллинистического царства Селевкидов. «Антиох IV (175-164) открыл границы греческим колонистам и содействовал развитию городской культуры по греческому образцу. В духе эллинских обычаев проходили культовые праздники. Так, раз в пять лет, когда при Антиохе устраивались в Тире игры, посвященные Гераклу, они были связаны со спортивными состязаниями. (...) Политика эллинизации, проводимая Антиохом IV, не вызывала сопротивления в финикийских городах. Греческая культура имела здесь уже с персидского времени растущее влияние. И, конечно, не случайно с начала I в. до н. э. финикийский язык и письменность исчезают из надписей на территории собственно Финикии. Только в двуязычных легендах на монетах этот язык сохранился еще в I в. до н. э. Значительно дольше жил его пунический диалект в римской провинции Карфаген. Соответственно и древние финикийские традиции в культуре и религии также намного пережили закат Карфагена и его торговой гегемонии, тогда как эллинизированные города Финикии ожидал новый подъем под властью Рима» [105, с. 158].

На западе же Средиземноморья подобные процессы происходили в связи с добровольным принятием финикийцами римской культуры и латинского языка. Особенно показателен здесь как раз пример самого западного бастиона финикийцев - *Гадира*. По словам Страбона (III, 5, 3), Гадес в I в. до н. э.

уступал по численности населения только Риму [79, с. 43]. «Издревле знаменитый Гадес, родной брат Карфагена, ныне Кадикс, был первым чужеземным городом вне Италии, получившим римское право и усвоившим римский язык... При имущественных переписях, производившихся в правление Августа, ни в одной городской общине с римским гражданским правом, за исключением Патавия, не оказалось такого количества богатых людей, как в испанском Гадесе, оптовые торговцы которого разъезжали по всему миру. Этому способствовала утонченная роскошь быта; гадитанские арии были так же хорошо знакомы римским франтам, как и песни египетской Александрии, а туземные танцовщицы с кастаньетами славились повсюду» [106, с. 52, 57]. Марциал в своих эпиграммах (V. 78) упоминает «гадесских девчонок непристойных, что, похабными бедрами виляя, похотливо трясут их ловкою дрожью» [128, с. 163].

Впрочем, в бывших владениях Карфагена на территории нынешнего Туниса дело обстояло иначе, чем в Испании: «Хотя в Северной Африке начали очень энергично внедряться латинский язык и римская культура, старинные западнофиникийские города, как, например, Большой Лептис, даже в своей официальной документации продолжали пользоваться финикийским языком. Даже на самой грани средневековья сельские жители Северной Африки считали себя финикийцами и разговаривали только на этом языке. Известны случаи, когда выходцы из этих районов совершенно не владели латынью. Вероятно, только после арабского завоевания Северной Африки и распространения там языка новых завоевателей, близкого к финикийскому, последний был окончательно вытеснен» [30, 78-79]. Но уже задолго до этого финикийский язык скатился на позиции маргинального крестьянского наречия, а языком власти и культуры стала

латынь: «В Северной Африке со II в. до н. э. финикийское письмо приобрело характер курсива (неопунийское письмо) и исчезло, видимо, в III-IV вв. н. э.» [40, с. 16].

Характерно, что самой поздней финикийской надписью, «если не считать некоторых новопунических, считается декрет сидонской общины в Афинах, датированный 96 г. до н. э.» [78, с. 270]. К концу I в. до н. э. с упадком царства Селевкидов города Финикии наряду с Иудеей вернули себе независимость. В 126 г. ее получил Тир, в 111 (?) - Сидон, и в 81 (?) - Берит. Но в отличие от евреев финикийцы и не подумали отказываться от греческой культуры. Она стала для них *родной*. Иначе говоря, *собственно Финикия уже в I веке до н. э. стала частью Греции*. В 63 г. до н. э. во время похода Помпея города Финикии добровольно признали верховную власть Рима.

И в эпоху эллинизма, и позднее Финикия оставалась одним из самых развитых и процветающих районов земного шара, даже тогда, когда античная цивилизация вроде бы переживала глубокий упадок. Об этом ярко свидетельствует, например, географический трактат середины IV в. н. э. В нем сразу после столицы Сирии Антиохии автор начинает перечислять «другие города, как, например, Тир; ведя оживленную торговлю всеми товарами, он удивительно процветает (пожалуй, ни один из городов Востока не имеет такой бойкой торговли) и населен людьми богатыми и влиятельными. Первое место после Тира принадлежит Бериту, городу преисполненному всяческой приятности и обладающему юридической школой, которая направляет римское судопроизводство. Ведь к должностным лицам повсюду приставлены ученые из беритской школы (...). Производством полотна занимаются Скифополь, Лаодикея, Библ, Тир и Берит, которые снабжают им весь мир и процветают во всяческом изобилии (...). Подобно Антиохии, славятся своим цирком Лаодикея, Тир, Берит и Кесария, Только

Лаодикея дарит все города отличными возницами, Тир и Берит - актерами, Кесария - танцовщиками, жители Гелиополя - певцами, ибо музы с горы Ливан вдохнули в них божественное сладкоголосие (...). Все эти города занимаются торговлей и населены людьми, выдающимися всем: красноречием, энергией и нравом» [100, с. 280-281, 288].

Кстати, в том же Сидоне предположительно в I веке до н. э. было изобретено и дутье стекла [18, с. 829], на основе технологии которого уже тогда были созданы *стеклянные бутылки* и *оконное стекло*. Это производство процветало в Сидоне и в средние века. «Дочерью сидонского стекольного дела была знаменитая венецианская мануфактура. Ее расцвет повлек за собой упадок производства стекла в самой Финикии. И все же сидонское и тирское стекло еще и в пору крестовых походов пользовалось самым широким спросом» [105, с. 95].

Все это легко объяснимо, если вспомнить, что с 27 г. до н. э. для Ливана началась длительная эпоха мира. Во время войн Римской империи с Иудеей, Парфией, Сасанидами и Пальмирой Финикия неизменно оставалась в тылу. Только в 614 г. н. э., когда Сасанид Хосров II, разрушая все на своем пути, вторгся в Сирию и Палестину, эпоха *раха гомана* (римского мира) для Ливана окончилась. Мирное развитие в римское время способствовало новому расцвету хозяйства Финикии, несмотря на конкуренцию со стороны других центров торговли и ремесла. Горные области и земли на границе со степью, до той поры почти не имевшие постоянных жителей, превратились за сравнительно короткий срок в цветущие культурные ландшафты. Рядом с сельскими хижинами возникали виллы богатых горожан, где они в благодатном климате проводили жаркое лето. Они понемногу занимались сельским хозяйством, в основном плодоводством, и жили в веселом общении с соседями. Здесь имелись бани и другие удобства. Благодаря

системе добротных дорог улучшилось сообщение. Мрачная теснота древневосточных городов теперь расступилась. Внешняя безопасность города не зависела больше только от его стен и башен. Развалины огромных общественных зданий являются для нас сегодня ярким свидетельством процветания Финикии под эгидой Рима. Так, в Тире был построен большой театр и ипподром исключительных размеров - 480 м в длину и 92 м в ширину. Небывалого подъема достиг Берит, куда при Августе была выведена колония римских ветеранов [105, с. 163-175].

В полной мере возродилась и великая финикийская торговля. «В Риме и италийских гаванях крупные финикийские торговцы открывали свои конторы. В столице возник внушительный финикийский квартал, остатки которого еще и сегодня можно увидеть на Кампанской дороге. Значительные финикийские поселения были в Неаполе и Мизенах, а наиболее крупные - в больших гаванях - Остии и Путеолах (ныне Пуццуоли в Неаполитанском заливе). Сохранилось распоряжение сената города Тира от 174 г. н. э. о ежегодном предоставлении 10 тыс. денариев в качестве платы за аренду торговых, складских и других помещений в Путеолах. Если Рим и Средняя Италия стали центром новой экономической экспансии Финикии, то сеть ее торговых факторий простиралась по всей империи. Не только купцы, но и ремесленники, а вместе с ними и представители «сферы услуг» искали возможность обогатиться в отдаленных краях Римской державы, как некогда в финикийских колониях (и потому не испытывали никакой потребности колонизировать Америку. - И. Р.). С ростом экономической экспансии финикийских городов усиливалось и их культурное влияние. Оно достигло апогея в годы правления сирийско-ливанской династии Северов» [105, с. 163-164].

Вообще *выходцы из Финикии - эллинизированное население семитского происхождения* - продолжало составлять заметную прослойку населения греческих городов Средиземноморья и в позднейшую эпоху. Честно говоря, они очень напоминали современных секуляризированных евреев-космополитов. Еврейская (иудейская) диаспора в этих же городах, будучи обособлена в религиозном отношении, была очень близка к финикийской социально и культурно, в частности, тоже переходила на греческий язык и, без сомнения, смешивалась с нею. Вообще в I веке н. э. в молитвенных собраниях в синагогах таких городов широкое участие принимали и неиудеи. Именно в этой эллинизированной семитской (т. е. финикийской по происхождению) торгово-ремесленной среде получили первоначальную поддержку идеи *христианства* [101, с. 76-78].

6. 2. Финикийцы и христианство

Христианство с самого момента своего возникновения было греческим, «античным» (т. е. *финикийским по духу*), в большей степени, чем иудейским. И дело далеко не только в греческом языке Нового Завета. *Поразительно* отношение к античной культуре как целостности, например, «апостола язычников» Павла (Деян. 17, 21-28): «Афиняне же и все живущие у них иностранцы ни в чем охотнее не проводили время, как в том, чтобы говорить или слушать что-нибудь новое. И, став Павел среди ареопага, сказал: Афиняне! По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны; ибо проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «неведомому Богу». Сего-то, Которого вы не зная, чтите, я проповедую вам: ... От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенное время и пределы их обитанию, дабы они

искали Бога, не ощутят ли Его, и не найдут ли, хотя Он и не далеко от каждого из нас. Ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: «мы Его и род» [25]. *Ни о каком другом* городе, кроме Афин, в Библии *так* не говорится. Получается, что афиняне еще до появления Христа чтили истинного Бога и были «Его родом»...

Вообще следует отметить, что как Ветхий Завет был до определенной степени плодом раннекапиталистического общества Финикии, так и в еще большей степени *христианство возникло в условиях небывалого социального и культурного подъема* ранней Римской империи - именно подъема! В Римской империи её “золотого века”, в эпоху Антонинов, особенно в конце I-го - первой половине II вв. н. э. прежде всего потрясают многие современные черты быта: “Отличительной чертой городов эпохи I - III вв. были каменные мостовые, водопроводы, канализация. В самом Риме работали одиннадцать водопроводов, дававших 950000 куб. литров воды ежедневно... В северных провинциях многие дома имели отопление. Из печей горячий воздух направлялся под полом различных помещений и создавал в них теплую атмосферу... В Риме, Эфесе, Александрии строились дома в несколько этажей (до шести), сдававшиеся в наем по квартирам и комнатам. Столицу империи и другие большие города украшали великолепные крупные здания - храмы, дворцы, базилики (тогда - здания судов и торговых бирж), портики для прогулок, а также различного вида здания для общественных развлечений, театры, амфитеатры, цирки. В Риме, а также во многих больших городах провинций строились роскошные здания терм (общественных бань), в которых были бассейны с теплой и холодной водой для купания, гимнастические залы, комнаты отдыха... Во II в. н. э. в Империи было 372 мощенные камнем дороги общим протяжением около 80000 км, действовала

регулярная почта” [102, с. 357-359]. Римляне широко применяли при строительстве бетон, технология производства которого будет возрождена в Западной Европе лишь в 18 веке [37, с. 280].

“Часто, ссылаясь на развитие торговли, императорский Рим считают чуть ли не капиталистическим... Корабли, снабженные тремя мачтами и парусами, тоннажем до 500 тонн и вмещавшие до 600 пассажиров, были соизмеримы с судами 17-го и даже начала 18-го века. Путешествия совершались довольно быстро (например, из Италии в Египет - за 7 дней). В гаванях имелись склады для товаров, здания администрации порта, помещения коллегий торговцев и работников порта, базилики, где заключались сделки, трактиры, гостиницы. Некоторые гавани имели много причалов для стоянки судов; погрузка и разгрузка производились машинами... На Рейне преобладали однотипные виллы ветеранов с домами в два этажа, с башней, баней, погребом, застекленными окнами, портиками” [29, с. 572-573, 576]. На золотых рудниках в Испании римляне строили сложные инженерные сооружения для обрушивания и промывки горных пород. Плиний Старший сообщает, что в его время только провинции Астурия, Галисия и Лузитания давали свыше 6,5 тонн золота в год. Это весьма значительное количество даже по нынешним понятиям. Общая масса породы, переработанной в ходе добычи, оценивается специалистами в сотни миллионов тонн. Подобные масштабы работ в золотодобывающей промышленности были вновь достигнуты лишь в 19-м веке [103, с. 65-66].

“Галльские вина, испанское оливковое масло успешно конкурировали с лучшими итальянскими и греческими сортами. Насколько обширным был размах оливководства и виноградарства в западных провинциях, показывают археологические данные. Маслодавильни, найденные в Северной Африке, занимают площади в несколько сот

квадратных метров, на рельефах из Галлии запечатлена перевозка вина в огромных деревянных бочках. Совершенствуется земледелие. Вводятся новые сорта зерновых и кормовых, распространяется культура пшеницы, осваиваются новые виды удобрений, в частности, в Галлии широко использовались минеральные удобрения. Совершенствуется сельскохозяйственная техника: именно на просторах галльских латифундий получила применение довольно совершенная галльская жнейка; был изобретён первый колёсный плуг. Для помола зерна начали применять водяные мельницы... Рост городов и городского населения в самих провинциях, возможность вывоза сельскохозяйственных продуктов в Италию и другие области Империи способствовали проникновению в провинциальное сельское хозяйство товарного производства и рациональных приёмов земледелия... Свободное крестьянство никогда не исчезало даже в Италии, стране наибольшего развития рабовладельческих отношений, а в западных, дунайских и африканских провинциях роль свободного крестьянства была довольно высока... Для II в. н. э. характерно широкое развитие арендных отношений... Роль свободного труда в римском ремесле была большей, чем в сельском хозяйстве... Никогда ещё торговые сношения многочисленных народов Средиземноморья не достигали такой степени интенсивности и размаха, как в эпоху Антонинов... Для II века н.э. характерен особый подъём провинциального ремесла... Если в предшествующее время основным предприятием была ремесленная мастерская в 10-20 рабочих единиц, то во II веке н. э. её размеры увеличиваются до нескольких десятков рабочих единиц... Развитие ремесла во всех провинциях Римской империи привело к повышению удельного веса ремесленников в социальной жизни римского общества... Значительная часть ремесленных мастерских и

лавок в римских городах II в. н. э. принадлежала вольноотпущенникам (выпущенным на свободу рабам) или их потомкам. Эти трудолюбивые и бережливые люди, обязанные достигнутым положением своему труду, обеспечили развитие римского ремесла. Дошедшие до нас надгробные памятники на их скромных могилах носят надписи, где трогательно прославляются профессии гончаров, сукновалов или кожевников...

Во II веке н. э. рабы рассматривались не как личная собственность господина, а как подданные государства, на которых распространяется не только власть их господ, но и римского правительства... Император Антонин Пий приравнял убийство господином своего раба к убийству чужестранца и предоставил рабам, в случае жестокого обращения, право искать убежища перед статуями императоров... В римском праве распространяется взгляд, согласно которому свобода человека объявляется "естественным" состоянием, свойственным человеку как таковому, а следовательно, и рабу" [102, с. 330-350].

Новый Завет потому до сих пор так созвучен современности, что он создавался в условиях общества со многими современными чертами. Так, к раннему периоду развития христианства относится довольно часто встречающееся у христианских писателей речение «Будьте опытными менялами» как предостережение против ложных пророков. По социальному происхождению ранние христиане были почти исключительно горожанами, в основном из трудовых слоев. Поразительным фактом, противоречащим самой *сути* ментальности Старого Порядка (почему-то на это не обращают внимание исследователи) было отсутствие у ранних христиан каких-либо следов *внутренней иерархии*. Они называли свои собрания *экклесиями* - это политический термин,

который в греческих городах означал «народное собрание» - когда-то (например, в Афинах при Перикле) главный орган полисного самоуправления. Недаром Иисус провозгласил: «Вы знаете, что почитающиеся князьями народов господствуют над ними, и вельможи их властвуют ими. Но между вами да не будет так: а кто хочет быть большим между вами, да будет вам слугою» (Мк. 10: 42-43). Во втором послании к фессалоникцам (снова Греция!) апостол Павел провозглашает свое знаменитое правило для христиан: «Если кто не хочет трудиться, тот и не ешь!» [101, с. 215, 85, 101-104].

В зарождении и последующем распространении христианства огромную роль сыграла и собственно Финикия: «Жителей Тира, несмотря на все их нравственные недуги, Господь Иисус Христос находил более способными к восприятию христианства, чем некоторых из иудеев. “Если бы в Тире и Сидоне явлены были силы, явленные в вас, то давно бы они во вретище и пепле покаялись. Но говорю вам, Тиру и Сидону отраднее будет в день суда, нежели вам” (Мф. 11: 21-22, Лк. 10: 13-14). Во время земной жизни Господа многие из приморских мест Тира и Сидона приходили к Господу Иисусу слушать Его учение и для исцеления от своих болезней (Мк. 3: 8), Лк. 6: 17). В странах Тирских и Сидонских Он исцелил некогда бесноватую дочь одной сирофиникиянки, которая, несмотря на то что была язычницей, имела великую веру в Него, как Спасителя» [97, с. 612]. «Финикияне были **единственным** языческим народом, удостоившимся непосредственно слушать проповедь Спасителя (Ев. Луки VI, 17) и видеть Его в своих пределах (Мрк. VII, 26; Мф. XV, 21).

После убиения первомученика Стефана Финикия была ближайшей страной, куда направились «рассеявшиеся» проповедники христианства (Деян. XI, 19). Апостол Павел во время своего третьего путешествия нашел в Тире уже целую

«церковь», с которой он провел неделю. Во II веке уже встречаются тирские епископы, которые, между прочим, принимали видное участие в решении пасхального вопроса. В 334 г. в Тире был арианский собор; сидонский епископ участвовал в первом Вселенском соборе. Финикийские города дали немало мучеников во время гонений Диоклетиана, Галерия и Максимиана» [78, с. 258]. «Полагают, что в базилике Тира был похоронен крупный александрийский теолог Ориген (185-254). Согласно древним источникам, эфиопская церковь была основана двумя молодыми гражданами Тира, Фрументием и Эдесием... Из значительных теологов древней христианской церкви следует особо упомянуть Памфила, финикийца по происхождению, который был учеником Оригена и учителем Евсевия. Выходец из богатой беритской семьи, он погиб в 309 г., в период последних гонений на христиан, начавшихся с 303 г. Его судьба постигла также многих учеников и учителей императорской правовой школы в Берите, которая к концу III в. была подвержена сильному влиянию христианства» [105, с. 200-201].

С Финикией связаны двое знаменитых раннехристианских святых. Во-первых, это святая Варвара, которая будто бы отличалась редкой красотой и, как гласит предание, приняла мученическую смерть в Гелиополе (Баальбеке). Во-вторых, это тот самый знаменитый *святый Георгий-Победоносец*, особо почитаемый в Англии, России и Грузии. «По преданию, этот коренной палестинец, будучи высокопоставленным военачальником, приняв христианство, умер смертью мученика 23 апреля 303 г. н. э. Его имя особенно тесно связано с Бейрутом благодаря бытующей здесь легенде о чудесном убиении Георгием опасного дракона» [105, с. 202-203].

Справедливости ради следует отметить, что отправление языческого культа в знаменитом храме Гелиополя (Баальбека) в

долине Бекаа продолжалось до 554 г., когда крыша храма Юпитера сгорела от удара молнии. Известный финикийский философ-неоплатоник Порфирий (Малх) был самым убедительным критиком христианства. Императору Тиберию II еще в 579 г. приходилось посылать войско на подавление в Гелиополе восстания приверженцев древних богов. А через 55 лет страну захватили арабы-мусульмане... [105, с. 206].

Европейская цивилизация продолжала оказывать огромное влияние на Ливан и *позднее*. И сегодня это наиболее близкая по духу Европе страна Ближнего Востока, *наполовину христианская*, наиболее культурная страна арабского мира, в котором Бейрут продолжает играть роль главного торгово-финансового центра.

6.3. «Египет – родина мудрости»

Необходимо объяснить тот очевидный факт, что не только греки, но, и по-видимому, *сами финикийцы истоки своей мудрости упорно искали в Египте*. За таким самоуничижением должна была стоять некая сакрализованная традиция. И это при том, что в целом известная нам финикийская религия достаточно резко отличалась от египетской. В связи с этим заслуживают внимания слова переводчика Санхунйатона Филона из Библи: «Наиболее древние из варваров, особенно Финикияне и Египтяне, от которых заимствовали и прочие люди, считали величайшими богами тех, которые изобрели что-нибудь необходимое для жизни...». Так становится понятным и заявление Филона о том, что Санхунйатон «очень усердно изучил сочинения Таавта (Тота), зная, что из всех живущих под солнцем Таавт был первым, придумавшим изобретение письмен и начавшим вести записи; от него (исходит он), опираясь в своей книге, как на фундамент, на того, кого египтяне называли Θώϑθ,

александрийцы – Θώθ (Тот), а греки - Гермесом» [35, с. 35, 34]. О связи Санхунйатона с «герметической» традицией уже был повод поговорить. Здесь же главное для нас – это именно духовная связь Санхунйатона с Египтом. «О Санхунйатоне Свида пишет: "Санхонйатон, тирский философ, живший около времени Троянской войны. "О физиологии Гермеса" – переведена, "Родина Тирян" – на финикийском наречии, "Египетское богословие" и др.» [Цит. по: 35, с. 7]. Как видим, в античной традиции Санхунйатона прямо называют автором книги *«Египетское богословие»*.

В главе 5.3 уже было обращено внимание на собственное имя Санхунйатона. Поговорим об этом подробнее. Имя содержит в себе слово -Атон. Здесь есть прямая аналогия с другими семитскими именами, содержащими имена богов, т. е. заканчивающимися на -Бал (Ваал), -Ил и т. д. Относительно же первой части этого имени «санхун-» лично я могу лишь выразить дилетантскую гипотезу. В иврите имеется корень « שׁחן » - «сан» (точнее, שׁחן - «саан») – «шуметь», «взбудораживать». Слово с алефом в середине, явно имеет некий торжественный оттенок: что-то вроде «восшуметь», «возгреметь». Возможно, первая часть имени Санхунйатона представляет собой некую глагольную или отглагольную форму от этого корня: частица «-он» («-хон»?) может указывать на некую завершенность или даже истинность действия (тут хотелось бы поблагодарить за ценную консультацию Михаила Шильмана, преподавателя кафедры теоретической и практической философии Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина). Получается что-то вроде «(Истину) возгремел (мне) Атон». Кроме того, слово «санхедрин» значит собрание еврейских старейшин: в евангелиях он назван «синедрион». Впрочем, пусть лучше с этим разбираются специалисты-филологи. Но можно достаточно уверенно предположить, что *в имени*

Санхунйатона содержится связь с богом Атоном. Во всяком случае, ничто не препятствует такой гипотезе.

Почему-то предыдущим исследователям это не приходило в голову. Б. А. Тураев приводит такую версию значения имени Санхунйатона: «В настоящее время всеми принято производство Нельдеке и Euting'a (Punische Steine. Nadr. 8) – ש'כנייתן Sakkunjatón = "бог Саккун даровал". Такое имя найдено на одной гадруметской стеле, а в недавнее время и в самой Финикии оно прочтено в одной надписи из Умм-ел-Авâмûда» [35, с. 27]. Честно говоря, нам эта «всеми принятая» этимология представляется прямо невозможной.

Прежде всего следует отметить, что имя Санхунйатона известно **только** в греческих транскрипциях. Об этом пишет сам Б. Тураев: «О Санхунйатоне Свиды пишет: "Санхонйатон, тирский философ, живший около времени Троянской войны. "О физиологии Гермеса" – переведена, "Родина Тирян" – на финикийском наречии, "Египетское богословие" и др.". Эти свидетельства не стоят одиноко. Так, Афиней (III, 37) говорит об авторах "Финикийских историй" Суниайтоне (Σουνιαίθων) и Мохе; Феодорит (Serm. II) ссылается на "Санхунйатона Беритянина, который написал "Финикийское богословие"» [35, с. 7]. – Итак, имя Санхунйатона дошло до нас в **трех** транскрипциях: Санхунйатон (Санхуниатон, Сангуниатон), Санхонйатон и Сунийатон: Σαυχωνιάθων, Σαυχουνιάθων и Σουνιαίθων. Безусловно, греки не слишком заботились о точности семитских транскрипций. Но **крайне** маловероятно, чтобы они Саккунйатона записали как Санхонйатона. Тем более, что ש'כנייתן (якобы Sakkunjatón) куда естественнее читать как Шаккунйатон: еврейский ש (шин) – предок буквы “ш” и обычно так и звучал; известен единственный древнесемитский бог с похожим именем - аккадский бог гор, диких зверей и скота Шаккан [65, т. 2, с. 475]. Греческой же сигме σ (Σ) в

имени «Санхунйатон» обычно соответствовал еврейский самех ם: по сути та же буква, если учесть, что евреи в отличие от греков писали справа налево. Филон Библский был носителем семитского языка и очевидно должен был это учитывать.

На Пиренейском полуострове найдена надпись VIII в. до н. э. – посвящение на статуэтке обнаженной богини Астарты. Эту фигурку посвятили богине любви «братья Баалиатон и Абдубаал, сыновья Дамелка, жрецы оракула» [79, с. 78]. Очевидно, что этот Баалиатон (*Баалйатон*) лично не был приверженцем монотеизма. Но его имя наглядно показывает, что имя Санхуйатона не было каким-то исключением. В финикийском пантеоне было много местных баалов – «владык», например Баал Цидон («владыка Сидона») или Баалат Гебал («владычица Библа») [79, с. 72]. Так что имя «Баалиатон» вполне можно перевести как «владыка (мой) Атон».

Вообще бог Атон был прекрасно известен в Финикии, поскольку эта страна несколько веков входила в состав великой древнеегипетской державы Нового царства. А в Египте с этим именем связана поразительная попытка религиозной реформы фараона Эхнатона (мужа прекрасной Нефертити и отца Тутанхамона). «На шестом году своего царствования (1419 - ок. 1400 до н. э.) Аменхотеп IV объявил Атона единым Богом всего Египта, запретив поклонение другим богам (и изменив свое имя Аменхотеп – «Амон доволен» на *Эхнатон* - «Угодный Атону» или «Полезный Атону»). (..) Атон изображался в виде солнечного диска с лучами, на концах которых помещались руки, держащие знак жизни «анх» (как символ того, что жизнь людям, животным и растениям дана Атоном). Атону в этот период присущи полупантеистические черты: он, считалось, присутствует во всей природе, в каждом предмете и живом существе. После смерти Эхнатона почитание Атона как единого бога Египта прекратилось» [65, т. 1, с. 122].

Одной из проблем египтологии является реальное звучание египетских имен. В том числе ставят под сомнение и звучание «Атон», который писался звуковыми знаками «*йтн*»: «Атон – традиционное в науке обозначение этого бога, но оно основано лишь на созвучии с именем бога Амона. Условное египтологическое произношение имени должно быть “Итен”, а древнее было, видимо, “Йати”» [142, с. 249]. Ю. Я. Перепелкин со ссылкой на Г. Фехта [143, с. 108, 114] утверждает, что это имя тогда звучало как «Йот», совпадая с египетским словом «йот» – «отец» [144, с. 267]. Но сам же он приводит имена в честь Атона с корнем «йат»: П-йат-эм-ха, П-йат-нашт и др. [145, с. 9]. Так что имя Санхун-*йат*она все равно связано с эпохой Эхнатона («Эх-не-йота»).

Важное значение тут имеет само толкование образа Йота (Атона). Вопреки многим учебникам Йот для сторонников новой религии вовсе не был богом солнечного диска. Он скорее был *Бог-Отец*. «В солнцепоклоннических надписях солнце никогда не именуется “Рэ живым”, хотя бесконечно часто бывает названо «Йотом живым». (...) Речь идет о духе внешнем миру живых, который вводится туда и располагает там способностью действовать. Слово “живой” определяет Йота как являющегося, действующего – “живущего” в мире, иными словами, как видимое солнце» [144, с. 267-268]. Иными словами, реальное солнце на небе Ра (Рэ) – лишь проявление запредельного Бога-Отца, Йота. При этом: «Хотя имя Рэ тоже значит “солнце”, он издавна чтился и как человекообразное существо» [144, с. 268]. Т. е. у Бога-Отца был и человекоподобный Бог-Сын. Этот образ получается подобным Адаму Кадмону в каббале – единству всех начал бытия (сефирот), но тоже в каком-то смысле человекоподобному (точнее, это человека вылепили по его «образу и подобию»).

До нас дошел большой египетский гимн Атону, который имеет прямые параллели со 103-м псалмом Давида. В том числе в нем говорится: «Твой восход прекрасен на горизонте, о живой Атон, зачинатель жизни! (...) Твои лучи объемлют все страны, которые ты сотворил; ты Ра, и ты полонил их все; ты связываешь их своей любовью [Сравним у Санхунйатона: «Когда же Дух полюбил свои собственные начала, и произошло смешение (...) Таково начало устройства всего»]. Хотя Ты и далеко, но твои лучи на земле; хотя ты и высоко, но следы ног твоих – день (...) Ты производишь человеческий зародыш в женщине, ты создаешь семя в мужчине, ты даешь жизнь сыну в теле матери, (...) ты сообщаешь дыхание для оживления всякой твари (...) Как разнообразны все твои произведения! Они скрыты от нас, о ты, единый Бог, силами его никто не владеет. Ты сотворил землю по своему желанию, когда ты был один» [149, с. 360-363].

«Ра живым», т. е. воплощением Ра (который, в свою очередь, «Йот живой») считали самого фараона. Было известно и другое имя воплощенного в нашем мире Бога – «Шов». Оно было, наоборот, подчеркнуто неантропоморфным, но тоже «сыновним» по отношению к Йоту. Причем это имя было тождественно имени языческого бога Шова (Шу), сына Ра, бога ветра и вообще воздушного пространства, отделившего небо от земли. Оно практически не употреблялось по отношению к реальному солнцу [144, с. 265]. Сравним с тем, как часто в Ветхом Завете Бог является людям то из бури, то из вихря, то из тихого дуновения ветра. Евсевий цитирует и такие слова Санхунйатона: *«Когда проникся светом воздух* (Курсив мой. - И. Р.), то от воспламенения моря и земли произошли ветры, тучи, величайшие низвержения и излияния небесных вод. Когда *все это выделилось и отделилось от своих мест вследствие солнечного жара, и все снова встретилось и столкнулось в*

воздухе одно с другим, произошли гром и молнии» [35, с. 36]. Получается, что Воздух (Шу) проникся Светом, и благодаря этому все «выделилось и отделилось от своих мест».

Еще раз обратим внимание на слово Мот (или Мут) у Санхунйатона: «Дух же не знал своего создания. И из соединения Духа произошел Мот (μωτ), его некоторые считают илом, другие - гнилью водянистого смешения; и из неё произошли все семена создания, и рождение всего» [35, с. 35]. Дело в том, что египтяне, на которых ссылается Санхунйатон, словом *Мут* (*мвт*) называли жену бога Атона. В то же время оно означало просто «мать» [145, с. 6, 13]. Получается, что Йот-Отец, воплотившись в Свет, соединился с Матерью-материей, «и из неё произошли все семена создания, и рождение всего».

Здесь следует добавить, что у Диодор Сицилийский (I, 10) «говорит о происхождении тварей из нильского ила, который назывался “матерью” (егип. Mwt = μουθ = Μωτ у Санхунйатона) и о духе, как мужском принципе, Зевсе-отце, а также о том, что первые люди молились солнцу и луне, питались растениями и жили в хижинах из тростника» [35, с. 48].

Напомним, что Б. А. Тураев полностью отвергал древность текстов Санхунйатона: «Здесь все *странно и невероятно*: и Тот, как евгемеристический автор финикийской мифологии, и сам евгемеризм, как исконное направление в мифологии, и сокрытие жрецами неудобной для них истины, и все перипетии ее нового появления на свет» [35, с. 3-4]. *Евгемеризм* здесь значит отрицание святости языческих богов: в них видели либо бывших смертных людей, либо неживые стихии. Честно говоря, для меня наиболее странно и невероятно, как вообще мог специалист по Древнему Востоку (а Б. Тураев занимался и Египтом тоже) написать приведенную выше фразу. Ведь он же не мог не знать о реформе Эхнатона!

Известно, что *идейно-политическая борьба* при Эхнатоне была исключительно острой: «Имя отверженного Амона было уничтожено везде, где только его нашли: на стенах храмов, на вершинах колонн, в гробницах, на изваяниях, на погребальных плитах, на предметах дворцового обихода, даже в клинописных посланиях иноземных властителей. Не пощадил Эхнатон и имен отца и прадеда – Аменхотепов III и II. (...) Имеются примеры изглаживания знака бараньей головы в прежних надписях, поскольку баран тоже почитался за животное Амона. Нечего и говорить о том, что изображения недавнего “царя богов” подвергались повсеместному уничтожению. Кое-где в Фивах, а также вне их были уничтожены имена и изображения других старых божеств. Известны случаи истребления в прежней столице множественного числа слова “бог” – “боги”. По египетским представлениям, уничтожение изображения и имени поражало самого изображенного и поименованного. (...) В надписи, начертанной в гробнице Туту в Ахетатоне, этот могущественный временщик и верховный жрец царской особы говорил о гибели слушников фараона на плахе и сожжении их тел (страшной вещи для египтян, пекшихся о сохранении трупа). (...) Несомненно преувеличивая, второй преемник Эхнатона Тутанхамон так описывает положение храмов старых богов: “Храмы богов и богинь, ...их святилища были близки к гибели, превратившись в развалины, поросли растительностью, их обители стали как то, чего не было, их двор стал дорогой для пешехода”» [148, с. 516-518].

Вопрос к египтологам: мог ли Эхнатон проводить свою радикальнейшую религиозную реформу, никак не объясняя своим подданным, *почему* они более не должны почитать старых богов? Единственный возможный аргумент, поясняющий подобное неслыханное святотатство, мог состоять лишь в том, что старые боги – *ненастоящие боги*. Такая аргументация и

выглядела бы именно как евгемеризм. Значит, были люди, которые искренне поверили этой аргументации и отвергли старых богов.

Известно, что после смерти Эхнатона правили его два зятя и муж его кормилицы. Эти преемники восстановили почитание старых богов, но продолжали поклоняться и Атону. А затем власть захватил военачальник Хоремхеб. «Для последующих поколений Хоремхеб стал первым законным царем после Аменхотепа III... Ни Тутанхамон, ни Эйе, не говоря уже об Эхнатоне и Семнехкара, не считались впоследствии законными фараонами... Аменхотепа IV (Эхнатона) последующие поколения величали “мятежником” и “супостатом из Ахетатона”» [148, с. 524]. Их имена теперь также безжалостно истреблялись. Значит, можно предположить, что безжалостно истреблялись и живые приверженцы веры в Единого Бога.

Эхнатона сближает с ветхозаветными пророками еще и то, что он называл себя «живущий правдою» и, надо думать, пытался реально улучшить жизнь простых людей. Религиозный переворот Эхнатона был в какой-то мере и **социальным переворотом**: «В предыдущие царствования рассказы о возвышении царем из нищеты и ничтожества были величайшей редкостью. (...) Сопоставляя настойчивые заявления о возвышении и обогащении “сирот”, и исключительном положении царской особы, трудно уклониться от заключения, что, совершая переворот, Аменхотеп IV опирался на какую-то часть простых египтян. Ввести их в среду знати для царя означало пополнить свое окружение лицами, обязанными ему всем, и тем самым усилить свою власть. (...) Создается впечатление, что простолюдины [после солнцепоклоннического переворота] заставили правящие круги считаться с собой, хотя и в определенной мере. Такое впечатление основано не столько на содержании отдельных памятников, сколько на присутствии им

“человеколюбии” по отношению к рядовым воинам, работникам, простым людям вообще. Подобное отношение к простым людям почти не прослеживается в фараоновских надписях до солнцепоклоннического переворота» [148, с. 551].

Впрочем, некоторые новые идейные тенденции проявлялись уже в царствование отца Эхнатона – Аменхотепа III. «Никто до Аменхотепа IV не именовал себя столь упорно, как он, видимым Солнцем. С этим представлением о себе как о светлом Солнце перекликалось настойчивое подчеркивание своей приверженности к “правде” (Маат)» [148, с. 454]. «Уже при Аменхотепе III древнее наименование видимого солнца – “Атон” – стало употребляться для обозначения солнечного бога... Кроме того, солнечный бог неоднократно обозначался современниками Аменхотепа III как “единый Бог”» [149, с. 350].

При этом фараоне мы встречаемся и с едва ли не единственным в истории древнего Египта персонифицированным *мудрецом*, подобным «семи мудрецам» в архаической Греции. Он «заслужил своей мудростью такую славу, что его афоризмы циркулировали на греческом языке спустя приблизительно 1200 лет в числе “изречений семи мудрецов”, а во времена Птолемеев ему стали воздавать поклонение как богу, поместив его в число бесчисленных божеств Египта под именем “*Аменхотеп, сын Хапу*”» [149, с. 332]. «Фараон по самовластной прихоти оказал своему подданому честь невиданную и неслыханную. Сановному строителю Аменхотепу, сыну Хапи, он воздвиг на западе Фив поминальный храм, словно царю. На своих изваяниях, поставленных в государственном храме в Карнаке, этот государственный деятель призывал сограждан прибегать к его представительству перед богами. Века спустя он был причислен

к пантеону египетских богов, и греки ввели его, “Аменофиса, сына Паапия”, в сонм своих мудрецов» [148, с. 456].

Города Финикии тогда находились под властью Египта, историки подчеркивают: «Большинство царьков Палестины и Финикии остаются верны Эхнатону и его преемникам, несмотря на их бездействие» [148, с. 249]. «Государственный бог Атон должен был иметь свой город в каждой из трех частей империи – Египте, Азии и Нубии. (...) Город Атона в Нубии был расположен против современного Дулго у подножия третьих порогов, следовательно, в центре египетской провинции. Он получил название “Гем-Атон” по имени храма Атона в Фивах. В Сирии город Атона неизвестен, но, несомненно, Эхнатон сделал там для Атона не меньше, чем его предки для Амона» [149, с. 354]. В Ханаане тоже были люди, верующие в Атона.

Впрочем, не исключено, что город Атона в Сирии как раз хорошо известен: «Одним из важнейших сакральных центров эллинистическо-римской Сирии был Гелиополь с культами Зевса, Геи, Афродиты-Атаргатис и Гермеса ...Вероятно, к местной традиции относится миф о том, что в глубокой древности изображение Зевса Гелиополитанского было доставлено из Египта и в конце концов водворено в Гелиополе. Очевидно, имели место попытки придать культу Зевса Гелиополитанского монотеистические черты» [140, с. 459]. «Гелиополь» в переводе значит *Город Солнца*. Вообще-то античный Гелиополь – это нынешний Баальбек; и он расположен не в Сирии, а в современном Ливане – т. е. тоже в Финикии.

Как видим, в Ханаане память о реформе Эхнатона вполне могла сохраниться до эпохи Санхунйатона. Да и вообще трудно представить себе, что культ Единого небесного Бога Атона, в течение нескольких десятилетий господствовавший в стране, не имел искренних сторонников и в одночасье исчез. Куда

логичнее предположить, что его сторонники бежали от преследований в культурно близкие им города Ханаана, к тому времени как раз вернувшие себе независимость. С этой версией логично сочетаются три исторических свидетельства.

Во-первых, это существование такого персонажа Библии, как *Мельхиседек*: «В преданиях иудаизма и раннего христианства современник Авраама, царь Салима (Шалема, будущего Иерусалима), священнослужитель предмонотеистического культа Эльона (в русском переводе – «Бога Всевышнего»), отождествленного библейской традицией с Яхве. Библейские упоминания о Мельхиседеке скудны и загадочны. Одно из них сообщает, что когда Авраам возвращался с победоносной войны против союза четырех царей во главе с Кедорлаомером, Мельхиседек вышел навстречу Аврааму, вынес хлеб и вино, благословил его “от Бога Эльона, Владыки небес и земли”, а затем благословил и самого Эльона, благодаря его за победу Авраама. Авраам дал Мельхиседеку десятую часть того, что имел (Бытие 14, 18-20). Второе упоминание – обращение к царю с чертами мессии: “Клялся Яхве, и не раскается: ты священник вовек по чину Мельхиседека” (Пс. 109/110, 4). Очевидно, что оно обосновывает право царя в Иерусалиме, городе Мельхиседека, на какое-то особое священство, отличное от священства касты потомков Аарона (левитов. – И. Р.)... В новозаветном тексте священство Ааронидов принадлежит прошлому и уступает место вечному священству Христа “по чину Мельхиседека” (Евр. 7, 5-24)» [112].

Вспомним, что евреев благословляет от имени истинного Бога и еще один загадочный нееврейский пророк – *Валаам*. «Валаам, сын Веоров, в Пефоре, который на реке (Евфрате), в земле сынов народа его» (Числа, 22:5) – точно не еврей. Но *Валаам приносит жертвы именно Господу* и именно в

качестве пророка и жреца истинного Господа призван царем Моава Валаком, «и вложил Господь слово в уста Валаамовы» (Числа, 23:4-5). В связи с этим очень логичным выглядит предположение о том, что ханаанейское (финикийское) «священство по чину Мельхиседека» первоначально было перенесенным в Ханаан египетским монотеистическим культом Атона.

В этом смысле интересный момент – уже приводившееся место из Библии о Соломоне. «Мудростью Соломон превосходил всех „сынов востока” (бене-кедем), *Vulgata: orientalium*; Септуагинта, славянский перевод: „древних человеков”, так и И. Флавий; но сопоставление „древних” и египтян было бы неуместно» [120, т. 2, с. 382-383]. Т. е. относительно текста «И была мудрость Соломона выше мудрости всех сынов востока и всей мудрости Египтян» комментаторы добросовестно отметили сомнительность перевода на тему «сынов востока», однако признались, что не понимают, почему тут мудрость «древних людей» сопоставляется с мудростью именно египтян. Но если исходить из финикийской традиции, то выглядит естественным именно сопоставление древней мудрости Таавта с мудростью Египта.

Второе историческое свидетельство сохранил для нас Ямвлих в «Жизни Пифагора» (14): «В Сидоне он сошелся с потомками естествоиспытателя и прорицателя Моха и другими финикийскими верховными жрецами и принял посвящение во все мистерии, совершаемые главным образом в Библе и Тире и во многих местах Сирии, претерпевая все это не ради суеверия, как может показаться кому-то с первого взгляда, но гораздо более из любви и стремления к знаниям и из опасения, как бы что-нибудь достойное изучения в божественных тайнах или обрядах не укрылось от него. Узнав, что тут живут в некотором роде переселенцы и потомки египетских жрецов, и надеясь

поэтому участвовать в прекрасных, более близких богам и не подвергшихся изменениям мистериях Египта, Пифагор без промедления переправился туда» [11, с. 18].

Текст любопытен тем, что восторженному поклоннику Пифагора Ямвлиху чем-то явно не нравилось общение того «с потомками естествоиспытателя и прорицателя Моха и другими финикийскими верховными жрецами». Он даже оправдывает своего кумира, заявляя, что Пифагор делал это «не ради суеверия, как может показаться кому-то с первого взгляда». При этом убежденный язычник Ямвлих подчеркивает, что мистерии собственно Египта по сравнению с финикийскими «прекрасны, более близки богам и не подверглись изменениям». Не проповедовали ли *финикийские «в некотором роде переселенцы и потомки египетских жрецов»* веру в Единого Бога?

Если имя Санхунйатона действительно связано с египетским Атоном, то тогда оно звучит как целая политическая программа: замена языческой религии поклонением единому Богу-Творцу. Тогда свидетельство о том, что царь и городской совет Берита одобрили его учение, содержит воспоминание о первоначальном успехе его религиозной реформы.

Кстати, более понятным тогда становится и упоминание о священных книгах финикийян, приписанных богу Таавту (Тоту) и записанных загадочными «письменами аммунеев». Именно эти книги, собственно, и изучил Санхунйатон. Таавт – это и есть *Гермес Трисмегист*, а письмена аммунеев – египетская письменность. Тогда «аммуней» - это верующие в Амона египтяне, т. е. весь египетский народ, оставшийся языческим. Сторонники Единого Бога должны были относиться к ним примерно как христиане к евреям...

Такой трактовке удивительно соответствует пророчество Исаии о Египте: «Земля Иудина сделается ужасом для Египта ...В тот день пять городов в земле Египетской будут говорить языком Ханаанским и клясться Господом Саваофом; **один назовется городом солнца** [Выделено мной. – И. Р.]. В тот день жертвенники Господу будут посреди земли Египетской, и памятник Господу – у пределов ее. И будет он знамением и свидетельством о Господе Саваофе в земле Египетской; потому что они [египтяне] воззовут к Господу по причине притеснителей, и Он пошлет им спасителя и заступника и избавит их. И Господь явит Себя в Египте; и Египтяне в тот день познают Господа, и принесут жертвы и дары, и дадут обеты господу, и исполнят» (Ис. 19:17-21). Как видим, когда собственно египтяне «познают Господа», один город в Египте «назовется Городом Солнца».

В-третьих, сохранились два важнейших исторических свидетельства в «Истории» *Геродота*: «Ничто шерстяное не приносится в храм и не погребается вместе с египтянами, поскольку это считается противозаконным. В этом они согласны с ритуалом, называемым орфическим и вакхическим, но который на самом деле является египетским и пифагорейским; поскольку признающие этот ритуал также не погребаются в шерстяной одежде» (II, 81). «Египтяне первыми стали учить, что человеческая душа бессмертна и что по смерти тела она переходит в другое существо, рождающееся в этот момент; и по прохождении через все создания Земли, моря и воздух она опять входит в человеческое тело при его рождении. Она завершает этот цикл в три тысячи лет. Некоторые из эллинов прежде и теперь использовали это учение как свое собственное. Я знаю их имена, но не называю их... Я записываю лишь то, что мне рассказано, как я это услышал» (II, 123) [44, с. 104, 118-119].

Б. Ван-дер-Варден приводит эти цитаты и далее пишет: «Египтологи единодушны в том, что Геродот в данном случае ошибается. Учение о переселении душ, как оно описано здесь, чуждо египетской религии. Это несомненно справедливо для ранней египетской религии, известной нам по надписям на саркофагах и книгам мертвых; но могла ли египетская религия во времена Геродота (ок. 450 г. до н. э.) совпадать во всех отношениях с религией Среднего и Нового царств? В Египте могли существовать различные религиозные течения... Я склонен воспринимать Геродота серьезно, полагая, что в Египте в VI и V вв. до н. э. существовало религиозное движение, подобное пифагорейскому, сторонники которого верили в переселение и бессмертие души, и Пифагор был каким-то образом связан с ними» [151, с. 50, 52]. Но Геродот был и в Финикии. Он ведь в приведенном отрывке не утверждает, что все египтяне верят в переселение душ. Его формулировка: «Египтяне *первыми стали учить*, что человеческая душа бессмертна и что по смерти тела она переходит в другое существо». Это *учение* восприняли и *рационально переработали* «в некотором роде переселенцы и потомки египетских жрецов» в городах Финикии, а затем и Пифагор.

Наконец, помимо финикийской и греческой философии, сохранились традиции *герметической философии*, т. е. оккультизма. В знаменитом трактате Гермеса Трисмегиста «Изумрудная скрижаль» помимо прочего утверждается: «Все предметы произошли из одного, по мысли одного... Солнце – отец всякого совершенства во Вселенной. Его могущество безгранично на Земле». Т. е. в трактате содержится некий *солнечный монотеизм*. «Предание западных оккультистов, - декларирует С. Тухолка в “Оккультизме и магии”, - ведет свое начало от египетских жрецов. Основным догматом религии жрецов, сообщаемым, однако, лишь посвященным, был догмат

о единстве божества. Орфей, наиболее древний из известных нам посвященных, говорит в своих песнях и мистериях: “Размысли о божественном Слове. Созерцай его непрерывно, направь твое сердце и твою душу по правому пути и взирай на Господа единого, который бессмертен, единого, который сам себя зародил. Все происходит от него одного, и он есть во всем”» [Цит. по: 155, с. 98-99].

Характерна в этом отношении легенда о происхождении гадательных карт Таро (Tarot). Совершенно очевидно, что 22 карты Старшего Аркана Таро соответствуют 22 буквам еврейского (и финикийского) алфавита. Но «по легенде, в подземелье одного из древнеегипетских храмов хранились 22 золотые таблицы, на которых в виде рисунков в символической форме были запечатлены все знания, накопленные египетскими жрецами. Язык меняется и умирает, а рисунок вечен, поэтому жрецы решили запечатлеть свои знания в рисунках» [164].

Вполне логичным выглядит предположение, что древнеегипетские монотеисты в самом Египте после краха реформы Эхнатона «ушли в подполье» и тем самым создали традицию тайных (*окультурных*) знаний, развитую позднее, скорее всего, теми же финикийцами и благополучно дожившую до наших дней.

6.4. В целом о корнях финикийской философии и теологии

Безусловно, у финикийской культуры были прочные собственные корни в культуре древнего Ханаана эпохи бронзового века – III-II тыс. до н. э. Мы кое-что знаем о духовной культуре той эпохи, в частности, благодаря раскопкам древнего Угарита. Тогда предки финикийцев находились примерно на одном уровне культурного развития со всеми народами Ближнего Востока – Египтом, Вавилонией, Эгейским миром, Малой Азией. Бросаются в глаза настойчивые попытки

создания алфавитного письма (в том же Угарите – в клинописной форме). Интересны также политические лозунги установления *справедливости*, которые выдвинули уже вожди движения хапиру в Ханаане уже в XIV в. до н. э.: «Под “справедливостью” в древней Передней Азии понималось прежде всего освобождение от долгов и возвращение заложников, а по возможности также отнятых или скупленных земель» [148, с. 248].

«Примерно с конца XVI в. до н. э. в Восточном Средиземноморье начинается период поздней бронзы. С этим периодом связано много существенных нововведений в хозяйственной и культурной жизни страны. Еще раньше Северная Сирия стала вывозить изделия из цветного стекла; теперь и сам секрет его изготовления распространяется все шире. Не позже начала эпохи поздней бронзы в Финикии открыли способ окраски шерсти... пурпуром... В связи с этим большое хозяйственное значение приобретает ввоз дешевой некрашеной шерсти из скотоводческих районов Сирии, а затем и всей Передней Азии в Финикию и вывоз оттуда пурпурной шерсти, что позволило скапливать в маленьких городках Финикии большие запасы хлеба и металлических изделий, поступавших в обмен на шерсть... Начинается оживленная торговля финикийцев с более отдаленными областями Средиземноморья. Об этом свидетельствует появление в Сирии и Палестине примерно с 1400 г. до н. э. позднемикенской греческой и кипрской керамики; весьма вероятно, что морским путем финикийцы стали ввозить также испанское олово, что удешевило изготовление бронзы. Возросшая роль купцов (а также морских пиратов) замедляла развитие в Финикии монархического строя; хотя почти в каждом городе были царьки, но в целом управление в них носило скорее олигархический характер с известными пережитками

первобытной демократии... В эпоху поздней бронзы в Финикии была создана собственная письменность... это изобретение имело всемирно-историческое значение. Однако начавшиеся нашествия из фараоновского Египта не давали ханаанеям возможности воспользоваться плодами этих новых открытий и достижений» [148, с. 237-238].

Как видим, некоторые «раннебуржуазные» черты проявлялись в городах Финикии еще в бронзовом веке. При этом наряду с экономическим и социальным подъемом имели место и культурные достижения: «Наиболее важным культурным достижением ханаанеев и других оседлых семитов Восточного Средиземноморья во II тысячелетии до н. э. является создание совершенно нового вида письменности, соответствующего недеспотическому и небюрократическому характеру здешнего общества... Формы знаков протобиблского письма не имеют явных прототипов ни в одной более древней письменности мира; видимо, они были придуманы специально, притом так, чтобы каждый был по своей форме легко запоминающимся... Число знаков уже не позднее XIII в. до н. э. сокращено в финикийском письме до 22» [148, с. 265-267]. По аналогии нельзя исключить, что и в духовной жизни возникли совершенно новые формы, «соответствующие недеспотическому и небюрократическому характеру здешнего общества».

Как известно, Страбон писал (XVI р. 757): «Если же верить Посидонию, то и учение об атомах является древним и принадлежит Моху Сидонскому, жившему до Троянской войны» [80, с. 219]. Нельзя полностью исключить, что в данном случае речь действительно идет об эпохе бронзового века, т. е. о XIV-XIII вв. до н. э.

Но в целом *новое качество* культуры Финикии периода ее наивысшего расцвета было достигнуто в огромной мере за счет

синтеза культурных достижений практически всех их соседей. Помимо Египта (о чем уже было сказано выше) следует особо отметить духовное влияние древнейшей Греции и Вавилонии.

Возможно, этот синтез начался уже в бронзовом веке в древнем городе **Угарите** на севере Сирии (Ханаана): «Одновременное существование цивилизаций, статус которых не уступал бы Месопотамии, было редким явлением; такой цивилизацией, по-видимому, был Угарит. Технология месопотамской письменности (клинопись на глине) была приспособлена к системе, которая представляет собой решительный шаг вперед: это алфавитное письмо с последовательностью знаков, в основном совпадающей с нашим алфавитом. Эта система письменности донесла до нас памятники местной литературы, ею пользовалась сложная бюрократическая машина, с ее помощью составлялись юридические документы. Но в то же время в Угарите имелись писцы, обученные месопотамскому способу письма на аккадском языке; кроме того, в Угарите писали по-хурритски (отдаленно родственном чеченскому языку. – И. Р.) – как угаритским алфавитом, так и месопотамской клинописью. В Угарите встречаются также хеттские клинописные документы и художественные изделия с посвящениями, написанными египетскими иероглифами. Угарит, видимо, был подлинно интернациональным центром обмена идей и товаров» [151, с. 58]. В начале XII до н. э. город был навсегда разрушен нашествием «народов моря» – пиратов из Греции и других районов Европы. И начинается эпоха возвышения городов собственно Финикии.

Вавилон также внес свой выдающийся вклад в духовное развитие финикийцев. О взаимовлиянии финикийцев и «халдеев» в создании научной (вычислительной) **астрологии** и астрономии уже шла речь. Притом очевидно, что

первоначальный импульс шел именно из Вавилона: «Оживленная интеллектуальная жизнь должна была иметь место в Вавилонии и Ассирии примерно с 1350 по 1100 гг. до н. э. Древние традиции собирались и систематизировались; так, вероятно, именно в это время была составлена огромная астрологическая коллекция “Энума Ану Энлиль”... В этот период стали производиться астрономические вычисления» [151, с. 70]. Но помимо этого влияние Вавилонии можно предположить еще и в формировании важнейших теологических и социальных идей. В Библии сказано, что сам создатель веры в Единого Бога патриарх Авраам родился в «халдейском Уре» – одном из древнейших городов Месопотамии.

Еще более важно, что именно в Месопотамии, вероятно, впервые в мире возникли *самоуправляющиеся городские общины*, по сути близкие к античным (в т. ч. финикийским) полисам. «В социальном плане единство месопотамского города нашло отражение в отсутствии каких бы то ни было сословий, а также этнических и племенных объединений. Составляющая народное собрание община граждан управляла городом под председательством какого-либо должностного лица, но это, как правило, касалось лишь общин древних богатых и привилегированных городов. (...) “Зерцало государя” перечисляет привилегии обитателей Ниппура, Вавилона и Сиппара в случае судебного преследования. Царь не может отправлять в тюрьму, налагать штрафы или отказывать им в праве возбуждать иски. Более того, они защищены от привлечения к трудовой повинности, их не могут заставить подносить кирпич и использовать на других работах даже в тех случаях, когда на них созывается все население страны. Царь не смеет отбирать их тягловый скот, облагать налогами стада. В их

обязанности также не входит поставлять корм для царских лошадей.

(...) Статус жителей привилегированных городов раскрывается в одном отрывке ритуальных текстов, описывающих церемонии, совершавшиеся во время празднования Нового года в Вавилоне. В этот день царю разрешалось войти в святая святых святилища, но сделать это он мог только после того, как верховный жрец отбирал у него все знаки царской власти и унижал, надавав пощечин и подергав за уши. Затем царю следовало припасть к земле и в установленной молитве заверить Бела, бога города, что он в течение года не совершил никакого греха, не был невнимательным к священному городу и его святилищу и, более того, не оскорбил ударом по лицу никого, кто пользовался статусом *kidinnu* (гражданина города. – И. Р.). В перечне основных политических грехов царя это ошеломляющее заявление показывает, какое необычное не только для древнего Ближнего Востока, но и для древних цивилизаций Запада значение придавалось человеческому достоинству. (...) Есть письмо, написанное обитателями Вавилона Ашшурбаналпу, в котором утверждается, что даже собака свободна, когда она входит в Вавилон» [150, с. 89, 96-97].

Как видим, в Вавилонии также были самоуправляющиеся (но не независимые!) города с широко развитой торговлей. И в этих городах получили распространение *идеи личной свободы и достоинства человека*, позднее вошедшие в учение Библии. Вообще еще начиная с эпохи Хаммурапи (и даже ранее) в Месопотамии возникли кодексы писаных законов и была обоснована идея *законности* как таковой. Это повлияло на все соседние народы, в том числе и на финикийцев, а через них – на евреев и греков. Впрочем, в этом случае не менее вероятно, что как раз финикийцы повлияли на вавилонян. Однако истоки

такого мироощущения все равно следует искать в Месопотамии. В этом смысле исключительно интересен архив купеческой колонии Ашшура в Малой Азии начала II тысячелетия до н. э. в городе Каниш: «Нельзя не сказать о свободном передвижении этих торговцев, безопасности коммуникаций, отсутствии какой-либо военной охраны, больших поступлениях золота и серебра и, главное, о гордости торговцев своим социальным положением и высокими этическими принципами. Картина, которая вырисовывается при чтении канишских табличек, нетипична для экономической истории древнего Ближнего Востока и находит аналогии только в истории финикийских городов железного века и караванной торговли Набатеи первых веков нашей эры» [150, с. 74].

В связи с этим можно отметить также наличие некоего весьма отдаленного прототипа «Книги Иова». Речь идет о тексте, известном под названием «*Вавилонская теодицея*». «В этой поэме два собеседника в вежливой форме церемонно и попеременно выражают свои взгляды, прибегая к ученым абстракциям и искусственным аналогиям: один – благочестивый, другой – скептик. В диалоге скептик вновь и вновь противопоставляет несчастья и невезение благочестивого успехам нечестивца. Его оппонент, также повторяясь, восхваляет достоинства благочестия и преданности богам, мудрость которых при распределении успехов и неудач остается за пределами человеческого понимания. Аргументы лишены живости и убедительности, конец скомкан и неудачен. Скептик в конце концов полагается на милость богов, но совершенно непонятно, почему он поступает именно так» [150, с. 216]. В общем, до величия «Книги Иова» здесь еще далеко...

Вообще складывается впечатление, что в I тысячелетии до н. э. Финикия уже в целом обгоняла Вавилонию по своему социально-экономическому и культурному развитию. Так,

бросается в глаза техническая отсталость Вавилонии по сравнению с Финикией: «Жители Месопотамии, по-видимому, сами понимали, что технически их текстильная продукция была ниже продукции Запада. Ассирийские цари в своих сообщениях о трофеях, захваченных в непрерывных войнах с западными соседями, часто наряду с упоминанием серебра, золота и других драгоценных предметов называют также и многоцветные одежды, которые они высоко ценили. Во II тысячелетии до н. э. в областях от Евфрата до границ Египта (в Ханаане. – И. Р.) разработали текстильную технологию, превосходившую технологию и Египта, и Месопотамии, особенно в применении ярко окрашенных волокон и других средств украшения... Знаменитое финикийское производство пурпура возникло, по-видимому, на основе многовековой традиции... Однако ткацкое искусство не было единственной областью техники, в которой запад был далеко впереди; в этой связи следует назвать также ювелирное искусство, металлургию и изделия из стекла» [150, с. 255-256]. Скорее всего, и в отношении духовного развития «Запад был далеко впереди», по крайней мере, в первой половине I тысячелетия до н. э.

Но затем в конце VII в. до н. э. Вавилон снова стал центром мощного государства, а после персидского завоевания – и главным экономическим центром всей Персидской империи, этого своеобразного «мира-экономики». Недаром Вавилон стал символом именно космополитического мирового города – неким предтечей Нью-Йорка. В персидский период были известны торговые и «банковские» дома Мурашу и Эгиби – настоящие финансовые империи. Но вот до этого ситуация исключительно интересна: «На наш взгляд, кажется странным, что клинописные тексты вскоре после амарнского периода (т. е. примерно после XIII в. до н. э. – эпохи «великого переселения народов» и начала возвышения городов собственно Финикии. –

И. Р.) перестают сообщать что-либо о торговле и торговцах. Молчание это продолжается до самой гибели Вавилонской империи... Можно предположить, что вся торговля находилась в руках арамейев и купцы писали на папирусе и коже... Конечно, не случайно “главный торговец” считался высокопоставленным чиновником при дворе вавилонских царей; при Навуходоносоре II эту должность занимал человек с типично финикийским именем – Хануну (Ганон)» [150, с. 75-76].

А теперь сравним у того же автора: «Хотя роль эллинизма как создателя, преобразователя и носителя идей едва ли можно переоценить, нужно помнить, что другое, “интернациональное” движение предшествовало ему. Это все еще не полностью известная группа народов, писавших и говоривших по-арамейски, которые населяли приблизительно ту же самую территорию и, должно быть, осуществляли не только международную торговлю, но также и интеллектуальные контакты» [150, с. 247]. Почему-то Л. Оппенхейм упорно ведет речь о «группе народов, говоривших и писавших по-арамейски», хотя и с «типично финикийскими именами». Сравним: «В древнем Израиле “ханааней” было синонимом слова “купец”» [152, с. 143].

Однако господство жителей Ханаана в торговле Месопотамии в первой половине I тысячелетия до н. э. должно было лишь облегчить усвоение ими вавилонской астрономии. Впрочем, здесь, вероятно, шла речь скорее о *параллельном развитии*, когда достижения вавилонян исключительно быстро усваивались финикийскими (и позднее греческими) учеными. Во всяком случае, предсказание Фалесом солнечного затмения 28 мая 584 г. до н. э. могло быть сделано только на основе вавилонской астрономии, уже усвоенной финикийцами. Правда, историки науки затрудняются с объяснением конкретных научных методов такого предсказания. Однако известно, что,

скажем, астролог *Надину* успешно предсказал лунное затмение ассирийскому царю Асархаддону (681-669 гг. до н. э.) [151, с. 98-100].

Б. Ван-дер-Варден в числе достижений вавилонской астрономии в позднеассирийский период (1000-612 гг. до н. э.) называет «систематическое наблюдение и предсказание затмений». В халдейский период (612-539 гг. до н. э.) зодиак был разделен на 12 равных частей (созвездий), а персидский период (539-331 гг. до н. э.) он характеризует так: «Математическая астрономия. Наиболее важные достижения: а) точное определение периодов Солнца, Луны и планет; б) вычисление движений Солнца, Луны и планет, величин затмений и других лунных и планетных явлений, основанное на достаточно совершенной математической теории». При этом если ассирийское и более раннее время на небе искали лишь предзнаменования, то во второй период стали использовать знаки зодиака, а в персидский период широко распространились гороскопы [151, с. 140-141]. Думается, начало революционного превращения астрономии в науку относится примерно к середине VIII века до н. э., т. е. к той же эпохе максимального расцвета древней Финикии: «Греческий астроном Птолемей выбрал в качестве начальной точки своего календаря год восшествия на престол вавилонского царя Навуходоносора (747 г. до н. э.), поскольку “это эпоха, начиная с которой древние наблюдения в целом сохранились вплоть до настоящего времени” (Птолемей, Альмагест, III 7). Это утверждение полностью подтверждается группами [клинописных] текстов» [151, с. 110].

Б. Ван-дер-Варден относит период расцвета вавилонской астрономии к промежутку между 600 и 440 гг. до н. э. В это время астрономы *Набу-Риманну* и *Кидинну* создали две различные системы вычисления лунных явлений: «Система А

представляет, вероятно, самый древний пример теории, с одной стороны эмпирической, а с другой – строго математической, как современная наука» [151, с. 261, 247, 245]. Эти гениальные мыслители также должны обрести свое место в благодарной памяти человечества. Страбон в «Географии» (16, 1) совершенно резонно называл их *философами*: «В Вавилонии для местных философов, так называемых халдеев, которые занимаются главным образом астрономией, выделено особое поселение; причем некоторые из них, не признаваемые другими, выдают себя за предсказателей судьбы... И математики упоминают о некоторых из этих людей, как, например, о Кидене, Набуриане и Судине. Селевк из Селевкии принадлежит также к халдеям» [Цит. по: 151, с. 311-312]. Здесь речь идет о Набу-Риманну и Кидинну, а также об астрономах эллинистической эпохи, в частности, о Селевке – одном из сторонников гелиоцентрической системы.

Вообще, если вести речь об «осевой эпохе истории» как революции в мышлении, то *возникновение математической астрономии в Вавилонии* следует считать не менее важной ее составляющей, чем творчество греческих и китайских философов или библейских пророков. При отсутствии источников сейчас трудно сказать что-либо конкретное о взаимовлиянии финикийских и вавилонских мыслителей. Однако очевидно, что оно в какой-то форме имело место: и в Сирии, и в Вавилонии тогда уже говорили по-арамейски, так что и финикийцы, и вавилоняне («халдеи») знали этот язык. Ранее уже шла речь о сходных идеях у вавилонских и финикийских мыслителей: идее вечности мира, «великого года» и периодических «мировых пожаров», зависимости нашей жизни от «божественных светил».

Во II тысячелетии до н. э., в период формирования основ собственно финикийской культуры города Финикии также

испытали мощное влияние европейской цивилизации бронзового века – цивилизации минойского Крита и ахейской *Греции*. Так, искусство стран Эгейского мира оказало во 2-й половине II тыс. до н. э. значительное влияние на роспись финикийской керамики [68, с. 154], которая затем – уже в архаическую эпоху – была снова заимствована греческими мастерами. По-видимому, очень многие достижения собственных предков были точно так же позаимствованы греками классической эпохи через посредство финикийцев. «На диктейские бронзовые щиты, выполненные осевшими в Кноссе сиро-палестинскими мастерами, наносят изображение древа жизни, обнаженной богини, фланкируемой дикими животными, и т. д. Все эти сцены были представлены ранее в минойском или микенском искусстве, но лишь под восточным влиянием они появились вновь после долгого отсутствия» [20, с. 213].

Еще более важно то, что именно из Греции (шире – Эгейского мира) финикийцы позаимствовали многие навыки *мореплавания и судостроения*. «Видимо, не случайно письменные источники и археологические находки, свидетельствующие о существовании финикийских поселений на чужих берегах, восходят к XII в. до н. э. В более ранний период, за исключением связей между Египтом и его азиатскими владениями, морская торговля находилась в руках микенских государств. Их господство на море рухнуло в результате большого кризиса, который потряс древний мир к концу XIII в. до н. э. (...) Города Ливана избежали опустошения и были в состоянии стать наследниками микенского господства. Это совершалось в союзе с теми из «народов моря», которые прочно оседали в финикийских городах-государствах. (...) Во всяком случае, на изображениях кораблей переднеазиатского побережья периода XVIII династии фараонов еще легко можно узнать египетский образец. Однако с появлением в городах

побережья переселенцев из стран Эгейского бассейна получили права гражданства и другие типы судов. Видимо, под их влиянием стали строить корабли, обладавшие значительно более высокой остойчивостью и плавучестью, чем египетские модели. (...) Переселенцы из Эгейского мира заложили основу будущей славы финикийцев как смелых мореплавателей и открывателей новых земель» [105, с. 110, 103-104, 82]. «Финикийская торговля следовала путями, проложенными миенойскими и микенскими мореходами» [173, с. 199].

Про духовную жизнь Эгейского мира II тыс. до н. э. нам известно ничтожно мало, так что тут влияния не оценишь... Но если финикийцы (а через них и греки классической эпохи) в области науки своими учителями считали египтян, то следует обратить внимание и на такое замечание Диодора Сицилийского (V, 57): **«Именно благодаря Актину с острова Родос египтяне познакомились с законами астрологии.** Впоследствии у эллинов произошел потоп, большинство людей погибло от наводнения, и все письменные памятники оказались утраченными. Поэтому египтяне, пользуясь благоприятным случаем, присвоили себе достижения в области астрологии, а поскольку эллины не могли возразить из-за утраты письменности, считалось, что египтяне первыми изобрели науку о звездах... Вот почему считается, что только много поколений спустя Кадм, сын Агенора, впервые привез в Элладу письменность из Финикии... тогда как сами эллины прежде якобы пребывали в полном невежестве» [67, с. 335-336].

Вообще естественно возникает предположение, что для многих финикийцев переселение в Грецию архаической эпохи было лишь возвращением на историческую родину предков.

6. 5. Заключение: Финикия - родина мудрости Запада

Разумеется, культура любой эпохи имеет духовные корни в предыдущей эпохе. Соответственно, можно отыскать корни финикийской философии в мудрости великих цивилизаций бронзового века. Может даже сложиться впечатление, что «нет ничего нового под солнцем». Но ведь точно так же неясно, скажем, когда именно в Англии начался (и когда закончился) промышленный переворот. Однако понятно, что при этом производство *постепенно* перешло на *качественно* новую ступень. Именно потому, что для Англии промышленная революция была *естественно* происходившим процессом, там трудно назвать какую-либо четкую дату. А вот у других народов с этим проще: промышленный переворот у всех них начался со ввоза английских станков и машин. И относительно такого заимствования точные документы и даты у нас имеются. О таком же постепенном рождении нового качества следует говорить и при переходе от мудрости бронзового века к финикийской философии. А вот греческая философия сразу возникает в готовом виде именно потому, что была в готовом же виде позаимствована.

Вклад Греции в сокровищницу мировой культуры огромен; но *философия в Греции не возникала*. Вошедший во все учебники и энциклопедии тезис о том, что «первые философские учения возникли 2500 лет назад в Индии, Китае и Древней Греции» неверен, по крайней мере, в отношении последнего географического пункта. *Философия как «теоретическая форма сознания, рационально обосновывающая свои принципы, в отличии от мифологии и религии» впервые в человеческой истории возникла в Финикии, примерно в IX-VIII вв. до н. э.* (Заметим, кстати, что некоторые важнейшие культурные достижения финикийцев, такие, как технологию бетона и сооружение многоэтажных

зданий, греки классической поры так и не позаимствовали вообще; то же возможно и в духовной сфере).

В учебниках по истории философии (начиная с Гегеля) установился такой порядок подачи материала. Сначала говорится о зарождении философии и о жреческой «предфилософии» в древних Египте и Месопотамии. Затем рассказывается о философии Древней Индии и Китая, а потом - о Греции, начиная с Фалеса и Пифагора. Финикийцев иногда упоминают в главе о «предфилософии». Учения Мох и Санхунйатона упорно не признаются «настоящей» философией, и, как правило, вообще не упоминается о мыслителях Ветхого Завета. В то же время учения Индии и Китая, даже буддизм, изучаются именно как философские системы, хотя они фактически не вычленены из соответствующих религиозно-мифологических систем. Подобная подача материала очевидно устарела.

Не следует смешивать *философию Древней Передней Азии* (Финикии и Иудеи) со жреческой предфилософией. Мыслители Финикии - авторы финикийских космогоний, Мох и Санхунйатон - впервые в мире создали *натурфилософию* - именно теоретическую форму сознания, рационально обосновывающую свои принципы. В частности, *Мох* впервые в мире выдвинул теорию атомов, ставшую фундаментом современного естествознания. Можно предположить, что это был «числовой» атомизм, подобный пифагорейскому. *Санхунйатон* был первым в мире ученым, рассматривавшим развитие материи во Вселенной как естественную эволюцию. Он впервые выдвинул рациональную теорию возникновения религии и по праву должен считаться основателем социальной философии. Именно в Финикии было положено начало *математике как науке о числах и вычислениях*. Там астрономия стала практической наукой, помогающей

мореплаванию. Можно предположить, что именно в Финикии впервые был сформулирован философский принцип «все есть число». Учения финикийских философов были позаимствованы вместе с финикийской письменностью древними греками и дошли до нас в изложении *Лина, Ферекида, Фалеса и Пифагора*.

Пифагорейцы (а позднее платоники) позаимствовали также ту форму социальных институтов и систему высшего образования, в которой философия впервые сложилась как отдельная форма общественного сознания - *«школы учеников пророков»*, в частности, последователей Муха. Наконец, духовный импульс из Финикии был воспринят всем Ханааном, в частности, пророками и мыслителями Иудеи, творцами многих книг Ветхого Завета.

В *Библии* содержатся тексты рационально-философские по своей природе, время создания ядра которых следует датировать IX-VII вв. до н. э. Это книги *Экклесиаста, Иова*, отчасти Ионы и Исаяи. Их также следует изучать именно как *философские тексты*.

Таким образом, в учебниках главе о философии Древней Греции должна предшествовать глава *«Философия Древней Передней Азии»*.

Первая родина философии - Передняя Азия, самая высокоразвитая в социальном отношении ее часть, тогдашний центр «мира-экономики». Причем здесь нет оснований говорить о внезапном «финикийском чуде»: налицо ситуация «культурного континуитета», т. е. новые формы духовной жизни развились на прочном фундаменте традиций предшествующей эпохи - традиций прежде всего самого Ханаана, но также и всего огромного региона цивилизации бронзового века: от Европы (особенно Эгейского мира) до Ирана. «Искусство Финикии I тысячелетия до н. э. было мало

самостоятельным. В Финикии подражали в основном египетским и отчасти ассирийским образцам», - сказано во «Всемирной истории» [16, с.503]. Но именно в *открытости* Финикии, этого «мирового перекрестка», самым различным культурным влияниям и состоит глубокая оригинальность ее культуры, создавшая возможность *нового синтеза* (эта способность «отовсюду заимствовать лучшее» была позднее присуща, как мы знаем, и древним афинянам).

Можно утверждать, что финикийцы утвердили *социальный тип мудреца*, ставший основным во всей последующей интеллектуальной истории Европы и Ближнего Востока, - *городской мудрец*, в противоположность отшельнику-аскету в Индии и царскому чиновнику в Китае.

Особенно тесные взаимосвязи культуры Европы и Передней Азии, их духовная близость, особенно по сравнению с Индией и Восточной Азией, с их совершенно другим духовным миром - факт в целом общепризнанный. Так, Карл Ясперс пишет: «Резкая граница между великими культурами должна проходить между Персией и Индией. До Инда европеец может считать, что он находится в Европе, утверждает лорд Эльфинстон (которого цитирует Гегель)... Мир Передней Азии и Европы противостоит в качестве относительной целостности двум другим мирам - Индии и Китаю. Запад являет собой взаимосвязанный мир - от Вавилона и Египта до наших дней... Так, Ветхий Завет, ирано-персидская культура и христианство принадлежат к Западному миру» (куда он относит и ислам!) [104, с. 77, 95].

Этот тезис мирно соседствует у Ясперса с другим, тоже широко распространенным: «Запад возник на основе христианства и античности... его истоки - библейская религия и греческая культура»; он пишет, что основы Западного мира заложили «как культура иудеев, так и культура греков» [104, с.

83, 77]. Т. е. получается, что у культуры современного Запада два разных истока - от греков и от иудеев. На самом деле исток культуры Запада как *целостности* один. Мудрость Запада - финикийская мудрость.

Литература

1. Рассоха І. М. Фінікійська філософія: постановка питання // Вісник Харківського національного університету № 507. Серія “Теорія культури та філософія науки”. - Харків: ХНУ, 2001. - С. 75-81.
2. Рассоха І. М. Стадійні флуктуації як закономірна історична випадковість // Науковий вісник № 8. Серія “Філософія”. - Харків: ХДПУ, 1999. - С. 46-56.
3. Рассоха И. Н. Стадиальные флуктуации в мировой истории: к постановке вопроса // Філософські перипетії. Вісник ХДУ № 437,99. Серія: Філософія. - Харків: ХДУ, 1999. - С. 34-35.
4. Рассоха І. М. Історичні стадійні флуктуації у розвитку суспільства: Автореферат на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук. - Харків: Університет внутрішніх справ, 2000.
5. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. Т. 3. Время мира. Пер. с фр.- М.: Прогресс, 1992.
6. Курбатов Г. Л., Лебедева Г. Е. Город и государство в Византии в эпоху перехода от античности к феодализму // Становление и развитие раннеклассовых обществ.- Л., 1986.- С. 95-140.
7. Маркс К. Капитал. Т. 1. // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд.- Т. 23.
8. Сергеев В. С. История Древней Греции.- М.: Огиз, 1948.
9. Williams E. Capitalism and Slavery. 4th ed., 1975.
10. Работные дома // БСЭ. 3-е изд. Т. 21.- С. 303.
11. История Древнего Востока: (Учебник) Под ред. В. И. Кузицина.- М.: Высшая школа, 1979.

12. Чернышев Б. Софисты.- М.: РАНИОН, 1929.
13. Тюменев А. И. Очерки экономической и социальной истории древней Греции. Т. 1-3.- Петроград: Гос. издат., 1920-1922.
14. Глускина Л. М. Расцвет афинской рабовладельческой демократии // История древнего мира. Т. 2. Расцвет древних обществ.- М.: Наука, 1982.- С. 182-197.
15. Историки античности: В двух томах. Том первый. Древняя Греция: Пер. с древнегреч. / Под ред. М. Томашевской. - М.: Правда, 1989.
16. Всемирная история в десяти томах. Т. 1.- М.: Госполитиздат, 1956.
17. Шифман И. Ш. Финикия // Большая Советская Энциклопедия. Т. 27.- М., 1977.- С. 444.
18. Плиний. Естествознание: Об искусстве. Пер. с лат. Г. А. Пароняна. - М.: Научно-издат. Центр «Ладомир», 1994.
19. Яйленко В. П. Архаическая Греция и Ближний Восток.- М.: Наука, 1990.
20. Илюшечкин В. П. Система внеэкономического принуждения и проблема второй основной стадии общественной эволюции. - М.: Ин-т востоковедения АН СССР, 1970.
21. Книга Экклезиаста / Перевод и комментарии Э. Г. Юнца // Вопросы философии, 1991, № 8. - С. 139-154.
22. Страбон. География в 17 книгах. Пер. с греч. Г. А. Стратановского. - М.: Наука, 1964.
23. Плутарх. Избранные жизнеописания в двух томах. Т. I. - М.: Правда, 1990.

24. Гельцер М. Я. О некоторых вопросах социальной и экономической истории Финикии IX в. до н. э. // Древний мир. Сборник статей.- М.: Изд. Восточной литературы, 1962.- С. 218-226.
25. Библия. Книги священного писания Ветхого и Нового Завета канонические в русском переводе с параллельными местами. Перепечатано с Синодального издания.- М.: Протестант, 1991.
26. Юстин. Эпитома Помпея Трога // Вестник древней истории, 1954, № 2-4; 1955, № 1.
27. Вебер М. Избранные произведения: Пер. с нем.- М.: Прогресс, 1990.
28. Шифман И. Ш. Возникновение Карфагенской державы.- М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1963.
29. История Европы. Т. 1. Древняя Европа. - М.: Наука, 1988.
30. Шифман И. Ш. Финикийские мореходы.- М.: Наука, 1965.
31. Логвинович Э. Г., Соколов Л. Г. Судно // Большая Советская энциклопедия. Т. 25.- М., 1976.- С. 48.
32. Афинея. О машинах // Вестник древней истории, 1940, № 3. - С. 414-424.
33. Шифман И. Ш. Объединение финикийских колоний в Западном Средиземноморье и возникновение Карфагенской державы // Вестник древней истории, 1960, № 2. - С. 39-46.
34. Арриан. Поход Александра. Пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1962.
35. Тураев Б. А. Остатки Финикийской литературы.- Спб.: Тип. В. Киршбаума, 1903.

36. Титов В. С. Архитектура Палестины и Финикии // Всеобщая история архитектуры в 12 томах. Т. 1 - М.: Изд-во литературы по строительству, 1970.- С. 231-241.
37. Десов А. Е. Бетон // Большая советская энциклопедия. Т. 3.- М., 1970.- С. 280.
38. Шифман И. Ш. Ветхий Завет и его мир: Ветхий Завет как памятник литературной и общественной мысли древней Передней Азии.- М.: Политиздат, 1987.
39. Флавий Иосиф. О древности иудейского народа: Против Апиона. Пер. с греч. Я. И. Израэльсона.- Спб.: Типо-Литография А. Е. Ландау, 1895.- XXXIV, 134. XII с.
40. Шифман И. Ш. Финикийский язык.- М., 1963.
41. Хенниг Р. Неведомые земли. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. 1.
42. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М. Искусство Передней Азии 2 - середины 1 тысячелетия до н. э. // Искусство Древнего Востока. - М.: Искусство, 1968 - С. 61-62.
43. Syro-Palestinian visual arts // The New Encyclopedia Britannica in 30 vol. Macropaedia. 15th ed. - Knowledge in Depth, 1975. Vol. 19, p. 265.
44. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Г. А. Стратановского.- Л.: Наука, 1972.
45. Гуляев В. И. Доколумбовые плавания в Америку: мифы и реальность.- М.: Междунар. отношения, 1991.

46. Диодора Сицилийского Историческая библиотека. Пер. с греч. И. Алексеева.- Спб.: Императорская АН, 1774. Ч. 1.
47. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Пер. с греч.; Под ред. А. Ф. Лосева и др. - М.: Мысль, 1999.
48. Аппиан. Римская история. VIII. I, // Вестник древней истории, 1950, № 3, 233-292.
49. Сенека Луций Анней. Трагедии. - М.: Наука, 1983.
50. Gordon C. H. Before Columbus. - N. Y., 1971.
51. Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. - М.: Наука, 1972.
52. Вайян Дж. История ацтеков. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1949.
53. Леон-Портилья М. Философия нагуа: Исследование источников. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961.
54. Фантар М. Финикийцы, искусные мореходы древности // Курьер ЮНЕСКО, Январь 1984. - С. 4-7.
55. Страны и народы: Америка. Общий обзор. Северная Америка. - М.: Мысль, 1980.
56. Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1982.
57. Дьяконов И. М. Сирия, Финикия и Палестина в III - II тысячелетиях до н. э. // История древнего мира: Ранняя древность.- М.: Наука, 1982. - С. 217-237.
58. Меир Г. Моя жизнь // Иностранная литература, 1994, № 2 - С. 146.

59. Афанасьева В. К., Дьяконов И. М., Вейнберг И. П. Культура Передней Азии в первой половине I тыс. до н. э. // История древнего мира: Расцвет древних обществ.- М., 1982.- С. 95-127.
60. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон.- М.: Искусство, 1969.
61. Библиейская энциклопедия. Репринтное издание [Иллюстрированная полная популярная Библиейская энциклопедия. Труд и издание Архимандрита Никифора. - М., 1891]. - М.: Терра, 1990.
62. Аверинцев С. С. Иов // Мифы народов мира. Энциклопедия в двух томах. Т. 1. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - с. 553-554.
63. Поэзия и проза Древнего Востока. - М.: Художественная литература, 1973.
64. Левитан Е., Мамуна Н. Сокровища корабля Арго // Наука и жизнь, 1988, № 1. - С. 130-134.
65. Мифы народов мира. В двух томах - М.: Советская энциклопедия, 1980.
66. Вейнберг И. П. Предэллинизм на Востоке // История древнего мира. Расцвет древних обществ.- М., 1982.- С. 198-212.
67. Бартошек А. Златообильные Микены.- М.: Наука, 1980.
68. Шифман И. Ш. Финикийская культура // Советская историческая энциклопедия. Т.15 - М., 1974.- С. 154-158.
69. Hemmerdinger V. Trois notes.- REG, 1966, № 79.
70. Фрагменты ранних греческих философов. - Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения

- атомистики. Издание А. В. Лебедева / Под ред. И. Д. Рожанского. - М.: Наука, 1989.
71. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. 2-е изд.- М.: Мысль, 1986.
72. Чайковский Ю. В. Фалесова наука в историческом контексте // Вопросы философии. - 1997. - № 8. - С. 151-165.
73. Херасков И. М. Происхождение масонства и его развитие в Англии XVIII и XIX вв. // Масонство в его прошлом и настоящем.- М., 1991.- С. 1-34.
74. Плутарх. Моралии: Сочинения. - М.: ЗАО Изд-во ЭКСМО-Пресс, Харьков: Изд-во Фолио, 1999.
75. Кобылина М. М. Милет. - М.: Наука, 1965.
76. Лосев А. Ф. Фалес // БСЭ. Т. 27. - С. 197.
77. Рожанский и. Д. Анаксагор.- М.: Мысль, 1983.
78. Тураев Б. Финикия // Иллюстрированная энциклопедическая библиотека. Древний Восток: История. Философия. Религия. Искусство. - М.: «Деконт +», 1996. - С. 245-273.
79. Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. - М.: Наука, 1976. – 246 с., ил.
80. Маковельский А. О. Древнегреческие атомисты.- Баку: Изд. АН Азербайдж. ССР, 1946.
81. Рассоха И. Н. Языческие мифы и религии народов мира. - Харьков: Торсинг, 2002.
82. Винников И. Н. Эпитафия Ахирама Библиского в новом освещении // Вестник древней истории, 1952, № 4. - С. 141-152.

83. Флавий Иосиф. Иудейские древности. В 2-х томах / Пер. с греч. Г. Генкеля. Т. 1. - М.: КРОН-ПРЕСС, 1996.
84. Фрагменты ранних стоиков. Т. 1. Зенон и его ученики. Пер. и коммент. А. А. Столярова [Stoicorum veterum fragmenta. Collegit Ioannes ab Arnim]. - М.: Греко-латинский кабинет Ю. А. Шишалина, 1998.
85. Ориген: Творения Оригена, учителя Александрийского, в русском переводе. Выпуск I. О началах (с введением и примечаниями). - Казань: Казанская духовная академия, 1899.
86. Галич М. История доколумбовых цивилизаций / Пер. с исп. Предисловие Ю. В. Кнорозова - М.: Мысль, 1990.
87. Кинжалов Р. В. Индейцев Центральной Америки мифология // Мифы народов мира - М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1, с. 516-522.
88. Пополь-Вух. Пер. с языка киче. Издание подготовил Р. В. Кинжалов. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
89. Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. - Л.: Наука, 1975.
90. Стингл М. Индейцы без томагавков. - М.: Прогресс, 1984.
91. Иванов В. В. Змей // Мифы народов мира. Т. 1. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - С. 468-471.
92. Прыгов Д. Д., Давыдов М. С. За птицей Кецаль: Пять путешествий по Мексике. - М.: Мысль, 1986.
93. Прескотт В. Завоевание Мексики // Науки и художества, т. LVI (-LX), отд. II. [1886].

94. Лосев А. Ф. Зевс // Мифы народов мира. Т. 1. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - С. 463-466.
95. Лосев А. Ф. Тифон // Мифы народов мира. Т. 2. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - С. 514.
96. Аверинцев С. С. Люцифер; Сатана // Мифы народов мира. Т. 2. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - С. 84; 412-414.
97. Библейская энциклопедия. - Репринтное издание: Иллюстрированная полная популярная библейская энциклопедия. Труд и издание митрополита Никифора - М.: Тип. А. И. Снегиревой, 1891. - М.: ТЕРРА, 1990.
98. Косидовский З. Когда солнце было богом: Пер. с пол. 2-е изд. - М.: Наука, 1991.
99. Керам К. Боги, гробницы, ученые: Роман археологии. Пер. с пол. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1963.
100. Анонимный географический трактат "Полное описание Вселенной и народов" Пер. С. В. Поляковой и И. В. Феленковской // Византийский временник. Т. VIII. - М., 1956. - С. 277-305.
101. Свенцицкая И. С. Раннее христианство: страницы истории. - М.: Политиздат, 1987.
102. История Древнего Рима / Под ред. А.Б. Бокшанина и В.И.Кузищина. - М., 1971.
103. Аникин А. В. Золото: Международный экономический аспект. - М.: Международные отношения, 1984.
104. Ясперс К. Смысл и назначение истории.- М., 1991.
105. Бернхардт К.-Х. Древний Ливан. - М.: Наука, 1982.

106. Моммзен Т. История Рима. Т. V: Провинции от Цезаря до Диоклетиана. - СПб.: Наука; Ювента, 1995.
107. Джата // Мифы народов мира - М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 1, с. 373-374.
108. Філософський енциклопедичний словник. – К.: Абрис, 2002.
109. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. Пер. с нем. – СПб.: Наука, 2000. – 272 с.
110. Шичалин Ю. А. Статус науки в орфико-пифагорейских кругах // Философско-религиозные истоки науки. – М.: Мартис, 1997. – С. 12-43.
111. Ямвлих Халкидский. Жизнь Пифагора. Пер. с древнегреч. В. Б. Черниговского – М.: Алетейя, 1997. – 184 с.
112. Аверинцев С. С. Мельхиседек // Мифы народов мира - М.: Сов. энциклопедия, 1980. Т. 2. – С. 135-136.
113. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1983.
114. Ломброзо Ч. Гениальность и помешательство: Параллель между великими людьми и сумасшедшими. – К.: Україна, 1995. – 276 с.
115. Кривуля О. М. Історія філософії: Репрезентативний курс для аспірантів усіх напрямів підготовки. – Харків: ХДАМГ, 2003. – 250 с.
116. Чанышев А. И. Виды мировоззрения и генезис философии // Вестник МГУ: Философия, 1978, № 4. – С. 48-59.
117. Гегель. Г. Ф. В. Лекции по истории философии. Книга первая // Гегель Г. Сочинения. Т. IX.- М.: Партийное издательство, 1932.

118. Ортега-и-Гасет Х. Возникновение философии // Что такое философия? – М.: Наука, 1991.
119. Опарин А.А. Развенчанные боги. Археологическое исследование книг пророков Ионы и Наума. – Харьков: Факт, 2002.
120. Толковая Библия, или Комментарий на все книги Святого Писания Ветхого и Нового Завета. Издание преемников А. П. Лопухина. 2-е изд. – Стокгольм: Институт перевода Библии, 1987.
121. Пономарев Л. И. Под знаком кванта. – М.: Наука, 1989. – 368 с.
122. Портнов А. А., Шахнович М. И. Психозы и религия. – Ленинград: Медицина, 1967.
123. Философский энциклопедический словарь. – М.: Советская энциклопедия, 1989.
124. Чанышев А. Н. Начало философии. – М.: Изд-во МГУ, 1982.
125. Чанышев А. Н. Философия Древнего мира (история философии): Учебник для вузов. – М.: Высшая школа, 2003. – 703 с.
126. Тимошенко В. Демокрит // Философская энциклопедия. Т. 1. – М., 1960. – С. 459-462.
127. The World Book Encyclopedia, 1994.
128. Марциал Марк Валерий. Эпиграммы. – М.: Художественная литература, 1968.
129. Дирингер Д. Алфавит. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
130. Беленький М. С. О мифологии и философии Библии. – М.: Наука, 1977. – 168 с.
131. Чанышев А. Н. Эгейская предфилософия. – М.: Изд-во МГУ, 1970.

132. Антисери Д., Реале Дж. Западная философия от истоков до наших дней. Античность и Средневековье. – СПб.: Пневма, 2003. – 688 с.
133. Ур-Мьедан М. Карфаген. – М.: Весь мир, 2003. – 184 с.
134. Нейгебауэр О. Точные науки в древности. – М.: Наука, 1968.
135. Римшнейдер М. От Олимпии до Ниневии во времена Гомера. Пер. с нем. – М.: Наука, 1974.
136. Рейсс. История священных книг Ветхого завета (отрывки) // Происхождение Библии. – М.: Наука, 1964. – С. 342-393.
137. Жмудь Л. Я. Пифагор и его школа. – Л.: Наука, 1990. – 191 с.
138. Шахнович М. И. Первобытная мифология и философия: Предыстория философии. – Ленинград: Наука, 1971. – 240 с.
139. Фролов Э. Д. Рождение греческого полиса. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
140. Шифман И. Ш. Западносемитская мифология // Мифы народов мира. В двух томах - М.: Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1, с. 456-460.
141. Тарнас Р. История западного мышления. – М.: КРОН-ПРЕСС, 1995. – 448 с.
142. Виноградов И. В. Новое царство в Египте // История древнего мира: Ранняя древность.- М.: Наука, 1982. - С. 238-257
143. Fecht G. Amarna-Probleme (1-2). – Zeitschrift für ägyptische Sprache und Altertumskunde. – Bd 85, 1960. – S. 83-118.
144. Перепелкин Ю. Я. Кэйе и Семнех-ке-рэ: К исходу солнцепоклоннического переворота в Египте. – М.: Наука, 1979. – 310 с.

145. Перепелкин Ю. Я. Переворот Амен-Хотпа IV. Часть 2. – М.: Наука, 1984. – 288 с.
146. Burkert W. Die Orientalisierende Epoche in der griechischen Religion und Literatur. – Heidelberg, 1984.
147. Согомонов А. Ю. Восточные истоки раннегреческой культуры по исследованиям Вальтера Буркерта // Вестник древней истории, 1989, № 4. – с. 146-155.
148. История древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2. Передняя Азия. Египет. – М.: Наука, 1988. – 623 с.
149. Брестед Д., Тураев Б. История Древнего Египта. Т. 1. – Минск: Харвест, 2002. – 384 с.
150. Оппенгейм А. Древняя Месопотамия: Портрет погибшей цивилизации. 2-е изд. – М.: Наука, 1990. – 319 с.
151. Ван-дер-Варден Б. Пробуждающаяся наука II. Рождение астрономии. – М.: Наука, 1991. – 384 с.
152. Рижский М. И. Книга Иова: Из истории библейского текста. – Новосибирск: Наука, 1991. – 248 с.
153. Рижский М. И. Библейские вольнодумцы. – М.: Республика, 1992. – 236 с.
154. Аристотель. Сочинения в четырех томах. Т. 1 – М.: Мысль, 1975.
155. Парнов Е. И. Трон Люцифера: Критические очерки магии и оккультизма. 2-е изд. – М.: Политиздат, 1991. – 302 с.
156. Lys D. L'Ecclesiaste. Ou que vaut la vie? – Lille, 1973.
157. Glatzer N. The Book of Job and its interpreters: Biblical motifs. Cambridge, 1966.

158. Узбек К. М. Развитие рациональности в античной математике и философии. – Донецк: ДонГУЭТ, 2003. – 357 с.
159. Гайденко П. История греческой философии в ее связи с наукой. – М.: ПЕР СЭ; СПб.: Университетская книга, 2000. – 319 с.
160. Циркин Ю. Б. Древняя Испания. – М.: РОССПЭН, 2000. – 368 с.
161. Циркин Ю. Б. Мифы Финикии и Угарита. – М.: РИК Русанова; Астрель; АСТ, 2000. – 480 с.
162. Гиерокл. Пифагорейские Золотые Стихи с комментарием философа Гиерокла / Пер. с греч. И. Петер. – М.: Русское феноменологическое об-во; Алетейа, 1996. – 128 с.
163. Африка // БСЭ, 3-е изд. Т. 2. – С. 435-451.
164. Net Monster. Тринадцать врат: История эзотерических учений "от Адама до наших дней" >> www.istorichka.ru/catalog/1094014860/ - 8k -.
165. Бурмистров Е., Эндель М. Введение // "Сефер Йецира" в еврейской и христианской традиции >> www.oto.ru/cgi/text.pl/cabbala/texts/Sefer - 228k -.
166. Гермес Трисмегист и герметическая традиция Востока и Запада: Сост., коммент., пер. с др.-греч., лат., фр., англ., нем., польск. К. Богуцкого. - К.: Ирис; М.: Алетейа, 1998. - 623 с. >> Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, e-lib. philosophy.ru/library/misc/hermetism.html - 906k -.
167. Книга Творения Сефер Иецира. Пер. с евр. Н. А. Переферковича // "Сефер Йецира" в еврейской и христианской традиции >> www.oto.ru/cgi/text.pl/cabbala/texts/Sefer - 228k -.

168. Берг д-р Ф. Ш. Введение в Каббалу. Перевоплощение душ. Межзвездные связи. – Ростов н/Д.: Феникс, 1995. – 575 с.
169. Раби Шимон. Зогар. Пер. с арамейского и коммент. М. А. Кравцова. – М.: Гнозис, 1994.
170. Ислам: Словарь атеиста. – М.: Политиздат, 1988.
171. [Платон]. Послесловие к Законам. Пер. А. Н. Егунова // Полное собрание творений Платона в 15 томах. Т. XIV. – Петербург: Academia, 1923. – С. 241-272.
172. Традиционные и синкретические религии Африки. Под ред. А. А. Громыко. – М.: Наука, 1986. – 589 с.
173. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. – К.: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. – 1064 с.
174. Страны и народы: Научно-популярное географо-этнографическое издание в 20 томах. Зарубежная Азия. Общий обзор. Юго-Западная Азия. – М.: Мысль, 1979. – 381 с.
175. Рассоха И. Н. Финикия – первое в истории современное общество // Софія: Культурологічний журнал. – К.: Фенікс, № 4/2005. – С. 94-136.
176. Рассоха И. Н. Глава 2: Стадиальные флуктуации в цивилизационной истории человечества // Цивилизационная структура современного мира. В 3-х томах. Т. 1. / Под ред. Ю. Н. Пахомова и Ю. В. Павленко.- К.: Наукова думка, 2006. – С. 100-148.
177. Рассоха И. Н. Исторические стадиальные флуктуации // Collegium, № 18. – К., 2005. – С. 168-202.
178. Аверинцев С. С. Ангелы // Мифы народов мира. В 2 томах - М.: Сов. энциклопедия, 1980. – Т. 1, с. 76-78.
179. Гамкрелидзе Т. В., Иванов Вяч. Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: реконструкция и историко-

типологический анализ праязыка и протокультуры. –
Тбилиси: Изд-во Тбилисского ун-та, 1984. – Т. 1-2. –
1332 с.

Аннотация

Философия впервые в человеческой истории возникла в Финикии в IX-VIII вв. до н. э. Тогда Финикия была «раннекапиталистическим» центром «мира-экономики», как Афины V-IV вв. до н. э., города Северной Италии XIV-XVI вв. или Англия XVIII в. В ее социальном строе было много черт современного индустриального общества: преобладание вторичного сектора экономики, демократический строй, господство в социальной жизни капиталистов-судовладельцев.

В то время Финикия вышла в авангард культурного развития всего человечества: здесь был создан фонетический алфавит, изобретен бетон, построены первые корабли современного типа, многоэтажные жилые дома и боевые машины. Здесь также возникла арифметика как «наука о числах и измерениях»; вероятно, именно здесь впервые была выдвинута идея «все есть число». Мыслители Финикии впервые создали натурфилософию, в частности, Мох создал теорию атомов. Можно предположить, что это был «числовой» атомизм, подобный пифагорейскому, из которого логически следовала и вера в переселение душ как неизменных «числовых» сущностей.

Санхунйатон впервые выдвинул рациональную теорию возникновения религии и стал основателем социальной философии. В частности, он учил, что боги – это или обожествленные природные стихии, или люди, которым после смерти стали воздавать божественные почести, как правило, бывшие правители и изобретатели. Для него вообще характерно представление об историческом процессе как о ряде культурных достижений и изобретений. При этом он четко излагает концепцию о существовании в прошлом матриархата, о возникновении городов одновременно с изобретением

письменности и мореплавания. В целом в космогонии Санхунйатона содержатся представления о прогрессивной эволюции материи, о возникновении жизни во влажном иле и об усложнении живых существ. Это – натурфилософский, а не мифологический подход, он характерен для всех дошедших до нас финикийских космогоний – как «стремление узнать начало всего, откуда пошло все».

Финикийцы внесли также большой вклад в развитие астрономии, в создание астрологии и буквенно-числовой мистики. Их идеи оказали влияние на герметизм, каббалу, учение секты нусайритов и мифологию африканского народа бамбара.

Учения финикийских философов были позаимствованы вместе с финикийской письменностью древними греками и дошли до нас в изложении Лина, Ферекида, Фалеса и Пифагора. Пифагорейцы позаимствовали также тот социальный институт, в котором философия впервые сложилась как отдельная форма общественного сознания - «школы учеников пророков», в частности, последователей Моха.

В Финикии возникла идея социальной справедливости как Божьей заповеди. Там впервые была создана научная теология, в частности, представление о том, что Вселенная возникла из соединения неоформленной материи, представляемой как вода, с Богом-Творцом, представляемым как Мировой Ум, Слово (Логос) и Свет.

Духовный импульс из Финикии был воспринят всем культурно близким ей регионом Передней Азии, в частности, пророками Иудеи. В Библии содержатся рационально-философские тексты (книги Экклезиаста, Иова, отчасти Ионы и Исаяи), время создания ядра которых следует датировать IX-VII вв. до н. э. Особый интерес в них представляет идея вечного существования мира как бесконечно повторяющихся

одинаковых циклов развития. Эта идея «вечного возвращения» в форме идеи Мирового года стала идейным основанием для астрологии, а также была позднее воспринята мыслителями древней Индии.

Есть серьезные основания предполагать, что финикийцы также неоднократно достигали Америки и оказали заметное влияние на культуру индейцев Мексики, в частности, на формирование легенды о Пернатом Змее. Эта легенда имеет параллели в греческой мифологии и в Библии. В частности, образы Офиона, Фанеса и Тифона явно родственны первоначальному библейскому образу Сатаны.

Позднее финикийцы попали под власть Ассирии и персов и затем сами восприняли греческую культуру. Но и позднее они оказывали значительное влияние на развитие античной цивилизации. В частности, финикийское происхождение имеют основные положения философии стоиков. В Финикии была предпринята единственная в античной истории попытка создания общенационального органа представительской демократии, подобного парламенту. Финикийцы также серьезно повлияли на формирование первоначального христианства. В целом именно финикийцы заложили основы всей последующей духовной культуры Запада.

При этом Финикия достигла качественно нового уровня культурного развития за счет творческого синтеза духовных достижений цивилизаций бронзового века: Ханаана, Угарита, Эгейского мира, Вавилонии и особенно Древнего Египта. Есть серьезные основания для гипотезы о прямой преемственности между финикийской философской традицией («тайными книгами») и древнеегипетским вольнодумством, повлекшим религиозную реформу Эхнатона. Данная гипотеза о бегстве сторонников монотеизма из Египта в Финикию хорошо

объясняет весь комплекс информации о нееврейской части библейской монотеистической традиции.

Все эти выводы следуют из уже известных исторических источников, если при их изучении отказаться от антинаучного гиперкритицизма. Методология данной работы основана на двух взаимосвязанных принципах: на презумпции доверия к историческим источникам и на стремлении к наибольшей полноте содержания при выборе возможных исторических версий.

Открытие финикийцами Америки

1. Античные источники об открытии финикийцами Америки

Первым в истории «раннебуржуазным» обществом были города древней Финикии [65]. Например, о главном городе Финикии Тире в Библии говорится: «ваш ликующий город, который раздавал (царские) венцы, которого купцы - князья, торговцы - знаменитости (своей) земли» (Исайя, 23.8). Для всех «раннебуржуазных» купеческих обществ был характерен дух новаторства, смелые путешествия, выливавшиеся в великие географические открытия. Достаточно вспомнить плавание голландца Тасмана, англичан Дрейка, Кука или то, что Христофор Колумб, как и Америго Веспуччи, были *итальянцами*, выходцами из ренессансных Генуи и Флоренции. Древние греки тоже прославились этим, например, Пифей из Массилии, обогнувший в V в. до н. э. Британию и плававший до далёкой страны Туле (вероятно, Скандинавии).

Но и на этом фоне достижения великой торговой нации финикийцев выглядят фантастично: помимо плаваний в Индию («страну Офир») и к Британским островам, они более чем за две тысячи лет до Васко да Гамы *обогнули Африку*, о чём писал Геродот:

«Ливия же, по-видимому, окружена морем, кроме того места, где она примыкает к Азии. Это, насколько мне известно, первым доказал Нехо, царь Египта. После прекращения строительства канала из Нила в Аравийский залив царь послал финикийян на кораблях. Обратный путь он приказал им держать через Геракловы Столбы, пока не достигнут Северного (Средиземного - И. Р.) моря и таким образом не возвратятся в Египет. Финикийяне вышли из Красного моря и затем поплыли

по Южному. Осенью они приставали к берегу, и в какое бы место Ливии не попадали, всюду обрабатывали землю, затем дожидались жатвы, а после сбора урожая плыли дальше. Через два года на третий финикийцы обогнули Геракловы Столбы и прибыли в Египет. По их рассказам, - сам-то я этому не верю, пусть верит, кто хочет (и зря: в южном полушарии всё так и есть. - И. Р.) - во время плавания солнце оказывалось у них на правой стороне. Так было доказано, что Ливия окружена морем. Впоследствии карфагеняне утверждали, что им также удалось обогнуть Ливию» [1, с. 197 (4: 42, 43)]. Кстати, в Южной Африке в районе Кланвильяма были найдены наскальные рисунки бушменов с изображением финикийских галер [48, с. 42, 48].

Наконец, весьма вероятно, что финикийцы были предшественниками Колумба, совершая плавания и в Америку. У *Диодора Сицилийского* в пятой книге его «Исторической библиотеки» есть рассказ о том, что финикийцы из Гадира (Кадиса; оттуда вышел и флот Колумба) были отнесены бурей к «превеликому острову, лежащему на запад от Ливии на расстоянии многих дней морского пути». На этом «превеликом острове» протекают судоходные реки, есть горы, леса, «бесчисленные сады с плодами, приятными водами разделяемые» (мексиканские ирригационные каналы?). «Деревни там также богато выстроенные, и питейные дома [вероятно, хорошо известные этнографам «мужские дома». - И. Р.] в садах прекрасно расположенные везде встречаются» [2, с. 165-167]. Всё это куда более похоже на Новый Свет, чем на Канарские острова - на них засушливый климат. Острова Азорские, Мадейра и Зеленого мыса в древности были *необитаемыми*, а других подходящих островов в Атлантическом океане вообще нет. Значит, здесь могла идти

речь *только* об Антильских островах либо о самом материке Америки.

Вообще многие античные писатели высказывали предположение о существовании огромного материка к западу от Атлантического океана. Прежде всего сошлемся на знаменитый диалог *Платона* «Тимей», где речь идет о легендарной Атлантиде. Там говорится (24): «Через море [Атлантический океан] в те времена возможно было переправиться, ибо еще существовал остров [Атлантида], лежащий перед тем проливом, который называется на вашем языке Геракловыми столпами. (...) С него тогдашним путешественникам легко было перебраться на другие острова, а с островов - на весь противоположащий [нашему] материк, который охватывал то море [Атлантический океан], что и впрямь заслуживает такое название (ведь [Средиземное] море по эту сторону упомянутого [Гибралтарского] пролива является всего лишь заливом с узким проходом в него, тогда как море по ту сторону пролива есть море в собственном смысле слова, равно как и окружающая его земля воистину и вполне справедливо может быть названа материком)» [3, с. 429-430].

То есть Атлантида ясно названа *островом в Средиземном море* (*перед* Гибралтарским проливом, а не *за* ним), с которого можно перебраться на другие острова в Атлантическом океане, а с них - еще далее на *“противолежащий” нашему материк*. Потом в результате катастрофы море в районе бывшей Атлантиды стало несудоходным из-за ила, но это еще не значит, что *“противолежащий” материк* стал вообще не доступен.

В любом случае Платон четко заявляет, что через Атлантический океан («море за Геракловыми столпами») в принципе можно переправиться, и что за ним находится «противолежащий материк» - и эта земля «воистину и вполне справедливо может быть названа материком». С точки зрения

истории географических знаний древних греков это свидетельство *гораздо важнее*, чем весь последующий рассказ об Атлантиде.

Часто цитируют то место из «Тимея», где Платон говорит, что Атлантида была «больше Ливии и Азии, вместе взятых». Возможно, здесь какая-то ошибка - то ли переписчиков, то ли переводчиков. Дело в том, что в диалоге «Критий» (113) Платон приводит довольно точные размеры Атлантиды: «Посейдон, получив в удел остров Атлантиду, населил ее своими детьми, зачатыми от смертной женщины, примерно вот в каком месте: от моря и до середины острова простиралась равнина, если верить преданию, красивее всех прочих равнин и весьма плодородная, а опять-таки в середине этой равнины, примерно *в пятидесяти стадиях* от моря, стояла гора, со всех сторон невысокая» [3, с. 507]. Легко подсчитать, что ширина всего острова должна была составлять примерно 200 стадий. Один стадий примерно равен 193 метрам, так что ширина Атлантиды - примерно 40 км, что соответствует описанию Крита.

По смыслу больше подходила бы характеристика “больше Ливии и Азии” по *силе*, а не по размерам. Впрочем, греки часто называли Азией Персидское царство в целом. Ливией же называли Карфагенскую державу (“Достигнув могущества, карфагеняне овладели Ливией и большим пространством моря; они стали вести внешние войны, совершая походы в Сицилию, на Сардинию и на другие острова, которые находятся в этом море, а также в Иберию. Очень часто они стали посылать и колонии, и могущество их в военном отношении стало равно эллинскому, по богатству же стояло на втором месте после персидского.” [4, с. 262]). Да и речь в этих диалогах идет именно о том, что некогда греки во главе с Афинами победили врага - Атлантиду, могущественного как персы и Карфаген («Ливия и Азия») вместе взятые.

К тому же, во-первых, Платон был мастером сочинения “ученых” мифов и вполне мог многое придумать. А во-вторых, сведения от египетских жрецов - это сведения как минимум из вторых рук. Возможно, в таком виде у них сохранилась память о могущественной Минойской державе Крита и ее гибели от извержения вулкана Санторин. «Взрыв вулкана на острове Санторин, лежащем в 110 км к северу от Крита, произошедший около 1450 г. до н. э., вызвал сильное землетрясение. Затем до острова докатилась мощная взрывная волна, вызвавшая большие разрушения, и тут же следом за ней на северное побережье обрушились один за другим гигантские цунами, причем высота этих волн достигала, вероятно, нескольких десятков метров. И, наконец, остров накрыла вызванная извержением вулкана огромная пепловая туча. В результате города и селения Крита были обращены в развалины, многочисленный флот («гроза морей») уничтожен, а плодородные поля в самой обжитой части острова, на его востоке и в центре, покрыты толстым слоем губительного для растительности вулканического пепла, и цветущая прежде земля оказалась на долгие годы превращенной в безжизненную пустыню. Массовый падеж скота, вызванный гибелью пастбищ и заражением уцелевшего травяного покрова ядовитым фтором, содержащимся в продуктах вулканических извержений, должен был довершить постигшую минойскую цивилизацию страшную катастрофу, воспоминания о которой отразились в хорошо известном предании о гибели Атлантиды» [63, с. 21-22].

Для нас же главное - то, что *Платон верил в существование огромного материка по другую сторону Атлантического океана.*

Неоплатоник Прокл комментировал диалоги Платона в V в. н. э. А. А. Тахо-Годи указывает в примечаниях к «Тимею»: «Для Прокла является вполне достоверным рассказ некоего

безвестного Маркелла (которого, впрочем, Прокл, может быть, путает с современным ему географом Маркианом из Гераклеи Понтийской) в сочинении «Эфиопики» о громадном острове, некогда существовавшем в Атлантике, посвященном Посейдону и сохранившемся в памяти жителей другого большого острова в [Атлантическом] океане, также связанного с именем Посейдона (Procl in Tim. 177, 10-21)» [3, с. 610].

Вообще-то похоже на то, что убеждение в наличии где-то за Атлантическим океаном еще одного обитаемого материка было в античную эпоху чуть ли не общепринятым. Так, в романе *Апулея* «Золотой осел» (I, 8) о некоей колдунье говорится: «Воспламенить к себе любовью жителей не только этой страны, но Индии, обеих Эфиопий, даже самых антихтонов – для нее пустяки, детские игрушки!» [40, с. 355]. Приведем комментарий к этому тексту: «*Антихтоны* – жители противоположного полушария, для древних такие же сказочные существа, как эфиопы» [40, с. 574]. Но дело в том, что эфиопы как раз никоим образом *не были* для древних римлян и греков сказочными существами. Например, среди римских богачей было модно держать раба-эфиопа (негра). Так что если антихтоны («противоживущие», т. е. живущие в другом полушарии Земли) для древних были такими же «сказочными», то это значит, что они были уверены в *реальности* этих антихтонов, живущих еще дальше, чем эфиопы.

Страбон в своей «Географии» (2. 5. 13) указывает: «“Обитаемым” миром мы называем тот, в котором живем и который знаем; возможно, что в одном и том же умеренном поясе два обитаемых мира и даже больше, особенно поблизости от параллели, проходящей через Афины, которая проведена через Атлантический океан» [5, с. 71]. В другом месте (2. 4. 6) он говорит: «Дать точные сведения о всей земле и обо всем “веретене”, о котором я говорил выше [сегмент северного

полушария, лежащий между экватором и кругом, описанным параллельно ему у полюса, по форме представляет веретено], - это дело другой науки; например, поставить вопрос: обитаемо ли “веретено” также и на противоположной четверти? Конечно, если оно и обитаемо, то не такими людьми, как у нас, или мы должны рассматривать его как другой обитаемый мир, что вероятно» [5, с. 119].

Сравним это уверенное заявление с мнением Страбона о территории Восточной Европы (7. 2. 4 - 3. 1): «Области за Альбием [Эльбой. - И. Р.] близ Океана нам совершенно неведомы. Действительно, я не знаю никого из людей прежнего времени, кто бы совершил это прибрежное плавание в восточные области вплоть до устья Каспийского моря; и римляне еще не проникали в земли за рекой Альбием; равным образом и сухим путем никто не проходил туда. Однако если идти по долготе к востоку, то мы встретим области, лежащие около Борисфена и к северу от Понта (...). Но что находится за Германией: нужно ли принять, что там живут бастарны (как думает большинство), что между ними обитают другие народности - язиги или роксоланы или какие-либо другие из кочующих в кибитках, сказать трудно. Нелегко решить, обитают ли они вплоть до океана, по всей длине побережья, или какая-либо часть страны необитаема из-за холода или по другой причине, или даже другая народность, сменившая германцев, живет между морем и областью восточных германцев. То же самое неведение господствует у нас относительно прочих, непосредственно следующих за ними северных народностей. (...) Незнакомство с этими странами заставляет придавать значение тем, кто придумал мифические “Рифейские горы” [Урал. - И. Р.] и “гиперборейцев”, а также всем выдумкам Пифея из Массалии о стране вдоль океанского побережья

[Скандинавии. - И. Р.], которые он прикрывал своими сведениями из астрономии и математики» [5, с. 269-270].

Так что если Страбон писал о том, что, *вероятно*, через Атлантический океан можно перебраться и там, *вероятно*, находится «другой обитаемый мир», он имел об этом сведения куда более правдоподобные с его точки зрения, чем сведения о народах Восточной Европы (в частности, о славянах-венедах), о Скандинавии и тем более об Уральских (Рифейских) горах. Это могло быть *только* лишь в том случае, если до этого заселенного «не такими людьми, как у нас» мира добирались путешественники, более заслуживающие доверия в глазах Страбона, чем Пифей и даже Геродот.

А у *Сенеки* в трагедии “Медея” (364-380) есть такое поразительное пророчество: «Смирились теперь моря и любой приемлют закон, и не нужен Арго, что был слажен самой Паллады рукой, славный веслами челн, несущий царей: любая баржа повсюду плывет. Нигде никаких нет больше границ, на новой земле встают города, ничто не оставил на своих местах мир, открытый путям: индийцев поит студеный Аракс, перс из Рейна и Альбиса пьет. Пролетят века, и наступит срок, когда мира предел разомкнет Океан, широко простор распахнется земной, и Тефия нам явит *Новый Свет*, и не Фула (Туле) тогда будет краем земли» [6, с. 15-16].

Между прочим, сам *Христофор Колумб* вопреки распространенной легенде вовсе не был «до конца жизни убежден, что доплыл до Индии». Так, в одном из своих писем к испанскому королю и королеве он говорит: «А Вы, Ваши высочества, обрели такие земли и их столько, что это *иной мир*» [26, с. 12]. - Отметим, что формулировка совпадает с таковой у Страбона. В свое первое путешествие Колумб «нанял для экспедиции переводчика с иврита. Раньше этому факту не уделяли особого внимания, большинство книг об экспедиции

Колумба довольствовались только упоминанием имени Луиса де Торреса, переводчика с иврита, среди имен других членов команды» [59, с. 201]. При этом «Педру Мартир, зафиксировавший историю путешествий Колумба, в 1511 году писал, что великий первооткрыватель был уверен, что он нашел страну Офир, куда корабли царя Соломона приходили за золотом». Сын Колумба Бартоломе тоже подтвердил, что отец верил в это [27, с. 78]. Согласно Библии (3-я Царств, 9: 26-28; 10: 11), это были **финикийские** корабли Хирама, царя Тира.

У читателей может возникнуть резонный вопрос: а почему же свидетельство Диодора Сицилийского вкупе с общим мнением Платона, Страбона, Сенеки и самого Колумба никак не влияет на современных исследователей?

Вот книга вполне серьезного специалиста В. И. Гуляева «Доколумбовы плавания в Америку: миф и реальность», изданная в 1991 году. Читаем: «О плаваниях к берегам Нового Света в античных текстах нет ни единого слова. (...) Уцелевшие до наших дней античные рукописи действительно не дают никаких оснований считать, что финикийцы и греки сумели хотя бы раз добраться до берегов Нового Света и благополучно вернуться назад. (...) Нет никаких достоверных сведений и о плаваниях древних народов западнее Азорских островов» [7, с. 64, 66]. А как же все-таки Диодор? Дадим опять слово серьезному специалисту В. И. Гуляеву:

«Диодор Сицилийский - историк, живший в I веке до н. э., - говорит на этот счет вполне определенно: «В середине океана, против Африки, лежит остров, выделяющийся своей величиной. **Он находится от Африки лишь на расстоянии нескольких дней пути** (курсив мой. - В. Г.)... Финикияне, обследовавшие... побережье по ту сторону Столбов и плывшие на парусах вдоль побережья Африки, были сильными ветрами отнесены далеко в океан. После многих дней блужданий они достигли наконец

названного острова». Таким образом, речь идет о землях, расположенных в непосредственной близости от африканских берегов. Что здесь имелось в виду? Мадейра? Острова Канарской группы? Азоры? Для нас это не главное. Важно другое: острова, лежащие на расстоянии «нескольких дней пути» от Африки, никак нельзя связывать с какими-либо землями по ту сторону Атлантики, будь то Антильский, Багамский или Бермудский архипелаг. Правда, некоторые современные исследователи [не называемые по имени. - И. Р.], ссылаясь на то, что на найденных финикийцами и известных грекам островах в океане были «горы» и «судоходные реки», пытаются доказать, будто в этих сообщениях речь идет по крайней мере о крупнейших островах Вест-Индии - Кубе, Гаити, Ямайке и др. Но *есть все основания считать* [Теперь курсив мой. - И. Р.], что в данном случае речь идет всего лишь о Мадейре. «Лесистость, плодородие, реки, - пишет Р. Хенниг, - все это описание прекрасно подходит теперь, как и подходило в древности, к вновь открытому в XIV в. итальянцами, а в 1419 г. португальцами острову Мадейре, и только к нему одному» [7, с. 62-63].

На самом деле всю содержательную часть приведенного выше текста В. И. Гуляев добросовестно переписал слово в слово из книги Р. Хеннига «Неведомые земли», написанной в середине XX в. и изданной в СССР в 1961 г. Оттуда же взяты и приводимые выше «цитаты» из Диодора Сицилийского. Собственно, В. И. Гуляев честно указывает на это в сносках. Но и сам Р. Хенниг не менее честно указывает в сносках, что он, в свою очередь, позаимствовал весь пассаж относительно Диодора и Мадейры из книги 1879 года издания: «И вот во время своих плаваний в Гадес или, если прав Диодор, путешествуя вдоль побережья Марокко, финикийцы якобы были однажды отнесены непогодой в океан и обнаружили там

большой остров на расстоянии «нескольких дней пути». Согласно исследованиям Банбурри [Е. Н. Bunburry. A history of ancient geography, London, 1879, v. I, p. 605], это могла быть **только** Мадейра. Такое предположение превращается в уверенность, если для толкования скурых сведений Диодора привлечь подробные сведения Аристотеля [далее мы разберем, о каких сведениях Аристотеля идет речь. - И. Р.]. Лесистость, плодородие, реки - все это описание прекрасно подходит теперь, как и подходило в древности, к вновь открытому в XIV в. итальянцами, а в 1419 г. португальцами острову Мадейре, и только к нему одному» [8, с. 65].

Я не удивлюсь, если Е. Н. Bunburry в 1879 г. тоже честно списал это предположение у какого-нибудь не менее серьезного специалиста, скажем, из Голландии XVII столетия. Но даже если предположить, что Банбурри самостоятельно перевел отрывок из Диодора с греческого на английский, затем Хенниг перевел его с английского на немецкий, а затем эту многострадальную цитату перевели с немецкого на русский, то, конечно, серьезный специалист В. И. Гуляев имел все основания выделять такую трижды переведенную цитату курсивом и делать на основе ее столь далеко идущие выводы... Между прочим, дотошные переводчики Р. Хеннига дали в 1961 году ссылку на русский перевод «Исторической библиотеки» Диодора Сицилийского, сделанный хоть и в XVIII столетии, но все же прямо с оригинала. Прочитав его еще раз **полностью**:

«Прошед острова по сю сторону столпов Геракловых лежащие, теперь дальнейшее на Океане рассмотрим. К Африке на пространном Океане лежит превеликий остров, склоняющийся от Ливии на запад **на расстоянии многих дней морского пути** [Курсив мой. - И. Р. - Как видим, речь идет о «многих» а не о «нескольких» днях пути!]. Земля на нем

плодородна и по большей части гориста, однако не мало ее и поля занимают. И сия часть веселостию превосходит, ибо *по ней текут судоходные реки* [значит, речь не могла идти о засушливых Канарских островах. - И. Р.] от которых она напаяется. Часты там рощи, различными деревьями изобилующие, и бесчисленные сады с плодами, приятными водами разделяемые. *Деревни также богато выстроенные, и питьевые в садах дома прекрасно везде расположенные встречаются* [Почему-то все вышеупомянутые серьезные специалисты напрочь игнорировали прямое заявление Диодора, что этот «превеликий остров» *обитаем*. Значит, в любом случае речь не могла идти о необитаемых островах Мадейра и Азорских. - И. Р.].

Жители оною, как земля все служащее к удовольствию и забавам произносит обильно, в летнее время здесь пребывают обыкновенно. Гористая страна частые и великие леса имеет [а Канарские острова довольно засушливы. - И. Р.], и разные плодоносных деревьев роды, долины также и источники приятные для прогуливания по горам сплошь представляет. Да и весь сей остров сладких вод напаяется ключами, откуда живущие там не только приятное увеселение получают, но великую при том в рассуждении здравия и крепости пользу имеют. Для охоты *много там зверей всякого рода, которых изобилие делает пиры веселыми и пребогатыми* [Видимо, морякам доводилось участвовать в подобных пирах в их честь. - И. Р.]. К сему обтекающее сей остров море всякого рода рыбою изобильно, потому что Океан везде разного рода рыб имеет в себе много. Притом воздух там весьма благообразный, по причине чего большей частью лета [года?] плоды и другие приятные и веселье умножающие вещи там произрастают. Настолько сей остров благополучен, что божеским наипаче, а не человеческим кажется быть жилищем. *Он прежде по*

отдаленному своему от прочего света положению был неизвестен [Вряд ли это выражение было бы подходящим, если бы речь шла об острове в нескольких днях пути от Африки. - И. Р.], а найден по случаю такому.

Финикияне от древних времен для торговли часто ездили морем. Почему многие они не только в Африке, но и в особливо лежащих на западе частях Европы завели селения. А как предприятия их желанию соответствовали, то они, обогатясь, за столбы Геракловы в море, которое называют Океаном, ездить стали. И во первых близ самого находящегося при столбах пролива построили город, именуемый Гадирами (Кадикс), в котором создали богатый храм Геракла, как приличный сему месту, так и богатый, установив великолепное жертвоприношение по обычаю финикийскому. Сей храм как в прежние, так и в новейшие времена даже до нашего времени в крайнем находился почтении, так что многие и из римлян, мужи славные благородством и великостью дел, собою учиненных, делали явственные обеты сему богу, и по благополучному исходу дел своих оные исполняли.

Чего ради финикияне, таким образом испытав страну за столпами и едучи мимо Африки, бурными ветрами далеко в океан занесены были. Потом *по многих днях от сильной непогоды* к помянутому острову пристали. И узнав всех прежде о свойствах и благополучии оною, расславили потом, что и другие о нем сведали. Почему тирреняне (этруски), также обладая морем, приняли было (решение) селение отправить на оный. Но карфагеняне им в том воспрепятствовали, отчасти опасаясь, чтоб и их граждане, прельстясь добротой острова, во множестве на оный не переселились, отчасти же для нечаянных приключений, а именно: ежели бы республика Карфагенская по случаю бедствию подпала, то готовое для себя убежище иметь хотели. Ибо они надеялись, что, пока еще будут на море

сильны, *со всем своим семейством на остров, победителям неизвестный, переселиться могут* [т. е. земли там хватило бы на всех жителей Карфагенской державы. - И. Р.]. А как об Океане Африканском и его островах уже сказано, то речь мою обращаю к Европе...» [2, с. 165-167 (V. 2-3)].

Видимо, никто из серьезных специалистов вообще не удосужился прочитать первоисточник. Так и переписывают уже свыше ста лет друг у друга “солидный” бред - о необитаемом острове Мадейра с построенными на нем к удобству первооткрывателей питейными домами.

Правда, здесь Е. Н. Vinburry из 1879 г. имеет все-таки оправдание своей ссылкой на Аристотеля, явно неизвестной его последующим переписывателям. Давайте разберемся, что будет, «если для толкования скурых сведений Диодора привлечь подробные сведения Аристотеля». Эти сведения содержатся в «Рассказах о диковинках», обычно включаемых в число т. н. «малых работ» Аристотеля, «хотя, по всей видимости, Аристотелю они не принадлежат, а составлены одним из авторов перипатетической школы (т. е. учеников Аристотеля. - И. Р.) около III в. до н. э., как полагают некоторые исследователи» [9, № 3, с. 236].

Забавно, что эти «более подробные сведения Аристотеля» В. И. Гуляев в своей книге приводит дословно, не имея понятия, что речь идет именно о них. Но, разумеется, как и с Диодором, речь идет лишь об «игре в испорченный телефон» - т. е. о вольном пересказе тройного-четверного перевода: «В IV веке до н. э. неизвестный греческий автор писал в своем сочинении “О чудесных слухах”: “Говорят, будто по ту сторону столбов Геракла карфагеняне обнаружили в океане необитаемый остров, богатый лесами и судоходными реками и изобилующий плодами. Он находится *на расстоянии нескольких дней пути от материка* (курсив мой. - В. Г.). Но когда карфагеняне стали

часто посещать его и некоторые из них из-за плодородия почвы поселились там, то правители Карфагена запретили под страхом смерти ездить к этому острову”. Это было сделано для того, чтобы остановить отток населения из Карфагена и держать открытие новых земель в тайне» [7, с. 62].

Вот интересующий нас текст в прямом переводе:

«84. Передают, что в море за Геракловыми Столпами карфагеняне обнаружили необитаемый остров, полный всевозможной растительности, полноводных рек, пригодных для навигации, изобилующий удивительными плодами; (остров этот находится) на *расстоянии многих дней плавания* [Вот, собственно, и все “подробные сведения Аристотеля”. - И. Р.]. Поскольку между карфагенянами часто возникали столкновения из-за обладания столь счастливым местом, - пока там никто не поселился, карфагенские власти распорядились, чтобы всякий намеревающийся туда отправиться был приговорен к смерти; а также умерщвлены все там уже побывавшие, чтобы предотвратить массовое переселение на остров, дабы не было соперников карфагенскому владычеству и господству».

К этому тексту относится сноска: «Источник: Тимей из Тавромения (= FGrH 566 F 164, 19 p. 655 sq.) Ср. Diod. V. 19-20» [9, № 4, с. 236]. Из этой сноски следует, что об этом открытии карфагенян писал еще как минимум некий Тимей из Тавромения, текст которого включен в непереведенные на русский язык «Фрагменты греческих историков».

В приведенном тексте Аристотеля (или Псевдо-Аристотеля) чрезвычайно много общего с *более подробным* текстом Диодора Сицилийского. Открытый «остров» находится на расстоянии *многих* (а не нескольких) дней плавания, на нем *много пригодных для навигации рек*, он изобилует всевозможной растительностью и удивительными плодами.

Наконец, именно *карфагенские власти воспрепятствовали его заселению*. Отличие же между двумя текстами по сути лишь в одном: в тексте Псевдо-Аристотеля остров назван *необитаемым*. Но здесь неплохо было бы еще провести текстологический анализ дошедших до нас рукописей: а не было ли в каком-либо из сохранившихся вариантов вместо слова «необитаемый» как раз слово «обитаемый». Подобная ошибка переписчика куда более вероятна, чем ошибка в основном содержании.

Основное же содержание текста достаточно красноречиво: карфагенские власти опасались, что вследствие колонизации этого «острова» появится «соперник карфагенскому владычеству и господству». А ведь тогда Карфаген владел помимо прочего всем севером Африки. Значит, речь шла априори о ресурсах еще более значительных! Это никак не могли быть острова Мадейра. Здесь следует отдать должное предвидению карфагенских правителей: ведь из английских колоний в Америке со временем действительно вырос главный «соперник английскому владычеству и господству»! Их исключительно жестокие меры действительно достигли нужного эффекта: финикийские колонисты не заселили Америку. Правда, Карфаген это не спасло. Но ведь Ганнибал мог окончательно победить римлян...

Вообще, можно вывести исторический закон, причем закон непреложный (что для исторических законов – большая редкость): *успешная колонизация любых обитаемых заморских земель возможна только по прямой инициативе и при прямой поддержке государства-метрополии*. Частные лица и мелкие группы изгнанников могут освоить какой-нибудь необитаемый остров; но земли населенные даже самыми отсталыми аборигенами можно в конечном итоге только завоевать войсками. Это относилось даже к острову Тасмания.

А без поддержки своего государства любые открытые моряками земли будут со временем снова «закрыты». Так это случилось с колониями викингов в Америке и Гренландии. Так это в итоге произошло и с открытием финикийцами Америки.

Интересно, что рассказы Аристотеля и Диодора Сицилийского дополняют друг друга: у Диодора более внятно рассказано об открытии Америки финикийцами из Гадира, а у Аристотеля - о ее «закрытии» по приказу властей Карфагена. Но в принципе суть ситуации передана и в написанной три столетия спустя книге Диодора. Напомним, он написал, что финикийские моряки, «узнав всех прежде о свойствах и благополучии оною (превеликого острова), расславили потом, что и другие о нем сведения. Почему тирреняне (этруски), также обладая морем, приняли было (решение) селение отправить на оный. Но карфагеняне им в том воспрепятствовали, отчасти опасаясь, чтоб и их граждане, прельстясь добротой острова, во множестве на оный не переселились, отчасти же для нечаянных приключений, а именно: ежели бы республика Карфагенская по случаю бедствию подпала, то готовое для себя убежище иметь хотели».

Очень важное косвенное доказательство того, что речь не могла идти об островах Мадейра и т. п., состоит в том, что Диодор среди всех островов за Геракловыми Столпами считал действительно *историческим*, достойным упоминания в своей «Исторической библиотеке» *только* рассказ о нашем «превеликом острове» - т. е. о действительно имевшем огромное историческое значение открытии и «закрытии» Америки.

Но в Аристотелевых «Рассказах о диковинках» содержатся и действительные упоминания об островах к западу от Африки, по крайней мере, о Канарских и, вероятно, об Азорских. Они совсем иные по тону:

«37. Рассказывают, и за Геракловыми Столпами (из земли) вырывается пламя, в некоторых местах по ночам, в других - постоянно. Так сообщает Ганнон в “Перипле”» [9, № 3, с. 251]. Здесь помимо прочего речь очевидно идет и о вулкане Тенерифе на Канарских островах.

«136. Рассказывают, что финикийцы, населяющие Гадиры, плавая за Геракловы Столпы на расстояние четырех дней пути при восточном ветре, приставали к каким-то необитаемым землям, заросшим ситником и морскими водорослями; во время отлива суша обнажалась, а во время прилива покрывалась водой; там они обнаружили огромное множество тунца невероятной величины и веса, остававшегося на суше после отлива; засолив и уложив в сосуды, они доставляли их в Карфаген. Эту рыбу, единственную, карфагеняне не сделали товаром на вывоз, но из-за превосходных ее вкусовых качеств употребляли в пищу только для себя» [9, № 4, с. 136].

Вряд ли острова Мадейра могли впечатлить финикийцев больше чем Азорские. Кстати, никаких «удивительных плодов» на островах Мадейра не росло и никакого «множества зверей всякого рода» не водилось, как не было и нет на них рек, пригодных для навигации хотя бы парусных галер.

Плутарх («Серторий», VIII-IX) также упоминает об удивительных землях по ту сторону Атлантического океана: «Пройдя Гадесский [Гибралтарский] пролив, он [Серторий] двинулся, имея по правому борту омываемые Океаном берега Испании. Тут он и высадился, чуть выше устья Бетиса - реки [Гвадалквивир], которая изливается в Атлантический океан и дает имя окрестным областям Испании. Там ему повстречались какие-то моряки, которые недавно приплыли с Атлантических островов; этих островов два; они разделены совсем узким проливом и отстоят на десять тысяч стадиев от Африки; имя их – Острова блаженных. Там изредка выпадают слабые дожди,

постоянно дуют мягкие и влажные ветры; на этих островах не только можно сеять и пахать на доброй и тучной земле – нет, народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе. Воздух на островах животворен благодаря мягкости климата и отсутствию резкой разницы между временами года, ибо северные и восточные вихри, рожденные в наших пределах, из-за дальности расстояния слабеют, рассеиваются на бескрайних просторах и теряют мощь, а дующие с моря южные и западные ветры изредка приносят слабый дождь, чаще же их влажное и прохладное дыхание только смягчает зной и питает землю. Недаром даже среди варваров укрепилось твердое убеждение, что там – Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером. Когда Серторий услышал этот рассказ, у него родилось страстное желание поселиться на Островах блаженных и жить там безмятежно, не ведая ни тирании, ни бесконечных войн» [54, с. 273].

Точное измерение длины пройденного морского пути по долготе было недостижимо и в начале Нового времени, так что выражение «на десять тысяч стадиев от Африки» означает не более чем уже известное нам «на расстоянии многих дней морского пути», «очень далеко». Характеристика климата также практически дословно повторяет сказанное у Диодора Сицилийского. Ее вполне можно приложить к умеренно засушливому климату Северо-Востока Бразилии: «Также слабо выражена засуха на подверженном океаническим пассатам Востоке Бразилии» [55, с. 367, 369]. Впрочем, не исключено, что речь действительно может идти о каких-либо островах, например, из числа Малых Антильских.

Очень важно также указание Плутарха на то, что Серторий высадился «чуть выше устья Бетиса - реки [Гвадалквивир], которая изливается в Атлантический океан и дает имя

окрестным областям Испании. Там ему повстречались какие-то моряки, которые недавно приплыли с Атлантических островов». Город Гадес (Кадис), о котором говорил Диодор Сицилийский и из которого отплыл открывать Америку Христофор Колумб, как раз и расположен рядом с устьем Гвадалквивира. Как видим, рассказ Плутарха совершенно самостоятелен и относится к эпохе минимум на пятьсот лет позже, чем рассказ Диодора-Аристотеля. Но традиция плаваний через Атлантический океан из Кадиса по-прежнему существовала.

Исключительно интересно не только то, что тексты Диодора и Плутарха близки по содержанию. Еще интереснее, что они по смыслу местами дословно схожи с письмами *Америго Веспуччи*, посвященными описанию открытого им побережья Бразилии: «Тяжкий труд местным жителям неведом. Деревья не требуют ухода и приносят обильные плоды, реки и источники полны прозрачной, вкусной воды; море богато рыбой, исключительно плодородная земля родит сочные и совершенно неизвестные фрукты; бризы омывают эту щедрую землю, а густые леса делают приятными даже самые знойные дни. Здесь водятся тысячи разных животных и птиц (...) Люди живут в первобытной невинности (...) Короче говоря, “ежели где-либо существует земной рай, то, видимо, недалеко отсюда”» [Цит. по: 56, с. 517-518].

Здесь особенно важно то, что средиземноморские моряки и спустя две тысячи лет при описании открытых за Атлантическим океаном земель обращали внимание на одни и те же их особенности и описывали их практически *одними и теми же словами*:

- 1) Земля находится далеко за Атлантическим океаном
- 2) Она благодатна и плодородна
- 3) Она имеет прекрасный климат; здесь не бывает холодов и слабо выражены времена года

- 4) Особо подчеркивается благодатный воздух и нежные влажные бризы (ветры).
- 5) Здесь произрастает множество удивительных плодов
- 6) Здесь судоходные реки и ручьи с прекрасной водой
- 7) Прибрежное море изобилует рыбой
- 8) Здесь обитает множество животных и птиц (у Диодора и Веспуччи)
- 9) Местные жители без труда получают все необходимое для жизни
- 10) Именно здесь или поблизости отсюда находится земной рай (Острова блаженных) или же жилища богов (Диодор).

Комментарий редакторов к указанному месту у Плутарха в целом уже не должен нас удивить: «Имеются в виду скорее всего два острова из числа Канарских островов – Мадейра и Порто-Санто. Их природные условия в какой-то мере отвечают следующему ниже описанию Плутарха» [54, с. 530]. Итак, снова «многострадавшая» Мадейра, по-прежнему необитаемая в эпоху античности. В тексте же Плутарха четко сказано: «**народ там**, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе». А обитаемые Канарские острова находятся от Африки на расстоянии в 100-120 км (порядка 500, а не 10000 стадий) и в ясную погоду хорошо видны с африканского берега... Оторопь вызывает, правда, вопиющее незнание редакторами географии: острова Мадейра и Порто-Санто никоим образом не относятся к «числу Канарских островов»; собственно, это и есть острова Мадейра.

Чтобы понять, насколько современные «серьезные» специалисты по доколумбовым контактам с Америкой находятся в плену несерьезной гиперкритической методологии, стоит рассказать еще и о косвенно относящемся к нашей теме плавании *Эвтимена* из Массилии.

Речь идет об уже упомянутой книге Р. Хеннига. Он сначала приводит цитаты из античных авторов: 1) «Я [Эвтимен] совершил плавание по Атлантическому морю. Оттуда [т. е. из Атлантического океана. - И. Р.] течет Нил, река, наиболее полноводная в период пассатных ветров, так как они нагнетают морскую воду. Когда же пассатные ветры утихают, море успокаивается, и вследствие этого сила течения Нила уменьшается. Впрочем, морская вода здесь пресна на вкус, а водяные животные напоминают нильских». - Сенека. «Вопросы естествознания» (Naturales Quaestiones), IV, 2, 22); 2) «Эвтимен из Массалии считал, что из Океана и из лежащего против него внешнего пресноводного моря вытекает река». - Аэций. Placita philosophorum, IV, 1, e [8, с. 103].

Р. Хенниг резонно отмечает, что плавание Эвтимена могло состояться лишь до 537 г. до н. э., когда карфагеняне в морской битве при Алалии разгромили греков и более чем на 300 лет закрыли Гибралтарский пролив от всех чужеземцев. Он также пишет: «Эвтимен из Массилии, о котором нам больше ничего не известно (...) Мы узнаем о нем лишь из одного источника. Живший во II в. н. э. Марциан Гераклеяский упоминает Эвтимена среди авторов, составлявших периплы: «одни - для некоторых областей, другие - для всего Средиземного моря, третьи - для внешнего океана». Однако перипл - руководство для мореплавателей, и написать его мог только человек, прекрасно знающий все особенности описываемого моря» [8, с. 104-106].

Итак, Эвтимен - заслуживающий доверия профессионал. И когда он утверждает, что «из Океана вытекает река», что сила течения в ней зависит от пассатов (времени года), а водные животные «напоминают нильских», то он имеет в виду именно то, что сказал. Т. е. в Атлантическом океане в тропической зоне существует мощное пресноводное течение («Нил»). Как

известно, воды Нила отличаются огромным количеством ила, то же можно предположить и для океанского «Нила». Причем он течет «оттуда», т. е. именно *из* Океана *навстречу нам*.

Подобное природное явление в Атлантическом океане действительно существует. Это воды крупнейшей реки мира *Амазонки*. Для моряка это выглядит именно как пресная река посреди океана. А ссылка на животных, «подобных нильским» (вероятно, крокодилов), позволяет предположить, что Эвтимен подошел к Южной Америке практически вплотную. «Максимальные расходы воды Амазонки достигают 300 тыс. кубометров в секунду и более; желтоватого цвета воды реки в это время заметны в Атлантическом океане в удалении до 300 км от берега. При низкой воде расходы падают до 70-80 тыс. кубометров в сек. На долю Амазонки приходится 15-17% от общего годового стока всех рек земного шара (...) Устье Амазонки было открыто испанцем Висенте Яньесом Пинсоном в 1500, который назвал ее Rio Santa Maria de la Mar Dulce - "река Св. Марии Пресного Моря" (за десятки км от берега вода была пресная)» [10]. Как видим, и другой первооткрыватель Амазонки представлял ее как "реку Пресного Моря". А поскольку воды Амазонки имеют тот же желтый цвет, что и воды Нила, то понятно, что данная ей Эвтименом характеристика "Нил, который течет из Океана" совершенно точна.

Теперь приведем собственное пояснение Р. Хеннига к приведенным античным текстам: «Возможно, что Эвтимен действительно достиг Сенегала. (...) Обнаружение крокодилов в какой-то западноафриканской реке неизбежно должно было вызвать предположение, что она связана с Нилом. Ведь еще во времена Александра Македонского считалось, что крокодилы водятся только в Ниле» [8, с. 105]. - Честно говоря, это

заявление красноречиво само по себе. Но попробуем его прокомментировать.

Если бы Эвтимен проплывал мимо какой-либо африканской реки, то он никак не мог заявить, что эта река течет *из* Океана. Он сказал бы, что она течет *в* океан *с* материка. Напомним цитату из Аэция: «Эвтимен из Массалии считал, что из Океана *и из лежащего против него внешнего пресноводного моря* [выделено мною. - И. Р.] вытекает река». Т. е. высказывалось фантастическое предположение о том, что Атлантический океан окружает еще и некое «внешнее пресноводное море» (та же мысль пришла в голову и В. Я. Пинсону в 1500 году). Так что совершенно непонятно, к чему здесь Сенегал вкупе с Александром Македонским. Но если признать возможность достижения Эвтименом устья Амазонки, то тем более следовало бы признать возможность открытия Америки финикийцами. А на это пойти «серьезный» ученый никак не может...

В свое время *Бразилия* была открыта именно португальцами, плывшими вдоль Африки, когда их бурей отнесло к берегам Нового Света. Мы убедились, что текст Диодора местами дословно схож с письмами Америго Веспуччи, посвященными именно описанию Бразилии. Указание на богатый животный мир также скорее подходит для материка, чем для Антильских островов. Впрочем, сведения свои Диодор получал в любом случае не из первых рук. Указание Платона на то, что «противолежащий» материк намного больше нашего, может свидетельствовать о том, что финикийцы сумели побывать в разных его местах.

2. Археологические и ботанические данные о связях финикийцев с Америкой

Кстати, именно Бразилия является родиной *ананаса*, который засвидетельствован на помпейских фресках. Доказательство этого факта - тоже история трагикомическая и по-своему показательная (особенно в плане характеристики науки как «бескорыстного служения истине»).

Итак, *еще в 1950 году* профессор Каселла из Неаполя опубликовал работу, в которой доказывал, что на фресках Помпеи и Геркуланума изображены американские по происхождению растения. Об этом написал в личном письме В. И. Гуляеву проф. П. М. Жуковский: «В 1960 г. я был в Италии, где встретился в Неаполе с профессором Каселлой. Он в течение ряда лет изучал фрески Помпеи и Геркуланума и обнаружил на них американские по происхождению культурные растения: аннону, ананас и др. (интересно, какие еще «*др.*»? - И. Р.). Откуда римляне в I веке н. э. знали эти растения? У меня есть фотоснимки и диапозитивы многих фресок. Аннона не вызывает никаких сомнений (настолько отчетливо изображение) [«В культуре 4 вида рода *Anona*. *A. Cherimolia* Mill – первичный генетический центр в Эквадоре и Перу (это дерево еще называют перуанской вишней. – И. Р.). Еще три вида (из них *Anona muricata* образует плоды весом до 2 кг) – генцентры возникли на Антильских островах и распространились в тропической Америке» – 53, с. 54]; ананас немного неясен, но все же это - он. (...) Есть отличная фреска, изображающая лимон. Римляне могли знать его только из Индии (...) Я об этом писал в своей монографии “Культурные растения и их сородичи”, изд. 2-е, 1964 г. Написал, как скептик». А теперь, получается, совесть замучила. И в частном письме профессор признается в том, что отрицал в «солидной» монографии: что ананас – это ананас.

Сам В. И. Гуляев тоже похвально откровенен: «О работах итальянца Д. Каселлы я знал и раньше, но не придавал им

большого значения, расценив как очередную сенсацию (а фотоснимки фресок - попросту проигнорировав. - И. Р.). И кроме того, будучи археологом, я, откровенно говоря, не очень-то вникал в суть ботанических изысканий неизвестного мне доселе итальянца. И вдруг как гром среди ясного неба! Авторитетнейший советский ботаник, работавший бок о бок с великим Вавиловым, без колебаний утверждает: профессор Каселла прав: на фресках римских городов Геркуланума и Помпеи, уничтоженных в I веке н. э. одним мощным извержением вулкана Везувий, изображены исконно американские растения – аннона и ананас! (...) Несколько лет спустя именно к такому заключению пришла большая группа экспертов – историков, археологов, этнографов, ботаников и географов, собравшихся для обсуждения проблемы трансокеанских связей Старого и Нового Света в доколумбову эпоху [См. 11, р. 26]. Таким образом, судя по данным ботаники, в I веке римляне знали американские растения и изображали их на стенах своих жилищ. Неясным остается лишь то, почему столь незаурядное событие не нашло своего отображения в трудах античных историков и географов того времени» [7, с. 76-77].

Как мы убедились, это незаурядное событие нашло свое отображение в трудах, по крайней мере, Платона, Аристотеля, Диодора Сицилийского, Страбона, Сенеки, Тимея из Тавромения, Прокла... Но самое интересное – это характеристика местного населения у Плутарха («Серторий», VIII-IX): «народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает *сладкие плоды, которые растут сами по себе*» [54, с. 273]. Сравним: «В диком виде ананас растет в Бразилии на опушках леса и в негустых травостоях» [53, с. 609]. Так что при желании В. И. Гуляев вполне мог бы найти у *самых известных* античных авторов

упоминания не только о плаваниях в Америку, но даже о тамошних «сладких плодах, которые растут сами по себе».

Просто В. И. Гуляев, «будучи археологом, не очень-то вникал» в тексты античных авторов, да, откровенно говоря, и в проблему доколумбовых контактов в целом. Правда, это не помешало ему написать об этих контактах целую книгу, претендующую на серьезность и научность. Но отнесся ли этот специалист по индейским цивилизациям *серьезно* к предмету своей книги? - Представим себе, что серьезный специалист по культуре Древнего Египта начал серьезную книгу о своем предмете с подробного анализа статей в каких-нибудь бульварно-окультурных изданиях, скажем, сообщения про бешеную египетскую мумию, которая изнасиловала десять женщин (из них трое забеременели). Думается, этого не поняли бы ни коллеги такого серьезного специалиста, ни даже издатели. А вот первая глава уже многократно цитированной (и переиздававшейся!) книги В. И. Гуляева называется «Начало спора. “Дикие” теории» и посвящена, например, подробному анализу «Священной книги Мормона» и фантастической книги некоего Д. Черчварда «Погибший континент Му» («По словам Черчварда, континент держался на поверхности беспокойных вод Тихого океана лишь благодаря “газовым поясам”. Как только эти “пояса” лопнули...» и т. д. [7, с. 25]). Не правда ли, это весьма наглядно характеризует отношение к проблеме *самого* В. И. Гуляева?

Завершает же книгу главка «Спор еще не окончен. Вместо заключения». - Даже из названия очевидно, что для В. И. Гуляева «дикими» являются любые научные концепции, отличающиеся от его собственной, марксистско-изоляционистской (с признанием возможности «случайных плаваний без последствий»). Он так прямо и пишет: «Для последних работ неодифузионистов характерным является

сходство их теорий с “дикими” концепциями (...) Советская историческая наука всегда выступала против крайностей теории диффузионизма и его разновидности - миграционизма» [7, с. 176-177]. Против чего только ни выступала советская историческая наука...

Впрочем, В. И. Гуляев некоторые очевидные археологические факты все же признает: «Тонкие ниточки доколумбовых связей, протянувшиеся через необозримую даль океанов, установлены в настоящее время в ряде областей Нового Света: колонии викингов на восточном побережье Северной Америки; находки римских вещей в Мексике; китайские и японские изделия на северо-западном побережье Канады и США и, наконец, контакты полинезийцев с некоторыми индейскими народами Южной Америки». - Но тут же он продолжает: «Показательно, что воздействие культур Старого Света носит нерегулярный, случайный характер. Хронологические рамки этих контактов тоже сравнительно ограничены, речь идет главным образом о плаваниях, осуществлявшихся не ранее чем на рубеже нашей эры и позднее (а «неглавным образом»? - И. Р.). Судя по имеющимся сейчас данным, влияние этих контактов на происхождение и развитие древних цивилизаций Нового Света было ничтожным» [7, с. 178-179].

Относительно находок римских предметов в Мексике В. И. Гуляев считает бесспорной находку римской терракотовой статуэтки II в. н. э. в довольно поздней могиле вождя XIII в. в долине Толука. Далее он указывает: «Это открытие придает большую достоверность и другим сообщениям о случайных находках античных вещей в различных районах Мексики: головки эллинистической статуэтки из Керетаро, позднеимской терракоты (изображения Венеры) из области Хуастека и римской же фигурки из Северной Мексики

(хранится сейчас в музее Чикаго, США)». Кроме того, он указывает на находку клада римских золотых, серебряных и медных монет IV века на восточном побережье Венесуэлы [7, с. 74-75] (К этому можно добавить и находку римских монет этого же периода на побережье штата Массачусетс в США [47, с. 30]). И далее в книге В. И. Гуляева следует уже цитированный текст об ананасе на помпейских фресках.

Впрочем, В. И. Гуляев тут же выдвинул удивительное предположение, что художники изображали ананас «по словесному портрету»: «На рубеже нашей эры или ранее римляне не только побывали где-то в Центральной или Южной Америке, но и благополучно вернулись назад, в Италию, поскольку именно с их рисунков и описаний античные мастера смогли точно воспроизвести в росписях вилл римских аристократов далекую заокеанскую экзотику» [7, с. 76-77]. Но совершенно невероятно, чтобы художники или их заказчики - тогдашние “хозяева жизни” (а Помпеи были зимним курортом для римских богачей) могли не видеть *живого ананаса*. Ведь богачи именно соревновались между собой в роскоши пиров и не были стеснены в средствах. Достаточно было просто ткнуть пальцем во фреску с ананасом и сказать: «Хочу вот это!».

Это значит, что должны были иметь место некие *регулярные* контакты с Новым Светом.

Применительно к нашей проблеме в принципе методологически неверно выделять отдельно географические знания финикийцев, греков и римлян. Все три народа принадлежали к единой *античной* цивилизации. Например, Гадир (Кадис) мирно вошел в состав Римской державы и еще несколько веков оставался в ней финикийским городом, т. е. имела место ситуация *культурного континуитета*. Вообще все города финикийцев вошли в состав Римской империи (и процветали в ней). Так, Страбон пишет о Тире (16. 2. 23): «На

свою беду Тир был взят Александром [Македонским] после осады. Тем не менее городу удалось преодолеть свои несчастья отчасти благодаря искусству мореплавания (в нем финикийцы всегда превосходили другие народы), отчасти же благодаря своим красильным заведениям, изготовляющим лучший в мире пурпур. (...) Независимость Тира признавали не только цари [эллинистические. - И. Р.], но и римляне подтвердили царские постановления об этом, причем городу пришлось понести лишь незначительные издержки» [5, с. 701].

Соответственно, добытые финикийцами географические сведения стали общим достоянием всей античной цивилизации. Так, вроде бы никто не ставит под сомнение, что именно финикийцы (в т. ч. карфагеняне) первыми обогнули Африку (что гораздо позднее повторил Васко да Гама); о подобных плаваниях греков и римлян ничего не известно. Вообще для всех античных моряков обычным видом морского плавания оставался каботаж - вдоль берега или от острова к острову. Характерно в этом отношении заявление Тацита (История, II. 2): «[Тит] не стал двигаться вдоль берегов Ахайи и Азии и, оставив влево от себя море, отправился прямо к островам Родосу и Кипру, а оттуда - в Сирию, т. е. избрал путь, требующий особого мужества» [39, с. 50, 264].

Но и в конце античной эпохи прекрасно помнили о том, что Африку можно обогнуть с юга. В «Плавании вокруг Эритрейского моря [т. е. Индийского океана]» об этом говорится так: «[Рапта] - это можно сказать, последние торговые места Азании направо (к югу) от Береники по этому берегу; далее за этими местами простирающийся Океан не исследован; он погибается на запад и, простираясь вдоль отдаленных частей Эфиопии, Ливии и Африки по направлению к югу, соединяется с Гесперийским (Атлантическим) морем»

[12, с. 271]. Так же дошла до нас и история открытия и «закрытия» карфагенянами Америки (см. выше).

Поэтому правильно говорить не о «римлянах», а о «жителях Римской империи», а в отношении плаваний «римлян» в Новый Свет - скорее всего о тех же *финикийцах*. Именно через них ананасы вкупе с иными заморскими диковинками попадали на столы римских богачей с их знаменитыми «лукулловыми пирами». Вероятно, какая-нибудь купеческая фамилия из Гадира сотни лет ревниво сберегала монополию на поездки туда, держала в тайне, откуда они привозят экзотические фрукты и другие чудесные вещи. Соблюдение тайны было обязательным еще и потому, что, согласно Аристотелю, в Карфагенской республике за плавание в Америку (и рассказы о них) в течение ряда поколений официально полагалась смертная казнь. И вряд ли осторожные купцы горели желанием выяснять, насколько изменилось отношение к проблеме у римских властей.

Такая секретность тогда вообще была в порядке вещей: «Жители Массилии, открыв новый путь в Страну олова (Британию) через Галлию, так строго хранили этот секрет, что еще в середине II в. до н. э. Сципиону и Полибию ничего не удалось узнать в Массилии об этих торговых сношениях (Страбон, IV, 2, 1). Сколь тщательно карфагеняне стремились скрыть свои сведения от других, показывает рассказ Страбона о карфагенском мореходе, который сам посадил на мель и разбил свое судно, чтобы только следовавший за ним римский корабль не обнаружил цели его плавания. При этом он погубил и корабли своих преследователей, а сам не только спасся на обломках своего корабля, но и получил от государства возмещение стоимости потерянного груза (Страбон, III, 5, 11). «Эта склонность к конспирации, когда дело касалось путешествий и открытий, суливших торгово-экономические

выгоды, могла быть причиной того, что в истории почти не осталось первоисточников о финикийских морских экспедициях» [38, с. 115].

И если при этом какие-то факты из истории географических открытий все же стали достоянием античных историков, значит, их просто невозможно было скрыть - они стали общеизвестными, по крайней мере, для моряков во всех портах. Свидетельство Плутарха («Серторий», VIII-IX) о беседе Сертория с некими испанскими моряками об их плавании на Атлантические острова показывает, что сама информация о существовании благословенных земель за Океаном и о путешествиях к ним не была такой уж тайной: «Недаром даже среди варваров укрепилось твердое убеждение, что там – Елисейские поля и обиталище блаженных, воспетое Гомером» [54, с. 273]. Так что рассказы Диодора Сицилийского и Плутарха, как и ананасы на помпейских фресках – свидетельство уже достаточно *регулярных* связей с Новым Светом, а вовсе не однократного случайного плавания.

В пользу подобной регулярности говорит и поразительная находка примерно посередине Атлантического океана: «На вершине прибрежных гор самого западного (т. е. близкого к Америке! - И. Р.) из Азорских островов фламандские переселенцы обнаружили высеченную из скалы большую, превышающую человеческий рост, фигуру всадника, рука которого указывала на запад (в сторону Америки. - И. Р.). Вокруг этой символической фигуры, которую король Мануэл I велел доставить в Лиссабон, строилось немало догадок. Многие говорят за то, что это либо карфагенский, либо финикийский памятник: форштевни финикийских судов часто имели украшение в виде конской головы, а в Карфагене лошадь была геральдическим животным» [40, с. 36]. Во всяком случае, даже В. И. Гуляев считает совершенно достоверной находку на том

же месте клада карфагенских монет: «В 1749 году на острове Корву (Азорские острова) был найден кувшин с карфагенскими монетами 330-320 годов до н. э. - явное доказательство пребывания там карфагенских мореходов. Сообщение об этом важнейшем открытии впервые появилось в 1761 году в трактате шведского ученого И. Подолина. В ноябре 1749 года после нескольких дней шторма морем была размыта часть фундамента одного разрушенного каменного строения на берегу острова Корву. Там был обнаружен глиняный сосуд, полный монет» [7, с. 55]. Клад явно был спрятан под каменным фундаментом. Значит, кто-то строил *каменные здания на самом западном из Азорских островов ранее 320 г. до н. э.!*

В статье Г. Бурганского «Финикийцы в Америке» [13] резонно указано, что в отличие от других претендентов на роль первооткрывателей Америки, финикийцы оставили много *материальных свидетельств* своего пребывания на берегах как Северной, так и Южной Америки: «Сотни загадочных артефактов и граффити, которые ученые считают подлинными, найдены на огромной территории от Канады до Бразилии». Вот лишь некоторые факты:

1) В 1961 году в Бразилии на вершине труднодоступной горы в районе города Педро-де-Гавеа нашли барельеф с изображением человеческой головы в шлеме, возле которой была надпись: «Бадезир из финикийского города Тира, первенец Этбаала». В 1967 году авторитетный американский археолог Ч. Гордон еще раз проверил расшифровку надписи и безусловно ее подтвердил.

2) В той же Бразилии поблизости Сьерра-Маранажо известный французский путешественник, ученый и писатель Марсель Ф. Оме откопал погребальные урны, в которых сохранились вещи безусловно финикийского происхождения:

кораллы и перстень с перламутром, на котором изображен нильский крокодил - это излюбленный финикийский сюжет.

3) В Центральной Америке найдено большое количество каменных стелл, на которых изображены фигуры людей европеоидного вида с козлиными бородками и бакенбардами - археологи прозвали их «дядями Сэмами». Эти стеллы относятся к древнейшей цивилизации ольмеков (I тыс. до н. э.), которая была как раз современницей финикийской цивилизации. На одной из стелл отчетливо видно, что длиннобородый человек одет в туфли с загнутыми вверх носками - именно такие, которые в свое время носили финикийцы.

4) Там же, в Мексике не так давно найдена каменная стелла («стелла фон Ватганау») высотой в пять футов. На стелле изображен человек семитского типа, которая стоит на чем-то, похожем на палубу. В руках он держит предмет, очень напоминающий древний якорь вроде тех, которыми пользовались финикийцы. А в ухе этого человека четко видна серьга с узором в виде шестиугольной звезды Давида. Ныне стелла фон Ватганау экспонируется в Антропологическом музее Мехико - т. е. подлинность ее подтверждена.

5) В США в Бурне (штат Массачусетс) был найден камень с финикийской надписью: «Уведомление о взятии во владение. Ганнон берет эту местность в свое владение. Не уничтожать». Есть сообщения о целом ряде подобных надписей в разных районах морского побережья Северной Америки и больших судоходных рек (особенно Рио-Гранде и Миссисипи с притоками). Так, в штате Арканзас фермер нашел на своем поле карфагенскую монету. А в штатах Виргиния и Пенсильвания нашли свыше сотни плоских камней, покрытых финикийскими надписями.

К этому можно добавить информацию, которую приводит в своей книге Н. Непомнящий [47, с. 3, 18-19]:

6) В 1949 году американские газеты обошло сообщение о том, что 85-летний Ф. Бейстлайн, учитель из штата Пенсильвания, нашел камень с едва заметными знаками. находка заинтересовала ученых из Корнельского университета. Оказалось, надпись на камне финикийская. Подобные камни находили и в Огайо в 1956 году. Несколько камней с надписями обнаружены на реке Роанок в штате Виргиния.

7) В графстве Ланкастер еще в конце прошлого века нашли финикийские бусы, они и сейчас лежат в местном краеведческом музее.

8) Летом 1978 года в Колумбии, в старом захоронении около местечка Самака в округе Бойяка обнаружены фрагменты терракоты с финикийскими письменами. Нашли их случайно местные жители, которые явно не собирались никого обманывать.

9) Не так давно американский ученый Дж. Сэвой обнаружил образчики финикийского письма на каменных глыбах неподалеку от местечка Гран-Вилайя в 600 километрах к северу от Лимы, в Перу. А от андских вершин, где лежит поселок, ведут к рекам, впадающим в Амазонку, древние каменные дороги.

10) Короткий железный меч, по мнению археологов финикийский, найден в графстве Брунsvик, на атлантическом побережье США. Там же выкопана из земли небольшая плита-жертвенник.

Не правда ли, все это совпадает с сообщением Аристотеля о том, что на открытом карфагенянами «острове» много «полноводных рек, пригодных для навигации», а также о том, что «между карфагенянами часто возникали столкновения из-за обладания столь счастливым местом»? В конце этой статьи мы еще вернемся к загадочным находкам бронзовых и железных изделий в могильниках на территории США и Бразилии.

А что думает по поводу всех этих находок наш серьезный специалист-археолог В. И. Гуляев? Дословно следующее: «Как бы то ни было, до настоящего времени ни один подобный “факт” не поставил под сомнение выводы известного немецкого историка Р. Кронау, который все финикийско-карфагенские находки в Новом Свете назвал “бессовестными фальшивками”» [7, с. 58].

Но даже из самой книги В. И. Гуляева (опять дословно списывавшего у Р. Хеннига) следует, что с отсутствием материальных следов финикийцев в Новом Свете не все так очевидно. В книге этому вопросу посвящено четыре страницы поразительно путаного текста [7, с. 57-60]. Если попытаться извлечь из них смысл, то выясняется, что, во-первых, в Америке найдено «несколько сотен (!! - И. Р.) камней с псевдопуническими надписями; аморфные куски железа неизвестного возраста и происхождения и т. д.» - это «и т. д.» восхищает особенно.

Во-вторых, у Гуляева рассказано о находке в 1874 г. в штате Параиба (Бразилия) плиты с финикийскими письменами. Вроде бы через год нашли еще одну плиту, «за подлинность которой ручался доктор В. Нетто - директор Национального музея в Рио-де-Жанейро». Но «через несколько лет» некий профессор М. Литтман установил «что перед ним - новый, слегка измененный вариант первой, давно раскрытой фальшивки из Параибы». Затем в 60-е годы XX века находится «новый вариант» надписи из Параибы, но приводимый перевод вообще не похож на приведенное выше содержание первых двух надписей. Сказано, что профессор С. Гордон из США подтвердил ее подлинность [14, р. 122-124]. «Однако большинство специалистов-филологов не согласились с доводами С. Гордона. Профессор Фрэнк М. Кросс из Гарвардского университета доказал, что новый вариант надписи

из Параибы - подделка. По его словам, это - “мешанина” из букв, существовавших в разные периоды истории Финикии и поэтому абсолютно несовместимых в рамках одного текста».

Обратим внимание, что, во-первых, поддельность надписи из Параибы определяется не по грамматическим ошибкам (т. е. финикийский язык надписи - *правильный*), а по соображениям палеографии, т. е. начертания букв финикийского алфавита. Но финикийская палеография - предмет более чем туманный, датировки одного и того же текста по начертаниям букв могут расходиться и более чем на пятьсот лет (см., например: [15]). «В самой Финикии было найдено всего около десятка надписей, в большинстве своем очень коротких» [52, с. 294]. Так что вряд ли подобные палеографические соображения могут быть решающими; вполне возможно, что на некоторых специалистов могли повлиять сугубо внешние факторы, например, убеждение, что «этого не может быть, потому что не может быть никогда».

Во-вторых, обращает на себя внимание тот любопытный факт, что XIX веке в лесах Бразилии обитало не только много диких обезьян, но и немало специалистов по финикийскому языку, бескорыстно посвящавших свой досуг изготовлению поддельных каменных плит. «Обыгрывая несколько негативных заключений специалистов, оппоненты Гордона не очень-то охотно вспоминают статью известного немецкого ориенталиста К. Шлоттмана, появившуюся сразу же после находки бразильского камня. Она была напечатана в 1874 году в серьезном научном журнале. “Если это фальшивка, - заключает Шлоттман свой анализ надписи, - то злоумышленник должен был быть прекрасным знатоком финикийского языка и обладать большим эпиграфическим талантом, ибо отдельные черты надписи не только финикийские, а, несомненно, сидонские. Трудно предположить, что такой знаток диалектов

финикийского языка живет в Бразилии, да и в Европе их наверное не так уж и много...” Вообще сомнительно, чтобы кто-то из тех немногих, кто владел тайнами пунического письма, мог пойти на изготовление подделки» [47, с. 19].

В любом случае с надписью из Параибы стоило бы разобраться повнимательнее. Приведем ее текст: «Мы - сыны Ханаана [финикийцы] из Сидона, города царя. Торговые дела завели нас на этот далекий берег, в край гор. На 19-м году [правления] Хирама, нашего могущественного царя, мы принесли в жертву богам и богиням юношу. Мы отплыли из Эзион-Гебера в Красном море и отправились в путешествие на десяти судах. Два года мы все вместе плыли по морю вокруг земли Хам [Африки], но были разлучены рукою Ваала [судьбою; возможно, штормом] - и уже не стало с нами наших товарищей. И так мы попали сюда, 12 мужчин и три женщины, на... берег, который покорился мне, адмиралу. Да благоприятствуют нам великие боги и богини!». С. Гордон относит эту надпись к VI веку до н. э. [7, с. 58]. Возможно, идет речь о Хираме III, который правил в V в. до н. э. [13, с. 180].

Наконец, следует коснуться еще вопроса о финикийцах как возможных посредниках *между Америкой и Тропической Африкой*. Уже говорилось о том, что финикийцы установили регулярные торговые связи с побережьем Западной Африки. Указывалось, что, вероятнее всего, Америка и была открыта финикийцами в ходе одного из подобных путешествий.

Некоторые исследователи видят косвенное доказательство посещения финикийцами Америки как раз в различных изображениях людей негроидного типа. В частности, знаменитые огромные каменные головы в культуре ольмеков толкуют как изображения негроидов в шлемах нубийского типа. «Ученые многих мексиканских музеев и университетов пришли к выводу, что ряд экспонатов свидетельствует о каких-то

древних контактах с Африкой. Подтверждением такой точки зрения служит удивительный экспонат из музея Халапа. Это бюст из терракоты высотой примерно 10 дюймов, изображающий человека негроидной расы. К тому же, чтобы не было никаких сомнений, скульптор покрасил его лицо в черный свет! Что ж, вполне вероятно, нубийцы могли попасть в новый Свет вместе с финикийцами, которые охотно брали их в матросы на свои корабли. Известные как опытные мореходы, нубийцы плавали на торговых судах финикийцев по всему Средиземноморью» [13, с. 181-182]. Между прочим, и среди завоевавших Америку конкистадоров тоже встречались негры: «В первый день Писарро послал в город двух своих людей – Альфонсо де Молино и негра из Панама. Необыкновенный цвет кожи обоих посланцев Писарро и великолепная борода Молины, можно сказать, покорили сердца жителей Тумбеса» [33, с. 224].

Весьма интересны в этом смысле и находки в Панаме руин очень древнего города культуры кокле. «Его культура удивительно похожа на культуру майя, он поклонялся солнцу и, как все другие народы Центральной и Южной Америки, верил в пернатого змея. (...) Очень часто встречаются статуи представительных мужей, которые поглаживают рукой длинные кудрявые бороды. (...) Все статуи людей и животных смотрят на восток». И вот на одном из барельефов здесь археологи увидели «отчетливое изображение слона». Напрашивается вывод: «население города поддерживало непосредственные отношения со странами Востока морским путем» [43, с. 319-321].

Данные в пользу древних связей между Америкой и Африкой снова дает ботаника. В частности, речь идет о таком важном для тропиков пищевом продукте, как *маниок*. С. Н. Бахарева пишет: «Западная и Центральная Африка - вторичный

центр происхождения маниока - *Manihot esculenta* и *M. glaziovii*; первичный - южноамериканский генцентр, по Н. И. Вавилову. Маниок был интродуцирован на Африканский континент в IV-V вв. н. э.» [35, с. 38-39]. При этом сама дата ею не аргументируется. Но во всяком случае речь идет еще об одном примере доколумбовых связей с Америкой. «В записках Колумба сохранились интересные замечания, где адмирал сравнивает вещи, виденные им на гвинейском берегу, с американскими... Но вот что мы находим в его дневнике: “Здесь этого растения больше, чем там, на гвинейском берегу...” Речь идет о кассаве, подлинно американском эндемике. Тот факт, что она росла по обе стороны океана, Колумб никак не прокомментировал» [47, с. 35].

Еще более интересный пример обратного влияния на Новый Свет - *клещевина*. Из этого растения получают касторовое масло, употребляемое для освещения, в пищу и для лечения. Ее родина - Африка. Но уже в древности она попала в Индию: ее название есть в санскрите. В Америке клещевину знали еще до прихода европейцев, часто как сорняк; но в Мексике ее тоже использовали для освещения [36, с. 237-239]. Известен только один народ, использовавший касторовое масло для освещения и в древности поддерживавший контакты одновременно с Индией и Америкой. Это финикийцы.

Наконец, и относительно Европы можно предполагать, что моряки привозили из Нового Света не только экзотические ананасы. Речь идет, в частности, о *фасоли*, родиной которой сейчас признана Америка. «Раньше об этом полезном растении писали, будто оно культивировалось древними греками и римлянами под названием доликос, фаселос и т. д. Потом разведение этой же фасоли объяснялось тем, что испанцы ввезли ее туда из Старого Света после открытия Колумба. Позже семена фасоли были найдены в доинкских поселениях во

всем перуанском приморье. Сравнительно недавно ботаники Хатчисон, Силоу и Стефенс, опираясь на убедительные ботанические данные, указали, что фасоль *Phaseolus* – еще одно подтверждение доколумбовых связей между Старым и Новым Светом» [49, с. 57].

3. Легенда о Кецалькоатле как исторический источник

Серьезным специалистам особенно присуща доброжелательная вежливость к оппонентам. В. И. Гуляев пишет: «Не будем же уподобляться твердолобым хранителям академических догм и обратимся к аргументации дилетантов. (...) С. Гордон для подтверждения своих гипотез также прибегает к древним преданиям. Логика его рассуждений проста. У ацтеков якобы есть легенда о том, что все навыки цивилизованного образа жизни были принесены в Новый Свет одним бородатым и белокожим человеком по имени Кецалькоатль. В переводе с языка науа это имя означает “Пернатый Змей”. Он приплыл к ацтекам на лодке с востока и туда же на восток потом скрылся, обещав когда-нибудь вернуться. Аналогичное предание есть и у майя [и у ацтеков *есть*, а не “якобы есть”. - И. Р.]. Там, правда, бородатого человека зовут Кукулькан, что в переводе с майяского тоже означает “Пернатый Змей”. (...) Далее С. Гордон высказывает совершенно фантастическую мысль. Оказывается, в знаменитом афинском Акрополе есть скульптура пернатых змей с головами бородатых людей. Это, по мнению С. Гордона, является решающим доказательством осуществления плаваний греков за океан» [7, с. 65-66].

По нашему мнению, называть дилетантом профессора С. Гордона, - признак как минимум недостатка у В. И. Гуляева либо научной корректности, либо научной эрудиции. Между

прочим, в послесловии к российскому изданию одной из книг С. Г. Гордона сказано: «Имя профессора университета Брандаиз (Уолтхэм, штат Массачусетс) Сайруса Герцля Гордона (1908-2001) хорошо известно как в узком кругу специалистов-ассириологов, так и в широких кругах читателей научно-популярной литературы в Европе и США. Один из крупнейших специалистов по угаритскому языку и литературе, аналитик, воссоздавший систему минойской письменности и языка, глубокий знаток библеистики и гебраистики, проницательный исследователь греко-семитских культурных связей, Гордон вместе с тем входит в число самых плодовитых авторов научно-популярных изданий» [64, с. 257]. И уж никак не уступает по научному авторитету самому В. И. Гуляеву.

Но не это главное. В. И. Гуляев здесь дает резкую *содержательную* оценку («совершенно фантастическая мысль») гипотезе о связи между изображениями пернатых змеев в древней Греции и в Мексике. А в конце этой же книги он пишет: «Для последних работ неодифузионистов характерным является сходство их теорий с “дикими” концепциями, которые господствовали в науке на протяжении XIV-XIX веков. При этом предпочтение отдается религиозной символике, культовой архитектуре, иконографии, различным мистическим обрядам и ритуалам, то есть таким сторонам духовной и материальной культуры, которые истолковать довольно трудно» [7, с. 176]. И тем не менее, как мы видим, сам В. И. Гуляев берется именно истолковывать религиозную символику и иконографию. При этом он совершенно *бездоказательно* (т. е. не приводя вообще *никаких* доказательств) обзывает научную гипотезу серьезного специалиста «фантастикой», не будучи сам специалистом ни по грекам, ни по финикийцам. Пожалуй, именно методология

подобных В. И. Гуляеву изоляционистов гораздо ближе к «науке XIV века»...

Но поставим вопрос конструктивно: а почему, собственно, некорректно искать доказательства контактов между разными народами в сфере их духовной культуры? Если, скажем, известно, что два народа одинаково веруют в Христа, является ли это доказательством имевших место контактов между ними? Или мы должны, подобно советским изоляционистам, предположить, что эти верования у них сформировались независимо друг от друга, в связи с «едиными законами развития всего человечества»? - Как раз связь феноменов духовной культуры с этими самыми едиными законами является наиболее далекой и опосредованной. Ведь можно с тем же успехом верить, к примеру, и в Будду.

Единственное необходимое уточнение: сходство между явлениями духовной жизни может быть «двоюродным», т. е. объясняться не контактами двух народов между собой, а их контактами с неким третьим народом, который и послужил источником духовных инноваций. Именно так обстоит дело, по нашему мнению, в отношении греков и индейцев Мексики. Так что гипотеза С. Гордона вовсе не так уж фантастична.

Во-первых, древние греки действительно верили в Пернатого Змея, причем в нескольких разновидностях. С одной стороны, это **Тифон** - могучее чудовище, едва не свергнувшее с Олимпа Зевса с родственниками. «Тифон - в греческой мифологии чудовищный сын земли Геи и Тартара (т. е. преисподней, ада, «нижнего мира». - И. Р.). (...) Тифон - дикое хтоническое тератоморфное божество: у него сотня драконьих голов, часть туловища до бедер - человеческая. Ниже бедер **вместо ног у Тифона - извивающиеся кольца змей. Тело покрыто перьями** (Курсив мой. - И. Р.). Он бородат и волосат (и крылат. - И. Р.). Каждая из глоток Тифона издает дикие

голоса быков, львов, псов. Тифон мог бы стать владыкой мира, если бы Зевс не вступил с ним в борьбу: он испепелил Тифона молниями и забросил его в тартар. По другой версии мифа, победа далась Зевсу с огромным трудом: Тифон охватил Зевса кольцами змей, перерезал ему сухожилия, запер его в Корикийской пещере в Киликии, где Зевса стерегла драконица Дельфина. Но Гермес и Эгипан выкрали спрятанные в пещере сухожилия Зевса, вставили их ему, и он, обретя снова силу, стал преследовать Тифона. (...) Зевс навалил на Тифона огромную гору Этна в Сицилии, откуда Тифон изрыгает пламя. Тифон и Ехидна породили многих чудовищ» (пса Кербера и др.) [16].

С другой стороны, существовали и варианты греческих мифов с позитивным образом Пернатого Змея (Офиона, Фанеса) как одного из высших богов-творцов. Но самое главное: подобный **образ Пернатого Змея имеет финикийское происхождение.**

Вот что пишет об этом писатель IV в. н. э. Евсевий Кесарийский: «Природу дракона и змеи обоготворил сам Таавт [бог мудрости у финикийцев, близкий египетскому Тоту. - И. Р.], а после него уже финикияне и египтяне. По его учению, это животное более всех прочих пресмыкающихся обладает духом [Сравним: «Змей был хитрее всех зверей полевых» (Быт. 3. 1) - И. Р.]; оно отличается своею огненною природою, а также, благодаря своему духу, непревосходимою быстротою (...) Оно вечно и снова разрешается в себе. (...) Финикияне называют его [Змея] Добрым Божеством. Подобным образом и египтяне дали ему имя Книф. Они придали ему голову ястреба, вследствие энергии этой птицы. И Эпей, названный ими величайшим толкователем таинств и иерограмматом (его перевел на греческий язык Арей Гераклеополит), иносказательно говорит дословно так об этом: **“первое, самое божественное - Змей, имеющий вид ястреба** (выделено мной. - И. Р.), весьма

красивый. Всякий раз, как он открывает глаза, он наполняет все в своей первозданной стране светом, и наступал мрак, как только он их закрывал” (...) Впрочем и египтяне изображают мир на основании того же представления. Они чертят замкнутый воздухообразный и огневидный круг с растянутым посередине Змеем в образе ястреба - Добрым Божеством, имеющим силу соединять (...) Эпей намекнул также, что это существо огненное, в силу того, что о нем говорят, что оно «озарило». А «озарять» - свойство света. У финикийян и Ферекид [учитель Пифагора. - И. Р.] позаимствовал эту тему и изложил свое учение о боге, называемом им Офионом и об офионидах» [17, с. 44-45].

«Ферекид (...) рассказывает миф о том, что два войска противостоят друг другу, одним из которых командует Кронос, другим - Офионей, и повествует о вызовах и поединках между ними, и как они заключают договор: которые из них упадут в Оген (Океан? - И. Р.) - тем быть побежденными, а которые выпихнут и победят - тем владеть небом. Этот же смысл, по его словам, имеют и священные сказания о Титанах и Гигантах, объявляющих войну богам, и священные сказания египтян о Тифоне, Горе и Осирисе» [18, с. 88 (DK 7 В. 4)].

Итак, согласно Ферекиду огненный Пернатый Змей **Офион** - сила, равная (!) Крону (Сатурну), предводителю титанов, который владел миром до Зевса. По словам Аполлония Родосского (DK 1 В. 16), «Орфей пел о том, что земля, небо и море, прежде сплоченные между собой в едином образе, разделились под действием лютой вражды на отдельные существа (...) Он пел о том, что снежным Олимпом сначала владели Офион и Океанида Эвринома, и как он, побежденный силою рук, уступил [царскую] честь Крону, а она - Рее, и оба упали в воды Океана» [18, с. 43]. По книге Нонна (Dionis. 41, 351-362), в Финикии помещается «старец Офион, начертавший

красными письменами судьбы мира» [17, с. 75]. А. Ф. Лосев называл Офиона и Эвриному «по всей очевидности змеевидными существами» Позднее Эвринома спасает Гефеста, сброшенного Зевсом с Олимпа [19, с. 464]. Но что еще интереснее: дочерьми ее и Зевса считались хариты (грации) - «благодетельные богини, воплощающие доброе, радостное и вечно юное начало жизни» [20, т. 2, с. 583].

В эзотерическом учении греческих *орфиков* Офиону тождественен *Фанес*. Орфическая теогония в изложении Дамаския (“О началах”, 123: DK 1. В 54) такова: «Сначала были вода и ил, который затвердел в землю (...) Предшествующее двум единое начало [теогония] опускает как неизреченное, ибо уже само умолчание о нем указывает на его неизреченную природу. Третье начало, идущее после двух, родилось из них и являет собой *Змея с присосшими головами быка и льва, а посреди - лик Бога. На плечах у него крылья*, имя ему - Нестареющий Хронос [Время], он же Геракл (Очевидно, что «Геракл» здесь - не греческий герой, а финикийский *Мелькарт* - покровитель города Тира. - И. Р.). С ним соединена Ананке [Необходимость] - бестелесная, распростертая по всему космосу и касающаяся его границ. Под этим, я думаю, подразумевается третье субстанциональное начало, только он [орфический поэт] признал его мужеженским, чтобы указать на производящую природу всех вещей» [18, с. 61]. «Под Кроносом разумей время (хронос), под Реей - текучесть (реон) жидкой субстанции, так как движущаяся материя с течением времени породила, словно яйцо, объемлющее все вещи шарообразное небо (...) Внутри шара промышленно содержащейся в нем Божественной пневмы формируется некое мужеженское живое существо, которое Орфей называет Фанесом, так как когда он явился (фанентос), то от него осветилась вся вселенная светом самого

яркого элемента - *огня, созревающего в жидкости*» [18, с. 63 (DK 1. В 56)]

Особенно интересно близкое сходство этой орфической теогонии древних греков с теогонией майя. В эпосе народа киче (горных майя) «Пополь-Вух» начало Вселенной изложено так: «Светоч, Пополь-Вух, как он именуется, *ясный свет, пришедший с другой стороны моря* (Здесь и далее выделено мной. - И. Р.) (...) Это - рассказ о том, как все было в состоянии неизвестности (...) существовало только небо. *Не было ничего, что существовало бы, что могло бы иметь существование, была только лишь холодная вода*, спокойное море, одинокое и тихое. Не существовало ничего. В темноте, в ночи была только лишь неподвижность, только молчание. Одни лишь Создательница и Творец, Тепеу и Кукумац, *Великая мать и Великий отец находились в бесконечных водах (...) там они назывались Кукумац* (= Кецалькоатль. - И. Р. - Т. е. и у киче Кецалькоатль имел «мужеженскую природу» как Фанес). По природе своей они были большими мудрецами и большими мыслителями. Вот в таком виде существовало небо, и там находилось *Солнце небес* [Хуракан. - И. Р. - Это не солнце в небе, а скорее некий предначальный свет за пределами мира] - *таково имя Бога* и так Он назывался. *Тогда пришло Его Слово*. К Тепеу и Кукумацу, собравшимся вместе во мраке, пришло оно, и Тепеу и Кукумац говорили с ним (...) Тогда распределили они сотворение мира (...) Пусть это свершится! Да будет заполнена пустота!» [21, с. 9-11].

Вообще образ птицы у самых разных народов символизирует “верхний” мир, а змеи - “нижний” [20, с. 469]. Но их соединение в виде целостного образа Пернатого Змея известно лишь, с одной стороны, у индейцев Мексики, а с другой - у финикийцев с египтянами и у греков. (Справедливости ради отметим, что некие изображения

Пернатой змеи встречаются еще и у даяков на острове Калимантан, но там она символизирует не единое божество, а именно соединение женского божества-змеи нижнего мира Джаты с небесным богом Махаталой [20, т. 1, с. 373-374]).

К тому же следует отметить, что, по крайней мере, у финикийцев и ацтеков известен и «стандартный» образ «Мирового Древа» с птицей наверху и змеей внизу. Речь идет, в частности, о *легендах об основании Тира и Мехико (Теночтитлана)*. К сожалению, автору удалось найти лишь пересказы легенды об основании Мехико из третьих-четвертых рук. Но все равно сходство обеих легенд настолько глубоко, что они заслуживают изложения в этой работе.

У Нонна (Dionisiaca XL, 428-534) легенда об основании Тира рассказана так: «Здесь некогда жили люди, которых Век (Эон), рожденный из одного с ними начала, одних видел сверстниками вечного мира. Это были - непорочное порождение небрачной почвы, самобытный образ которых тогда родился от невозделанного, незасеянного ила. (...) Однажды они спали у источников во время полуденного жара. Геракл явился им в призрачном человеческом образе и повелел этим “чадам земли” строить корабль и плыть на нем, пока не придут в “присужденное роком место”, где плавают в море две блуждающие неустойчивые скалы, которые природа наименовала Амвросиевыми (по-гречески “амврозия” - “пища богов”. - И. Р.). В них, в центре блуждающей по водам скалы, цветет имеющая свой корень ветвь маслины, современная им и соединенная с ними. На самой вершине ее увидите сидящего орла и искусно сделанную чашу (не к этой ли чаше восходят еще и корни легенды о Святом Граале? - И. Р.). От горящего дерева самозажженный огонь испускает дивные искры, их блеск обходит несгораемую маслину, а извилистый змей обвивает высокое растение, увеличивая удивление для глаз и ушей, так

как и [змея не набрасывается на орла], и орел, схватив пресмыкающееся, не растерзывает его, и огонь, носясь по ветвям, не пожирает невредимого растения, но испускает дым среди него, как приятный блеск. Он не уничтожает клубков дракона и не касается перьев птицы. И чаша, вися неподвижно, не падает сверху, соскользнув с вершин, колеблемых ветром. Поймав премудрую птицу, высокопарящего орла, принесите ее в жертву Темногривому (Посейдону), а кровь его - в возлияние блуждающим в море столпам, Дию (Зевсу) и блаженным (богам). И неустойчивая скала перестанет блуждать по водам, но сама собой привязанная к неподвижным основаниям, примкнет к несвязанной к ней скале. Вы постройте город...» [17, с. 53-54].

«Как же был основан Теночтитлан? Однажды, как гласит легенда (это было в XII веке) мексиканцы увидели сидящую на дереве птицу, которая напевала “Тиуи, тиуи”. Толкование пения птицы дал мудрец Уитцитон. Он сообщил вождю Текпатцину, что боги повелевают людям их племени покинуть свои земли. После двухлетних странствий небольшое воинственное племя ацтеков-охотников достигло долины Ануак - “страны у воды”. Так ацтеки оказались в долине у озера Тескоко, где сейчас находится столица страны. Посреди озера они увидели остров и различили на нем орла, сидящего на кактусе напаль (опунции) и пожирающего змею. Великое предзнаменование! Один из верховных богов еще до похода приказал построить город на месте, где ацтеки увидят сидящего на кактусе орла, пожирающего змею» [57, с. 37]. «[После долгих странствий ацтеки] остановились, наконец, у юго-западных берегов главного озера, в 1325 году. Там они увидели на вершине колючего дерева, выходявшего из омываемой волнами трещины скалы, орла необыкновенной величины, с распростертыми крыльями обращенного к восходящему солнцу

и державшего в когтях змею. Приняв это за вещий знак, указывавший на место их будущей столицы, они положили ей основание...» [58, с. 6].

При том, что основание обоих городов разделено временем не менее чем в три тысячи лет, обе легенды имеют очевидное типологическое сходство. Некий бог повелевает прародителям народа покинуть свои земли и искать новую родину, пока не увидят дерево на скале и на нем орла со змеей. Там они должны основать великий город. Причем это не просто скала, а остров. Плодоносное дерево («колючее дерево» опунция тоже съедобна) растет между двумя частями скалы или в трещине скалы. При этом дерево, орел и змея озарены священным Светом (или восходящим солнцем). Это интригующее сходство не имеет очевидных пояснений. Возможно, ацтеки просто «переписали на себя» легенду об основании какого-либо из древнейших городов тольтеков, а на тех, в свою очередь, повлияли финикийцы. Можно предполагать, что в оригинале ацтекская легенда еще ближе по тексту к финикийской. Хотелось бы ознакомиться с этим ацтекским первоисточником.

Очевидно, что легенда об основании Тира древнее легенды об основании Теночтитлана. Так же очевидно, что у финикийцев образ Пернатого Змея возник *раньше*, чем у индейцев Мексики. И это очень важно. Так, В. И. Гуляев в своей пресловутой книге заявляет: «Другая характерная черта всех работ современных диффузионистов состоит в почти полном игнорировании хронологических рамок рассматриваемых явлений. А между тем это, пожалуй, самый принципиальный вопрос (...) Очевидно, что если данная черта появляется впервые в Новом Свете, а затем - в Старом, то она не может возникнуть в Новом Свете как результат влияний Старого Света» [7, с. 176]. - Очевидно, что и это *голословное*

обвинение В. И. Гуляева против «всех современных диффузионистов» столь же беспочвенно, как и все остальные.

Культ Кецалькоатля появился у народов Мексики в «среднеархаическое» время - т. е. именно в IX-V века до н. э. - в эпоху максимального расцвета древней Финикии и плаваний финикийцев вокруг Африки. К этой эпохе относятся найденные археологами «изображения змееподобного пернатого существа» [22, с. 127]. Так что с хронологией - полный порядок.

У ацтеков и их соседей существовали разные варианты мифа о нескольких эрах («Солнцах»), каждая из которых заканчивалась вселенской катастрофой и гибелью человечества. Согласно одному из них, «Третья эра - «Солнце ветров» - связана с появлением на земле человеческих племен - ольмеков и шикаланков. Они истребили уцелевших великанов, основали Чолулу и распространились вплоть до Табаско. В эту эру появилось волшебное существо, называемое одними Кецалькоатлем, а другими - Уэмаком, которое якобы явилось основателем культуры и общественной морали. Народы остались глухи к его поучениям, и Уэмак удалился на восток» [23, с. 53]. Еще раз повторимся: «Первые изображения Кецалькоатля, обнаруженные в скульптуре ольмеков, относятся к 8-5 вв. до н. э.» [20, т. 1, с. 646].

В ацтеков сохранился древний миф о том, что когда Кецалькоатль понял, что в этой жизни имеет место грех и стареют лица, он уехал «на Восток, *в Землю черного и красного цвета* - в область знаний» [24, с. 111]. Тут следует обратить внимание, что древние египтяне называли свою страну «Та Кемет» - «*Черная земля*» в отличие от окружающих пустынных местностей, которые именовались «Красной страной» [25, с. 12]. При этом название Ханаан (Финикия) часто переводится как «Страна пурпурной краски», а само название «финикийцы» происходит от греческого «красные». «Итак, “финикиец” -

название чужеземное. Оно встречается уже в крито-микенском греческом языке и родственно среднеегипетскому “фенху” (fnh-w), а в греческом мире, во всяком случае со времен Гомера, оно получило прочные права гражданства. По своему значению оно связано с греческим словом “phoinix” - “темно-красный”. Поэтому обычно вспоминается пользовавшийся большим спросом в древности финикийский пурпур. Но столь же вероятно, что своим происхождением название “финикиец” обязано темно-красному цвету “terra rossa” (“*красной земли*”)» [38, с. 83].

К тому же Финикия была тесно связана с Египтом культурно и часто зависела от него политически. Сведения о «противолежащем нашему» материке по ту сторону Атлантического океана Платон получил от египетских жрецов. В описанное Геродотом плавание вокруг Африки финикийцы отправились именно по приказу египетского фараона. А в якобы поддельной надписи из Параибы речь идет именно о корабле, отнесенном бурей от берегов Африки...

Легенды о Кецалькоатле обязательно содержат его характеристику как культурного героя, принесшего индейцам разнообразные знания. «*Толлан* («место тростников») - в мифологии индейцев Центральной Америки главный город тольтеков - столица, которой правил добрый бог Кецалькоатль. (...) Миф о Толлане как о своеобразном рае сложился очень давно, очевидно, еще во времена ольмеков [опять все в порядке с хронологией. - И. Р.]. (...) Толлан представляли местом изобилия и красоты, где растут самые огромные початки маиса, цветной хлопок и другие диковинные растения, стоят дворцы из бирюзы, нефрита и перьев Кецаля» [20, т. 2, с. 518].

Обратим внимание на легенду о диковинных растениях и особенно о «*цветном хлопке*». Отметим, что финикийцы были лучшими в античном мире специалистами по окраске тканей.

Но это еще не самое интересное: «Свидетельством финикийских посещений могут быть не только скульптуры и выбитые на скалах надписи. Вполне вероятно, что имеется доказательство, так сказать, растительного характера: в древности кто-то - вероятнее всего финикийцы - скрестил сорт хлопка, распространенный в Египте, с американской его разновидностью. Одежда древних майя была изготовлена именно из такого гибрида, полученного в результате скрещивания, потому что представляется маловероятным, что семена длиноволокнистого хлопчатника могли попасть в Америку сами по себе» [13, с. 184].

Здесь следует обратить внимание на еще одно методологическое противоречие изоляционистов. Например, выдающийся специалист по доколумбовым цивилизациям Ю. В. Кнорозов признает сам **факт** доколумбовых контактов с Америкой. Так, он пишет: «После частых, внезапно налетавших ураганов прибрежные жители Юкатана наслаждались сбором “даров моря”, в числе которых бывали даже заокеанские утопленники и изделия, начиная с античных и кончая испанскими» [28, с. 251]. Но, с другой стороны, он заявляет, что эти контакты **в принципе** не могли иметь исторического значения: «Эпизодические связи различных племен и народов с американскими индейцами практически не имели последствий. Даже колония викингов в Гренландии не оказала сколько-нибудь заметного влияния на эскимосов, а колонии в Северной Америке исчезли бесследно. Отдельные лица, попавшие в неведомое племя, в лучшем случае адаптируют его культуру. (...) Таким образом, индейские племена Америки развивались независимо от Старого Света» [29, с. 20-21].

В целом Ю. В. Кнорозов прав. Но не во всем. Такая его позиция вообще влечет за собой **полное отрицание роли личности в истории**. А ведь выдающиеся личности были в

истории человечества всегда. И «оказывали заметное влияние» на ход истории. Причем это были не только великие тираны, но и великие изобретатели, великие пророки, великие философы. И среди них видное место занимали *пришельцы-просветители*, приносившие мудрость из своей страны другим народам. Такими были Пифагор, апостол Павел, основатель чань-буддизма Бодхидхарма, Святой Патрик, Кирилл и Мефодий, Стефан Пермский... При этом сам «перевод» религиозного учения на язык иной культуры неминуемо приводил к определенной трансформации его изначального смысла. По нашему мнению, именно таким был и тот человек, который принес индейцам Мексики «учение Пернатого Змея» и вошел в историю под именем *Кецалькоатль*.

«Кецалькоатль - Змея с перьями кецаля (птицы с синими и зелеными перьями). Речь идет о культурном комплексе, который представлен: а) небесным богом; б) историческим персонажем (и, по-видимому, не одним - так несколько человек принимали имя, например, Тупак Амару. - И. Р.); в) жреческим саном Теночтитлана. В философских текстах это имя часто употребляется как символ знания нагуа (индейцев Мексики. - И. Р.)... Был божеством, покровительствующим высшей школе жрецов Калмеках, где преподавались самые возвышенные элементы культуры нагуа» [24, с. 338].

Однако вся эта возвышенность прекрасно уживалась с кошмарной практикой массовых человеческих жертвоприношений. Но и в этом финикийцы, увы, могли выступать учителями индейцев Мексики: «В иудаистической традиции человеческие жертвоприношения были запрещены. Но в финикийских обществах и в Карфагене этот обычай сохранялся, по-видимому, до конца 1-го тыс. до н. э. Принесение в жертву детей воспринималось как наиболее угодная богам жертва» [46].

И, наконец, самое очевидное: мифологический образ Кецалькоатля сам по себе - бесспорное доказательство реальности доколумбовых плаваний в Америку. Кортес с горсткой конкистадоров сумел завоевать Мексику именно потому, что там его приняли за *вернувшегося из-за моря* Кецалькоатля. Ведь победы Кортеса над ацтеками и Писарро над инками сродни историческому чуду! Они были бы невозможны без веры индейцев в «возвращение белых богов». «Кецалькоатль изображался в виде бородатого человек в маске, с огромными губами, или в виде змеи, покрытой перьями (...) По одному из мифов ацтеков, Кецалькоатль после поражения в Толлане [от Тескатлипоки] удалился на плоте из змей в восточную заморскую страну Тлилан-Тлапаллан, обещав через некоторое время вернуться из-за океана. Поэтому, когда бородатые испанские завоеватели высадились на восточном побережье Мексики в год, посвященный Кецалькоатлю, то первоначально ацтеки приняли предводителя испанцев Кортеса за возвратившегося Кецалькоатля» [31].

И, кстати, один этот факт показывает, что *историческое значение доколумбовых контактов с Америкой вовсе не было «ничтожным»: они серьезно повлияли на развитие индейских цивилизаций и, главное, на их судьбу.*

4. Что знали античные ученые об индейцах?

Итак, имеются достаточно серьезные доказательства духовного влияния финикийцев на индейцев Мексики. Кроме того, даже В. И. Гуляев вынужден признать, что имеются вполне реальные археологические доказательства того, что «римляне достигали берегов Мексики в районе Веракруса» [7, с. 73]. Выше уже говорилось о том, что этими «римлянами» скорее всего были те же самые финикийские мореходы. Но при этом возникает резонный вопрос: а в античном мире что-нибудь

знали о древней Мексике? Вообще, сохранились ли у античных писателей содержательные сведения об Америке и об индейцах?

На этот вопрос следует дать однозначно положительный ответ. Во-первых, определенные сведения об Америке и ее жителях содержатся в уже цитированных текстах Диодора Сицилийского и отчасти (Псевдо)Аристотеля. В частности, там упоминается об огромном материке, где много судоходных рек. Там обитают разнообразные животные, на которых местные жители охотятся и затем устраивают богатые пиры. У них есть сады, и, можно предполагать, огороды, но ничего не говорится о животноводстве. Наконец, «деревни также богато выстроенные, и питейные в садах дома прекрасно везде расположенные встречаются» – здесь можно увидеть указание на «мужские дома» или просто дома деревенских собраний. Эти сведения скорее напоминают доколумбову Бразилию или Вест-Индию.

Плутарх в своем рассказе («Серторий», VIII-IX) об «Островах блаженных» также рисует довольно содержательную и весьма привлекательную картину: на этих островах «не только можно сеять и пахать на доброй и тучной земле – нет, народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе; воздух на островах животворен благодаря мягкости климата и отсутствию резкой разницы между временами года». Причем живут «там безмятежно, не ведая ни тирании, ни бесконечных войн». – Такой себе «тропический рай».

Не исключено, что как раз рассказы о путешествиях в запредельно далекие земли иного материка и послужили источником для создания жанра античной литературной утопии. Ю. Г. Чернышев в своей статье [51] рассматривает «географический» вариант античной утопии – «перенесение

утопических идеалов на далекие от Рима "экзотические" острова, страны и народы, художественные описания которых, несомненно, были рассчитаны и на получение эстетического наслаждения. Такая повышенная увлеченность "островными" сюжетами отмечается, например, в сочинении Диодора Сицилийского: именно благодаря его заинтересованному пересказу до нас дошли такие знаменитые "географические" утопии, как описание острова Панхайя Эвгемера и Солнечного острова Ямбула, именно в его сочинении пятая книга целиком посвящена островам, многие из которых наделены идеальными чертами. Вполне очевидно, что здесь проявилась не только увлеченность самого Диодора, но и его ориентация на духовные запросы читателей-современников: не случайно приблизительно в это же время (в 41 или 40 г. до н. э.) в знаменитом XVI эпосе Горация звучит отчаянный призыв покинуть гибнущий в гражданских распрях Рим и бежать на лежащие далеко в Океане "острова блаженных", а еще за четыре десятилетия до появления такого призыва на эти же атлантические "острова блаженных" собирался отправиться теснимый отовсюду сулланскими войсками полководец Серторий.

Для периода Империи примером подобного рода утопии может служить описание острова Тапробана (вероятно, Цейлона), встречающееся у Плиния Старшего: на острове правит выбранный в цари милосердный старец, наделенный ограниченной ненаследственной властью, там нет ни рабов, ни судебных тяжб, цены на хлеб всегда одинаковы, общественные богатства намного превышают богатства частные, островитяне не спят утром допоздна, и средняя продолжительность их жизни достигает ста лет (NH. VI.84-91). Это повествование, на наш взгляд, во многом – как бы перевернутая характеристика пороков римского общества времен Клавдия и Нерона, хотя, как

косвенно показывают эпиграфические находки, в нем могли присутствовать и отдельные достоверные сведения, полученные в результате случайных контактов римлян с островитянами».

Для нас здесь исключительно важно, что роль литературной и даже политической утопии могли играть «отдельные достоверные сведения, полученные в результате случайных контактов римлян с островитянами». Очень возможно, что приводимые Плутархом и Горацием сведения об «островах в Атлантическом океане» были примерно настолько же достоверными, как и сообщения Плиния Старшего о Цейлоне.

Вообще же об «Островах блаженных» за Океаном писал еще Гомер. Ю. Б. Циркин резонно отмечает: «Хотя океан, по мысли Гомера (этот взгляд был свойствен грекам и в более позднее время), кругом обтекает землю, эллины связывали океан в основном с Западом. Одиссею надо пересечь его, чтобы достигнуть царства мертвых (Od. X, 504 и далее), которое обычно локализуется в краю захода солнца. Где-то там, в стране, где веет зефир, посылаемый океаном, располагаются Елисейские поля (V, 561-569). Иногда думают, что само это название связано с именем финикийского бога Эла. Здесь же, близ границ земли, у океанских пучин, располагает острова блаженных Гесиод (Op. et dies 167-173). На океане или за океаном локализуются в гесиодовской “Теогонии” Геспериды, Горгоны, Хрисаор и Герион (215-216, 274-294). Нельзя ли предположить, что именно сведения о неизвестных грекам западных странах, то ли опасных, то ли счастливых, питали мифологическую фантазию эллинов? И если это так, то подобные сведения, хотя и очень смутные, могли принести в Элладу гомеровского времени только финикийцы» [60, с. 64-65].

Во-вторых, не исключено, что античные ученые кое-что знали и непосредственно о древнейших индейских цивилизациях Мексики. Безусловно, это могли быть *только полуфантастические сведения* из третьих рук, наподобие рассказов Геродота об одноглазых аримаспах, воюющих со стерегущими золото грифонами, и о пигмеях, воюющих с журавлями. Но ведь историки научились извлекать содержательную информацию и из подобных легенд: как правило, эти легенды все-таки имели под собой реальную основу. Порою таким образом до нас доходит и пересказ местных мифов и легенд.

Приведем пример из того же Геродота (III. 102). Он рассказывает, что в землях индийского племени пактинов «есть песчаная пустыня, и в песках ее водятся муравьи величиной почти с собаку, но меньше лисицы. Несколько таких муравьев, пойманных на охоте, есть у персидского царя. Муравьи эти роют себе норы под землей и выбрасывают оттуда наружу песок так же, как это делают и муравьи в Элладе, с которыми они очень схожи видом. Вырытый же ими песок – золотоносный, и за ним-то индийцы и отправляются в пустыню». За песком прибывают индийцы, каждый с тремя верблюдами, нагружают песок в мешки и сразу убегают, чтобы муравьи их не растерзали [1, 170, 484]. А теперь научный комментарий к этому месту: «Геродот передает здесь древнейшую форму легенды, возникшей в Ладаке на тибетско-индийской границе. Легенда сохранилась в тибетской, монгольской и китайской версиях. Новелла принадлежит местным золотоискателям и купцам и выдумана, чтобы отпугнуть конкурентов» [1, с. 517]. Как видим, это все равно рассказ об Индии – только об ее легендах.

По-видимому, до нас в подобном виде дошла и бесценная информация о древних индейских цивилизациях. Эту

информацию привел в каком-то несохранившемся до нас труде древнегреческий историк первой половины IV в. до н. э. **Феопомп с Хиоса**. Его свидетельство со своим скептическим комментарием сохранил для нас в своей книге «Пестрые рассказы» (III, 18) писавший по-гречески римский автор II в. н. э. Клавдий **Элиан**. Приведем его полностью с нашими курсивом и комментариями:

«Феопомп рассказывает о беседе фригийца Мидаса с Силеном. (Силен этот – сын нимфы; по природе своей он ниже божества, но выше человека, так как наделен бессмертием). Они разговаривали о различных предметах; между прочим, Силен рассказал Мидасу следующее: **Европа, Азия и Ливия – острова, омываемые со всех сторон океаном; единственный существующий материк лежит за пределами [известного нам] обитаемого мира. Он, по словам Феопомпа, неизмеримо огромен, населен крупными животными, а люди там тоже великаны, в два обычных роста, и живут они не столько, сколько мы, а вдвое больше.**

На этом материке много больших городов со своеобразным укладом и законами, противоположными принятым у нас. Два города, ни в чем не сходствующие друг с другом, превосходят все прочие размером. Один зовется Махим, другой – Евсебес [греч. machimos – «воинственный», eusebes – «благочестивый»].

Жители Евсебеса проводят дни в мире и благополучии, получают плоды земли, не пользуясь плугом и быками, им нет нужды пахать и сеять, всегда здоровы и бодры и до самой смерти полны веселья. Они столь безупречно праведны, что боги нередко дарят их своими посещениями.

Жители же Махима необычайно воинственны, появляются на свет уже в оружии, весь свой век воюют, подчиняют себе соседей и властвуют над многими

народами. Население Махима составляет не меньше двухсот мириад [мириада – десять тысяч, часто в значении просто «очень много», «тьма-тьмущая»; соответственно, двести мириад равно двум миллионам]. *Люди там* иногда, впрочем, редко умирают от болезней, обычно же *гибнут в битвах, сраженные камнями или дубинами; для железа же они неуязвимы. Золота и серебра у них много, так что эти металлы ценятся меньше, чем у нас железо.* Они некогда, по словам Силена, сделали попытку переправиться на наши острова и в количестве ста мириад пересекли океан, дошли до гиперборейских пределов, но не пожелали идти дальше, ибо, наслышанные о том, что тамошние жители слывут у нас самыми счастливыми, нашли их жизнь жалкой и убогой.

Силен рассказал Мидасу еще и более удивительные вещи: какое-то племя смертных людей населяет много больших городов на материке; границей их земель служит местность, называемая Аностон; она подобна пропасти: там нет ни дня, ни ночи и воздух всегда исполнен красноватым сумраком. Через Аностон текут две реки – Радостная и Печальная, на берегах которых растут деревья величиной с высокий платан; деревья вдоль Печальной приносят плоды, наделенные таким свойством: кто их поест, тотчас начинает плакать и будет исходить слезами всю остальную жизнь, и так и умрет; те же, что растут у Радостной, дают совсем другие плоды: отведавший их отрешается от прежних желаний и, если любил что-нибудь, забывает об этом, вскоре начинает молодеть и вновь переживает давно ушедшие годы. Сбросив старческий возраст, он входит в пору расцвета, затем становится юношей, превращается в отрока, в ребенка и, наконец, совсем перестает существовать.

Кому угодно верить хиосцу, пусть верит, мне же кажется, что он тут, да и вообще нередко, рассказывает басни» [41, с. 34-35, 149, 183].

Безусловно, приведенный выше рассказ Феопомпа изрядно баснословен. Но из контекста очевидно, что этот древнегреческий историк явно имел в виду *реальный* континент, а не некую фантастическую литературную страну наподобие острова Утопия. Лично Элиан настроен скептически (как Страбон относительно Пифея и Геродота), но все же счел нужным привести его сведения со словами «кому угодно верить хиосцу, пусть верит». И если подходить к словам Феопомпа с теми же критериями, что и ко словам Геродота, то можно извлечь немало интереснейшей информации:

1) Здесь, как и у Платона, содержится исключительно ценная географическая информация: «Европа, Азия и Ливия – острова, омываемые со всех сторон океаном; единственный существующий материк лежит за пределами [известного нам] обитаемого мира. Он неизмеримо огромен, населен крупными животными». Это соответствует описанию Америки. Действительно, этот материк вытянут с юга на север намного больше, чем Старый Свет.

2) Антихтоны не пользуются плугом и быками. При этом сказано, что они «получают плоды земли». Текст вполне можно понимать так, что у жителей противоположного материка имеется некое необременительное для них земледелие, но нет скотоводства. Это вполне соответствует тогдашним историческим реалиям. Сравним у Плутарха («Серторий», VIII-IX): «[на Атлантических островах] не только можно сеять и пахать на доброй и тучной земле – нет, народ там, не обременяя себя ни трудами, ни хлопотами, в изобилии собирает сладкие плоды, которые растут сами по себе».

3) «Люди там гибнут в битвах, сраженные камнями или дубинами; для железа же они неуязвимы»: местным жителям неизвестно железо, оружие у них каменное и деревянное; надо полагать, что и прочие орудия труда – тоже. И в этом

сообщении Феопомпа нет ничего баснословного. Даже спустя две тысячи лет «ацтеки не открыли сплава бронзы, а медь ковали, не разогревая; не знали они и железа, их инструменты и оружие были очень примитивны: кинжалы ацтеки изготавливали из обсидиана, иголки – из шипов агавы, а наконечники для стрел и копий – из кости или кремня» [43, с. 289-290] .

3) «Золота и серебра у них много, так что эти металлы ценятся меньше, чем у нас железо». Сравним: «Любопытны представления ацтеков (и их предшественников. – И. Р.) о ценности камней и металлов. Выше всего у них ценилась яшма, затем шла медь, потом серебро и, наконец, золото» [43, с. 290].

4) «На этом материке много больших городов со своеобразным укладом и законами, противоположными принятым у нас». Все дальнейшее описание вряд ли подходит под жанр литературной утопии. Не говоря уже о том, что Феопомп – древнегреческий историк первой половины IV в. до н. э., а социальная утопия как литературный жанр возникла лишь в эллинистическую эпоху. Тогда «Евгемер (конец IV – начало III в.) в фантастическом рассказе об острове Панхее и Ямбул (III в. до н. э.) в описании путешествия на остров Солнца создали идеал общества, свободного от рабства, социальных пороков и конфликтов» [44, с. 442].

5) Но само сообщение «жители Махима весь свой век воюют, подчиняют себе соседей и властвуют над многими народами» вовсе не есть утопия. Вспомним хотя бы об особой воинственности ацтеков: «Основной чертой ацтекского государства являлось то, что эксплуататорские устремления ацтекской верхушки были направлены преимущественно против других племен. Богатство ацтеков выросло главным образом в результате завоеваний» [33, с. 104]. Можно предположить, что, например, общество далеких

предшественников ацтеков – тольтеков – было организовано сходным образом.

6) Утверждается, что население этого крупнейшего из городов антихтонов «Воинственного» достигает два миллиона человек. Но тут следует иметь в виду, что греческое слово «город» (полис) значило одновременно и «государство». И в этом сообщении тоже нет ничего фантастического или утопического.

7) Исключительно интересна также характеристика первого из двух главных городов антихтонов – Благочестивого (Евсебеса). Его жители «проводят дни в мире и благополучии, получают плоды земли, не пользуясь плугом и быками, им нет нужды пахать и сеять, всегда здоровы и бодры и до самой смерти полны веселья. Они столь безупречно праведны, что боги нередко дарят их своими посещениями». Очевидно, что речь идет о главном религиозном, жреческом центре. И это сообщение имеет четкие соответствия с историей древней Мексики. Это древнейший город *Теотиуакан*, существовавший в долине Мехико как раз в античную эпоху. «Само его название – Теотиуакан – ацтекского происхождения. Примерно оно означает "город, где человек превращается в бога". Подлинного наименования создателей этой культуры мы уже никогда не узнаем. (...) По верованиям ацтеков, именно в Теотиуакане родились Солнце и Луна. (...) Роскошный Теотиуакан, по единодушному мнению американистов, был крупнейшим городом всей доколумбовой Мексики. И этот великолепный город, занимавший площадь 750 гектаров (2,5 на 3 км), собственно, никогда не был населен. Это был лишь гигантский религиозный центр со множеством пирамид, святилищ и жилищ жрецов» [33, с. 75-77].

8) «А люди там тоже великаны, в два обычных роста». – Даже это сообщение находит неожиданно богатое толкование:

«Ацтеки считали, что Теотиуакан построен теми, кто населял мир еще до тольтеков, то есть великанами (по-ацтекски – кинаме), жившими якобы в ту самую вторую эпоху, которая, согласно Иштлильшочитлю, завершилась гигантским землетрясением. А что на земле когда-то действительно обитали великаны, выстроившие себе столицу Теотиуакан, на это у ацтеков были «беспорные» вещественные доказательства. Они предъявили их и первым пришедшим испанцам. Это были кости мамонтов, обитавших на Мексиканском нагорье еще 12-15 тысяч лет назад» [33, с. 76].

9) «Какое-то племя смертных людей населяет много больших городов на материке; границей их земель служит местность, называемая Аностон; она подобна пропасти: там нет ни дня, ни ночи и воздух всегда исполнен красноватым сумраком». – Не исключено, что речь идет об описании береговыми жителями непрерывно действующего вулкана в глубине материка, каких немало и на Мексиканском нагорье, и в Андах.

10) «Через Аностон текут две реки – Радостная и Печальная, на берегах которых растут деревья величиной с высокий платан. (...) Отведавший [плодов Радостной реки] отрешается от прежних желаний и, если любил что-нибудь, забывает об этом, вскоре начинает молодеть и вновь переживает давно ушедшие годы. Сбросив старческий возраст, он входит в пору расцвета, затем становится юношей, превращается в отрока, в ребенка и, наконец, совсем перестает существовать». – Следы подобных мифологических представлений можно отыскать у индейцев доколумбовой Мексики: «На побережье Мексиканского залива наследие ольмеков восприняла культура тотонаков. (...) [Для них характерны] многочисленные находки пластического изображения неизменно смеющегося человеческого лица или детского личика» [33, с. 72, 74].

Возможно, как раз сообщение Феопомпа поможет объяснить сакральный смысл этих изображений. Здесь следует упомянуть также и некоторые религиозные представления ацтеков: «Говорят, что дети, которые умирают, так же как яшма, бирюза и украшения, не попадают в холодную и ужасную область мертвых (в Миктлан). Они уходят в дом Тонакатекутли; живут под сенью Дерева нашей плоти, сосут нектар цветов нашей основы». Между прочим, по верованиям ацтеков, большинство душ умерших затем уже в загробном мире умирали быстро и окончательно [24, с. 224-226].

11) «Деревья вдоль Печальной [реки] приносят плоды, наделенные таким свойством: кто их поест, тотчас начинает плакать и будет исходить слезами всю остальную жизнь, и так и умрет». – И даже это сообщение находит некие параллели в культуре доколумбовых цивилизаций. В частности, в некоторых древнейших цивилизациях Перу буквально *все* антропоморфные изображения (людей и богов) были *плачущими*. В частности, это касается культуры Уари в средней части Горного Перу. Там на расписной керамике «человеческая фигура рисуется с квадратным лицом, с овальными или круглыми глазами, от которых по щекам текут слезы. В сходном стиле расписана и посуда со скульптурными личинами... Стилистика этих изображений близка к тиауанакским». И в древнем городе Тиауанако на знаменитой Двери Солнца центральный персонаж (бог Виракоча?) тоже плачет: «от глаз по щекам текут “слезы” – полосы с тремя точками» [50, с. 49, 65]. Эпоха существования этих древнейших цивилизаций Перу также близка к финикийской: «Серия [радиоуглеродных] дат Тиауанако позволяет отнести эту культуру ко второй половине I тысячелетия до н. э. – I тысячелетию н. э.» [50, с. 95]. Географическая отдаленность от Мексики здесь не должна нас смущать: «Пытаясь объяснить

столь, казалось бы, неожиданное возникновение [в IX в. до н. э.] чавинской культуры, вызвавшей коренной переворот в жизни индейцев области Анд, некоторые из американистов высказали предположение, что истоки этой культуры следует искать в других областях Америки, и прежде всего в Мексике. Дело в том, что в Тлатилько, неподалеку от Мехико, была найдена керамика, весьма напоминающая керамику чавинян и примерно того же возраста» [33, с. 125].

У древних ольмеков, находившихся как раз на побережье Веракруса, часто встречались статуэтки младенцев (возможно, близнецов) в виде полу-людей, полу-ягуаров. Они двух видов: один из младенцев плачет, другой – толстый, сытый и довольный [61, с. 46]. Не связаны ли эти изображения с мифом о Радостной и Печальной реках?

12) «Они [воинственные жители Махима] некогда, по словам Силена, сделали попытку переправиться на наши острова и в количестве ста мириад пересекли океан, дошли до гиперборейских пределов, но не пожелали идти дальше, ибо, наслышанные о том, что тамошние жители слывут у нас самыми счастливыми, нашли их жизнь жалкой и убогой». Вот уж данное сообщение точно баснословно, в особенности в отношении численности армии Махима. Но, возможно, здесь сохранилась очень искаженная информация о попытках древних мексиканцев переправиться через Мексиканский залив и закрепиться на побережье Северной Америки. Там начиная с I тысячелетия до н. э. существовали культуры (или даже скорее цивилизации) *маундов*, создание которых большинство современных исследователей приписывает выходцам из Центральной Америки. «Практически юг Северной Америки был вполне достижим для жителей Центральной Америки... Они могли из нынешних портов Табаско и Веракрус на челнах пробираться вдоль побережья Мексиканского залива к устью

Миссисипи, а затем вверх по этой реке на север» [33, с. 57]. Подобные рассказы о путешествиях древних мексиканцев *через море на север* античные писатели вполне могли истолковать как рассказы о походах на «гипербореев».

Как видим, есть достаточно серьезные основания предполагать, что Элиан сохранил для нас поистине бесценную информацию Феопомпа о доколумбовых цивилизациях Америки: «На этом материке много больших городов со своеобразным укладом и законами, противоположными принятым у нас». Тут следует вспомнить и заявление Страбона об ином полушарии Земли: «если оно и обитаемо, то не такими людьми, как у нас» [5, с. 119].

Наконец, в качестве курьеза отметим, что не только название «Новый Свет» применительно к Америке возникло в еще античную эпоху (Сенека), но и наименование ее жителей *индейцами*. Плиний Старший писал (N. H., II, 67): «Квинту Метеллу Целлеру, товарищу Луция Афрания по консульству и в то же время проконсулу Галлии, царем свевов были подарены индийцы, которые в торговых целях плыли из Индии и были прибиты бурей к берегам Германии». Р. Хенниг так комментирует это сообщение: Во времена Римской империи и в течение всего средневековья слово “Индия” было собирательным понятием для всего экзотического. ...Мнимых “индийцев” следует, видимо, рассматривать как первое письменное свидетельство появления в Старом Свете посланцев Нового Света! ...Не исключено, хотя и менее вероятно, что очутившиеся на Европейском материке люди были не эскимосами, а индейцами из Северной Америки [Р. Хенниг почему-то отказывается верить в сообщение о том, что эти «индийцы» были торговцами. А ведь те же майя активно занимались морской торговлей. – И. Р.] ...Как связан с этим событием находящийся в Лувре древнеримский сосуд, на

котором якобы изображена голова индейца, автор судить не берется» [7, с. 297-300].

5. Выводы

Эта статья не претендует на исчерпывающее изложение аргументов в пользу духовного влияния финикийцев на тех же индейцев Мексики [См. также: 30]. В связи с гибелью культуры индейцев атлантического побережья Бразилии и США о духовном влиянии на них вообще трудно судить. Выше уже говорилось об археологических находках, подтверждающих присутствие финикийцев в этих районах. Некоторые археологические факты можно толковать и в пользу их прямого влияния на местные индейские культуры.

По крайней мере, имеются такие факты относительно территории востока США. Там как раз где-то параллельно с культурой ольмеков в Мексике (т. е. тоже в эпоху плаваний финикийцев) в низовьях Миссисипи возникла самобытная цивилизация - т. н. *цивилизация маундов* (своеобразных земляных насыпей). Ее древнейшим центром был «крупный комплекс Паверти-Пойнт, общая площадь которого достигала 150 га. Здесь были обнаружены грандиозные искусственные насыпи, богатые погребения, многочисленные социально престижные ценности из редкого сырья, происходившего из отдаленных местностей (в т. ч. до тысячи км и более). В Паверти-Пойнт насчитывалось не менее трех социальных слоев: два из них связывались со знатью, один - с простыми общинниками. В каждый отдельный момент в нем могли обитать минимум 4-5 тыс. человек» [32, с. 311]. Известно, что «из металлов строители маундов пользовались медью, а позже изредка и золотом». Но во время раскопок находили и обломки *бронзового* оружия, хотя «бронзовые орудия труда и оружие мы

находим в маундах лишь как исключение» [33, с. 55]. Но даже как исключение эти находки нужно как-то объяснить, не так ли?

В более поздних курганах культуры хоупвелл (II в. до н. э. - II в. н. э., как раз эпоха помпейских фресок) «встречалась медь с озера Верхнее, серебро с оз. Онтарио, а также метеоритное *железо*» [34, с. 72-73]. Собственно, современные методы химического анализа позволяют точно определить, было ли то железо метеоритным, и даже точно установить, из какого месторождения поступило сырье для бронзового изделия. В частности, можно определить, попали ли бронзовые изделия в маунд через Берингов пролив (из Сибири и Китая) или все-таки через Атлантику. Мне не известно, производился ли такой химический анализ *всех* бронзовых и железных изделий из маундов. Значит, вполне приемлема гипотеза, что изделия из бронзы и железа поступали к индейцам Северной Америки еще через финикийцев.

В недавнее время пересмотрены и представления об уровне культурного развития индейцев доколумбовой *Бразилии*, в частности долины Амазонки. Оказывается, там тоже существовали «предцивилизации», не уступающие по развитию цивилизации маундов в Северной Америке. А культурный упадок произошел уже после Колумба и был связан прежде всего с эпидемиями занесенных европейцами смертельных болезней. Эта высокая культура существовала в Амазонии по крайней мере *с начала нашей эры*. Там тоже обнаружены «искусственные земляные холмы - как платформы под здания и для производства захоронений. Их высота достигает 15-20 м, площадь 20 га и даже 50 га. В область тропических лесов проникали не только золотые украшения, но и по-видимому, инкские бронзовые топоры» [37, с. 35]. Во всяком случае, и здесь найдены изделия из *бронзы*. Остается тот же вопрос: проводился ли химический анализ этих бронзовых изделий?

Во всяком случае, и на сегодня **совокупность письменных, археологических и этнографических источников дает достаточные доказательства плаваний финикийцев в Америку**. Мы должны навсегда отвергнуть гиперкритицизм как антинаучный метод изучения исторических источников – в этом и во всех других случаях. В плане же оценки исторического значения доколумбовых плаваний в Америку следует равно отказаться от крайностей изоляционизма и миграционизма: если бы были полностью правы миграционисты, Колумбу не потребовалось бы открывать Америку заново; но если бы полностью были правы изоляционисты, Кортесу не удалось бы ее так легко завоевать. «Говоря в целом, предположение о том, что контакты с иноземцами были основным двигателем исторических перемен, и сейчас мне кажется справедливым, а выбор и расстановка акцентов, сделанные на базе этого предположения, - правильными» [62, с. 19].

Чтобы поставить в этом вопросе окончательную точку, не хватает лишь прямого археологического доказательства: **необходимо найти остатки стоянки финикийских моряков в Америке**. Принципы устройства финикийских колоний хорошо известны, так что понятно, что и где нужно искать. Наиболее реально найти остатки той финикийской фактории, откуда вывозились ананасы в Рим. Скорее всего они находятся где-то на тропическом побережье Бразилии. Искать их следует на небольшом скалистом островке в некотором удалении от берега. На этом островке должен быть источник пресной воды и удобная стоянка для парусника - укрытая от ветра небольшая бухта. Вероятно, рядом с ним на побережье находится какая-то хорошо видная с моря приметная гора. Еще один вариант - островок в устье большой реки, в особенности Амазонки. Думается, всех таких островков не так уж много...

Литература

1. Геродот. История в девяти книгах. Пер. с греч. Г. А. Стратановского.- Л.: Наука, 1972.- 600 с.
2. Диодора Сицилийского Историческая библиотека. Пер. с греч. И. Алексеева.- Спб.: Императорская АН, 1774. Ч. 1.- 372, (10) с.
3. Платон. Филеб, Государство, Тимей, Критий / Пер. с греч.; Под ред. А. Ф. Лосева и др. - М.: Мысль, 1999.
4. Аппиан. Римская история. VIII. I, // Вестник древней истории, 1950, № 3, 233-292.
5. Страбон. География в 17 книгах. Пер. с греч. Г. А. Стратановского. - М.: Наука, 1964.
6. Сенека Луций Анней. Трагедии. - М.: Наука, 1983.
7. Гуляев В. И. Доколумбовые плавания в Америку: мифы и реальность.- М.: Междунар. отношения, 1991.
8. Хенниг Р. Неведомые земли. - М.: Изд-во иностранной литературы, 1961. Т. 1.
9. Псевдо-Аристотель. Рассказы о диковинах. Пер. с греч. и коммент. Н. А. Поздняковой // Вестник древней истории, 1987, № 3, с. 236-252; № 4, с. 229-251.
10. Амазонка // БСЭ, 3-е изд., т. 1, с. 502.
11. Riley C. L. et al. (eds.) Man Across The Sea. - Austin - London, 1971.
12. Псевдоарриан. Плавание вокруг Эритрейского моря // Вестник древней истории, 1940, № 2. - С. 264-281.
13. Бурганський Г. Фінікійці в Америці // Всесвіт, 1996, № 1, с. 180-184.
14. Gordon C. H. Before Columbus. - N. Y., 1971.
15. Винников И. Н. Эпитафия Ахирама Библиского в новом освещении // Вестник древней истории, 1952, № 4. - С. 141-152.

16. Лосев А. Ф. Тифон // Мифы народов мира. Т. 2. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - С. 514.
17. Тураев Б. А. Остатки Финикийской литературы.- Спб.: Тип. В. Киршбаума, 1903.
18. Фрагменты ранних греческих философов. - Ч. 1: От эпических теокосмогоний до возникновения атомистики. Издание А. В. Лебедева / Под ред. И. Д. Рожанского. - М.: Наука, 1989.
19. Лосев А. Ф. Зевс // Мифы народов мира. Т. 1. - М.: Советская энциклопедия, 1980. - С. 463-466.
20. Мифы народов мира. В двух томах - М.: Советская энциклопедия, 1980.
21. Пополь-Вух. Пер. с языка киче. Издание подготовил Р. В. Кинжалов. - М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1959.
22. Гуляев В. И. Древнейшие цивилизации Мезоамерики. - М.: Наука, 1972.
23. Вайян Дж. История ацтеков. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1949.
24. Леон-Портилья М. Философия нагуа: Исследование источников. - М.: Изд-во иностранной лит-ры, 1961.
25. История Древнего Востока: (Учебник) Под ред. В. И. Кузищина.- М.: Высшая школа, 1979.
26. Страны и народы: Америка. Общий обзор. Северная Америка. - М.: Мысль, 1980.
27. Рамсей Р. Открытия, которых никогда не было. Пер. с англ. - М.: Прогресс, 1982.
28. Кнорозов Ю. В. Иероглифические рукописи майя. - Л.: Наука, 1975.

29. Галич М. История доколумбовых цивилизаций / Пер. с исп. Предисловие Ю. В. Кнорозова - М.: Мысль, 1990.
30. Рассоха І. М. Фінікійська філософія: постановка питання // Вісник Харківського національного університету № 507. Серія "Теорія культури ті філософія науки". - Харків: ХНУ, 2001. - С. 75-81.
31. Кинжалов Р. В. Кецалькоатль // Мифы народов мира. - М., 2000. - Т. 1, с. 646.
32. Шнирельман В. А. Возникновение производящего хозяйства.- М.: Наука, 1989.
33. Стингл М. Индейцы без томагавков. - М.: Прогресс, 1984.
34. История первобытного общества. Эпоха классовообразования / Под ред. Ю. В. Бромлея. - М.: Наука, 1988.
35. Бахарева С. Н. Растительные ресурсы Западной и Центральной Африки. - Ленинград: Наука, 1979.
36. Бахтеев Ф. Х. Очерки по истории и географии важнейших культурных растений. - М.: Учпедгиз, 1960.
37. Березкин Ю. В. Амазония в контексте древней истории Нового Света // Взаимодействие древних культур и цивилизаций и ритмы культурогенеза. - СПб., 1994. - С. 32-36.
38. Бернхардт К.-Х. Древний Ливан. - М.: Наука, 1982.
39. Корнелий Тацит. Сочинения в двух томах. Том 2. - Л.: Наука, 1969.
40. Ханке Х. Люди, корабли, океаны: 6000 лет мореплавания. - М.: Прогресс, 1984.

41. Апулей. *Метаморфозы, или Золотой осел* // Библиотека всемирной литературы. – М.: Художественная литература, 1969.
42. Элиан. *Пестрые рассказы*. Пер. с древнегреч. С. В. Поляковой. – М.: Наука, 1964.
43. Косидовский З. *Когда солнце было богом*. 2-е изд. – М.: Наука, 1991.
44. *История Европы в восьми томах*. Т. 1. Древняя Европа. – М.: Наука, 1988.
45. Кинжалов Р. В. *Толлан* // *Мифы народов мира*. - М., 2000. - Т. 2, с. 518.
46. Шифман И. Ш. *Молох* // // *Мифы народов мира*. - М., 2000. - Т. 2, с. 169.
47. Непомнящий Н. Н. *Так кто же открыл Америку?* – М.: Знание, 1990. – 48 с.
48. Непомнящий Н. Н. *Колесницы в пустыне*. – М.: Наука, 1981. – 199 с.
49. Хейердал Т. *Культурные растения – доказательство доколумбовых контактов с Америкой* // Хейердал Т. *Приключения одной теории*. – Л.: Гидрометеиздат, 1969.
50. Башилов В. А. *Древние цивилизации Перу и Боливии*. – М.: Наука, 1972.
51. Чернышев Ю. Г. *Была ли у римлян утопия? "Вестник древней истории"*, М., 1992, № 1, с. 53-72.
52. Дирингер Д. *Алфавит*. – М.: Изд-во иностранной литературы, 1963.
53. Жуковский П. М. *Культурные растения и их сородичи: Систематика, география, цитогенетика, иммунитет, экология, происхождение, использование*. 3-е изд. – Ленинград: Колос, 1971. – 752 с.

54. Плутарх. Сравнительные жизнеописания в трех томах. Под ред. М. Е. Грабарь-Пассек и С. П. Маркиш. Т. II. – М.: Изд-во АН СССР, 1963.
55. Южная Америка // БСЭ, 3-е изд., т. 30, с. 366-373.
56. Цвейг С. Америго: Повесть об одной исторической ошибке // Цвейг С. Избранные произведения в двух томах. Т. 2. – М.: Гослитиздат, 1957. – С. 505-561.
57. Прыгов Д. Д., Давыдов М. С. За птицей Кецаль: Пять путешествий по Мексике. - М.: Мысль, 1986.
58. Прескотт В. Завоевание Мексики // Науки и искусства, т. LVI (-LX), отд. II. [1886].
59. Визенталь С. Парус надежды // Тайны тысячелетий. – М.: Вокруг света, 1995. – С. 147-217.
60. Циркин Ю. Б. Финикийская культура в Испании. - М.: Наука, 1976. – 246 с., ил.
61. Кинжалов Р. В. Орел, кецаль и крест: Очерки по культуре Месоамерики. – СПб.: Наука, 1991. – 186 с.
62. Мак-Нил У. Восхождение Запада: История человеческого сообщества. – К.: Ника-Центр; М.: Старклайт, 2004. – 1064 с.
63. Молчанов А. А. Посланцы погибших цивилизаций: Письмена древней Эгеиды. – М.: Наука, 1992. – 192 с.
64. Гордон С. Г. Забытые письма: Открытие и дешифровка / Пер. с англ. Русиновой Э. С. под общей редакцией Дандамаева М. А.; послесловие Емельянова В. В. – СПб.: Евразия, 2002. – 224 с.
65. Рассоха И. Н. Финикия – первое в истории современное общество // Софія: Культурологічний журнал. – К.: Фенікс, № 4/2005. – С. 94-136

Аннотация

Существуют прямые письменные свидетельства открытия финикийцами Америки. В частности, рассказ об этом открытии сохранился у Диодора Сицилийского. О существовании Америки знали также Платон, Аристотель, Страбон, Апулей, Сенека, Плутарх, Элиан и другие античные авторы. Финикийская культура влилась в общее русло античной цивилизации, плавания финикийцев в Новый Свет продолжались и в римскую эпоху.

Существуют прямые археологические доказательства таких путешествий финикийцев. В частности, в Америке найдены подлинные финикийские надписи и предметы финикийского происхождения, римские и карфагенские монеты, а также каменные статуи и стелы с изображениями финикийцев и африканцев. Есть также ботанические доказательства таких древних контактов: гибридные с египетскими сорта хлопка у майя, фасоль в античном мире, клещевина в Мексике и маниок в Тропической Африке. С другой стороны, на фресках в Помпеях обнаружены американские растения, в частности анона и ананас.

Финикийцы открыли значительную часть побережья Южной и Северной Америки и заплывали по рекам далеко в глубь континента. Они на протяжении нескольких веков поддерживали торговые связи с индейскими народами. Америка была позднее «закрыта» потому, что правительства Карфагена и Рима не проявили интереса к ее колонизации.

Финикийцы оказали серьезное культурное влияние на индейцев Америки и в частности Мексики. Так, финикийское происхождение имеет образ Пернатого Змея Кецалькоатля. В легендах прямо упоминается, что он удалился на родину - «в землю черного и красного цвета», как в древности назывались

Египет и Финикия. Финикийское происхождение можно предположить и для других мифологем индейцев Месоамерики. В частности, это миф о создании мира Богом-Светом из воды.

Вероятно, Элиан через Феопомпа Хиосского сохранил для нас информацию финикийцев о древнейших индейских цивилизациях.

Решающим аргументом в пользу открытия финикийцами Америки должно послужить открытие там стоянки финикийских моряков. Также необходимо провести полный химический анализ всех найденных в древних индейских могилах бронзовых и железных предметов. Но прежде всего следует отказаться от укоренившегося в исторической науке гиперкритического изоляционистского подхода к проблеме доколумбовых связей с Америкой.

Вместо послесловия

Возможно, читателей заинтересует, как же отреагировали на данную концепцию мои коллеги-историки. Надо сказать, по-разному. В Украине я, во всяком случае, без проблем опубликовал в научном журнале краткое изложение этой своей гипотезы [65, с. 95-96]. Правда, для меня тогда важнее было закрепить публикацией основную тему книги – о финикийской философии («Открытие финикийцами Америки» – это скорее приложение с дополнительными доказательствами самого спорного момента в книге «Финикийская философия и Библия»). Но в 2007 г. наконец дошли руки и до публикации этого текста. В Украине пока нет специализированного научного журнала по древней истории, зато он есть в России. Это прославленный «Вестник древней истории». Я отправил туда данную работу – именно в том виде, как в этой книге. И между мною и редакцией журнала состоялась по E-mail следующая поучительная переписка:

Уважаемый Игорь Николаевич!

Ваша статья «Открытие финикийцами Америки» была рассмотрена редколлегией ВДИ 19 сентября с.г. К сожалению, статья не может быть опубликована в нашем журнале. Бесспорно, поднимаемая Вами проблема, несмотря на всю ее спорность и сенсационное звучание, заслуживает интереса. Однако мы полагаем, что серьезное научное исследование такой сложной и дискуссионной проблемы, как представления древних жителей Средиземноморья о Западе и их попытки освоения территорий к западу от Гибралтара, требует прежде всего серьезного профессионального анализа первоисточников (античных и восточных). В Вашей работе он отсутствует - Вы пишете в научно-популярном жанре, цитируя (порой чересчур

пространно) русские переводы хорошо известных (специалистам) пассажей из античных авторов и слишком подробно (иногда в ущерб качеству написанного) критикуя своих немногочисленных (преимущественно русскоязычных) оппонентов. На основе уже проделанной работы Вы можете подготовить статью для публикации в популярном (или научно-популярном) издании («Наука и жизнь», «Знание – сила», «Вокруг света» и т.п.).

С наилучшими пожеланиями,
Ю.Н. Литвиненко, заместитель главного редактора ВДИ

Уважаемый Юрий Николаевич!

Сначала хочу поблагодарить Вас за любезное письмо с отказом от публикации моей статьи. Оно замечательно по стилю и, безусловно, украсит и (с этим моим ответом) сделает более убедительной мою книгу «Финикийская философия и Библия. Открытие финикийцами Америки», которая в ближайшее время выйдет в свет. Естественно, я вышлю Вам авторский экземпляр.

Конечно, приличнее было бы опубликовать эту статью в профильном журнале, но, ей-Богу, обойдусь. Также буду всячески приветствовать, если кто-либо из Ваших знакомых займется, как Вы писали, «серьезным профессиональным анализом первоисточников (античных и восточных)» по данной теме. **ОЧЕНЬ** надеюсь, что при этом они не забудут сослаться на мою работу, например: «Рассоха И. Н. Открытие финикийцами Америки (рукопись)». Или: «Рассоха И. Н. Открытие финикийцами Америки (в печати)».

Честно говоря, я был несколько удивлен самим фактом направления мне Вашего письма с отзывом. Насколько мне

известно, рукописи в Вашем журнале не возвращаются и не рецензируются. Ваше письмо можно понять и как некое приглашение к продолжению диалога. В таком случае, возможно, Вам будет интересно читать дальше.

Проблема доколумбовых контактов с Америкой – это комплексная междисциплинарная проблема. Здесь невозможно не быть дилетантом. Между прочим, эта проблема требует серьезного анализа первоисточников не только античных и восточных, но и индейских. Так что, конечно, очень желательно, чтобы специалист по доколумбовым контактам свободно владел как древнегреческим языком, так и латынью, ивритом, финикийским, древнеегипетским, ацтекским, майя, же, аравакским, карибским и еще как минимум парой сотен индейских языков. Кроме того, необходимо профессионально разбираться в генетике и селекции, в том числе тропических растений, профессионально заниматься археологией по обе стороны Атлантического океана и индейским фольклором, быть специалистом по мореплаванию (желательно моряком с опытом вождения весельных галер), и т.д.

Если редколлегия Вашего журнала знакома с таким действительно профессиональным автором по проблеме доколумбовых контактов, то как Вам удастся скрывать от общественности это знакомство? Может быть, подобный специалист пишет не на русском языке, а по-английски или по-китайски?

Кстати, не совсем понял, что Вы имели в виду, заявив, что я слишком много критикую немногочисленных русскоязычных авторов по данной проблеме. Следует ли это понимать так, что русскоязычный член редколлегии Вашего журнала В. И. Гуляев, которого я в основном и критикую, вообще не достоин даже критики? Тогда, может быть, Вам следовало бы подумать об обновлении состава редколлегии?

А если оценивать общий уровень профессионализма меня как специалиста, то мы с Вами где-то в одной весовой категории. Я ровно такой же кандидат наук, как и Вы. Я имею высшее историческое образование по кафедре истории древнего мира и средних веков и ученую степень по специальности «философия истории, социальная философия». Мне (в отличие от *узких* специалистов) как раз **положено** заниматься комплексными междисциплинарными проблемами. Список моих научных публикаций прилагается.

Я хорошо отношусь к журналу «Знание – сила» и легко могу туда обратиться и без Вашего совета. Но ведь в моей статье речь шла прежде всего о заведомо низком **профессиональном** уровне работ по доколумбовым контактам! Эта статья ведь имеет четкую **методологическую** направленность! Я ведь тоже принадлежу к профессиональному сообществу историков! Ведь Гуляев и иже с ним своими **безграмотными** текстами позорят всех *нас*! Зачем Вы так подставляете свой же журнал и даете пищу разным фоменкам?!

В ближайшее время Ваш журнал получит по рассылке мою последнюю книгу «Украинская прародина индоевропейцев». Еще раз напоминаю, что я – профессиональный философ истории, который занимается комплексными междисциплинарными проблемами высшей сложности. Надеюсь, что к данной книге Ваш журнал отнесется более профессионально и серьезно, чем к этой моей статье.

С наилучшими пожеланиями,

Советник главы государственной администрации
(губернатора) Харьковской области
по гуманитарным вопросам
И. Н. Рассоха.

Основні наукові публікації І. М. Рассохи

(за хронологією):

1. Рассоха И. Н. Тезисы о тоталитаризме // Политические исследования (Полис). – Москва, 1995, № 2. – С. 147 – 155
2. Рассоха И. «Украинская Сицилия» и «Украинский Пьемонт» // Бизнес Информ, 1995, № 19-20 (143-144). – С. 5-9.
3. Рассоха І. М. Про національні корені української філософії // Філософія. Історія культури. Освіта. Доповіді та повідомлення ІІІ міжнародного конгресу українців. – Харків: Око, 1996. – С.45-48
4. Рассоха И. Н. Эпидемии насилия XX столетия как следствие глобального кризиса общения // Власть и насилие: Збірка наукових статей. – Харків: Ун-т внутрішніх справ, 1997. – С.84-90.
5. Рассоха І. М. Стадійні флуктуації як закономірна історична випадковість // Науковий вісник № 8. Серія “Філософія”. – Харків: ХДПУ, 1999. – С. 46-56
6. Рассоха И. Н. Стадиальные флуктуации в мировой истории: к постановке вопроса // Філософські перипетії. Вісник ХДУ № 437,99. Серія: Філософія. – Харків: ХДУ, 1999. – С. 34-35
7. Рассоха І. М. Історичні стадійні флуктуації у розвитку суспільства: Автореферат дисертації на здобуття наукового ступеня кандидата філософських наук. Харків: Університет внутрішніх справ, 2000
8. Рассоха И. День Соборности – «Забытая победа»: Почему Деникин не взял Москву // День, № 167, 16 сентября 2000. – С. 5
9. Рассоха І. М. Фінікійська філософія: постановка питання // Вісник Харківського національного університету № 507. Серія «Теорія культури та філософія науки». Випуск 24. – Харків: ХНУ, 2001. – С. 75-81

- 10.Рассоха И. Апокалипсис по-украински и по-российски (огненная пропасть между двумя ментальностями) // Порог, № 10 / 2001. – С. 51-54
- 11.Рассоха И. Апология софистов: релятивизм как онтологическая система // Порог, № 11 / 2001. – С. 9-13
- 12.Рассоха И. Общая периодическая система организации материи // Порог, № 1 / 2002. – С. 21-31
- 13.Рассоха І. М. Язичницькі релігії та міфи народів світу. – Харків: Веста: Видавництво “Ранок”, 2002. – 144 с.: ілл.
- 14.Рассоха І. М. Язичництво народів Європи. – Харків: Веста: Видавництво “Ранок”, 2002. – 144 с.: ілл.
- 15.Рассоха И. Н. Языческие религии и мифы народов мира. – Харьков: Торсинг, 2002. – 144 с., с илл.
- 16.Рассоха И. Н. Язычество народов Европы. – Харьков: Торсинг, 2002. – 144 с., с илл.
- 17.Рассоха И. Н. Философия Ирана // История философии: Учебник для высшей школы / Под общей редакцией Н. И. Горлача, В. Г. Кременя, В. К. Рыбалко. – Харьков: Консум, 2002. – С. 174-197
- 18.Малкова Л. А., Рассоха И. Н. Развитие философии в Африке // История философии: Учебник для высшей школы / Под общей редакцией Н. И. Горлача, В. Г. Кременя, В. К. Рыбалко. – Харьков: Консум, 2002. – С. 529-555
- 19.Рассоха И. Война в Ираке с точки зрения международного права // Объектив-но, № 13 (26), 27 марта 2003. – С. 5
- 20.Рассоха И. Н. Что нужно Богу? Попытка разговора о пределах счастья // Філософія і література: Матеріали ХІ Харківських міжнародних Сковородинівських читань. – Харків: Прометей-Прес, 2004. – С. 388
- 21.Рассоха И. Н. Исторические стадияльные флуктуации // Collegium: Международный научный журнал, № 18. – К., 2005. – С. 168-202

- 22.Рассоха И. Н. Финикия – первое в истории современное общество // Софія: Культурологічний журнал. – К.: Фенікс, № 4/2005. – С. 94-136
- 23.Рассоха И. Н. Глава 2: Стадиальные флуктуации в цивилизационной истории человечества // Цивилизационная структура современного мира. В 3-х томах. Т. 1. Глобальные трансформации современности / Под ред. Ю. Н. Пахомова и Ю. В. Павленко. – К.: Наукова думка, 2006. – С. 100-148
- 24.Рассоха И. Н. Индоевропейские женщины и мифы феминизма // Гендерна політика міст: історія і сучасність. Випуск 2. Матеріали II міжнародної науково-практичної конференції (Харківська національна академія міського господарства, 23-24 травня 2007 року): Наук. зб. – Харків: Озон-Інвест, 2007. – С. 135-140
- 25.Рассоха И. Н. Украинская прародина индоевропейцев. – Харьков: ХНАМГ, 2007. – 391 с.

Summary

Phoenician philosophy.

Philosophy emerged in Phoenicia in the IXth – VIIIth centuries B. C. At the time, it was an early capitalist centre of the *economy world*, in the same way as were Athens in V-IVth centuries B. C., the cities of Northern Italy in the XIV-XVIth centuries or England in the XVIIIth century. Many features of a modern industrial society were pertaining to Phoenicia, such as the prevalence of the secondary sector in its economy, the democracy, and the supremacy of capitalist ship owners.

At the time, Phoenicia was in the cultural vanguard of the whole world. A phonetic alphabet was worked out, concrete was invented, the first “modern-type” ships, multi-storied houses and war machines were built. It was also the birthplace of arithmetic as “the science of figures and measures”, and it is possible that it was here that the concept of “everything being the number” emerged. The thinkers of Phoenicia were the first to create natural philosophy. In particular, consider Mochus’s theory of atoms. It can be assumed, that it was based on the so called digital atomism, similar to the Pythagorean theory, which would logically give rise to the belief that reincarnation of souls as unchangeable digital entities is possible.

Sanchuniathon was the first to put forward the rational theory of how religion arose, which made him the founder of social philosophy. In particular, he stated that gods were either deified natural elements, or mortals, as a rule former rulers and famous inventors, who were rendered homage after they died. It is generally common for him to view history as a succession of cultural achievements and inventions. At the same time, he has a well-grounded theory of matriarchy of the past, as well as of how cities emerged as a result of the invention of written characters and sea-

faring. In general, Sanchuniathon's cosmogony dwells upon the progressive evolution of matter, as well as a conception of life from moist silt and the subsequent increasingly complicated live creatures. That is a natural philosophic, rather than mythological, approach, which is characteristic of all Phoenician cosmologies we know of – “the want to find out how everything arose”.

Phoenicians also made a considerable contribution into the evolution of astronomy, astrology and mysticism of letters and figures. Their ideas influenced hermetism, cabbala, nuisarites sect theories and the mythology of the African Bambara people.

Phoenician philosophers' ideas along with their written literature were borrowed by the ancient Greeks and thus came to our notice as retold by Lynn, Pherecidus, Phales and Pythagoras. Pythagoreans also followed the example of the so called “prophets' disciples' schools”, Mochus's followers in particular, as the social institute where philosophy emerged as a separate form of public consciousness.

Phoenicia gave rise to the idea of social equity as God's commandment. They were the first to develop theology as science, in particular, the theory that the Universe emerged out of shapeless matter, which they imagined as water, unified with Creator, seen as the world's Wisdom, Word (logos) and Light.

Phoenician spiritual impulse was received by the whole of the Near Asia, whose culture was similar to the Phoenician one. In particular, the ideas got assimilated by Judaic prophets. The Bible contains rational philosophical texts (consider Ecclesiastes, Job, partly Ion and Isaiah). The core of them should be attributed to IX-VII centuries B. C. Of particular interest is the theory of the world's eternal existence as the never-stopping cyclical development. The idea of eternal recurrences served as the fundamental theory for astrology and was later assimilated by ancient Indian philosophers.

There are good reasons to assume that Phoenicians repeatedly reached the shores of America and made a significant influence upon Mexican Indian culture, in particular, the myth of the Feathered Snake. Similar images can be found in the Bible and Greek mythology. Ophion, Phanes and Typhon can be said to be obviously congeneric with the initial Biblical image of Satan.

Later on, the Phoenicians were placed under Assyrian and Persian authority. Later still, they themselves assimilated Greek culture. Yet, their impact upon the antique civilization remained significant. For instance, the main concepts of the stoics are of Phoenician origin. The first and only attempt ever to establish an all-national institute of representational democracy, similar to a parliament, was made in Phoenicia. They also made a valuable influence upon the forming of Christianity. To sum up, it was Phoenicians who lay the foundation of the subsequent western religion.

The new level of cultural development was achieved due to the absorption and creative processing of the Bronze Age civilizations' cultural achievements (Canaan, Ugaret, the Aegean Sea, Babylon and especially Ancient Egypt belong here). There are all reasons to believe that Phoenician philosophical tradition of Secret Books is directly linked to the ancient Egyptian free-thinking, which resulted in Ikhnaton's religious reform. The hypothesis of monotheists escaping from Egypt to Phoenicia sheds light upon everything we know about non-Jewish biblical monotheistic theory.

The above conclusions can be made based on the known historical sources provided that unscientific hyper-criticism is abandoned. The present paper is based upon the following two interrelated principles: a presumption of trust in what regards historical sources and the principle of choosing a valid historical interpretation of an event based on the fullness of the content of the source.

The discovery of America by the Phoenicians.

There is direct written evidence to prove that Phoenicians discovered America. In particular, a story by Diodorus of Sicily is known, which tells us about that. Plato, Aristotle, Strabonus, Apuleus, Seneca, Plutarch, Elian were all aware of America. Phoenician culture merged with the whole antique civilization, and the Phoenicians' voyages to the New World were made as late as in the Roman epoch.

We have direct archaeological evidence of those voyages. In particular, genuine Phoenician inscriptions and artifacts of Phoenician origin were found in America. Among them there are Roman and Carthaginian coins, as well as stone statues and stellae with images of Phoenicians and Africans carved on them. There also exist some botanic evidence of the ancient contacts in question. For example, the Maya are known to have cultivated cotton growths which had in fact been crossed with Egyptian ones. Lentils were discovered in Greece, Palma Christi was found in Mexico and manioc - in Tropical Africa. On the other hand, some Pompeian frescoes depict typically American plants, such as sweetsop and pine-apple.

Phoenicians discovered most of South and North Americas' coastline. The rivers took them far inland. Throughout several centuries they maintained trade with Native Americans. Later on, though, America was "undiscovered" again, the reason being that Carthaginian and Roman authorities took no interest in colonizing the continent.

The Phoenicians considerably contributed to Native Americans', in particular, Mexican, culture. For instance, Mexican feathered snake Quetzalcoatl is of obviously Phoenician origin. The legends directly mention that the Snake "retired to its motherland, the land of red and black", as Egypt and Phoenicia used to be called

in ancient times. Presumably, some other Meso-American mythologemes are of Phoenician origin as well. In particular, here belongs the myth of how the Earth was created out of water by God-Light.

Evidently, through Theopompus of Chios, Elian kept the Phoenicians' findings about the ancient Native American civilizations for the coming generations.

The main argument to prove that the discovery of America should be attributed to the Phoenicians is the fact that a Phoenician sailors' site was found there. It is also necessary to make a full chemical analysis of every iron and bronze item found in ancient Native American tombs. Yet, first and foremost, the deeply-rooted hyper-critical isolationist approach to the pre-Columbian epoch should be abandoned.

Contents.

Phoenician philosophy.

1. Introduction.

- 1.1. What the term “Phoenician philosophy” means.
- 1.2. General argumentation and sources.
- 1.3. The current state of the problem.
- 1.4. The methodology and the structure of the present paper.

2. Phoenicia as the world’s first contemporary society.

- 2.1. Early capitalist societies.
- 2.2. Ancient Athens as a contemporary society.
- 2.3. Contemporary features of Phoenicia.
- 2.4. Phoenician culture.
- 2.5. In the discovery of America by the Phoenicians.

3. The Bible as Phoenicians’ work.

- 3.1. Ethnic identity of Jews and Phoenicians.
- 3.2. Phoenician roots of the Biblical prophets movement.
- 3.3. The Ecclesiast and the Parable as political propaganda.
- 3.4. The Ecclesiast as a philosophical text.
- 3.5. Job and Coreus’ sons.

4. Early Greek philosophy as a translation of Phoenician texts.

- 4.1. The Phoenicians’ influence upon archaic Greek culture.
- 4.2. Pherecides and Pythagoras as Phoenicians’ disciples.
- 4.3. Phoenician roots of Greek philosophy and science as a whole.
- 4.4 Astronomy, “The Great Year” and “Heavenly bodies” .

5. Phoenician philosophy.

- 5.1. Phoenician philosophy as a historical phenomenon.

- 5.2. Sanhuniathon, the Phoenician thinker of genius.
- 5.3. Character-and-numerical atomism and the belief in reincarnation.
- 5.4. Stoics' doctrine and Phoenician philosophical theology.
- 5.5. On the Phoenicians' spiritual influence upon Mexican Indians.
- 5.6. On the origin of Satan.

6. Phoenician culture: its fortune and significance.

- 6.1. What became of Phoenician civilization.
- 6.2. The Phoenicians and Christianity.
- 6.3. Egypt, the cradle of wisdom.
- 6.4. General considerations on the roots of Phoenician philosophy and theology.
- 6.5. Conclusion: Phoenicia is the birthplace of wisdom of the West.

Sources.

Summary.

The discovery of America by the Phoenicians.

- 1. Ancient sources on the discovery of America by the Phoenicians.
- 2. Archeological and botanical data on Phoenicians' connections with America.
- 3. The legend of Quetzalcoatl as a historical source.
- 4. What did antique scholars know about Native Americans?
- 5. Conclusions.

Sources.

Наукове видання

Фінікійська філософія і Біблія

Відкриття фінікійцями Америки

Автор: Рассоха Ігор Миколайович

Редактор О. Л. Рябченко

Технічний редактор М. З. Аляб'єв

План 2009 р., поз. 6 МН

Підп. до друку 12.05.2009

Формат 60x84 1/16.

Друк на різнографі.

Тираж 350 прим.

Обл.– вид.арк. 25

Папір.офісний

Замовл. №

61002, Харків, ХНАМГ, вул. Революції, 12

Сектор оперативної поліграфії ЦНІТ ХНАМГ

Проект содержания передней обложки

«Финикийская философия»: внизу – многоэтажные дома древнего типа на юге Йемена и пластинка «Лев загрызает эфиопа». Выше – море с финикийской галерой. Она плывет к далекому зеленому горизонту (можно с пальмами), освещенному солнцем. Только на фоне солнца или в виде солнца – ацтекский «календарь» («пять эр») из Мехико.

[На заднюю обложку]

Об авторе: Рассоха Игорь Николаевич родился в 1965 г. в Харькове. В 1989 г. окончил исторический факультет Харьковского государственного университета. В 2000 г. защитил кандидатскую диссертацию по специальности "социальная философия и философия истории". Автор нескольких научно-популярных книг, научных публикаций и ряда публикаций в прессе. Доцент Харьковской национальной академии городского хозяйства. В 2005 году назначен советником губернатора Харьковской области по гуманитарным вопросам.